

БАЛТО-
СЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛТО-
СЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1974

Как и "Балто-славянский сборник" (М., 1972), настоящая книга содержит исследования, посвященные балтийскому и славянскому языкознанию, и главным образом – вопросам балто-славянских языковых отношений с древнейшей поры до наших дней. Значительное место в сборнике уделено конкретному анализу контактов балтийских и славянских диалектов, а также индоевропейской тематике, акцентологии, этимологии, лексикологии.

В сборник включены также публикации материалов, относящихся к истории славистики и литуанистики.

Ответственный редактор
Т.М. Судник

Б 70101-184 305-74
042(02)-74

© Издательство "Наука", 1974 г.

В.Н. Т о п о р о в

ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ
ОДНОМУ БАЛТИЙСКОМУ МИФОЛОГИЧЕСКОМУ ИМЕНИ

Балт. Puš(k)ait-: др.-инд. Pūśán, др.-греч. Πάυ

Прусское божество Puš(k)ait – как в том, что касается его природы, так и в том, что связано с его именем и индоевропейскими истоками, – продолжает оставаться наиболее загадочным элементом прусского пантеона. При исследовании последовательностей богов в списках недавно было установлено¹, что: 1) это имя появляется во второй половине списков, как правило, в самом конце; 2) обычно вслед за этим именем идут Barstukai и Markopole, которые замыкают списки и, строго говоря, являются не божествами, а духами, находящимися в распоряжении Puš(k)aits'a; 3) ближайший сосед Puš(k)aits'a в списках – Aušauts; иногда он и только он отделяет Puš(k)aits'a от Barstukai и Markopole; 4) вместе с Aušauts'ом, Pilvits'ом и Pergrub(r)ius'ом Puš(k)aits образует некий замкнутый уровень мифологической системы, противопоставленный как высшим богам (Perkuns, Trimps, Patols-Bardoits), так и царству духов. Семантически уровень, образуемый упомянутой четверкой богов, реализует последовательность ступеней перехода от природы к культуре и человеку. Puš(k)aits вместе с Pergrub(r)ius'ом противопоставлены Pilvits'у и Aušauts'у по признакам д и к и й – к у л ь т и в и р о в а н н ы й и п р и р о д а – ч е л о в е к; Puš(k)aits противопоставлен Pergrub(r)ius'у как л е с – п о л ю [a Pilvits – Aušauts'у как б о г а т с т в о (материальное) – з д о р о в ь ю, моральной норме]. Эти выводы служат исходным основанием для дальнейших размышлений, связанных с установлением происхождения Puš(k)aits'a.

Прежде всего необходимо привести тексты старых источников, в которых упоминается Puš(k)aits и сообщаются сведения о нем².

В "Der vnglaubigen Sudauen ihrer bockheiligung mit sambt andern Ceremonien, so sie tzu brauchen gepflegeth" (1547) Puš(k)aits характеризуется как божество земли, находящееся под священной

¹ См. статью автора "Заметки по балтийской мифологии" ("Балто-славянский сборник". М., 1972, стр. 289–314).

² Цитируется по тексту: W. M a n n h a r d t. Letto-Preußische Götterlehre. Riga, 1936 (далее – IPG).

б у з и н о й: П у с ч к а у т с³ der Erden Gott vnter dem heiligen holtz des Holunders⁴ (LPG, 246). Там же, в специальной главе, посвященной этому божеству ("Der erden Gott Puschkaytus" LPG, 251-252), содержатся ценные сведения о ритуале:

Dieser⁵ hat seine wörung In der erden vnter dem H o l l u n d e r b a u m. Das holz halten sie groswürdig und heilig. Da tragen sie b r o t vnd b i e r vnd andere Speise vnder den baum vnd bitten Inen, das er seinen M a r k o p o l a n erleuchten vnd seine F a r s t u c k e n (die kleinen menlin) In Ire Scheuren senden wolle, das sie Getreide darein bringen vnd was sie darein gebracht haben woll wollen verhueten.

Auf die nacht setzen sie In die scheuren einen tisch b i e r vnd b r o t, gesottenes und gebrotenes k e s e vnd p o t t e r darauff vnd ruffen sie zu gaste vnd schliessen die scheune feste zu. So sie darn am morgen finden verzerte speise, da freuen sie sich sehr vnd was speise am meisten vorzeret worden, so wie wiederumb heiligen, des thuen sie am meisten auff der tisch vnd glauben, das durch die götter Ir getreide gemehret wirdt.

Особенно характерно соседство Окопирма'a, небесного бога, и Пуš(k)aits'a - земного бога в тексте одной из следующих глав, где речь идет о ритуале обнаружения вора (LPG, 259-260).

Ist imands bestolen,

der sucht einen waidler, es sei weib oder mann. Das thun so woll die Deutschen als die Preussen vnd den waidler aber zauberer heist man auch einen S e g n o t e n vnd halten Inen In grossen ehren, auff das er nicht Imands aus seinem Krame etwas beibringe, das Ime möchte schaden an vich oder gesundheit. Diese S e g n o t e n sein gemeinlich lam arm blind vnd können Inen selbs nicht helfen. Wann man sie fraget, warumb sie Inen nicht selbset mögen helfen, ist ir antwort, Ir Gott wills also mit Inen haben. Item dieser S e g n o t ruft an des h i m m e l s Gott O c k o p i r m u m vnd den Gott der E r d e n P u s c h k a i t u s vnd vormanet sie, das dieser dieb nicht müsse über die grenitze kommen. Item er nimpt zwo schusseln vnd der bestolen Ist, leget zwene pfennige darein, einen vor den dieb vnd den andern vor sich. Der waidler macht ein Creutz + mit kreiden In die schussel. Auf welchen ort der diebspfennig stewart, des weges ist er ge-

³ Вариант AB: Puschayts.

⁴ Ср.: hollunders latine Sambucus C.

⁵ Scil. Puš(k)aits.

lauffen, es sei Suden Westen Norden oder Osten. Da spricht er dann, da must du Inen suchen. Vnd so mus der, so bestolen ist, bier lassen holen, das segnet er also. Er nimpt einen stul, setzet sich vnd nimpt ein schussel oder schalen, geust die voll biers vnd setzet sie auff die e r d e n, sihet gen h i m m e l, nebt seine hende auff vnd spricht: O du mechtiger Gott des h i m m e l s vnd des gestirnes, durch deine krafft vnd macht gebeut deinen knechten, auff das dir deine Ehre nicht entzogen werde, das dieser Dieb nicht möge Rast noch Ruhe haben, es sei dann, er komme wider vnd bringe was gestolen Ist. Das nennet er dann. So hebet er die schalen auff und sihet In das bier. Ist ein blasen auf dem biere, so ist sein gebet erhöret worden; ist aber kein zeichen, da seufft er die schalen aus vnd geust wider ein vnd thut alz vor, bittende den andern Gott des E r d r e i c h s. Das macht er so oft, bis Ime die Teuffelischen götter ein zeichen von der blasen auff dem bier geben. Darnach beschleust er mit dem heiligen Namen Jesus, vnd spricht: Im Namen des Vaters + vnd des Sonnes + vnd des heiligen geistes + (Sihe du böser wicht, wie setzest du den Son Gottes zu einem Knechte der Teuffel) ...

B "De Sacrificiis Et Idolatria Borvssorum, Liuonum, aliarumque vicinarum gentium" (1563) Яна Малецкого (Joannes Maelietius) сообщается (LPG, 294-295): ... In hoc sacrificio Sudini, Borussiae populi, apud quos succinum colligitur, c a p r o l i t a n t, sicut in eligia tua ad Bembum scribis. L i t a n u i u e r o r i t u s est talis. Congregato populi coetu in horreo, adducitur c a p e r, quem Vurschaytes, illorum sacrificulus, mactaturus imponit uictimae utramque manum inuocatque ordine daemones, quos ipsi Deos esse credunt, uidelicet: Occopirnum, deum c o e l i e t t e r r a e ... P u t s c a e t u m, deum qui s a c r o s l u c o s t u e t u r; Auscautum, deum incolumitatis et aegritudinis; M a r c o p o l l u m, deum m a g n a t u m e t n o b i l i u m; B a r s t u c c a s, quos Germani E r d m e n l e n, hoc est, s u b t e r r a n e o s u o c a n t. His daemonibus inuocatis, quotquot adsunt in horreo, omnes simul e x t o l l u n t c a p r u m, s u b l i m e m q u e tenent donec canatur hymnus. Quo finito, rursus demittunt ac sistunt c a p r u m i n t e r r a m... Hac conciuicula ad populum habita, ipse mactat uictimam, sanguinemque patina exceptum dispergit. Carnem uero tradit mulieribus eodem in horreo coquendam. Hae interea, dum caro coquitur, parant e farina s i l i g i n e a p l a c e n t a s, quas non imponunt in furnum, sed uiri focum circumstantes, hinc illinc per ignem iaciunt absque cessatione, tamdiu quoad illae indurescant, et coquuntur. His peractis, epulantur atque helluantur tota die

ac nocte usque ad uomitum, Ebrij deinde summo mane extra uillam progrediuntur, ubi reliquias epularum, quae remanserunt, certo in loco terra operiunt, ne uel a uolatilibus, uel a feris diripiantur. Postea dimisso coetu suam quisque domum repetit. Caeterum ex omnibus Sarmatiae gentibus supra nominatis multi adhuc singulari ueneratione colunt *P u t s c a e t u m*, qui *s a c r i s a r b o r i b u s* et *l u c i s* praeest. *I s s u b a r b o r e S a m b u c o d o m i c i l i u m h a b e r e* creditur. Huic passim homines superstitiosi litant pane, cereuissia, alijsque cibis *s u b a r b o r e S a m b u c o* positis, praecantes a *P u t s c a e t o*, ut placatum efficiat *M a r s o p o l u m*, deum *m a g n a t u m* et *n o b i l i u m*, ne grauiore seruitute a dominis ipsi premantur; utque sibi mittantur *B a r s t u c a e*, qui (ut supra dictum est) *s u b t e r r a n e i* uocantur. His enim daemonibus in domo uersantibus se fieri credunt fortunatiores, eisque collocant uesperis in horreo super mensam, mappa stratam, panes, caseos, butyrum et cereuisiam; nec dubitant de fortunarum accessione, si mane reperiant cibos illic absumptos. Et si quando intactus cibus in mensa remanet, tunc magna anguntur cura, nihil non aduersu metuentes.

В изданном в 1582 г. в Кенигсберге фундаментальном труде М.Стрыйковского "Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi..." есть специальный раздел о языческих ритуалах русских, поляков, жемайтов, литовцев, латышей и пруссов (гл. IV, 144-163), представляющий собой компиляцию ряда предыдущих источников (см. 330-332). Поскольку, однако, сам Стрыйковский застал еще живые формы языческих культов у балтийских народов⁶, его показания также имеют определенный вес. Интересно, что в "Хронике" наряду с верховным богом *Prokorimos'om* (*Okorirms*) и богом земли *Ziemienik'om*, для которого держали змей, откармливаемых молоком, и приносили в жертву черных кур, упоминается и *P u s c h a i t i s*, бог земли, живущий в бузине. Сообщается, что ему чаще всего приносят жертвы и к нему обращаются с молитвой под деревом бузины, которое тем самым становится самым святым из деревьев. Под него кладут обычно хлеб и пиво и т.п. (со ссылкой на уппсальского архиепископа Олафа Магнуса). Еще интереснее те факты, которые Стрыйковский "видел собственными глазами" в Курляндии, Лифляндии и Самландии и в некоторых местах на морском побережье (Жемайтия, окрестности Инстербурга и др.). Польский хронист сообщает о вер-

местного населения в черта Пушайта, живущего в бузине, о дважды в год устраиваемом в его честь празднике и о деталях соответствующего ритуала: установление стола в риге, положение четырех хлебов, вареного и жареного мяса, сыра и масла, запираание риги и т.п. Далее Стрыйковский сообщает, что в ряде мест Пруссии жители продолжают считать бузину священным деревом, с которым связаны чудесные подземные люди (*krasni ludzie*) ростом с *л о к о т ь*⁷. Ночью, при луне, эти последние часто показываются, особенно больным. Главный из двух праздников приурочен к началу октября, когда уже собран весь урожай. Описание этого праздника, связываемого Стрыйковским с *Ziemienik'om* и весьма напоминающего праздник в честь *Pergrub(r)ius'a* в то же время года, дано дважды - в "Хронике" и в "Sarmatia Europaea" с приведением, в частности, ценных обращений к божеству во время праздника (IPG, 334).

*Agrestis turba in Samogitia sacrificium quoddam solennesque epulas gentili more sub finem mensis Octobris collectis frugibus quotannis celebrant hoc modo. Ad locum convivio aepulisque sacris delectum omnes cum uxoribus liberis et seruis conveniunt mensam feno supersternunt, desuper panes apponunt et ex utraque panis parte duo cervisiae vasa statuunt. Postea adducunt vitulum, porcum et porcama, gallum et gallinam, et caetera domestica jumenta, ex ordine mares et femellas. Haec mactant gentili more ad sacrificandum hoc modo. In primus augur sive incantator quispiam verba quaedam proferens animal verberare baculo orditur, deinde omnes qui adsunt jumentum per caput pedesque baculis verberant, postea tergum, ventrem et caetera membra concutiunt, dicentes: Haec tibi o *Ziemienik deus* (sic enim illum daemonem *agrestis turba* appellat) offerimus gratiasque tibi agimus, quod nos hoc anno incolumes et omnibus abundantes conservare dignatus es; nunc vero te rogamus, ut nos quoque hoc anno presenti fevere, tueri ab igne, ferro, peste et inimicis quibuslibet defendere digneris. Postea cornes jumentorum ad sacrificium mactatorum comedunt et ab unoquoque ferculo, antequam comedant, portunculam amputant et in terram omnesque angulos domus projiciunt, dicentes; "Haec tibi o *Ziemienik nostra holocausta suscipe et comede benignus*". Omnesque tunc temporis lautissime solenniter et opipare aepulantur. Hic vero ritus gentilis et in Lituania Russiaque ab *agrestibus* quibusdam in locis observatur⁸.*

⁷ Ср. мужичок с ноготок, борода с локоток в связи с подземным царством в русских сказках.

⁸ См. *A. G u a g n i n i. Sarmatiae Europaeae descriptio ... 1581, стр. 60 ff. Ср. сходное место (со ссылкой на Guagnini)*

⁶ Ср. в связи с разделом "Litewscy i Zmodzcy Bogowie ci byli osobliwi" заметку на полях: *To u dziś w Zmodzi zachowują.*

Стрийковскому, как, впрочем, и Харткноху, Малецкому, Ласицкому, следовали и другие более поздние авторы, вплоть до середины XIX в. Некоторые из них, как С.Станевич, исходя из данных Стрийковского, предлагали новые решения вопроса⁹.

В сочинении Яна Ласицкого "Die diis Samagitarum caeterorumque Sarmatorum et falsorum Christianorum" (1615) также содержатся упоминания о P u š (k) a i t s ' e (LPG, 362), в основном совпадающие со свидетельствами Малецкого: In hoc sacrificio Sudi ni, Borussiae populi, apud quos succinum colligitur, caprum li tant ... P u t s c e t u m s a s t r o r u m l u c o r u m t u t o r e m ... Caeterum ex omnibus Sarmatiae gentibus, Borussia, Livonibus, Samagitis, Russis, multi adhuc singulari veneratione colunt p u t s c e t u m, qui s a c r i s a r b o r i b u s et l u c i s p r a e e s t. I s s u b s a m b u c o d o m i c i l i u m h a b e r e c r e d i t u r ... и т.п.

Поздние источники почти ничего не прибавляют к уже известным сведениям. Скорее, они затемняют более или менее достоверное ядро ошибками, связанными с техникой компиляции, переадресовками, неразличением отдельных балтийских традиций и т.д. Так, А.В.Нупел в "Topographische Nachrichten von Lief- und Estland" (Bd. 1-2. Riga, 1774-1782) сообщает имена "der lettischen Untergottheiten" (LPG, 509-510):

Mahjaskungs und Zeemneeks oder Zeemniks. sollen eine Art von Hausgötzen gewesen seyn; der letzte besonders über das Vasel und Vieh, daher sie ihm im Herbst von beyden sollen Opfer gebracht haben ... Mehra-Deews oder Mejscha-Deews, der Gott der Unthiere, sonderlich der Wölfe; P u š c h k e j s der Waldgott ...

М.Преториус в "Deliciae Prussicae oder Preussische Schaubühne" (1703) также немногословен в отношении P u s (k) a i t s ' a (LPG, 531-532):

у Яна Ласицкого с несколько иными вариантами возгласений: - Haec tibi o Zemiennik deus gratias agentes offerimus, quod nos hoc anno incolumes conservaris, et omnia nobis abunde dederis, idem ut et in posterum facias, te oramus ... Accipe o Zemiennik grato animo sacrificium, atque lactus comede (LPG, 358).

Ср.: ... Zatem wyrazy P u s k a i t u s i P u s c h k a i t u s o b a p r z y j ą c n a l e ż y. Miejsce zaś obudwóch jeden wyraz P u s c o e t u s p o d ł u g o r t o g r a f i i ł a c i ń s k i e j p i s a n y z a s t ą p i ć m o ż e. Rzecz jest podobniejsza do prawdy że to jest bożek sła-wiański; mógł się zatem nazywać P u s z c z e t, albo po mazursku P u s c e t (СМ.: S. S t a n e w i c z. Mythologia prusko-litewska p o d ł u g H a r t k n o c h a. - В кн.: S. S t a n e w i - Ć i u s. Raštai. Vilnius, 1967, стр. 264 и др.

Zu den Himmels-Göttern gehören Occopirnus, Layme, Perkunas. Unter den E r d - G ö t t e r n sind Zemepattys Zemyne oder auch Zemele, Zemeluksztis, P u š s z a i t i s ... Viehgötter Wurfz-kaitis, Iſzwambzatis ... W a l d g ö t t e r Girstis, Bezdukkei, Jwullis ... Glücksgötter als Kaukuczei, B a r d z u k k a i, M a r k o p e t e ...

Несколько ниже (LPG, 542-543), где речь идет о Barsdukkas¹⁰, сообщается, что "Diese Erdleute haben dem P u s c a i t o dienen müssen". В связи с темой P u š (k) a i t s ' a интерес вызы-вают и другие места - о "Barštukkis oder Markopotis", Zemelukkas, Zemepattis, Zemyne (LPG, 544) и особенно о б у з и н е (LPG, 526):

Außerdem haben die alten Preußen noch andere Bäume, insonderheit der H o l l u n d e r heilig gehalten, unter welchem sonderliche E r d g ö t t e r, die sie B e z d u k k a i nennen, von welchem Wort andere B a z d u k k a i machen, wohnen sollen. Gewiss ist, dass der H o l l u n d e r Baum von unterschiedlichen Nadrawen noch geschonet und gefürchtet wird, weil die B e z d u k k a i, die unter solchem wohnen, sollen den Menschen schädlich fallen. Ich halte davor, dass hie der Teuffel manche Illusio-nes den einfeltigen Leuten gemacht, doch dass er sich der Natur bedienet, denn aus Erfahrung hat mans, dass unter einem H o l l u n d e r b a u m zumahlen im Vorjahr und wenn er blühet, nicht gesund sey lang zu bleiben, oder zu s c h l a f f e n. In der Stadt Memel war ein Weibchen, so denn und wenn im M i t t a g e unter den H o l l u n d e r b a u m zu s c h l a f f e n p f l a g, selbige ward endlich davon sinnlofs, dero Cur der Sehl ... denn B e z d a s heist auff Preußisch auch in Nadrawen und Za-

¹⁰ Ср.: Was sonst das Wort B a r s d u k k a s betrifft, so mit den B e s d u k k i s von den Historicis confundiret wird, ist zu merken, dass die B e z d u k k a i oder B a r s e d u k k a i sein sollen die kleinen und ihrer Meynung nach vergötterte E r d l e u t e. Denn noch der einfeltige Nadrawer davor hält, dass die u n t e r d e r E r d e n u n t e r m H o l l u n d e r sich noch finden lassen. Dieselben beschreiben sie, dass sie gar kleyne Männlein seyn, denen der B a r t an die K n i e gehen solle, die gantze Persohn soll etwa eines Fingers l a n g seyn ... Diese kleine Erdleute mögen auch wohl einige wegen ihres l a n g e n B a r t e s Barsdukkas genennt haben. Denn b a r z d a heisst ein B a r t und der einen grossen B a r t hat nennen die Nadra- wer auch noch B a r s d u k k a s.

lavonien ein Hollunder, Bezdukkai feynd, die so sich bey dem Hollunder auffhalten, oder bey ihnen seyn, sie handhaben etc. Последние отзвуки Puš(k)ait's'a обнаруживаются в мифологических трудах Ланге и Стендера (LPG, 618-619) в 70-80-х годах XVIII в., ср. Puschkeitis, Putschkeitis, Putscetus (Ласицкий); Pušchkeitis der Gott der grünen Hayne (von pušchkis, dim. pušchkitis ein grüner Strauss, St.; L.: 2 S. 243 der lett. Sylvanus, der Haynen Gott puskeitis Pušchkej's. Ср. еще: Putšchkeitis = "der Gott der Mitte und des Geflügels, der schnell wie ein Vogel schiesst" "so viel als putns-schautis Vogelschnele" St.

Собственно говоря, этими сведениями и исчерпывается все, что известно о Puš(k)ait's'e. Лингвисты и специалисты в области балтийской мифологии почти ничего не прибавили к указанным выше описаниям¹¹. Поэтому исследователю, пытающемуся решить загадку этого прусского божества, кроме приведенных выше данных (также требующих дополнительного критического анализа), приходится вовлечь в сферу своих интересов сходные образы индоевропейской мифологии и то, что известно из круга общих типологических аналогий, касающихся структуры мифологических систем и их отдельных элементов. И, конечно, лингвистические данные. В известной мере справедливо утверждать, что при отсутствии других оснований с них естественнее всего начинать поиск, а при обилии внелингвистических данных языковыми критериями надежнее всего проверять результаты реконструкции в области мифологии.

Пытаясь найти в приведенных выше описаниях семантические основания для обозначения прусского божества основой Puš(k)-ait-, нельзя сразу же не обратить внимания на связь этого божества с лесом, деревьями (...sacris arboribus et lucis praest; ...sacros lucos tuetur; der Waldgott) и прежде всего с бузиной (Is sub arbore Sambuco domicilium habere creditur; ... Gott unter den heiligen Holz des Hollunders ...). Из некоторых описаний можно даже сделать предположение, что пруссы могли само дерево бузины называть словом этого же корня - непосредственно или в качестве эпитета, подобно тому, как Преториус соотносил название живущих под бузиной и управляемых Puš(k)ait's'ом Bezdukkai со славянским словом для бузины (см. польск. bez и под.).

¹¹ Ср., однако, реконструкцию Бути: Pūsk-ait(a)s или *Pūskaitis, в которой особенно существенна долгота первого ударного гласного. См.: К. В. Ыг а. Rinkiniai raštai. III tomas. Vilnius, 1961, стр. 133.

В мифологических представлениях многих традиций бузина играет, как известно, выдающуюся роль, причем в ней обычно подчеркиваются ассоциации с комплексом плодородия и подземным царством, в частности, с его конкретными представителями. Данные о почитании бузины как священного дерева у пруссов (наряду с дубом) и о соответствующих ритуалах были приведены выше. Поэтому сам факт связи божества с бузиной не является неожиданным или исключительным. Точно так же не приходится удивляться и той исключительной роли в символике фольклорных текстов, которую играет ближайший ботанический родственник бузины калина (Viburnum opulus), ср. лит. pūtinās (лтш. irbenājs), название которой этимологически соотносено с глаголом pūsti (pūsta, pūsto) 'вздуться', 'пухнуть', 'вспухать' (ср. нем. Schneeball 'калина', т.е. 'снежный ком')¹².

Учитывая сказанное и соотнося его с фенологически важной prognostической ролью бузины (в частности, в Прибалтике), цветение которой приходится на конец мая - начало июня (переход от весны к лету), и с фитологическими особенностями этого растения ("соцветие в виде метелки с пушистыми веточками" - обычно клише из ботанических описаний Sambucus nigra¹³; ср. Sambucus racemosa, т.е. 'кистевидная' и т.п.), - оказывается, что наиболее правдоподобно сопоставление названия прусского божества, живущего в бузине, Puš(k)ait's'a со словами, обозначающими 'урашение', 'убирание (покрытие) цветами' в балтийских языках; ср. лтш. puškuôt, puškuôt 'schmücken' (eigentlich: mit Blumen zieren), puškuošana 'das Schmücken', puškis, pušks 'ein Blumenstrauß', 'ein Büschel überhaupt', 'eine Troddel?;

¹² Не исключено, что слав. kalina родственно германским названиям бузины, ср. др.-в.-нем. holuntar, holantar, нем. Holunder, Holder из герм. *holana- с суффиксом -dra нередко именно у названий деревьев (ср.: Flieder, Heister, Ruster, Wacholder и под.); к первой части ср. датск. hyld, шведск. hyll (из *hylvn). Интересны диалектные формы типа тюрингск. Hülungr, Hül-landr, нем.-семиград. Hontr (из *Holntr), указывающие на начальное ударение. См.: F. K l u g e. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 17. Auflage bearb. von A. Götze. Berlin, 1957, стр. 314. Впрочем, именно такие связи слав. kalina оспариваются в последнее время рядом ученых; ср.: М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 168.

¹³ М. И. Н е й ш т а д т. Определитель растений. М., 1963, стр. 517 и др.

der Schmuck überhaupt' (ME XXVII, Hf. 1927, стр. 438), pusks, puscipš 'das Büschel', 'die Troddel' (ME, стр. 428-429), puškainis 'ein Blumenkranz' (ME, стр. 437) и др.; лит. puškioti 'покрываться прыщами' ('зацвести'); puškas, puškas, puškulas, puškulys 'оспина', 'прыщ', 'угорь', puškanos 'сыпь', 'прыщи' и т.п. Литовские факты ценны в двух отношениях – в формальном (ср. вокализм корня u : ū : au, pauškulė¹⁴ puškas, puškas и исход его -šk- и -š-, ср. pušė 'оспина': puškas и под.) и семантическом (сохранение более специфического и, вероятно, архаичного круга значений, чем в латышском 'украшать', что позволяет реконструировать исходный пункт развития – 'вздутие', 'припухлость', 'пухлина' и т.п.). Именно семантические особенности литовских слов этого корня позволяют установить надежную двустороннюю связь между славянскими и индийскими (как и некоторыми иными) фактами. Ср., с одной стороны, слав. рух- (из *rous : *rūs-)¹⁵, отразившееся в русск. пухнуть, польск. puchnąć, чешск. puchnouti, словц. puchnúť и т.п. со значением 'пухнуть', 'набухать', 'надуваться', 'увеличиваться' и в ст.-слав. пухати, с.-хорв. пухати, словенск. púhati, польск. puchać, в.-луж. puchać, н.-луж. puchać и т.д. со значением 'дуть' (ср. еще болг. пуша 'курю' и под.), что вводит все эти примеры в один ряд с др.-греч. φύσσω 'фыркаю', φύσα 'кузнечный мех', 'пузырь', лат. pustula 'пузырек', арм. բուկ 'дыхание', 'дуновение', норв. fūsa 'надуваться', др.-инд. purpūsa- 'легкое', purpūla- 'вздутие', purpūta 'опухоль нёба' и под. С другой стороны, следует иметь в виду тот ряд случаев, который определяется значением 'цвести' ('цветение', 'цветок' и под.) и лучше всего представлен древнеиндийскими фактами: pūsyati 'цветет', 'кормит', 'усиливает'; pūṣya- 'цветение', 'цветок'; pūṣya, род растения (засвидетельствовано в AV); puṣti-, pūṣti, pūṣa- 'цветение', 'увеличение'; pūṣra- 'цветок'; pūṣkara- 'цветок голубого лотоса'; возможно puṣkala- 'обильный', 'сильный' и т.д.¹⁶

¹⁴ Ср. еще лит. pauškėti, 'пузыриться, вздуваться'.

¹⁵ Ср. дублетные формы *рух- : *рух-, польск. puchać и под. См.: F.S. Ławski. Oboczność ą : u w językach słowiańskich. "Slavia Occidentalis", t. 18, 1947, стр. 266.

¹⁶ Ср. Маургофер. KEWai. Lief. 12, 1958, стр. 316-318. – Об индоиранских продолжениях и параллелях к др.-инд. pūṣra- и pūṣya- см.: R.L. Turner. Indo-aria I. – BSOAS IX, pt. 1, 1937, стр. 41-42. Ср.: Он же. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages, s. v. pūsyati, pūṣra и отчасти: B. Forsman. Aраоѡа, der Gegner des Tištriia. – KZ, Bd. 82, Hf. 1, 1968, стр. 45 и след.

Для правильного понимания соотношения существующих близких или даже тождественных форм рассматриваемого корня в балтийских языках многое может дать анализ славянских слов, связанных с корнем *рух- (*rūs- : *rous- > *рух-, см. выше). Хорошо сохранившийся набор значений ('дуть', 'надуваться', 'отдуваться', 'гордиться', 'украшать', 'наряжать' и под.) и возможность установления правдоподобных мотивировок переходов от одного значения к другим позволяют существенно уточнить круг слов в балтийских языках, входящих в ту же семью, что и разобранные выше примеры. Славянские примеры – такие, как русск. пухать, пухтеть, болг. пухам, словенск. púhati, чешск. púchati, н.-луж. puchaś (ср. в.-луж. puchnyć) и производные от этого глагола *рушъ 'гордый' (первоначально 'надменный', 'надутый'), особенно типа н.-луж. rušeńe, rušeńka, rušńańka, rušńeńe, rušńosć, rušńidžo, rušny, в.-луж. rušnosć, rušny¹⁷ (ср. н.-луж. rušniś 'убирать', 'украшать', 'наряжать', в.-луж. rušić 'украшать' и под.) с идеей украшения, наряжания, у б и р а н и я, – вполне проясняют этапы формирования лтш. puškiot и под. Вместе с тем закрепление значений 'тяжело дышать', 'задыхаться', 'пухтеть' в словах с корнем *рух- (русск. пухтеть, укр. пухати, пухкати, болг. пухам, н.-луж. puchaś и др.) заставляет и для балтийских языков установить связь между словами, родственными лтш. puškiot, лит. puškas и под. и такими словами, как лит. puškioti 'тяжело дышать', 'пухтеть', но и 'ехать', 'брести' (по грязи, снегу), 'плыть' (с идеей затрудненного движения, иногда сопровождаемого характерными звуками, ср. лит. puškėnti 'плескаться'; 'ехать', 'брести', 'плыть', puškintis 'плескаться', puškintis, то же puškėti 'стонать'¹⁸ и т.п.); в свою очередь эти же примеры убедительно демонстрируют связь лит. puškėti, puškioti с puṣti 'вздуваться', 'вспухать' и puṣti 'дуть', 'надувать' и т.д. Наличие инфикса -n- в презенсе (puṣti : puṣta) заставляет, конечно, вспомнить о слав. *рух- : *рух- (*rus- : *rups-) и – более отдаленно – о др.-инд. pūṣ- : pūṣya- и puṣā-.

¹⁷ См.: Е.М. Ук а. Słownik dolnosербскеje rečy. II. Petrohrad-Práha, 1926, стр. 285-286; Chr. Tr. P f u h l. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Bautzen, 1968, стр. 577 и др. Ср. также в.-луж. puch, pucha 'надутость', 'гордость' и 'убор', 'наряд', puchota 'надутость', 'гордость' и 'роскошь', 'убор', 'наряд' и под.

¹⁸ Ср. при puškėti-puškėti 'стонать', 'ныть', puškėti 'плескаться'; 'плыть', 'брести' (по воде); puškėti 'покрываться сыпью (пузырьками)', puškėti 'пухтеть', 'тяжело дышать' и т.д.

Лит. *pūsti*, *pūsti*, лтш. *pūst* также имплицитно ряд употреблений, свойственных мифопоэтической сфере. Ср., например, лтш. *uguni pūst* 'раздуть огонь'¹⁹, *pust tauri* (*taurē*), *ragu* (*ragā*) и т.д. 'дуть в трубу, в рог'²⁰; *pūst* 'колдовать', 'ворожить', ср. *ja tas burt nemācēja, sāli /sālī/ pūst gan mācēja* BW, 20254; *pūšāmie vārdi*, заговорная формула (ME, стр. 451); *pūšjāt* 'mit Beblasen, Anhauchen Zauberei treiben'²¹, *pūšjuošanas vārdi*; *pūšļa*, *pūšļa* 'der mit Blasen Hokuspokus Treibende, Besprecher, Quacksalber', *pūšļaki* 'Zauberstücker ...'²² — и т.п. Не исключено, что в конечном счете к тому же источнику, что и *pūst* 'колдовать', восходит русск. диал. *пұхтарь* 'знахарь, заговаривающий болезни', *пұхтарка*, *пұхтарить* 'заговаривать, лечить' (вятск.), ср. *пұхтаты*, *пұхтосить* с тем же значением (но и 'тяжело дышать'), может быть, *пұхтерь* 'причуды' (калужск.)²³ и др.

В связи с высказанным выше предположением, что прусск. *Puš(k)aits* могло быть обозначением бузины или ее определением, следует обратить внимание на лтш. *plūškoks* 'бузина', *plūšu koks*, то же²⁴; ср. к первому члену *plūškis* 'лохмач', 'космач', *plūšķains* (о собаке), *plūška* 'лоскутья', 'лохмотья', *plūškāt* и т.д., ко второму — *koks* 'дерево'. Таким образом, речь идет

¹⁹ Ср.: *sit uguni, pūt uguni, nava labi istabā* BW, 13533, ср. пословицу: *Kas uguni puš, tam dzirksteles acīs skrien*. Ср. лит. *pūsti ugnį*.

²⁰ Ср. лит. *pūsti dūdēlę* и под.

²¹ Ср. лтш. *es iemetu asu dadzi sava guovju laidarā, lai raganas nuodurās ... telēniņus pūšjuodamas* BW, 32472.

²² Лтш. *pūšlis* в сочетании *vīra pūšlis* 'маленький человек' возвращает нас к образу *Varstukai* (die kleinen menlin), помощников *Puš(k)aits'a*.

²³ Лит. *pušinėti* 'играть в жмурки' сюда не относится (оно связано с *pušinė* 'метла из сосновых веток', *pušis* 'сосна' и т.п.), несмотря на отчетливые мифологические ассоциации синонима этого слова *lauminėti*, ср. *laūmė* 'ведьма', *laūmės šluota*, *laūmšluotė* 'омела' (т.е. 'метла ведьмы'), *laūmės juosta* 'радуга' (т.е. 'пояс ведьмы'), *laūmės piřštas* 'громовая стрела', 'белемнит' (т.е. 'палец ведьмы'), *laūmžirgis* 'стрекоза' (т.е. 'конь ведьмы') и т.д.; ср. *laūminti* 'неуклюже идти', 'тащиться': *laūmė* при *pūškioti* 'брести' и т.д.: *Puš(k)-ait-*.

²⁴ Одно из значений — 'Zwerghollunder' (*Sambucus ebulus*); само же нем. *Zwerg-hollunder* соотносимо по своей внутренней форме с прусскими представлениями о гномах *Varstukai*, живущих под бузиной.

о близкой в звуковом и семантическом отношении паре *pūš(k)- : plūš-*²⁵. Интересно, что сходная внутренняя форма слова, обозначающего бузину, широко представлена в самых разных языках.

В заключение лингвистических рассуждений существенно напомнить русскую фразеологию, связанную с весенним цветением растений и, в частности, бузины. Ср.: *опушаться, пышно цвести, распушиться* (о цветах, ср. *распушаться : распускаться*), *пушиться* и т.д. (ср.: Черные кусты смородины опушают себя беловатым пухом распускаящих себя сморщенных листочков. С.Аксаков; Над- речные вербы распушили свои ... почки; С конца мая на- чинает пушиться бузина и т.д.). Интересно, что подобное употребление глаголов с корнем *пуш-* относится к растениям²⁶, животным и человеку (юноше) в определенный период их развития. Есть основания предполагать, что в этом значении глагол *пушиться* был некогда техническим понятием, которое предшествовало развитию ряда других, как правило, более метафорических понятий. При этом — в связи с рассматриваемой здесь темой — уместно помнить еще о двух сферах употребления слов с этим корнем — эротическая фразеология (*запыхать, запыхать* 'распалиться внезапно страстью' Даль I⁴, стр. 1561; ср. *пышет страстью; запушить — запухнуть*²⁷, *пышка* в выражении *пышка да плешка*, также *пышка = плёха* и под.) и многочисленные названия растений — ср. *пушан* 'медвежье ухо', *Verbascum thapsus*, где *Verbascum* из **barbascum*, от *bārba* 'борода', растение, опущенное²⁸ густыми кистями желтых цветов; *пушан* 'куч-трава', *Botrychium lunaria* от *Botrychion* 'гроздь', 'кисть'²⁹, растение, спорангии которого собраны в виде развет-

²⁵ Другое название бузины (лтш. *pliēderis*) заимствовано из ср.-н.-нем. *vleder*, ср. нем. *Flieder*; литовское название бузины *šėivāmedis* — при *šėivā* 'початок', 'цевка' и *mėdis* 'дерево'.

²⁶ Ср. также *опушка* (в связи с лесом).

²⁷ Ср. у Пушкина: *Стала пухнуть прекрасная Елена, | Стали бить: Елена бряхата*. Ср. также *задууть* в специальном значении (лит. *uzpūsti*, лтш. *uzpūst* и под.).

²⁸ Это слово также может рассматриваться и как технический термин ботанических описаний, ср.: *Стебель и листья более или менее опушены; стебель равномерно опушен; научное название рода Verbascum... по опущению и т.д.* (см.: М.И. Нейштадт. Указ. соч., стр.490).

²⁹ Ср. *βότρυος* 'гроздь', 'кисть винограда'; 'волнистая прядь', 'локон', 'ушная подвеска' (ср. *медвежье ухо*); *βοτρύχ-ώβης* 'кудрявый' и под.

вленной метелки; пушник 'одуванчик'³⁰, Taraxacum (Dens Leonis); пушица, Eriophorum; пушки 'богатинка', Erigeron acris; пушки 'котовник', Trifolium arvense; пушка 'дягиль' (Angelica) Archangelica; пухлина, род болотной травы; пухляк, пухлячок 'волчье лыко', Daphne Mezereum; пухлянка = пушник, пуховник 'колоска', 'дивосил белый' и др.; ср. также пушное жито, пушной хлеб, пушица (Даль III⁴, стр. 1427-1432) и т.д.³¹ В использовании этого корня в названиях растений славянские языки наиболее сходны с балтийскими и индоарийскими.

Уже на этом этапе исследования допустимо и оправдано сопоставление прусского божества Puš(k)aits'a с древнеиндийским Пушаном (Pūśān-), богом, первоначальная природа которого до сих пор остается неразгаданной³², несмотря на достаточно обширное количество текстов, посвященных ему в ведийской литературе, и многочисленные исследования о нем³³. В этой статье основной интерес автора —

³⁰ Ср. с.-хорв. pušnak, Lycoperdon bovista.

³¹ Ср. названия грибов того же корня русск. пухарка, хорв. pušaka, укр. пушка 'дождевик', русск. пухва, пухалка, пушка, пушканник, чешск. pušavka 'дождевик' и под. (см.: В.А.Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 182).

³² Ср.: "In this respect, Pūśān may be regarded to be a particularly curious and enigmatic figure among the pantheon of the Vedic gods" (см.: R.N.Dandekar. Pūśān, the Pastoral God of the Veda. "New Indian Antiquary", vol. V, № 3, 1942, стр. 49); "Pūśān is a curious and enigmatic figure" (см.: A.B.Keith. The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads. I. Cambridge. Massachusetts, 1925, стр. 106).

³³ См.: N.F. Lenzburg. Ridrag till Rigvedas Mythologi Om Goden Pūśān i Rig Veda. "Lunds Universitets Årsskrift". N.F. Afd. V, № 4, 1909, стр. 1-49; E.S. Ives. Pūśān. "Mythologische Bibliothek", Bd. VII, Leipzig, 1914-1915; S.D. Atkinson. Pūśān in the Rig-Veda. Princeton, 1941; Он же. Pūśān in the Śāma, Yajur, and Atharva Vedas, - JAOS, v. 67, № 4, 1947, стр. 274-296; R.N.Dandekar. Указ. соч., стр. 49-66; V.M. Acharya. Origin of the Gods Rudra and Pūśān. - AOr, t. 22, 1954, стр. 544-562; S.K. Ramrishi. Pūśān. - JAOS, v. 81, № 2, 1961, стр. 104-122 и др. Из работ общего характера см. особенно: A.B.Keith. Указ. соч., стр. 106-108; S. Bhattacharya. The Indian Theogony. A Comparative Study of Indian Mythology from the Vedas to the Purāṇas. Cambridge, 1970, стр. 122-123 и др.

в выяснении природы прусск. Puš(k)aits'a; поэтому здесь и не следует искать разрешения загадок, связанных с Пушаном. В Пушане автора привлекают прежде всего те черты, которые помогают связать его с Puš(k)aits'ом, во-первых, и тем самым прояснить природу его, во-вторых. Вместе с тем есть убеждение в том, что, если это сопоставление окажется правильным, то его результаты не могут не повлиять и на понимание ранних этапов формирования Пушана в ведийскую и даже доведийскую эпохи³⁴. При сравнении Пушана и Puš(k)aits'a следует, однако, постоянно иметь в виду принципальную ограниченность ожидаемых результатов в том, что касается внешнего, так сказать, материального подобия сравниваемых мифологических персонажей. Речь может идти лишь о внутреннем подобии генетически связанных и диахронически изофункциональных элементов. При сопоставлении столь далеко разошедшихся элементов (Пушан засвидетельствован с конца II — первой половины I тысячелетия до нашей эры, тогда как Puš(k)aits — с середины XVI в.) единственным надежным средством, позволяющим соединить разошедшиеся элементы, являются, видимо, языковые данные, связанные с соответствующей мифологической мотивировкой наименования. Именно это и позволяет говорить о генетическом единстве Пушана и Puš(k)aits'a.

Др.-инд. Pūśān [морфонологически Pūś-ān, ср. Puš(k)aits = Pūś(k)] предполагает корень pūś-, обычно соотносимый с тем же корнем в глаголе pūś- (pūśyati, но и pūśnāti в эпическом и классическом санскрите)³⁵ 'цвети', 'процветать', 'кормить', 'питать'; 'усиливать', и суффикс деятеля -an (ср. rājan : rāj-, takṣan : takṣ- и под.). Таким образом, Pūśān можно понять как обозначение того, кто связан с цветением, ростом, кто заставлял цвести, расти (ср. pośayitnu. RV III, 4, 9; IV, 57, 1), кто питает (ср. pōśa 'цветение', 'увеличение', 'богатство', pośin- 'питающий' в bhūri-pośin, sahasra-pośin; pośas 'еда' в viśvāyu-pośas, pōśyā- 'хорошо накормленный', 'богатый' и т.п.)³⁶. Иначе говоря, в основе имени лежит идея рас-

³⁴ Этому вопросу будет посвящена особая статья.

³⁵ Ср. другие варианты этого корня: pośati; pośayati (каузатив, ср. пушить), pūpośa, apūpośat, popuś-, pupuś- и т.д. См.: W.D. Whitney. The Roots, Verb-Forms, and Primary Derivatives of the Sanskrit Language. Leipzig, 1885, стр. 98-99; ср.: F.V. Kielckers. "Acta Orientalia", XII, 1934, стр. 256.

³⁶ Предлагаемое выделение в Pūśān суффикса -san, чередующегося с -sar (см.: T. Burrow. The Sanskrit Language. London, 1955, стр. 132, 142), в принципе возможно, но нуждается в спе-

ширения, распухания, увеличения, столь часто используемая при обозначении богатства, достояния данного коллектива в непосредственном или опосредствованном виде (ср. название по этому принципу самого коллектива, о чем см. в другом месте, или его божественного патрона). В таком случае становится еще более оправданной связь имени бога с вед. *pūṣaryá-* 'хорошо накормленный' (RV X, 106, 5), позволяющая восстановить гетероклитические основы *pūṣ-an* : **pūṣ-ar* 'процветание', 'полнота' и под., сопоставимые с др.-греч. Πῦν и λῦαρ (**pūs-on* : **pūs-ar*)³⁷.

О бузине (и связанном с нею *Puṣ(k)aitś'e* как символе плодородия и производительной силы) уже говорилось. Соответствующие ритуалы вызывания плодородия, увеличения урожая, соотнесенные с богами и прежде всего (самым непосредственным образом) с *Puṣ(k)aitś'om*, также уже были упомянуты (положение еды на стол и т.д., ср.: ... vnd glauben, das durch die götter Ir getreide gemehrt wirdt). Русские весенние зывания Боже, роди жито пушистое (чаще: колосистое, ядренистое, густое, чистое), учитывая ведийские обращения типа *radā pūṣéva naḥ sanim*. RV VI, 61, 6 'открой (= роди) нам, как Пушан, дар (прибыль)' [т.е. **Pūsan radā...*]³⁸, делают возможной реконструкцию, хотя бы в самом общем виде, прусских молитв в таких вариантах, как **Puṣ(k)aitē, dais geitin nūmans* 'Пуш(к)айтс, дай нам жито', **Deive, dais geitin nūmans* или даже **Puṣ(k)aitē, radeis geitin nūmans* 'Пушкайтс, роди нам жито'³⁹. Таким образом, не исключено, что структура подобных формул, относимых к индоевропейской древности, включала слова с корнями **puṣ-* и **rad-*. При этом слово с корнем **puṣ-* могло выступать как обращение (имя божества), прямой объект

циальном доказательстве. Другие этимологические объяснения для *Pūśan* гораздо менее достоверны (Шарпантье, Вюст и др.), см. о них: *Ma y r h o f e r. KEWAi. Lief. 13, 1959, стр. 326-327.*

37 Те же отношения, хотя и в весьма трансформированном виде, можно обнаружить в таких случаях, как русск. пушан (ср. лит. *puṣkanos*) : русск. пухарь, пухарка (ср. *pūṣaryá-*), польск. *pucherz* (из **puḥ-ur̥*), чешск. *pučůř*, н.-луж. *puchoř* и под. (**pūs-an* : **pūs-ar*).

38 К связи Пушана с идеей рождения ср.: *prápathe pathám a j a n i s t a p ū ś ā...* RV X, 17, 6 - " На ведущем далеко пути путей родился Пушан ..."

39 Если только в прусском существовал глагол, соответствующий лит. *rásti* (*randū, radaū*), лтш. *rāst* (*rūodu, rūonu; radu*). Ср. другие параллели из того же круга: вед. *Uṣo, radā* ..., лтш. *šīpī, rod...*, русск. Авсень, роди ..., о чем уже писалось.

(ср. вед. *ágniṣomā ... dhattam suvīryam gāvām roṣam svásvyam* RV I, 93, 2) или определение прямого объекта (роди жито пушистое), а слово с корнем **rad-* - как обозначение действия (обычно в императиве). На основании таких фрагментов заговоров с обращениями к плодотворяющим ветрам, как Р а с п у ш и т е, ветры буйные ... (любовные заклинания), однако можно думать, что слова с корнем **puṣ-* употреблялись и как обозначение действия.

Аспект плодородия, урожая, богатства, обнаруживаемый в связи с *Puṣ(k)aitś'om*, весьма полно документируется в ведийских текстах, относимых к Пушану. Он умножает богатства⁴⁰, увеличивает (дает) имущество и силу⁴¹, приносит счастье⁴², открывает сокровища⁴³, дарует пищу⁴⁴, как-то связан с деревом *kākam̐ṭga*, называемым господином леса⁴⁵; ему молятся о богатстве и сокровищах⁴⁶; он связан с лошадьми⁴⁷. Те же мотивы продолжают и в других ведийских текстах. В связи с Пушаном говорят о росте растений (... *pūśnó ... oṣadhīnām rōhiṣyāi. Yajur-Veda I, 3, 10, 1-2*; не случайны последовательности *pūśné oṣadhībhyah prajābhyah* - Там же, IV, 2, 5, 6 'Пушану, растениям, существам'). Особенно часто возникает тема скота, пищи и их умножения, ср.: *ḥṣudrāḥ paśávo 'srjyanta pūśā 'dhipatir āsīt* - Там же, IV, 3, 10, 2, где Пушан выступает как повелитель мелкого скота (ср. еще IV, 4, 9, 1; V, 6, 12, 1; V, 1, 44, 12-13; *Kāthaka Samhitā VII, 2, 64, 10-11* и др.); *anaktu pūśā páyasā ghr̥tēna | ánnasya bhūmā puruṣasya bhūmā | bhūmā paśūnām ... AV V, 28, 3* "Пусть Пушан помажет молоком, жиром. Полнота пищи, полнота человека, полнота скота ...", ср. еще: *ihā gāvah pra jāyadhvam | ihāśvā iha pūruṣāḥ | iho sahasradakṣiṇaḥ | api pūśā*

40 Ср.: *tám íśānam jégatas tasthūśas pátiṃ dhiyaṃjinvám ávase hūmahe vayám | pūśā no yáthā v é ḍ a s ā m ásad v r ḍ h é rakṣitā pāyūr adabdhah svástaye* RV I, 89, 5.

41 Ср. *bhūvad vājanam vrdhá* RV X, 26, 9 и др.

42 Ср.: *svastí naḥ, pūśā ... dadhātu* RV I, 89, 6 и др.

43 Ср.: *tvesám śárdho námārutam tuviśvāny anarvānam pūśanam sám yáthā śatā | sám sahasrā kārīśac carsanibhya āñ āvir gūlhā vāsū karat suvéda no vasū kárat* RV VI, 48, 15 (особенно показательно сравнение с ветрами Марутами, ср.: RV VIII, 29, 6 и др.).

44 Ср.: ... *mahé puṣṭimbarāya pūśné ...* RV IV, 3, 7 с очевидной *figura etymologica*. Следует отметить, что имя Пушана часто обыгрывается на звуковом и семантическом уровнях.

45 Ср.: *mā kākam̐ṭram úd vṛho vānaspátim* RV VI, 48, 17.

46 Ср.: RV I, 42, 10; VI, 55, 2.

47 Ср.: *pūśā gā ánv etu naḥ pūśā raksatv árvaṭah ... pūśam ānu prá gā ihi...* RV VI, 54, 5-6. Он - *paśupā*, пастух скота.

ni śīdati AV XX, 127, 12 – молитва об умножении скота, лошадей, людей. Ввиду того, что Puś(k)aits – "der E r d e n Gott", особую ценность представляет свидетельство, согласно которому "Пушан – это з е м л я" (Brāhmaṇa Taittirīya Saṃhita VI, 1, 7, 6). Однако между Пушаном и Puś(k)aits'ом есть и более специфические совпадения, также относящиеся к идее плодородия. Прежде всего одна из основных характеристик Пушана, резко отличающая его от других ведийских богов, связана с тем, что он ездит не с помощью коней, а с помощью к о з л о в; в качестве коней у него к о з л ы (ср. aṅāśva RV I, 138, 4; VI, 55, 3, 4), ср. еще: ājāsaḥ pūśāṇam rāthe niśrimbhās te janaśrīyam | devāṃ vahantu bibrataḥ RV VI, 55, 6 "Die stolzierenden (?) Böcke sollen herfahren, zu Wagen den Gott Pūśan bringend, durch welchen die Leute zu Ehren kommen"; aṅā anyāśya vānmayo... RV VI, 57, 3; aṅāśvaḥ paśupā... Iyate. RV VI, 58, 2; при жертвоприношении коня Пушан получил в качестве своей доли к о з л а: eśā chāgaḥ puró āśvena vājinā puśṇó bhāgó nīyate vísvádevyaḥ ... RV I, 162, 3⁴⁸. Связь Puś(k)aits'a с козлом столь же несомненна. В "Der vnglaubigen Sudauen ihrer bockheiligung mit sambt anderen Ceremonien ..." глава "wie sie den Bock heiligen" непосредственно предшествует главе "Der erden gott Puschkaytus" (ср. LPG, 250–251), а сам ритуал заклания козла обладает всеми чертами обряда вызывания плодородия аналогичного тому, который связывается с Puś(k)aits'ом.

Wie sie den Bock heiligen

Item wan sie den Bock heiligen wollen, kommen vier oder sechs dörrffer zusammen. Seind Ir viell, so kauffen sie einen Bollen und kommen alle in ein Haus. Da machen sie ein lang fewer; die weiber bringen weizenmehl vnd teigen das ein. Den bock oder Bollen bringen sie vor den Wourschkaiti, der leget beide hende auff inen vnd spricht anruffende alle Götter, sie wollen annemen Ire fest vnd heilig machen dis fleisch vnd Brot, auff das sie wirdiglichen mögen begehnen Ire heiligung. Die gotter nennet er wie oben vnd gibt itzlichem seine Ehre vnd was macht er habe. Darnach furen sie Inen in die scheuren, da heben sie den Bock auff, gehen alle vmbher. Der Wourschkaiti ruffet aber einmal alle götter an wie oben, vnd hat sich vmbshurtz vnd spricht: das ist das lobliche heilige gedechnis vnserer Veter, auff das wir versönen den zorn vnserer Götter, vnd Sticht den Bock. Das Blut lassen sie nicht auff die Erden kommen, sie sprengen darmite. Darnach schlachten sie vnd

⁴⁸ Ср. еще RV I, 162, 4: ... átrā pūśāḥ prathamó bhāgá eti yajñám devebhyāḥ prativedáyann aṅāḥ.

thuen das fleisch in einen Kessel; die menner setzen sich vmb das fewer, vnd die weiber bringen den weitzenteig, machen darvon kuchen vnd geben sie den Mennern. Die werffen das vngebacken brot durch das flammige fewer einer dem andern zu, bis sie vermeinen, es sei genug gebacken. Darnach teilen sie das fleisch aus. Wenns gar Ist, fressen vnd sauffen sie aus hörnern die ganze nacht. Fruhe vor tage gehen sie alle vors Dorff, tragen mit sich knochen vnd brosen, alles was vorbliben ist. Das legen sie auff die Stette, da sie es pflegen hinzulegen vnd tragen alle Erden darauff vun hutten, das nicht thier oder hunde darbei kommen. Darnach scheiden sie zu hause vnd bevelhen sich den göttern. Vnd thuen dancksagung Irem Segnoten, den sie heissen Wourschkaiten mit grosser Ehrerbietung und Reuerentz.

Эти сведения вполне достоверны и могут быть подкреплены некоторыми другими источниками (ср. выше фрагмент из "De sacrificiis Et Idolatria Borvssorum ..." Яна Малецкого: ... с а р г о л и т а н т ... и т.д.). Характерно также, что связь б у з и н ы с к о з л о м отмечена для целого ряда ритуально-мифологических традиций, а возможно, и языковых. Как известно, бузина относится к самым типичным представителям семейства жимолостных. В самом названии "жимлость", как убедительно было показано⁴⁹, кроется в первом члене название козы (*ghī-, *ghei-d-), а во втором *molz-ть от *mlzō 'дою' (ср. польск. диал. zimołza, *Lonicera xylostem*). Латинское название семейства жимолостных – *Caprifoliaceae* – также отсылает нас к обозначению козла (cāpēr).

В том, что б у з и н а связывается с к о з л о м и они оба – с Puśkaits'ом, а д у б – с животными иного типа⁵⁰ и с Per-

⁴⁹ См.: О.Н. Трубачев. – ZfSl, Bd. 3, № 5, 1958, стр. 679 и след.

⁵⁰ Впрочем, в балтийской традиции Громовержец может связываться и с козлом (ср. приводившиеся в других работах данные Й.Балиса). Особенно интересно, что существует представление о том, что м о л н и я не бьет в б у з и н у. См.: "Funk and Wagnalls Dictionary of Folklore, Mythology and Legends", v. I. N. Y., 1950, стр. 342–343. Ср. обычай с ж и г а н и я бузины в Со-чельник, день, связанный с Г р о м о в е р ж ц е м. В румынской традиции бузина также связывается с козлом. В обрядах Călușarii один из участников (а всего их девять) носит в сумке девять растений, начиная с б у з и н ы (boz); предводитель группы участников обряда называется Vătaf или iedul 'козленок'; кстати, их основным животным часто является не конь, а к о з е л. В разных вариантах ритуалов против засухи

kuns'ом, вероятно, нужно видеть остаток старой мифологемы, отраженной в балтийской и славянской традиции во многих формах (сказка, колядка, сезонные песни, детские песни и игры, драматизованные ритуальные действия и т.п.). Суть этой мифологемы, если не входить в детали, лучше всего восстанавливается по действиям типа словацкого "туроня" (Turón) или – более широко – убийства козла (обрасывания козла) у ряда славянских и неславянских народов (румыны, шведы и др.). Старый дед, "стрелок" (у него в руках лук и стрелы, палка или розга) убивает козла (козу), украшенного цветами, лентами, бубенцами, после чего хор поет о козле (козе) [ср. Carpo litant], принесшем его хозяину благополучие (до этого исполняется другая песня: Где коза ходит, Там жито родит ... и т.д., см. выше)⁵¹. В основе этого сюжета лежит архаичная схема: Громовержец, поражающий своего противника, и убийство противника (жертва) как залог урожая, здоровья, благополучия. В свете этой схемы обращение к богу неба (Okorims) или его заместителю богу грома (Perkuns), с одной стороны, и к богу земли (Puš/k/aits), с другой стороны, и является той просьбой о двух благословениях – "благословении неба" и "благословении бездн", – которая регулирует жизнь человека в мифопоэтическом космосе.

Указанная мифологема в значительной степени объясняет и другие сождения. Ср. мотив спутанных, в з л о х м а ч е н н ы х в о л о с и б о р о д ы Пушана (...kapardīnam ... RV VI, 55, 2; pṛā śmāśru haryatō dudhod ví vītha yó ádabhyaḥ RV X, 26,

бузина играет выдающуюся роль: п е п е р у д а украшается ветками б у з и н ы, на которые льют воду; юноши во главе с Vātaf собирают ветки б у з и н ы перед началом основной церемонии; Калояна хоронят под б у з и н о й или около колодца и т.п. Ср.: M.V u l p e s s o. Les coutumes roumaines périodiques. Paris, 1927, стр.155–160, 210, 217. Образ к о з л а и/или к о з ы (cápră) постоянно присутствует в фольклорных и ритуальных текстах; среди ряженных (brezăie) наиболее распространенная маска – коза или козел с бородой (см. ниже), рогами, обвитыми ветвями, зеленью и т.п. Ср.: N.J u l a, V.M ă n ă s t i r e a n u. Tradiții și obiceiuri românești. Anul nou în Moldova și Bucovina. București, 1968; G.V r a b i e. Folclorul. București, 1970, стр. 437 и след.

⁵¹ См. подробнее: К.М о s z y ŋ s k i. Kultura ludowa Słowian, cz. II. Kraków. 1939, стр. 989 и след.; Č.Z í b r t. Veselí chvíle v životě lidu českého. Praha, 1950; П.Г. Б о г а т ы - р е в. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, стр. 34–37 и др.

7)⁵², достаточно необычных для ведийских богов (исключая Рудру), в сопоставлении с уже приводившимися прусскими данными (ср.: ...denen der B a r t bis an die Knie gehen sollte ... Diese kleine Erdleute mögen auch wohl einige wegen ihres l a n g e n B a r t e s Barsdukkas genennet haben ...; ср. также обычай завивания божьей бороды, ср. также использование балт. pūš-, plūš- для обозначения чего-то пушистого, взлохмаченного, вздущегося (см. выше). Другие мотивы более определенно связывают Пушана со стариком из мифологемы: б е з з у б о с т ь (devāḥ kárūḍatī 'беззубый бог' о Пушане в RV IV, 30, 24, как указывали уже Яска и Саяна)⁵³ и то, что к а ш а – пища Пушана (он – karambhād 'едок каши' RV VI, 56, 1; ср. pūṣaṇvāte te sakṛmā karambhām ... RV III, 52, 7)⁵⁴, возвращают нас к обычным образам ритуально осмеиваемого мифологического персонажа приапического типа, исчерпавшего свои мужские силы (ср. эротические ассоциации беззубого мужского рта, особенно подчеркиваемые противоположным образом vagina dentata)⁵⁵. Ср. в "Бхагавата-Пуране": "Пушан стал бездетным, едо-

⁵² Пушан прядет одежду овец и чистит ее, ср. RV X, 26, 6: vāsovaṃ vīnām á vāsāṅsi māmrjāt.

⁵³ Ср. образ беззубого или беззубого Солнца в ряде традиций. Впрочем, существует специальная версия, возможно, более позднего происхождения, объясняющая потерю зубов Пушаном от стрелы Рудры во время жертвоприношения, когда Пушан ел свою долю (ŚBr I. 7. 4. 1–9; ТВр. II. 6. 8. 3–5, отчасти Kauś. Br. VI, 13). Видимо, есть основания усматривать в этом мифе переосмысление одного из мотивов архаичной схемы – наказание Пушана за некий грех (нарушение запрета на пищу?) частичным поражением его стрелой; характер прегрешения объясняет обратным образом особенности Пушана на пути искупления. Вместе с тем следует иметь в виду и историю Апалы (Apālā), в которой выступает мотив зубов, с помощью которых выжимается сок сомы, смешиваемый с karambha (см. RV VIII, 90). Наконец, следует напомнить, что в ряде стран (Дания, Чехия и др.) сок б у з и н ы пьют для избавления от з у б н о й б о л и (см. "Funk and Wagnall's Dictionary...", т.1, стр.343).

⁵⁴ См.: S.K r a m r i s k h. Указ. соч., стр. 117 и след. Ср. weitzenteig и под. в соответствующих прусских ритуалах.

⁵⁵ Интересно соотношение обилия волос и отсутствия зубов у Пушана с выпадением волос и сильными зубами у Апалы. Символика зубов и волос в аспекте созидательной, плодотворяющей силы достаточно хорошо известна.

ком пищи, беззубым" (VI, 6, 41). Наличие у Пушана золотого топора (он - *hiraṇyavāḥīmat* RV I, 42, 6), шила (*ārā* RV VI, 53, 5, 6, 8), стрела (*āṣṭra* RV VI, 53, 9; 58, 2) сопоставимо с орудиями преследования козла (или козы) "старым дедом" в ритуальных действиях.

Пушан имеет непосредственное отношение к двум важнейшим звеньям всего цикла плодородия - к свадьбе и к смерти, что характерно как раз для богов, соединяющих в себе небесный и земной аспект (связь Пушана с солнцем слишком очевидна и хорошо изучена, чтобы здесь говорить о ней) с хтонически⁵⁶. Кстати, такое соединение двух начал, являющееся гарантией плодотворящих сил, достигается чаще всего в образе тех персонажей, которые и заменили свой первоначальный топос (ср. изгнание противника Громовержца, бывшего некогда его ближайшим родственником (сыном?), с неба под землю или на землю). Пушан вручает невесту жениху на свадьбе (он участвует в знаменитом описании свадебного ритуала - RV X, 85), женится на дочери Солнца, становится любовником (*jāra*) своей сестры (RV VI, 55, 4, 5; ср. представление об инцесте как средстве увеличения плодородия) и претендует на то, чтобы быть женихом (*didhiṣu*) своей матери (RV VI, 55, 5). Вместе с тем он провожает умерших на дальнем пути к праотцам, о чем см. RV X, 17, 3-5 и AV XVI, 9, 2; XVIII, 2, 53. Отсюда - нередкое сочетание Пушана и Ямы, ср.: *yamāḥ pūṣāsmān pári pátu mṛtyóḥ* AV XIX, 20, 1 "Пусть Яма, Пушан защитят нас от смерти." Не исключено, что те же функции могли быть присущи и *Puṣ(k)aitś'* у. Такое заключение вытекает не только из типологических параллелей, но и из некоторых более частных указаний - весенний и осенний

⁵⁶ Ср.: *pūṣā subāṇdhur divá ā pṛthivyā* (RV VI, 58, 4) "Пушан - хороший друг неба и земли". Пушан же рожден на пути земли и неба (RV X, 17, 6).

⁵⁷ Ср.: ...*yám devāso ádaduḥ sūryāyai kāmēna kṛtām* ...RV VI, 58, 4; *yád ásvinā pṛchámānāv áyātāṃ tricakrēna vahatúm sūryāyāḥ | víśve devā ánu tád vām ajānam putraḥ pitārāv avṛṇīta pūṣā* RV X, 85, 14 "когда (вы), Ашвины, отправились свататься на трехколесной (колеснице) на свадьбу Сурьи, все Боги разрешили вам это. Сын - Пушан избрал (вас обоих) отцами"; *pūṣā tvetó nayatu hastagṛhyāśvīnā tvā prá vahatām rathēna* RV X, 85, 26 "Да уведет тебя (невесту) Пушан отсюда, взявши за руку. Да отвезет тебя Ашвины на колеснице."; "Пушан ... дал мне эту женщину в жены", - говорится в другом месте (I, 34, 3) и т.д. Ср. также RV III, 62, 8, где Пушан сравнивается с женихом, черпающим удовольствие в невесте, и роль Пушана в свадебном ритуале в AV XIV, 1, 15, 33 и др.

праздники, посвященные *Puṣ(k)aitś'y* и обычно совмещаемые во всем этом ареале с днями более свободного общения юношей и девиц (весной) и поминания умерших родителей (осенью); явно хтонические черты помощников *Puṣ(k)aitś'a*, ведающих подземным царством, и т.д. Наконец, описания свадебных, похоронных и связанных с поминовением ритуалов, дошедшие до нас, - ср. главы "Von jren Sponsalien vnd vorlubnissen" и "Von den todten" (LPG, 253-258) из "Der vnglaubigen Sudauen" и часть из труда Малецкого, начинающаяся словами "Nunc de ritibus nuptiarum, funerum, et parentalium narrabo non minus ridicula quam superstitiosa ...", - настолько близки по составу операций и соответствующих ритуальных элементов к ритуалам, связанным с *Puṣ(k)aitś'om*, что трудно думать о независимости явлений этих двух родов. Между прочим, в связи с этими ритуалами скрупулезно различаются две временные координаты - вечер, когда солнце село, и раннее утро, когда оно восходит, - хорошо известные и в связи с Пушаном в его ипостаси солнечного бога⁵⁸. Интересно, что эти суточные координаты соотносены (применительно к Пушану и к *Puṣ(k)aitś'y*) с годовыми координатами (весна - осень)⁵⁹. Возможно, что с этим

⁵⁸ Любопытно, что в RV VI, 58, 3 упоминается о золотом корабле Пушана, движущемся в небесном море (*yás te pūṣan návo antáḥ samudré hiraṇyáyīr antárikṣe caranti*), что напоминает о "Putzschkehtis-der Gott der Lüfte und des Geflügels", с одной стороны, и о прусском боге кораблей *Bardoaitś* (der Schiffleut gott), описание которого непосредственно продолжает главу о *Puṣkaitś'e*. Впрочем, эти сходства скорее всего объясняются случаем.

⁵⁹ Ср.: S.K r a m r i s c h. Указ. соч., стр. 105, а также весенний и осенний праздник *Puṣ(k)aitś'a*. Крамриш указывает, что путь Пушана циклический и имеет "two focal points of the god's activity". Этот путь связан с вечным повторением, у него две пространственно-временные кульминации: Пушан родился на высоте и вторично - в глубине, в яме; рождение было в ночи года (VI, 58, 1), в середине ночного часа, на юге; в другой раз он родился в середине года, на севере. Заслуживает внимания мнение Крамриш о том, что два крайних полюса циклического пути Пушана кратчайшим образом соединены вертикальным путем, символизируемым *Aja Ekarād'om*, в названии которого также скрыто обозначение козла. Вместе с тем два полупути Пушана - вниз и вверх - вплотную подводят нас к знаменитому гераклитовскому образу двух путей: *ὄδος ἄνω καὶ ὄδος κάτω*. И в этой же связи "дву-

соотносима еще одна любопытная параллель. Как известно, Пушан — сын небесных двойников Ашвинов (ср. RV X, 85, 14), они его родители (pitarau). В установленной в другой работе иерархической схеме прусского пантеона Puš(k)aits'y предшествуют два божества: Potrimps и Bardoits. Первоначально Bardoits могло быть эпитетом 'бородатый', ср. прусск. bordus, лит. barzdà, лтш. bārda, bārзда, а также лит. barzdótas, лтш. bārdains, русск. борода́т к имени Patols'a—Pekols'a. Ср. у Симона Грунау об изображении пары богов из троицы (LPG, 195): das dritte bilde (sc. Patols) war ein alter mahn mit einem langem groen bardt при том, что: das eine war wie ein man junger gestellt on e bardt, gekronet mit saugelen und frolich sich irbot und der gott vom getreide und hies Potrimpro. Из этих данных следует, что прусские божественные близнецы старше Puš(k)aits'a и могли мыслиться как его родители (ср. Ашвины → Пушан), во-первых; что они представляют собой типичную пару близнецов, из которых один изображается как юноша, другой — как старец, соответственно связанные с весной и жизнью и осенью и смертью, во-вторых; что именно парность этих персонажей дала основание глоссировать их как Castor и Pollux, в третьих⁶⁰. Характерно, что изображения прусских божественных близнецов находились на священном дубе, что напоминает о связи культа близнецов в Риме с ficus Ruminalis. С другой стороны, Puš(k)aits находился в бузине и был связан с козлом, что также находит аналогию в древнеримском образе Nonae Capritinae, ср. название дерева caprificus.

В последнее время удалось установить, что и в иранских языках есть продолжения того же корня, который дал в древнеиндийском pus- (pusyati и под.). Речь идет не только о таких случаях, как

язычные" или "двуликые" клеветники одного из гимнов к Пушану (I, 42, 4) вызывают ассоциации с "двуговыми (δίκρανοι) смертными", которые бродят, ничего не зная, Парменида (Fragm. 4-6), чье учение также связано с проблематикой двух путей.

⁶⁰ Ср. также свидетельство С. Грунау о прусских столбах с изображениями двух братьев, прусских вождей Видевута и Брутена, и о почитании этих столбов как богов. При этом каждый из них носил свое имя — Worskaito и Iszwambrato. В. Махек (указ. соч., стр. 56) высказывает предположение, что Рудра и Пушан представляли собой также пару божественных пастухов: старика, связанного с магией, лекарственными средствами, хитростью, и юношу, реального пастуха (ср. соответственно: Гермес, Волос — Пан).

х.-сакс. pāta 'сила'⁶¹, пушту ḡrbūšē 'ячмень' из *fra-pušyā, ишкаш. úrvēs, зеб. ərvēs, сангл. vərvēs, wərvēs, йидга уərv-šio (?), н.-перс. rōšīdan 'одевать', 'покрывать'⁶², но и об имени демона Апаоши (авест. Daēuua Aраоша, пехл. 'p'wš), наконец, правильно объясненном Б. Форсманом: араоша — из а + раоша 'не имеющий цветения', 'лишенный процветания' (может быть, сюда же др.-инд. apoṣe Vāj. Prātiś. 2, 42), ср. вед. rōṣa- (см. выше)⁶³. В восьмом яште Авесты (Tištar Yašt) рассказывается о поединке между Tištriia, божественной персонификацией известного созвездия, и дэвом Араоша, выступающим в конском облики. Tištriia, восхваляемый как даятель дождя, в итоге схватки побеждает противника, и дождь орошает иссохшую землю⁶⁴. Форсман же указал, что авест. Tištriia, обозначающему Сириус (α Canis maioris), соответствует вед. tiśya (*tištriia- > *tisriia- > *ti-siya-, по аналогии с *pusiya-), также обозначающее Сириус и, вероятно, некий божественный персонаж. Оба эти слова восходят к и.-евр. *tri-striios 'относящийся к *tri-str-o-', т.е. к созвездию из трех светил (возможно, речь идет о старом названии Пояса Ориона). Следовательно, ведийская пара tiśya и puśya, где puśya может выступать как эпитет к tiśya, имеет дело с теми же элементами, которые благодаря привативному а- противопоставлены в авестийском и образуют особый сюжет: Tištriia и Араоша. Если эпитет, соответствующий вед. puśya, был и в индо-иранском связан с Tištriia, то реконструируется пара *Puš- (& *Tri-str-ia-): *A-puš-, члены которой кодируют соответственно положительный и отрицательный члены оппозиции процветающий — лишенный процветания. Наконец, существенно подчеркнуть, что вскрытая связь цветения (как и цветов), процветания со звездами в индо-иранской мифопоэтической системе относится к числу известных сюжетов в мировом фольклоре (в частности, в варианте, где тот, кто подвергся наказанию, превращается в цветы, растения, ставшие культурными, и т.д., или, спасаясь от преследования, — звезды); ср. также мотив сомы в лоне созвездий (ātho n ā k ṣ a t r ā n ā meṣām upāsthe sōma āhitah RV X, 85, 2).

⁶¹ Может быть, этот же корень кроется в х.-сакс.: naspusta-.

⁶² У Фирдоуси чаще отмечается именно это значение, см.: F. W o l f f. Glossar zu Firdusis Schahname. Berlin, 1935, стр. 206 и след.

⁶³ См.: В. F o r s s m a n. Указ. соч.

⁶⁴ См.: Yt. VIII, 21, 22 (bis), 27, 28. (bis), а также Yt. XVIII, 26.

⁶⁵ Ср. RV X, 54, 13; X, 64, 8.

Древнегреческое отражение того мифологического образа, о котором можно судить по данным о Pūsan'e, *Paosa'e, Puš(k)aits'e, представлено богом лесов, пастбищ и скота, чтившимся преимущественно в Аркадии, Паном (Πάν, ср. аркадск. Πάνου). Сопоставление др.-греч. Πάν с др.-инд. Pūśán, предполагающее более древнюю форму *Paúśan⁶⁶, было предложено еще В.Шульце⁶⁷ и принято большинством специалистов. Несмотря на известную сдержанность в отношении этой этимологии, наблюдающуюся в последние годы⁶⁸, и на наличие некоторых фактов, усложняющих картину⁶⁹, объяснение В.Шульце можно считать доказанным; во всяком случае, количество аргументов в его пользу все увеличивается. К лингвистическим доказательствам присоединяются теперь и показания сравнительной индоевропейской мифологии.

Подобно Пушану и Puš(k)aits'y, Пан связан с козлиным началом, о чем можно судить как по его художественным изображениям (ср., например, известную античную бронзовую статуэтку I в. до н.э., где у Пана козлиная борода и козлиные ноги, а в руках свирель), так и по поэтическим описаниям. У Пана не только козлиные ноги, но и два рога⁷⁰, курчавая, грязная шерсть, обильная борода, он страшен, и его лицезрение внушает ужас⁷¹. Ср. его характеристики в одном из Гомеровских гимнов "К Пану" (Εἰς Πανα):

⁶⁶ Ср. мессапск. nom. propr. Pauso, венецк. (?) Pusa (или галльск. Pousa), может быть малоазиатск. Pousa (см.: L. Zgust a. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, стр. 439 и др.); ср. белор. Пушын, Пушынскі, Пуш, Пушляк (см.: М. В. Бирнла. Беларуская антрапанімія, 2. Мінск, 1969, стр. 340).

⁶⁷ См.: W. Schulze. Kleine Schriften. Göttingen, 1933, стр. 217 и след. (впервые: KZ 42, 1908, стр. 81, 374).

⁶⁸ См.: Maughofer. KEWAi. Lief. 13, стр. 326-327; Frisk. GEW, Bd. II, стр. 470-471 и др.

⁶⁹ Так, Л. Р. Пальмер, склонный видеть в микенском pa-ja-ni-jo табличек из Кносса и Феста название месяца Παῖανιος, которое он связывает с именем бога Πάν, тем самым исходит из более ранней формы этого имени *Pa(ι)αν, противоречащей сопоставлению В. Шульце. См.: L. R. Palmer. A Mucenaan Calendar of Offerings (PY Kn. O2). "Eranos", v. 53, fasc. 1-2, 1955, стр. 11.

⁷⁰ Эти характеристики постоянны и в более поздних описаниях Пана, включая и орфический гимн этому божеству.

⁷¹ Ср.: O Puš(k)aits'e: Diesem brachten sie die häufigsten Gebete und Opfer bei einem Hollunderbaum und unter grosser Furcht... (LFG, 331-332).

'Αμφί μοι Ἑρμείαιο φίλον γόνον ἔννεπε, Μοῦσα,
 ἀ ἰ γ ο π ὀ δ ὀ η ν , δ ι κ ἔ ρ ω τ α , φιλόκροτον... (1-2)
 Πᾶν' ἀνακεκλόμεναι, νόμιον θεόν, ἀ γ λ α ἔ θ ε ι ρ ο ν,
 αὐχμήενθ'..... (5-6)
 λ α ἰ φ ο ς δ' ἐπὶ νῶτα βαφοῖνον
 λ υ γ κ ὀ ς ἔχει (23-24)
 Εἰ δ' ἐτέλεσσε γάμον θαλερόν, τέμε δ' ἐν μεγάροισιν
 Ἑρμείη φίλον υἷόν ἄφαρ τερατώπων ἰδέσθαι,
 ἀ ἰ γ ι π ὀ δ ὀ η ν , δ ι κ ἔ ρ ω τ α πολύκροτον, ἠδυέλωτα.
 Φεῦγε δ' ἀναίξασα, λίπεν δ' ἄρα παῖδα τιθήνη
 δ ε ἰ σ ε γάρ, ὡς ἕδεν ὄφιν ἀ μ ε ἰ λ ι χ ο ν, ἠϋγένειον (35-39)
 παῖδα καλύψας
 δ ἔ ρ μ α σ ι ν ἐν πυκνοῖσιν ὄρεσκόιο λα γ ω ο ὕ (42-43)

Дети Пана Сатиры (οἱ Πᾶνες. Феокрит, Аристофан, Σάτυροι) были наполовину козлами, у них были козлиные уши, ноги, хвосты, иногда лошадиные, взлохмаченные, растрепанные волосы⁷².

Также объединяет Пана с Пушаном и Puš(k)aits'ом отношение к животным и к растениям (лесу и полю): ... ὅς τ' ἀνὰ πίση | δ ε ν - δ ρ ῆ ν τ' ἄμυδις φοιτᾷ χοροήθεσι νύμφαις... (Εἰς Πανα 2-3)⁷³; ... ἦ τ' ἔ α ρ ο ς πολυανθέος ἐν πετᾶλοισι | θρήνον ἐπιπροχέους ἀχέει μελίγηρυν ἀοιδὴν (там же, 17-18), ср. в том же гимне "К Пану" о его отце Гермесе:

καὶ δ' ὀ γ' ἔς Ἀρκαδίην πολυπίδακα, μητέρα μῆλων,
 ἐξίηκε, ἔνθα τέ οἱ τέμενος Κυλληνίου ἔστιν.

⁷² К сожалению, этимология слова Σάτυρος далека от ясности. Характерно, однако, что большинство предлагавшихся решений (о них см.: Frisk. GEW, Bd. II, стр. 681-682) исходят из отчетливо сексуальных ассоциаций ('cui membrum turget' - Ф. Зольмсен, ср. отчасти сюда же - от и.-евр. *sē- 'сеять' - Г. Краэ) или из идеи расширения, напoлнения, насыщения (к и.-евр. *sā-, ср. лат. satur- К. Кереньи; ср. эпитет Пана в орфических гимнах, обозначающий 'тот, кто растет', 'ростун'); мысль о связи слова с названием козла (и.-евр. *šaido-, лат. haedus- В. Мерлинген), как и гипотеза А. И. ван Виндекенса (к и.-евр. *šhed-) сомнительна по лингвистическим основаниям. Еще поучительнее, что этим корнем кодируется ряд названий растений (ср. σατυρίσμος и под.), в том числе таких, которые используются в целях полового возбуждения, ср. σατύριον.

⁷³ Следует напомнить, что мать Пана - нимфа Дриопя (ср. δρυόφ 'дриоп', птица, близкая к дятлу, δρυς, δρυός 'дерево' и под.).

Ἐνθ' ὃ γε καὶ θεὸς ὦν φ α φ α ρ ὀ τ ρ ι χ α μ ἦ λ' ἐνόμειεν
ἀνδρὶ παρὰ θυητῆ ... (30-34)

"Только тобою цветет почва земли бесконечной", - говорится о Пане в орфическом гимне; и там же - "В п а с т о и щ а х и у ручьев ты п а с т у х а м п о к р о в и т е л ь"⁷⁴ (ср. выше - о Пушане - pašupā, о Puš(k)aits'e... dann meinen sie Glück zu haben mit dem V i e h... LPG, 332; ... so kochen, braten, schmoren sie das Fleisch jenes zum Opfer getöteten V i e h e s ... LPG, 333 и о Zeemniks'e, отчасти смешиваемом с Puš(k)aits'ом: ... der letzte (scil. Zeemniks) besonders über das Vase und V i e h, daher sie ihm um Herbst von beyden sollen Opfer gebracht haben". Nupel, LPG, 509). Обычные жертвоприношения Пану - коровы, козлы, ягнята, мед, молоко, виноградное сусло. В связи с описанным в Яште VIII поединком, где противники выступают в л о ш а д и н о м обличе, приобретает интерес изображение на кратере из Valle Trebba⁷⁵: сатиры с л о ш а д и н ы м и хвостами и ушами, но с двумя р о г а м и на лбу. Ср., с другой стороны, изображение к о з л о о б р а з н ы х бородатых существ в связи с мотивом осеннего урожая на знаменитой вазе элевсинского круга, хранившейся до войны в Дрездене⁷⁶.

Еще одна примечательная черта Пана - его отношение к музыке, пенью, пляске. Из тростника, в который превратилась нимфа Сиринга, возделенно преследуемая им, была сделана с в и р е л ь, названная в честь нимфы σύριγξ. Любимое занятие Пана - игра на свирели (... τότε δ' ἔσπερος ἔκλαγεν οἶον ἢ ἄγρης ἐξανιών, δονάκων ὑπο Μοῦσαν ἀθύρων ἢ νήδυμον... 14-16), песни и пляски:

Σὺν δὲ σφιν τότε νύμφαι δρεστιάδες λιγύμολοι
φοιτῶσαι πυκνὰ ποσσὶν ἐπὶ κρήνῃ μελανύδρῳ
μ ε λ π ο ν τ α ι κορυφῆν δὲ περιστένει ὄβρεος ἤχῳ·
δαίμων δ' ἔνθα καὶ ἔνθα χορῶν, τότε δ' ἐς μέσον ἔρπων
πυκνὰ ποσσὶν διέλει..... (19-23)

⁷⁴ Ср. о нем же: "Все изменяешь вокруг, движешь своим провиденьем! Род и людей и зверей, также и космос бесценный".

⁷⁵ См.: M. G u a r d u s s i. Pandora, o i martellatori. "Mon. ant.", XXVIII, 1929, стр. 5 и след.; M. N i l s s o n. Geschichte der griechischen Religion, Bd. 1. München, 1941, стр. 217-218.

⁷⁶ Anodos der Pherephatta, см.: M. N i l s s o n. Указ. соч., Taf. 39, 1.

..... λ ι γ υ ρ ῆ σ ι ν ἀγαλλόμενος φρένα μ ο λ π α ῖ ς,
ἐν μαλακῇ λειμῶνι..... (24-25)
Υ μ ν ε ὖ σ ι ν δὲ θεοὺς μάκαρας καὶ μακρὸν Ὀλυμπον (27)⁷⁷.

В связи с этими характеристиками приобретают интерес поэтические импликации образа Пушана - он возбуждает поэтическое творчество (sómārūsañāv ávataṃ dhiyam me ... | dhiyam pūṣā jinvatu ... RV II, 40, 5, 6), делает певцов пронизательными (острыми) (sám naḥ śísīhi bhurijor iva ksarám ... RV VIII, 4, 16), возбуждает и помогает им (ā tát te dasra mantumah pūsan āvo vrnīmahe yena pitṛm ácodayaḥ RV I, 42, 5, ср. 6, 8; rāsva rāyó vimocana RV VIII, 4, 16; ср. еще I, 138, 4; VI, 49, 8; 53, 10; 54, 9; 55, 1), передает певцу жертву (utó sá máhyam índubhiḥ sád yuktān anu-sésidhat | g'bhīr yávam ná cakṛsat RV I, 23, 15), Не исключено, - учитывая, что у балтов и славян дудочки и свирели изготовлялись именно из б у з и н н о й тростки, а также сообщения типа Pergubrij h u m n i u s a n u n t (LPG, 294)⁷⁸ и под., - что и Puš(k)aits разделял некогда указанную характеристику.

Выше приводились сведения (относящиеся к Мемелю) о роли б у з и н ы в связи со снами и дивинациями; существует и более распространенное представление об опасности сна под бузиной (особенно у детей и в полдень)⁷⁹. С этим согласуются древнегреческие представления: сон в полуденное время под д е р е в о м или у источника опасен в силу того, что П а н (или Нереиды) может повредить человеку рассудок (чаще всего человек становится одержимым)⁸⁰, наслав на него тяжелый с о н ⁸¹. Пушан также связан

⁷⁷ Ср. в орфическом гимне Пану: Шествуй, блаженный, т а н ц у й "...", "П е с н ь ю веселой поешь ты среди гармонии мира", - "Эхо друг, нимфам т а н ц о р ...", "... шествуй, т а н ц о р вдохновенный".

⁷⁸ Ср. также LPG, 333: ... indem sie zuvor Ziemiennik bei jedem Gericht und jedem Trünke anrufen, und die Frauen und Männer stossen in lange T u t h ö r n e r (trāby) und zugleich singen sie.

⁷⁹ В частности потому, что именно сюда являются полудницы, хорошо известные как в балтийской, так и в славянской демонологии.

⁸⁰ Ср. πανόληπιτος. Oxyrh. Papyri, III, стр. 50 и № 413, z. 173. Ср. также "Аргонавтику" Аполлония Родосского (IV, 1310 и сл.), daemon meridianus позднеантичных представлений и т.п.

⁸¹ См.: M. N i l s s o n. Указ. соч., стр. 234-235; О н ж е. Griechisches Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluß der attischen. 1906; B. S c h m i d t. Das Volksleben der Neug-

со снами: он прогоняет дурные сны; ср. devaḥ pūṣā vāvad duṣvarṇaṣ paṅā vāvad duṣvarṇaṣ AV. 17, 26, 14.

Как и его древнеиндийское и балтийское соответствие, Пан также принадлежит к числу загадочных божеств. Эта загадочность состоит прежде всего в том, что Пан находится в наибольшей изоляции среди всех олимпийских богов, его сюжетные связи с другими божествами весьма слабы, и наиболее известная из них – музыкальное состязание с Аполлоном – скорее мотивирует эту изолированность, чем связывает Пана с другими богами. Отношение Пана к сфере природы (а не культуры), земного (а не небесного), растительного и животного (а не человеческого или не только его), прикосновенность к темным и иррациональным сторонам жизни, не отделимой от смерти, переходы от гнева к веселью и от них к грусти, – все это достаточно известные характеристики Пана, которые отчасти объясняют, почему этот архаичный персонаж индоевропейской мифологической системы столь поздно был включен в число олимпийцев⁸², а будучи включенным, занимал среди них совершенно особое место. Эти же черты, как и языковое притяжение πάν-πάν (пᾶς) 'весь', 'целый', 'всякий'⁸³, обеспечили именно Пану небывалую эволюцию от роли вегетативного духа, демона⁸⁴ до абстрактного символа целостности Вселенной в учении мистиков (ср. трансформацию игры на свирели в музыку мировых сфер). Нужно думать, что для индоевропейской эпохи разумно восстанавливать связь корня *Pūs- (или его

griechen und das hellenische Altertum. Leipzig, 1871, стр. 96 и др.

⁸² Победу при Марафоне афиняне объясняли своевременным предупреждением со стороны Пана, ср. Геродот VI, 105, Павсаний I, 28, 4; ср. у Симонида (фрагм. 133): τὸν τραγῶπον ἐπὶ Πᾶνα, τὸν Ἀριάδα, τὸν κατὰ Μήδων, τὸν μετ' Ἀθηναίων στήσατο Μιλτιάδης. Ср.: K. W e g n i s k e. "Hermes", Bd. XII, 1897, стр. 309.

⁸³ Ср.: Πᾶνα σέ μιν καλέεσκον, ὅτι φρένα πᾶσι βίη στερεφε (Εἰς Πᾶνα, 47) Ср. в "Кратиле": Сократ. Ты знаешь, ведь это слово (Пᾶν) обозначает "все" (пᾶν), его можно повернуть и так, и эдак, почему оно и оказывается двойственным: истинным и ложным ... Значит, видимо, правильно слово πάν, обозначающее постоянный круговорот [и ускользание] (αἰὲ λολῶν), дало Пану имя "козлиного пастуха" (Пᾶν αἰπόλος), сына Гермеса, у которого двойная природа: гладкая верхняя часть и косяматая, козлоподобная нижняя ... (408 cd.). Сходная figura etymologica обычна и в александрийской поэзии.

⁸⁴ Для отношения к Пану характерен мотив о и ч е в а н и я его при неудаче, ср. Феокрит, Идиллия VII, стихи 106 и след.

вариантов) с обозначением именно вегетативного, или териоморфного, духа типа прусского Puš(k)aitš'a, а для еще более раннего периода – с обозначением соответствующей реалии⁸⁵.

В заключение – еще одно соображение, которое может иметь далеко идущие последствия. Поскольку в истории эволюции мифологических систем хорошо известны многочисленные примеры р а с ч л е н е н и я единого персонажа на два или несколько, выступающих сначала как функционально, локально или контекстуально обусловленные варианты, а потом становящихся независимыми членами системы, как и противоположные примеры с и н т е з и р о в а н и я ("склеивания") двух или нескольких мифологических персонажей в единый член системы, и, наконец, примеры о б м е н а характеристиками между мифологическими персонажами⁸⁶, – напрашивается предположение о н е с л у ч а й н о с т и наличия наибольших сходств с данным персонажем у тех персонажей, которые связаны с ним в сюжете г е н е т и ч е с к и и, что менее показательно, функционально. В этой связи особое внимание приобретает отец Пана Гермес (Ἑρμῆς). Привлечение к анализу этого образа не только уточняет круг функций, дублируемых Гермесом и Паном, но и позволяет наметить ряд дополнительных переключек с теми мифологическими персонажами других традиций, которые исторически соотносены с Паном, в данном случае – с Пушаном и Puš(k)aitš'ом. Не вдаваясь в сколько-нибудь детальный анализ, стоит все-таки отметить несколько наиболее существенных сходжений.

Тот факт, что Гермес был сыном Зевса и п л е я д ы Майи, позволяет вспомнить об авест. tištriia, обозначавшем противника Раоѳа'и и, как можно думать, отца Раоѳа'и или родоначальника Раоѳа'идов. Во всяком случае, отнесение слов корня *ruš- к Tištriia, первоначально "Три звезды", учитывая Плеяда → Гермес, достаточно симптоматично. Связь Гермеса с природой, то, что он выступал как бог скотоводства и покровитель пастухов, изобрел сирингу и музыку вообще, приносил людям ниспосылаемые Зевсом сновидения, с помощью магического золотого жезла (δάβρος, σφῆπτρον) погружал людей в сон или пробуждал их, был связан с подземным царством, куда он провожал души умерших (ψυχοπομπός, ψυχαγωγός,

⁸⁵ Подобно этимологическому родству Serēs 'Цереры', римской богини полей, хлебных злаков, земледелия, с осск. saria 'хлеб', алб. thjerre 'чечевица', thjer 'желудь', др.-в.-нем. hirso, hirsī 'просо', арм. çorean 'пшеница'.

⁸⁶ Все эти процессы находят точные аналогии в историческом развитии фонологических систем (в частности, наиболее тесно связанных друг с другом их элементов).

уцроролпбс как его определения)⁸⁷, с дорогами и перекрестками, с вечерними и утренними сумерками⁸⁸, с магией и т.д. — все это объединяет Гермеса с Паном, Пушаном (к его связи с дорогами см. RV I, 42, 1-3, 7; VI, 49, 8; 53, 1, 4; 54, 1, 2; VIII, 29, 6; X, 17, 5-6; 59, 7; AV VI, 73, 3; Kāthaka-Samhitā VII, 2, 64, 10-11; IX, 9, 112, 8 и др.)⁸⁹ и Puš(k)aitś'ом, хотя и в разной степени, и позволяет с большей уверенностью говорить о едином первоисточнике всех этих образов. Некоторые характеристики Гермеса проясняют, возможно, более частные схождения. Так, связь культа Puš(k)aitś'a с ритуалом поиска вора, кажущаяся на первый взгляд неоправданной и непонятной, приобретает большую ясность при указании у Гермеса ипостаси покровителя воров, воровства, обмана⁹⁰ (а потом и торговли) и сходных мотивов (правда, с иной направленностью) в связи с Пушаном: он гонит волков (см. ту же функцию у Усены и Ушас), воров и т.д.:
 yónaḥ pūṣanun aghó vṛko duṣśéva ādīdeśati | āpa sma tám pathó
 jahi//āpa, tyám pa r i p a n t h i n a m m u ṣ ṭ v ā ṇ a m
 huraścitam | durám ādhi sruṭér aja RV I, 42, 2-3; отчасти та же тема продолжается и в следующем стихе (I, 42, 4), где Пушана призывают растоптать пятой оружие двуязычных клеветников:
 tvám táśya dvaṃvīno 'ghasansasya káśya cit | padābhi tistṭa tāpu-
 śim. Кстати, мотив топтания пятой косвенно вскры-

⁸⁷ См.: К. Кегенуи. Hermes der Seelenführer. Budapest, 1944. — Любопытно, что Крамриш также называет Пушана фохолорпбс, при том, что она не делает никаких сравнений с Гермесом, см.: S. K r a m r i s c h. Указ. соч., стр. 109.

⁸⁸ Эти же мотивы с исключительной полнотой подчеркнуты в персонаже латышской мифологии Усене (ср. Ušņš: ūs- — pūs-), который, как и его древнеиндийское соответствие Ушас (Uśas: ūs-; Pūs-), обладают и рядом других характеристик, общих с Гермесом и другими проанализированными здесь персонажами. См.: Т.Я. Елизаренкова, В.Н. Топоров. О древнеиндийской Ушас (Uśas) и ее балтийском соответствии (Ušņš) "Индия в древности". М., 1964, стр. 67-84.

⁸⁹ О связи Пушана с путем и о семантике пути см.: Б.Л. Огибенин. Структура мифологических текстов "Ригведы". М., 1968, стр. 71 и след. О пути Пушана как избавлении от состояния хаотической обуженности и ужаса (amhas) и выходе в широкий космический мир (uru loka) см.: J. G o n d a. The Vedic concept of amhas. "Indo-Iranian Journal", v. 1, 1957, стр. 40 и след.

⁹⁰ Ср. эпизод похищения Гермесом стада быков у Аполлона в гомеровском гимне.

вается в именах прусских богов Po-trimps, Au-trimps, ср. лит. eik sau pu T r i m p u ! и более явно в текстах типа: где козел (коза) ногою, там жито копою и под.; ср. болгарский танец "тѣпане на земята"; интересно, что Пушан связан с проведением борозды (как и Индра; ср.: indreḥ sītām nī grñnātu tám pūśānu yachatu... RV IV, 57, 7) при том, что текст "где козел (коза) ногою..." приурочен к началу полевых работ, когда проводится первая борозда на поле. В других текстах намечается на роль Пушана в устранении обмана и самообмана; наконец, он освобождает от грехов (AV VI, 112, 3).

Другой любопытный пример: дважды отмечаемый в году (весной и осенью) праздник Puš(k)aitś'a и предположение о молодом и старом божестве в связи с анализом прусского изображения бога без бороды и бога с бородой (см. выше) могут быть соотнесены с двумя типами изображений Гермеса в древнегреческой скульптуре. Один из них — юный без бороды Гермес, лучше всего известный по римским копиям статуи работы Лисиппа (ср. также статуи Скопаса или Праксителя — Гермес с молодым Дионисом на руках), другой же, представленный в архаическом искусстве, — зрелый муж с длинной бородой. Интересно, что, когда утвердился образ бороdatoго Пана, исчез образ бороdatoго Гермеса, заменившись образом без бороdatoго юноши. Не исключено, что в этом случае речь идет о связанных друг с другом явлениях. Непосредственная соотнесенность этих двух образов с общей идеей плодородия еще больше подчеркивается фаллическими мотивами, постоянно соединяемыми с Гермесом (ср. итифаллическое изображение на гермах⁹¹; кстати, на многих вазах Гермес рисуется в окружении сатиров, как и Пан). Учреждение Гермесом огненных жертв (именно он научил людей возжигать огонь на алтаре) и его общее отношение к огню (ср. также в орфическом гимне Пану: "... В космосе — Все ты всесильный, | ... также земле всевладыка, Также бессмертный огонь ..."), видимо, следует иметь в виду в связи с культом огня у пруссов, о чем писалось в другом месте⁹².

⁹¹ Ср. Геродот, II, 51. Интересна связь этого образа с представлением о душе-бабочке (ψάλλος, ψάλλαινα), см.: Ch. P i s a r d. Les religions préhelléniques (Crète et Mycènes). Paris, 1948 ("Mana"2), стр. 258.

⁹² Жертвоприношение на огне перед (между) двумя столбами можно бы было сопоставить с широким кругом явлений, включая (если говорить о неявных случаях) двойной топор при жертвоприношении животных в доэллинической культуре

В общем контексте, реконструируемом в этой статье в связи с определенным кругом мифологических представлений, частные загадки и неясности отдельных индоевропейских традиций или получают решение, или приобретают несколько иной вид, а прежде изолированные факты начинают тяготеть друг к другу, намекая на возможность нахождения — при ретроспективном движении — и общего их источника.

Корректирующие дополнения:

1. О ритуальных гаданиях в Иванов день о женихе по распускающемуся цветку растения пушки (то же — богатка, ср. бог и мотив Пушан — жених) см.: И.Д. Фридрих. Русский фольклор в Латвии. Рига. 1972, стр. 55; ср. лтш. Jāņa dienas puķošanās, см.: Šmits, I, 1940, стр. 703 и сл. — Ср. также название пшеничного хлеба папушник (см. ниже соотношение оскск. caria 'хлеб': лат. Ceres — К окказиональным образованиям ср.: ...увидев кадета же, делался вдруг ... очаровательным кудряном, пушаном ... А. Белый. Московский чудак. М., 1927, стр. 61.

2. К семантике обрядов в день созвездия puṣya см.: Т.А.Корвин — Крукowska. К истории магических и колдовских приемов в Индии. — Сб. МАЭ VIII Л. 1929, 205 и сл.

3. В образе Пана у Китса (Dread opener of the mysterious doors leading to universal knowledge... "Endymion"), в частности, подчеркиваются те черты, которые затушеваны в античных источниках, но напрашиваются в связи с приведенными выше параллелями (Пушан и т.п.). Ср. также: G. Hermannsen. Die Sage vom Tode des grossen Pan. "Classica et mediaevalia" 2, 1939, стр. 239 и след.

4. В связи с балтийскими фактами ср. мифологизирующий образ бузины в "Золотом горшке" Гофмана: "Куст бузины зашевелился и заговорил: Ты лежал в моей тени, мое благоухание обдавало тебя, но ты не понимал меня..." и т.д. Ср. и "бузинную матушку" у Андерсена.

5. Недавно было высказано сомнение в связи Pūṣan и Pāvс др.-инд. puṣyati по причине краткости и в последнем слове. См.: R.S.P. Veekes. The Nominative of the Hysterodynamic Noun-Inflection, — KZ 86, 1972, стр. 36-37. Автор предпочитает связывать указанные мифологические имена с *reh₂->*rā- 'охранять', 'защищать', а в самих именах видеть и.-евр. *reh₂-u-ōs, преобразованное в *reh₂-us-ōn. С лингвистической точки зрения это возможно, но не необходимо и — более того — уязвимее принятой этимологии. С точки же зрения семантики и мифологических мотивировок эта гипотеза лишена сколько-нибудь серьезных оснований.

Крита или ритуальное получение огня трением двух кусков дерева с определенной семантикой в Древней Индии.

Полесск. и русск. зырить

В опубликованных материалах по лексике Полесья обращают на себя внимание глаголы зырит 'накалять', назырит '1. накалить. Назырили пач; 2. высечь, поколотить. Заре назыру по спїни; 3. обжечь (о крапиве). Назырили мене товди крапивою за яблока'¹. Ср. также производное прилагательное зырки '1. дающий много тепла (о дровах). 2. обжигающий (о ветре). 3. горячий, вспыльчивый (о человеке)². Совершенно очевидно, что в кругу приведенных значений первичным является 'накалять': глаголы с семантикой типа 'накалять', 'жечь', 'греть' легко развивают переносные значения 'бить, ударять', а в соответствующих прилагательных появляются оттенки 'резкий, бурный, вспыльчивый'.

В значении 'накалять' глагол зырить не отмечен, кажется, более ни для других восточнославянских диалектов, ни для других славянских языков. Но в русских говорах и просторечии хорошо известно зырить в значении 'смотреть', ср.: зырить зап., вост. 'зреть, глядеть; смотреть. II Зорко, пристально, жадно глядеть; высматривать, подстергать...', зыркой сиб. 'у кого острое зрение'³, зырить экспр. 'смотреть, глядеть', зыркать, зыркнуть '1. экспр. бросать взгляды (украдкой, исподлобья). 2. сверкать'⁴. Встречаются также зырить 'жадно пить, лить зря' и зырить 'кричать, шуметь, горланить'⁵, но эти последние случаи, вероятно, являются, этимологически различными лексемами, не связанными с зырить 'смотреть' и зырить 'накалять', и в настоящей работе не рассматриваются⁶.

¹ Н.В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. — Сб. "Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря". М., 1968, стр. 83, 86 (далее — "Лекс. Пол.").

² Там же, стр. 83.

³ В.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955 (воспроизведение второго издания), стр. 697 (далее — Даль²).

⁴ "Словарь русских говоров Среднего Урала", т. I. Под ред. П.А.Вовчок. Свердловск, 1964, стр. 197.

⁵ Даль² I, стр. 697.

⁶ Относительно этимологии зырить 'пить, лить' и зырить 'кричать' см.: V.Pisani. Рец. на кн.: Max Vasmaer. Russisches etymologisches Wörterbuch. 7,8 Lief. Heidelberg, 1952. "Paideia", anno VIII, № 2, 1953, стр. 112..

Что касается зрѣть 'накалять' и зрѣть 'смотреть', то здесь достаточно реально представляется предположение о родстве: связь значений 'быть горячим' - 'блестеть' - 'смотреть' характеризует ряд индоевропейских этимологических гнезд. Например: к и.-е. *ghlend(h)- восходят др.-в.-нем. glenzen 'блестеть', норв. glinda 'мигать', бретон. glein 'светлый' и слав. *ględęti, лтш. glendęti 'смотреть, искать', норв. диал. gletta 'глядеть'; к и.-е. *gher-, *gherę- - лит. žęręti 'блестеть, сверкать', žęruoti 'то же', žariją 'горячий уголь', др.-прусс. sari 'пыл, жар', слав. *zor'a, *zar'a 'сияние, блеск' и слав. *zbręti 'смотреть'; к и.-е. *gder-, *gderę- возводят др.-инд. jurniḥ 'пыл, жар', jvalati 'пылать, сиять', jvalah 'пламя', лтш. zvęruot 'сверкать, гореть' и лит. žiūręti 'смотреть'⁷. Следовательно, можно говорить о восточнославянском зрѣть со значениями 'накалять' и 'смотреть', распределенными по различным диалектам. Семантика глагола, соответствующая древней индоевропейской модели, позволяет считать эту основу архаичной, праславянской.

Единственное, насколько мне известно, этимологическое истолкование русск. зрѣть 'смотреть' предложил Пизани: отделив зрѣть 'смотреть' от омонимичных глаголов со значениями 'лить' и 'кричать', автор связал это слово с гнездом зреть 'смотреть', взор, хотя и отметил наличие трудностей (не уточняя их)⁸. Трудность заключается в корневом вокализме. Если принять родство зрѣть со зреть, то корневое нр должно быть ступенью продления редукции *br, но зреть восходит к *zbręti и соответствующий итератив представляет удлинение *br → *ir: *-zirati. Следовательно, гипотеза о родстве зрѣть и зреть связана с предположением о различном качестве ступени редукции в родственных глаголах. Правда, славянским языкам известны некоторые случаи подобной вариантности: ср. горло и жерло, скорбь и ущерб⁹. Но вариантность в случае зрѣть далеко не так прозрачна, и, кажется, допущение вариантности не обязательно для этимологизации слова. Корневое н в зрѣть может быть не результатом продления редукции *br → *ur, а рефлексом праслав. *u < и.-е. *ū. При этом зрѣть оказывается сопоставимым с лит.

⁷ См.: J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch., Bd. I. Bern, 1949 и след., стр. 431, 441, 479 (далее - Pokorny); М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1964, стр. 418 (глядеть); т. II. М., 1967, стр. 105-106 (зреть). Далее - Фасмер.

⁸ V. Pizani. Указ. соч., стр. 112.

⁹ С.Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 156.

žiūręti 'смотреть'. Полесское значение глагола зрѣть 'накалять' находит соответствия в лит. žvęruoti 'мерцать, пылать', лтш. zviręti 'сверкать, гореть', zvęruot 'сверкать, пылать, блестеть', которые родственны лит. žiūręti¹⁰.

Сходство слав. зрѣть и лит. žiūręti в отношении количества и качества корневого вокализма дополняется морфологическим тождеством основ настоящего времени: в обоих случаях это i-основа. Однако основы инфинитива различны: ē-основа в литовском, i-основа в славянском. Значению 'смотреть', включаемому в семантическое поле глаголов состояния, больше соответствует ē-основа, поскольку именно этот морфологический тип связан в балтийских и славянских языках с данным семантическим полем. Ср. и слав. *vidęti, *sъmotręti, *ględęti, *zbręti, и лит. žęręti, родственное слав. *zbręti. Долгий вокализм *ū (как и *ī) в славянских инфинитивах на -iti встречается редко и обычно рассматривается как вторичный¹¹. В ē-основах-как славянских, так и балтийских - долгие *ū, *ī представлены достаточно широко: ср. слав. *kupęti, *kysęti, *stydęti, *slyšati и особенно *vidęti¹²; лит. tylęti, dūsęti, stovęti, dęvęti¹³. Все это позволяет предполагать, что первичной формой инфинитива в славянских языках, как и в литовском, была ē-основа. Значение ее может быть реконструировано как 'сверкать, пылать' - 'смотреть'. Замена ē- основы (слав. -ęti) основой на -iti произошла под аналогическим влиянием основы настоящего времени на -i (ср. слав. *mъnęti, русск. мнить). Одновременно в диалектах, легших в основу полесских говоров, значение состояния ('пылать') изменилось в значение факитивное ('накалять').

Слав. *rapati, *rapъtъ

В болгарском литературном языке и диалектах употребляется глагол рапам, рапа, главным образом в значении 'откусывать, жадно

¹⁰ См. о балтийской группе: E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955-1965, стр. 1316, 1329 (далее - Fraenkel).

¹¹ Например, в отношении *хутити предполагается контаминация основ *хvatiti и *хytati, см.: A. Vailant. Grammaire comparée des langues slaves, t. III, p. 2. Paris, 1966, стр. 423.

¹² Там же, стр. 389-390.

¹³ Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966, стр. 321.

есть': рапам, рапа 'откусывать зубами что-либо твердое, например яблоко, сухой хлеб и т.п.'¹⁴, диал. 'откусывать зубами и жевать что-либо (яблоко, грушу, твердый хлеб и др.)'¹⁵, 'откусывать; сильно чесать'¹⁶, рапам 'откусывать с жадностью'¹⁷, 'откусывать и шумно жевать'¹⁸, 'есть шумно и быстро; есть фрукты или овощи, обычно незрелые; сильно ударять острым предметом, рассекать'¹⁹, рапа (са), рапа (са) 'надкусывать'²⁰. Эта глагольная основа известна также в диалектах сербохорватского языка: *garati* 'поспешно есть, жрать' (в Далмации)²¹. В других славянских языках глагол *garati*, кажется, не засвидетельствован, но в польских диалектах встречаются материально близкие имена: *gara*, *garka* 'нога у птиц или мелких животных, имеющих когти; иногда также о руках детей'²², *gareś*, *-rcia* 1. 'рука'; 2. (и *gareta*) 'лапа; копыто коровье или телячье'; во мн.ч. 'сумка, торба для корма'²³. Набор значений этих имен ('нога, лапа', 'рука' и 'сумка'), а также известные "функциональные" обозначения руки как орудия для собирания, хватания (слав. **gōka*, русск. экспр. грабли) приводят к мысли о возможности родства польск. *gara*, *gareś* с ю.-слав. (болг. и с.-хорв.) *garati* 'кусать, есть' при условии первичности для глагола значения 'братъ, хватать'. Последнее достаточно вероятно, поскольку

¹⁴ Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. *Български толковен речник*. София, 1955.

¹⁵ Ст. Илчев. *Към ботевградската лексика*. - Сб. "Българска диалектология", кн. I. София, 1962, стр. 200 (далее - БД).

¹⁶ Д. Евстатиева. *Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско*. - БД VI, 1971, стр. 219.

¹⁷ Иван К. Шапкарев и Любомир Близнаев. *Речник на самоковския градски говор*. - БД III, 1967, стр. 270.

¹⁸ Злата Божкова. *Принос към речника на софийския говор*. - БД I, стр. 265.

¹⁹ Лука Гълъбов. *Говорът на с. Доброславци, Софийско*. - БД II, 1965, стр. 102.

²⁰ Ив. Кънчев. *Говорът на село Смолско, Пирдопско*. - БД IV, 1968, стр. 138.

²¹ "Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika". *Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti*, sv. 55. Zagreb, 1952, стр. 65.

²² W. Kosiński. *Słownik okolicy Czchowa. "Materiały i prace komisji językowej Akademii umiejętności w Krakowie"*, VII, Kraków, 1915, стр. 56.

²³ J. Karłowicz, A. Kuryśki, W. Niedźwiedzi. *Słownik języka polskiego*, t.V. Warszawa, 1912, стр. 476 (далее - Warsz.).

семантическое развитие 'братъ, хватать' → 'кусать' в славянских языках хорошо известно: ср. русск. хватать еду, собака хват за ногу, болг. хапя 'кусать' (при русск. хапать 'братъ'). Из первичного 'хватать' можно объяснить и другие значения болг. рапам, рапа - 'сильно чесать', 'сильно ударять': ср. русск. хватить камнем, палкой.

Если польск. *gara*, *gareś* и ю.-слав. *garati* родственны, то, с одной стороны, становится правомерной реконструкция праслав. **garati*, причем не только для диалектов, легших в основу болгарского и сербохорватского языков, но и для некоторых западнославянских диалектов, поскольку здесь сохранились производные отглагольные имена. При этом возможна также и реконструкция **gara*, **garъtъ* как праславянских диалектных образований, так как в польском производящий глагол утрачен и исчезновение его может относиться еще к праславянскому периоду. Следует отметить, что **garъtъ* характеризуется типичным для славянских названий частей тела суффиксом *-tъ-*: ср. **nogъtъ*, **koгъtъ*, **olkъtъ*.

С другой стороны, предположение о родстве польск. *gara*, *gareś* и ю.-слав. *garati*, обусловленное принятием в качестве первичного значения 'братъ, хватать', одновременно определяет и возможную этимологическую ориентацию глагола **garati*: он может быть связан с гнездом и.-е. **ger-* 'хватать, урывать'. К этому гнезду принадлежат довольно многочисленные образования в различных индоевропейских языках: др.-инд. *gāras-* n. 'физический недостаток', алб. *gjer* 'снимать, сдирать, обирать', лат. *garere* 'поспешно хватать, захватывать', греч. *ἐρέπτομαι* 'есть, пожирать', др.-исл. *gefsa*, др.-в.-нем. *gefsen* 'наказывать', лит. *gępti* 'охватывать' и др.²⁴ Интересно, что семантическое развитие 'братъ, хватать' → 'кусать, есть', предполагаемое для слав. **garati* в болгарском и сербохорватском языках, находит точное соответствие в греч. *ἐρέπτομαι* 'есть, пожирать'. Вероятно, это следствие однотипного, но разновременного семантического развития. Если учесть значение родственного алб. *gjer* 'снимать, сдирать, обирать', то можно допустить, что в первичную семантику индоевропейского глагола входил оттенок 'отрывать, рвать', так что и.-е. **ger-* собственно 'хватать, отрывая; урывать' (что и отмечено Покорным: *an sich reißen, raffen*). Наличие этого оттенка хорошо дополняет представление о возможности развития значений 'кусать, есть' (в греческом, болгарском и сербохорватском) и 'нога (с когтями), копыто, лапа, рука' (в польском). Непосредственным отражением и развитием того же оттенка 'отрывать, рвать' может быть значение

²⁴ Pokorny I, стр. 865.

'сильно чесать', зафиксированное в диалектах для болг. рапам (см. выше).

Если направление семантического развития объединяет славянский и греческий глаголы, то структурное (вероятно, более существенное в генетическом плане) сходство сближает славянский глагол с литовскими образованиями. Корневое a в слав. *garati (при условии вхождения в описанное выше гнездо и.-е. *гер-) должно восходить к и.-е. *ō. Между тем в образованиях, относимых к гнезду *гер-, преобладает краткий вокализм в ступени *e. В некоторых именах и глаголах представлено *o (др.-прусс. garles 'щипцы, клещи', герм. *rajan в ср.-в.-нем. reffen 'порицать'), в англосаксонском ступень *ō характеризует отглагольное имя - gerōf 'обвинение, порицание'²⁵, но только в литовском удлиннение является непременным признаком вокализма для глаголов данного гнезда (ср. лит. rėpti) и из всех относимых к и.-е. *гер- глаголов только в литовском глаголе зафиксирована огласовка, которая может быть истолкована как ступень *ō: это rōpti, arbrōti 'покончить с какой-либо работой'²⁶. Таким образом, качественная и количественная характеристики корневого вокализма сближают славянский глагол только с литовским.

Слав. *объѣа/*объѣа

Восточнославянское (русское и белорусское) название оглобель у сохи - русск. обжа, белор. гобжа, др.-русс. объѣа - имеет обширную этимологическую литературу. Из многочисленных истолкований, предложенных исследователями, привлекли наибольшее внимание и чаще других подкрепляются новыми соображениями две гипотезы: первая предполагает происхождение из *o-bъg-ja 'изгиб', родственного глаголу огать 'гнуть' (гипотеза Потебни²⁷), вторая - происхождение из *obъgja, родственного имени иго (гипотеза Микколы²⁸). Будучи как будто достаточно обоснованными семантически, обе этимологии вызывают возражения с точки зрения фонетики. В пер-

²⁵ Там же.

²⁶ Fraenkel, стр. 722; M. Niedermann, A. Senn, F. Vreder. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, Bd. III. Heidelberg, 1957, стр. 571.

²⁷ А.А. Потебня. К истории звуков русского языка. IV. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883, стр. 15-16.

²⁸ J. J. Mikko. "Indogermanische Forschungen" 26, 1910, стр. 295. Прочую литературу см.: Фасмер III, стр. 98.

вом случае предположение об этимологическом первичном корневом ъ противоречит древнерусской форме род. мн. обѣжъ²⁹, где е должно восходить к ъ. Во втором случае остается непонятным отсутствие l-epentheticum.

Противоречивость существующих этимологических решений относительно русск. обжа побуждает к поискам новых истолкований. Основанием для них может послужить привлечение дополнительного материала - некоторых лексем русского и других славянских языков, которые представляются родственными рассматриваемому слову. Не опровергая решительно имеющиеся этимологии, этот материал позволяет, однако, полнее восстановить круг реалий и понятий, связанных с появлением и функционированием слова обжа и родственных ему, а тем самым открываются, кажется, и новые перспективы для осмысления происхождения слова.

Прежде всего, большой интерес представляет предложенное Г.Турской сопоставление восточнославянского названия оглобель у сохи с польск. obza, obdza 'веревка для привязывания коней, коров, режее другого скота к колышку, вбитому в землю на пастбище', 'шнур, веревка, которой привязывают в задней части воза жердь, пригнетающую сено на возу', 'поперечные постромки в вожжах', 'липовая бечевка'³⁰. Предполагаемое Г.Турской родство русск. обжа и польск. obza, obdza не вызывает сомнений ни в формальном, ни в семантическом плане и позволяет сделать первый шаг в реконструкции древнейшей истории слова и реалии: оглобли сохи, известные историкам культуры уже в виде деревянных палок, жердей, служащих для соединения лошади и сохи, получили свое название от веревки, служившей для привязывания скота, и, вероятно, явились лишь усовершенствованием этого простейшего средства соединения, связанным с развитием земледельческой техники.

Г.Турска реконструирует для русск. обжа, польск. obza, obdza первичное значение 'то, что служит для связывания' и принимает этимологию Микколы: *obъgja, родственное с иго. Отсутствие l-epentheticum Турска связывает с границей морфем; из польских форм древнейшей признается obdza, с dz < g по третьей (Бодуэновской) палатализации³¹. Но начатые Турской поиски инославянских

²⁹ И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II, СПб., 1895, стб. 576.

³⁰ Halina Turcka. Polskie obdza, ruskie obża. "Studia z filologii polskiej i słowiańskiej", V. Warszawa, 1965, стр. 109-110.

³¹ Там же, стр. 111-115.

родственных для русск. обжа могут быть продолжены, и поэтому реконструкция первичного значения несколько преждевременна.

Дальнейшие родственные связи русск. обжа устанавливаются следующим образом. К польск. *obza*, *obdza* максимально близко по форме чеш. диал. (района Турнова) *obza* 'часть кожи около хвоста, по бедрам' (термин кожевников)³². Значение польск. *obza*, *obdza* - 'веревка для привязывания скота..., шнур, бечевка' - даже на первый взгляд достаточно близко к значению чешского слова, чтобы можно было рассматривать эти образования как генетически тождественные. Однако существенно определить соотношение их значений в историческом плане. В этом аспекте представляют интерес лексические данные, отразившие использование в качестве веревок, поясов и т.п. обрезков, краев ткани: таковы русск. покрёмка 'кромка, крайняя полоса, продольный край ткани' и перм. 'женский пояс, большей частью из суконной покрёмки'³³; белор. крайка 'кромка у сукна или материи', но ср. контекст: П о д п е р е ж и с ь крайкою. Крайка н а с п о в и в и ш годзицца³⁴, а также полесск. крайка 'подпруга'³⁵. Аналогичным образом - для выделки ремней - могут использоваться обрезки, края кожи. Следовательно, значения польск. *obza*, *obdza* и чеш. *obza* допустимо толковать как рефлекс различия этапов семантического развития 'часть кожи' → 'ремень' → 'веревка, шнур', так что чеш. *obza* 'часть кожи около хвоста' оказывается семантически более архаичным.

Следующий шаг в реконструкции семантики гнезда русск. обжа подсказывается наличием белор. абза '(край доски), кромка'³⁶, 'изъян в обработке дерева; нижний слой коры дерева'³⁷. Уточнению исходного значения белор. абза помогают слова, которые представляются производными от него: абзой 'край доски с корой'³⁸, 'пер-

32 "Přiruční slovník jazyka českého. Vydává třetí třída České akademie věd a umění". D. III. Praha, 1938-1940, стр. 778; F. K o t t. Česko-německý slovník. D. II. Praha, 1880, стр. 257.

33 Даль² III, стр. 246.

34 И.И. Н о с о в и ч. Словарь белорусского наречия. СПб, 1870, стр. 251.

35 Л.И. М а с л е н н и к о в а. Из полесской терминологии транспорта. "Лекс. Пол.", стр. 173.

36 "Беларуска-рускі слоўнік". Пад рэд. акад. К.К. Крапівы. Масква, 1962, стр. 26.

37 М.І. К а с ь п я р о в і ч. Віцебскі краёвы слоўнік (матар'ялы). Віцебск, 1927, стр. 3.

38 І.К. Б я л ь к е в і ч. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970, стр. 22 (далее - Бялькевич).

вый, наружный слой дерева' (Добра н'и аскрэсл'и б'ерв'анó, абзой тоўсты)³⁹, абзол (На етны дошкі абзол нівялікій, сайдзець)⁴⁰. Ср. также: польск. диал. *obzoja*, *obzbj*, *obzoj* 'один из округлых краев, остающихся у колоды при отесывании ее в четырехгранник; изъян кромки доски или балки из-за округлой поверхности второй стороны' (*Brusy sosnowe na kant bez obzoi ciosane*)⁴¹, *obzalec*, *-lca* и *obzalec* 'сорт тесаного дерева'⁴², русск. диал. калуж. абзол, курск. обзёл 'закрайна доски, тесницы, откос и неровности кромки'⁴³, обзёлок курск. 'неровный край доски' (Доски не обрезные, с обзелками)⁴⁴. Обзол, обзёл (белор. абзол) являются производными от обжа (абза) или однокоренными с последним, образованными при помощи суффикса *-(ъ/ь/е)л-*, ср. пар и укр. парло 'пар в бане', слав. **qza* и **qz(ъ/ь)lъ*, слав. **vьrtelъ*. Менее ясна структура белор. абзой, польск. *obzoja*, *obzbj*, *obzoj*, но и здесь можно предполагать производное от *obza* с суффиксом *-oj-* (ср. слав. **děvoja*, с.-хорв. *starojo*)⁴⁵). Сопоставление значений всех приведенных образований позволяет считать исходным для белор. абза значение 'кора' (приведенное в словаре Каспяровича - см. выше - значение 'нижний слой коры дерева' максимально близко к предполагаемому). Все прочие значения легко объясняются из 'кора': 'кора' 'край доски (с корой)' → 'сорт дерева'. Особо следует оговорить лишь укр. обзёл, -лу 'каждый из клинков ножиц'⁴⁶. Это слово явно тождественно по происхождению с приведенными белор. абзол, русск. обзел, обзол, но представляет следующий по отношению к ним этап развития значения: ('кора' →) 'край доски (с корой)' → 'край, острие'.

Близость значений 'часть кожи' (чеш. *obza*) и 'кора' (белор. абза и др.) не требует обоснования. Вряд ли возможно и их диахроническое разграничение. Скорее следует исходить из синкретического значения, покрывавшего понятия и верхней ткани тела животного, и наружного слоя дерева. Можно поэтому, возвращаясь к семантике

39 Т.Ф. С ц я ш к о в і ч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972, стр. 9.

40 Бялькевич, стр. 22.

41 Warsz. III, стр. 539.

42 Там же, стр. 540.

43 Даль² II, стр. 583.

44 Там же, стр. 582.

45 F. M i k l o s i c h. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. II. Stammbildungslehre. Wien, 1875, стр. 84.

46 Б.Д. Г р и н ч е н к о. Словарь украинского языка. Т. III. Киев, 1909, стр. 9.

польск. *obza*, *obdza*, считать значение 'липовая бечевка' непосредственно производным от первичного 'кора, кожа', как и 'ремень' (ведь и лыко есть собственно часть коры).

Возможно, что это первичное синкретическое значение включало некоторую качественную оценку – отрицательную: чеш. *obza* – это часть кожи около хвоста, по бедрам, т.е. кожа низшего сорта; белор. *абза* и производные тоже редко обозначают кору дерева как растения (разве только у Каспяровича), а обычно это кора на тесе, досках, мешающая работе, дефект дерева как материала.

Таким образом, для этимологического гнезда, в которое входит русск. *обжа*, в качестве древнейшего доступного значения устанавливается 'кора, кожа' (может быть, 'плохая кора, кожа'). Это значение или его ближайшие производные ('край доски', 'сорт дерева') прослеживается не только в формах, имеющих конечное корневое *z* (белор. *абза*, русск. *обзел*, *обзол*, чеш. *obza*), но также и в формах с конечным корневым *ž* (т.е. близких к русск. *обжа*): см. выше польск. *obżelec*, *obżalec* 'сорт тесаного дерева'.

Обратимся к форме слова *обжа* и родственных. Как справедливо предполагает Г.Турска, конечное чередование *z/ž/g* (последнее – в русск. диал. *обга*) может быть рефлексом и.-е. **g*, изменившегося на славянской почве в *ž* (в сочетании с *j*) или в *z* (по третьей палатализации). Тем самым наличие форм с *z* подтверждает необходимость корневого гласного переднего ряда и делает невозможным истолкование *обжа* < **obǰgia*. Поэтому Г.Турска принимает этимологию *обжа* < **obǰǰgia* (где *ǰǰ* > *ǰǰ*), т.е. родство с *иго*. Как уже было сказано выше, в пользу *z* < *g* (по третьей палатализации) может быть истолковано и наличие польского варианта *obdza* (*dz!*). Однако есть и возражение против такого объяснения *z*: возникшее по третьей палатализации *z* в чешском вызывало изменение последующего *a* > *ǎ* > *e* (ср. ст.-чеш. *stzě* 'тропа'), тогда как в чеш. диал. *obza*, зафиксированном в Турнове (северная Чехия), это изменение отсутствует. Что же касается *d* в польск. *dz*, то оно может быть и поздним, вставным. Относительно этимологии *обжа* < **obǰǰgia* сохраняются возражения фонетического характера (отсутствие 1-epentheticum), к которым можно присоединить сомнения в плане семантики: значение 'связывать, соединять', присущее и.-е. **ieug-* (слав. *иго* и т.д.), хорошо согласуется с позднейшими значениями гнезда **obǰǰa*/**obǰǰza*: 'отглобли', 'веревка', но не с реконструированным выше древнейшим значением 'кора, кожа'.

Предполагаемое В.Макеком восхождение чеш. *obza* < **ob-hza* < **ob-gǰza* к *gǰz-* (ст.-польск. *gizek* 'бедро')⁴⁷ трудно согласо-

⁴⁷ V. M a s h e k. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968, стр. 408.

вать со значением 'кора, кожа' и с иным фонетическим развитием группы праслав. **bg* в русск. *огузок*.

Другим источником слав. *z/ž* может быть и.-е. **g*: если и.-е. **g* > слав. *z*, то это *z* в сочетании с *j* дает слав. *ž*. Неясным в этом случае остается происхождение русск. *р* (*обга*). Впрочем, его можно объяснить явлением обратного словообразования (от *обжа*) или аналогическим воздействием со стороны *огать* (ср. преобразование *обжа* по аналогии с *узы* – оренб. *вобужи*⁴⁸). Если принять для слав. **obǰǰa*/**obǰǰza* развитие *z, ž* из и.-е. **g*, а в семантическом плане опираться на первичность значения 'кора, кожа' (при этом кожа плохого качества, а кора – мешающая поделкам, подлежащая устранению), то представляется возможным предположение о родстве данных славянских образований с балто-славянским гнездом, представленным лит. *iēžti* 'лущить', *ižti* 'лущиться (например, о горохе), трескаться (например, про лед)', *aižyti* 'лущить', *išaiža* 'шелуха', *aiža* 'щель', лтш. *aiza* 'ущелье', др.-прусск. *eyswo* 'рана', слав. **jazva*⁴⁹. Тогда слав. **obǰǰa* восходит к **ob-ǰza*, в котором корень *-ǰz-* имеет вокализм в ступени редукции, тождественный лит. *ižti* 'лущиться' и *ižā, ižās* 'сало, шуга'. Этимологическое значение слав. **ob-ǰza* – 'об-лупливающаяся'. Слав. **obǰǰa* представляет славянскую йотацию той же основы. Семантическим обоснованием этого истолкования слав. **obǰǰa*/**obǰǰza* является возможность обозначения коры и кожи как отделяемой, слупливающейся, шелушащейся части дерева или тела животного. Ср. семантически близкие лит. *išaiža* 'шелуха' (однокоренное со слав. **obǰǰa*), русск. *лупа* 'плоть, струп, что в бане сходит с тела'⁵⁰, слав. **skora* и **kora*, родственные литовскому глаголу *kėrti* 'отстать, отделиться (о коже, коре)'.
· Можно указать семантическую параллель и для более позднего, вторичного значения слав. **obǰǰa* – 'край доски с корой' (белор. *абза, абзой*): ср. словен. *slák* 'боковая доска' при *slěci* 'снимать, сдирать' (*kožo* в. 'снимать кожу').

Таким образом, русск. *обжа* 'отглобя у сохи' представляется итогом отраженной в лексике славянских языков истории развития

⁴⁸ В. Черемшанский и И. Описание Оренбургской губ. в сельскохозяйственном, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859, стр. 299.

⁴⁹ Впрочем, возможно, что это гнездо выходит за пределы балтийских и славянских языков: сюда относят, например, и хет. *igāi-* 'трескаться', см.: J. K n o b l o s h. "Kratylos", 4, стр. 32.

⁵⁰ Даль² II, стр. 274.

соответствующей реалии от лыковой веревки и кожаного ремня до части деревянного сельскохозяйственного орудия.

Уже после того, как настоящая статья была сдана в печать, я познакомилась с двумя работами, касающимися этимологизации белор. абза. В. Свобода упоминает это слово в статье о белорусской этимологии и с большим сомнением сопоставляет его с польск. obza 'привязь для скота'⁵¹. В.В.Мартынов в специальной заметке о белор. абза кратко анализирует возможные славянские соответствия и существующие этимологии. При этом ставится под сомнение родство с польск. obza и чеш. obza 'кожа'. Автор предлагает истолкование белор. абза, абзой < аб-зой < ззяць 'зять'⁵². Однако приведенная семантическая параллель – родство лит. žibgauti 'зевать' и žibgris 'забор из неплотно пригнанных планок' – представляется не совсем точной и потому недостаточно доказательной.

Б.Л. О г и б е н и н

И.-Е. *leu(H)- В СРЕДНЕИНДИЙСКОМ
И ЕГО БАЛТИЙСКИЕ СВЯЗИ

Поиски соответствий между среднеиндийскими языками или диалектами, возникновение и развитие которых, как принято считать, весьма удалено по времени от общеиндоевропейского периода (как предполагается, в значительно большей степени, чем это может быть сказано в приложении к языкам, которыми традиционно оперирует индоевропейское языковедение), и индоевропейскими языками вне Индии, в частности балтийскими, во многом затруднены сложившимися точками зрения; одна из них – наиболее категорическая – принадлежит Л.Рену: "прошло время, когда можно было надеяться, что с помощью индоевропейского объясняются факты исторического времени; теперь инновации считаются более важными, чем пережитки"¹. Вслед за Рену этот принцип был подхвачен и развит в гиперкритической по отношению к попыткам нахождения архаизмов в диалектной истории индоарийских языков статье М.Майрхофера. Согласно его крайней формулировке, "поскольку возможно решение, опирающееся на внутрииндийские факты, не стоит стремиться обнаружить индоевропейский этимон"². В более недавнее время М.Б.Эмено высказал мысль, что принимая достаточную древность среднеиндийских диалектов, для которых следует предполагать существовавший некогда общий протосреднеиндийский диалект, изохронный диалекту "Ригведы" (или тем диалектам, которые отражены в языковой норме ведийских текстов, если исходить из того, что она восходит к нескольким диалектам³), ни одно из двух мнений (1. древнейшие индоарийские языки продолжают язык всех индоевропейских иммигрантов, вступивших на индийский конти-

¹ L. R e n o u. "Language", v. 29, 1953, стр. 186.

² M. M a y r h o f e r. Das Problem indo-germanischer Altertümlichkeiten im Mittelindischen. "Studia Indologica", Bonn, 1955, стр. 221-222, ср. стр. 226 (статья представляет собой обширный и хорошо документированный ссылкой на предшествующую литературу, из которой особенно отмечаются работы Я.Вакернагеля, Р.Линделя, Ж.Блока, Т.Барроу, обзор истории изучения вопроса).

³ Ср. однако замечания о единой диалектной основе языка "Ригведы" (точка зрения Я.Вакернагеля) в кн.: Т.Я. Е л и з а р е н к о - в а. Ригведа. Избранные гимны. М., 1972, стр. 59, но ср. стр. 58.

⁵¹ V. S w o b o d a. Some Problems of Belorussian Vocabulary. - "Studies in Slavic Linguistics and Poetics. In Honor of Boris Unbegaun." N.-Y., London, 1968, стр. 247.

⁵² В.У. М а р т ы н а ў. Бел. абза, абзой, абзод. "Беларуская лінгвістыка", вып. 2. Мінск, 1972, стр. 73.

нент и 2. данные этих языков относятся к языку лишь части, возможно, небольшой, индоевропейцев в Индии) не может быть признано окончательно верным⁴. Решение, основывающееся на втором предположении, допускало бы сохранение в среднеиндийском (подобно средневековым германским диалектам, материал которых может быть использован для реконструкции общеиндоевропейского состояния) не засвидетельствованных в собственно древнеиндийском языковых черт, восходящих к общеиндоевропейскому и известным сосуществовавшему с языком "Ригведы" протосреднеиндоарийскому, или иначе, архаическому среднеиндийскому. Примечательно в то же время, что после критики Т. Барроу, в которой он коснулся трактовки в среднеиндийских языках индоиранских звуковых различий, стершихся в древнеиндийском кш, М. Майрхофер, считавший раньше, что данные среднеиндийских языков не дают оснований видеть здесь звукового закона, отказался от своей точки зрения в пользу предложенного Барроу⁵. Принимая, согласно современной интерпретации проблемы, что концепция протосреднеиндоарийского отвечает представлению о том, что две последовавшие одна за другой волны индоевропейцев (более ранняя из которых была отнесена более поздней в восточную часть индийского континента) являлись носителями тех протодиалектов, которые эволюционировали в диалекты, известные впоследствии в северо-западной Индии, и которые характеризовались фонетическими чертами, близкими к фонетическим чертам реально засвидетельствованных среднеиндийских языков⁶, можно считать, что историческая проблема соотно-

⁴ M. B. E m e n e a u. The Dialects of Old Indo-Aryan. "Ancient Indo-European Dialects". Eds. H. Birnbaum, J. Puhvel. Berkeley and Los Angeles, 1966, стр. 127, 131-132. Ср.: W. W ü s t. - O L Z, 1955, н. 1-2, стлб. 63 о признании в древнейшем индоарийском различий, близких к диалектным, которые привели в дальнейшем к стилистической дифференциации, проявившейся как противополжение языка брахманов (собственно санскрита) языку более обширных индоарийских слоев (среднеиндийских диалектов). Ср. также: M. L e u m a n n. Merkmale des Sanskrits als Brahmanensprache und als Kurstsprache. "Asiatische Studien. Études asiatiques", XVIII-XIX, 1965.

⁵ См.: T. B u r r o w. - JAOS, vol. 79, 1959, стр. 255-262, особ. стр. 261; M. M a y r h o f e r. "Die Sprache", Bd. XIII, н. 1, 1967, стр. 86.

⁶ См. из недавней литературы: J. G o n d a. Old Indian. "Handbuch der Orientalistik", Abt. II, 1, Bd. 1. Abschnitt, Leiden-Köln, 1971, стр. 18-20; ср.: M. B. E m e n e a u. Указ. соч., стр. 131.

шения общеиндоевропейского со среднеиндийскими языками (т.е. с языками, относящимися к последовавшим за древним периодом языковой истории) трансформируется в проблему поиска индоевропейских архаизмов в гипотетическом протосреднеиндоарийском. Такая постановка вопроса представляется более реалистической из соображений устранения в схеме исторического соотношения языков хронологической дистанции (возможно, согласно высказанным предположениям, мнимой), отделяющей язык индоевропейских пришельцев в Индии от среднеиндийских языков, тексты на которых, как они дошли до нашего времени, относятся все же к более позднему историческому периоду, чем тексты на ведийском санскрите, являющиеся наиболее ранними текстами языковой истории Индии.

Говоря об индоевропейских архаизмах, как правило, подразумевают преимущественно фонетические, в меньшей части случаев - морфологические архаические черты, почти отвлекаясь от поисков архаических изоглос в области лексики и синтаксиса. Сравнение, преследующее цель установления линий эволюции от общеиндоевропейского к протосреднеиндоарийскому, ограничивается, таким образом, либо наблюдениями над возможными регулярными фонетическими преобразованиями (такого рода наблюдения содержатся в статьях Майрхофера), либо над некоторыми типами морфологических структур (в частности, в статьях и заметках Эмено и Майрхофера); надежное же сопоставление целых слов после тщательной проверки предлагавшихся раньше различными учеными лексических изоглос, объединяющих общеиндоевропейский и индоарийский, ограничивается едва ли не единственным апабхран. *tīra* 'вид сыра', сравниваемым с греч. *τύρος* 'сыр' и авест. *tū¹ ri* 'ставшее сырообразным молоко'⁷ (другие, более сомнительные, этимологические сопоставления - в указанных статьях Майрхофера и Эмено).

Второе, что отчетливо видно в работах, в которых разбираются общие черты индоевропейского и индоарийского, - почти полное отсутствие данных буддийского санскрита. Это понятно, если помнить, что даже создатель филологии текстов на буддийском санскрите Ф. Эджертон⁸ (хотя в его грамматике этого языка в избранных случаях и уделяется внимание индоевропейским архаизмам вне понимания

⁷ M. M a y r h o f e r. Указ. соч., стр. 227 (ср.: E. L i d é n. - KZ, Bd. 61, стр. 9).

⁸ Ф. Эджертон предложил называть этот язык буддийским гибридным санскритом, в дальнейшем же вокруг этого наименования велась полемика, ср.: K. R é g a m e y. Le pseudo-harax ratikara et la lampe qui rit dans le "Sūtra des ogresses" bouddhique. "Études asiatiques", XVIII-XIX, стр. 182, прим. 15.

всей проблемы их места по отношению к собственно индоарийским элементам буддийского санскрита) считал его разновидностью санскрита, тогда как уже после работ Эджертона, насколько известно, только Эмено в статье о древних индоарийских диалектах сослался на данные буддийского санскрита наряду со среднеиндийскими, считая это совершенно естественным⁹. Однако понимание буддийского санскрита как среднеиндийского диалекта заставляет рассматривать этот язык в совершенно новой перспективе: в частности, можно предполагать, что диалект, лежащий в основе санскрита буддийских текстов, хотя немного можно сказать определенного о его географической локализации и реальной хронологии, в свою очередь, составлял часть протосреднеиндоарийской диалектной общности.

Если высказанное выше верно, то не исключено, что в языке буддийских текстов на санскрите нашли отражение черты более архаичные, чем те, которые известны из общей картины древнеиндийского, привлекавшегося чаще всего в сравнительно-исторических построениях. Предложенное ниже сопоставление, конечно, не должно обесценить существенное для изучения природы буддийского санскрита обстоятельство, что в этом языке крайне важна доля санскритских фонологических и грамматических моделей, так как его данные дошли до нас в санскритизованном виде (ср. хотя бы орфографические особенности рукописей буддийских санскритских текстов, часто сильно затрудняющих определение фонетической реальности); однако следует предполагать, что пропорция собственно санскритских моделей будет убывать по мере того, как удастся отыскать все большее число среднеиндийских черт, скрытых особенностями записи и передачи текстов в условиях приобщения их в ходе истории к иератической традиции буддийской санскритской литературы.

Будд. санскр. *palāva-* 'солома, шелуха, мякина' при кажущейся неоспоримости предполагаемого происхождения и вытекающей из этого

⁹ См.: М. В. Е м е н е а у. Указ. соч., стр. 128 и прим. 8 ("Buddhist Sanskrit material must, of course, not be treated as Sanskrit, but as Middle-Indo-Aryan"). Данными буддийского санскрита при установлении индоевропейских этимологий древнеиндийских слов частично оперирует в недавней статье Т. Барроу (T. B u r r o w. Spontaneous Cerebrals in Sanskrit. - BSOAS, v. XXXIV, pt. 3, 1971, стр. 553-554). Ср. еще раньше о буддийском прапракрите: Е. С е н а р т. Prakrits et sanskrit bouddhiques. "Journal asiatique", 7 série, t. XIX, 1882, стр. 238-248.

прозрачности структуры¹⁰ вызывает сомнения, касающиеся, с одной стороны, как раз происхождения этого слова, с другой, - его принадлежности собственно древнеиндийскому. Это слово встречается во всей литературе на санскрите только четыре раза: дважды в "Сутре лотоса благого закона" (Saddh.-pund. 39, 3 и след., и Saddh.-pund. 44.13-14) в словах Будды об окружающем его собрании монахов (*niṣpalāvā me paṇṣad 'лишено шелухи ... мое сообщество'; (śuddhā ca niṣpalāvā ca susthitā pariṣan mama 'незапятнано, лишено шелухи, твердо стоит мое сообщество')*); один раз в "Атхарваведе" XII. 3, 19 (*śūrpaṁ tūṣam palāvān ara vinaktu 'пусть отделит сито мякину и плевелы!'*) и один раз в "Джайминия Брахмане" I. 54, 1. Уже то, что это слово ограниченного распространения отмечено только в ведийском и буддийском санскрите, позволяет определенным образом стратифицировать лексику ведийского санскрита и прапракрита, послужившего основой для буддийского санскрита, в отношении хронологии, так как это совпадение представляет собой изоглоссу, объединяющую эти языки¹¹. Если же прибавить, что в рецензии "Атхарваеды" школы пайпалада встречается немало черт, связываемых,

¹⁰ См.: J. P o k o r n y. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959, стр. 802, где др.-инд. *palāvās* (мн.ч.) соотносится с и.-е. **pelōu-s*, **pelō-ós*, **pel-* в словах со значением 'пыль, мука' при сближении с этим же корнем лит. *pėliūs*, лтш. *pelus*, *pelavas* 'мякина', ст.-слав. ПЛЪВЫ, русск. полова. Ср.: J. W a s k e r n a g e l - A. D e b r u n n e r. Altindische Grammatik, Bd. II, 2. Göttingen, 1954, стр. 870 (об унаследованном характере др.-инд. или вед. *palāva-*).

¹¹ Ср. о подобных изоглоссах: С. Н а е б л е r. Pā. iñjati. buddh. Skt. iñjate: Ved. ṛñjāte - eine mittelindische-vedische Isoplexe. "Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies Presented to F. V. J. Kuiper". The Hague-Paris, 1968. Встречающееся в буддийской "Праварана-сутре" *plāvī* с тем же значением (ср. тавтологическое сочетание *basa-plāvī* в "Дивьявадане" 12. 25 и 13. 17) объяснено Г. У. Бейли как гиперкоррекция будд. скр. *palāva-*, возникшая в результате переработки буддийскими писцами этого слова на основании их представлений о соответствиях между среднеиндийским и санскритом: в будд. санскр. *palāva-* первый гласный был воспринят как вставной, ср. др.-инд. *plavate* 'он плывет', палийск. *palavati*, *pilavati* 'то же'; северо-зап. прапр. *keleśa-*, 'скверна', палийск. *ki-leśa* 'то же', будд. скр. *kleśa-*, др.-инд. *kleśa-* (см.: Н. В. В а и л е у. Irano-Indica IV. - BSOAS, v. XIII, 1950, pt. 4, стр. 938).

согласно Л.Рену, с гибридизацией ведийского санскрита¹², источник которой нужно видеть либо в ведийской дидактической прозе, либо в разговорном языке (ср. выше о стилистическом различии языка брахманов и речи более широких слоев, проявляющемся как диалектное различие), то наличие ср.-инд. (?) *paḷāva-* в буддийских текстах и в текстах ведийской традиции приобретает особое значение. Не является ли эта лексема протосреднеиндоарийской, и если это так, то каковы ее индоевропейские связи?

Будд. санскр. *paḷāva-* имеет дублет *paḷāra-* (F. E d g e r t o n. *Buddhist Hybrid Sanskrit Dictionary*. New Haven, 1953, s.v., стр. 337), заставляющий вспомнить палийск. *paḷāra* с тем же значением, где мена *-v/-p-* понимается вслед за В.Гайгером и Г.Людерсом как гиперпализм¹³. Если с точки зрения исторической

¹² Особенно важно, что в этой рецензии "Атхарваведы" наличествуют языковые черты, сближающие ее язык именно с буддийским санскритом (эти черты названы Л.Рену, связь же с буддийским санскритом указана только для части из них): наличие аллофонов *i*у, *u* для *y*, *v*; мена *ks/ch* в начале и в середине слов, что устанавливается их сравнением с соответствующими им древнеиндийскими словами (сходные факты засвидетельствованы в некоторых праkritах, см.: M. M a u r g h o f e r. Указ. соч., стр. 230-231, 232); чередование сонантов *r/l* в глагольной приставке *nir-* (*nil-*); причастная форма *āsīyāna*, сближаемая Рену с формами будд. санскр. *āsīyati*, *nisīdiyāna* (ср. о близкой к этим формам глагольной форме *osīyāti* 'оседает (о стене)', встречающейся в "Махавасту" и сопоставляемой с др.-инд. *avasīdati*, источником приведенного *-sīyati*, в статье: J. W. de J o n g. *The Magic Wall of the Fortress of the Ogresses: à propos of āsīyati (Mahāvastu III, 86.3). "Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies Presented to F. B. J. Kuiper"*); тематизация причастий на *-ant*, как в буддийском санскрите; наконец, редкое для ведийского санскрита употребление частицы *mā* в запретительном значении с формами опатива (ср.: F. E d g e r t o n. *Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar*. London, 1953, стр. 200 и след.). Об указанных особенностях языка "Атхарваведы" см.: L. R e n o u. *Faits de langue propres au Paippalāda-Atharvaveda.* — В кн.: L. R e n o u. *Études védiques et pāṇinéesennes*, t. III. Paris, 1957, стр. 106, 107, 111, 112-113, 115 и 119.

¹³ См. о таких гиперпализмах: H. L ü d e r s. *Beobachtungen über die Sprache des buddhistischen Urkanons*. Berlin, 1954, стр. 112 и прим. 1, сделанное Э.Вальдшмидтом, где со ссылкой

преемственности (или диалектных различий?) палийск. *paḷāra* связывается с др.-инд. *praḷāva-* (с кратким *ā*; приведенное В.Гайгером **praḷāva-* с долгим *ā* ошибочно и в древнеиндийском неизвестно) 'обрубок', 'отрезок', 'кусоч (тростника)', то в будд. санскр. *paḷāva/paḷāra* как соответствии палийскому слову и в палийск. *paḷāra* следует видеть по крайней мере еще одну черту среднеиндийского характера, дополняющую указанную мена *-v/-p-* в пределах буддийского санскрита, — упрощение начального сочетания согласных (*pra > pa*), которое имеет место и в буддийском санскрите¹⁴, где оно более объяснимо в версифицированных текстах необходимостью соблюдения метрической схемы, но встречается и в прозаических текстах менее санскритизованного характера — ср. *paṇyaka-* 'прадед', палийск. *paṇyaka*, возводимое к возможному, но не засвидетельствованному др.-инд. **praṇyaka-* в прозе "Махавасту", *paṇyaka- < praṇyaka-* 'превосходный' в гатях "Дашабхумика-сутры" и др.); к мена *-v/-p* в буддийском санскрите ср. еще *dandavāsika-*, др.-инд. *dandapāśika-* 'вооруженная охрана'¹⁵. Будд. санскр. *paḷāva-*, как и соответствующее ему др.-инд. *praḷāva-*, по своим словообразовательным связям должно, следовательно, соотноситься с др.-инд. *lunāti/lunoti* 'резать, обрезать', от которого известны именные и глагольные образования, позволяющие считать *lunāti/lunoti* восходящим к и.-е. **leu-* и **leuH*¹⁶, ср. *lūpa-* 'хвост'

на В.Гайгера приводится палийск. *paḷāra* 'мякина', источником для которого предлагается считать др.-инд. *praḷāva-* с тем же значением.

¹⁴ Вследствие такого же, как и в среднеиндийском, преобразования *pra > pa* в древнеиндийском в сходных фонетических условиях появляется глагол *paḷāyate* 'прятаться, убежать', функционирующий как простой (бесприставочный), тогда как в нем следует видеть каузативный глагол **praḷāyayate*, изменивший свой облик после утраты одного из гаплогогических слогов *-ya-* и среднеиндийского перехода *pra > pa*; примечательно, что подвергшийся преобразованиям среднеиндийского типа глагол продолжал существовать в древнеиндийском. См.: J. C h a r p e n t i e r. *Beiträge zur alt- und mittelindischen Wortkunde.* — ZDMG, Bd. 70, 1916, стр. 247-249.

¹⁵ Другие подобные примеры: F. E d g e r t o n. *Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar*. New Haven, 1953, стр. 17, § 2.30.

¹⁶ См. об этой базе: W. S o w g i l l. "Language", v. 39, № 2, 1, 1963, стр. 253; ср. стр. 254, прим. 16, где утверждается, что *lunoti* является инновацией среднеиндийского типа, хотя именно в этой форме не соблюдается тенденция, отмеченная

(от прич. прош. вр. со значением 'отрезанный'), *lūna-ka-* 'скот', с одной стороны, *lava-* 'отрезок', *lāvaka-* 'косарь', - с другой; известны и именны образования от приставочных глаголов: др.-инд. *pralavana-* 'сбор урожая' (с кратким ā), *abhilāva-* 'покос' (с долгим ā) и др.

Если будд. санскр. *palāva-* без колебаний связывать с др.-инд. *pralāva-*, считая одно из этих слов источником для другого и рассматривая их как относящиеся к одному хронологическому слою, но одно - как принадлежащее собственно древнеиндийскому, а другое - протосреднеиндоарийскому, то в этом последнем следовало бы предполагать такие слова, как **palā-**vana-* (ср. др.-инд. *pralavana-*), **palavitar-* 'Abschneider', **palavitri* 'Abschneiderin' (ср. соответственно др.-инд. *pralavitar-*, *-trī-*) или еще **palūna-* при др.-инд. *pralūna-* 'отрезанный' (ср. кумаонск. *palūni* 'небольшая плетеная занавеска перед дверью'¹⁷, и ср. еще пракр. *palāva* 'болтовня', дрв. гуджарати *palāva* 'жалоба', палийск. *palāra* 'болтовня, вздор', сопоставляемые с др.-инд. из "Атхарваведы" *pralāra-* 'разговор'¹⁸. Отсутствие же приведенных под звездочкой гипотетических производных от глагола *lunāti/lunoti* в среднеиндийских языках и продолжающих их индоарийских (и наоборот, переход *pra > pa* в среднеиндийских и индоарийских отражениях содержащего другие морфологические компоненты др.-инд. *pralāra-* при близости его по звуковой структуре к др.-инд. *pralava-*, заставляет думать, что др.-инд. *pralava-* и его производные представляют собой вторичные образования (направление деривации - *palāva > pralava-*), возникшие при условии большего распространения в протосреднеиндоарийском лексеме с элементом *-lāva*. Из этого следует, что более непосредственно сопоставимым с индоевропейским (и лишь в этом смысле - более древним) является будд. санскр. *palāva-* (и только вторично - др.-инд. *pralava-*). Именно близость этих слов по значению, легкость перехода *pra > pa* и *pa > pra* при контактах древнеиндийского и протосреднеиндоарийского, а также различная долгота корневого гласного в производных от **leu-*, **leuH* (при

в среднеиндийском и заключающаяся в замене глагольного форманта *-po-* формантом *-nā-* в формах настоящего времени.

¹⁷ Источником этого слова является как раз др.-инд. *pralūna-*, см.: R. L. Turner. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, 1966, стр. 493.

¹⁸ Там же. Ср. стр. 448 кашмири *prōjū*, *prōji* 'мелко нарезанная солома' и ср. др.-инд. *palāla-* 'стебель, солома' ("Манудхарма-шастра"), 'просьяная солома', др.-инд. *palalī* 'солома' ("Атхарваведа"), но палийск. *palāla* 'то же'.

условии понимания 'отрезанного' как 'отвеянного', 'соломы', 'мякины', 'шелухи' и перехода от одного круга значений к другому, что должно было обусловить существование *д в у х* лексических единиц в древнейшем индоарийском) позволяет думать, что оба слова с разной степенью возможности непосредственного соотнесения с индоевропейским продолжают некоторую общую гиперлексему и восходят в конечном счете к и.-е. **prō-* *leu(H)-*, которое в древнейшем индоарийском могло быть представлено в виде наддиалектного контаминированного **p(r)a-lāva-*¹⁹.

При таком истолковании будд. санскр. *palava-* становится вероятным сближение этого слова не с лит. *pēlūs*, *pelaĩ* 'мякина, высевки, отбросы', лтш. *pēlus*, *pēlvas*, *pēlavas* (-*luvas*) 'то же', прусск. *pelwo* 'мякина', как это принято во всех сравнительных словарях при попытке связать приведенные балтийские слова со словами из языков внебалтийского ареала²⁰, а - какой бы естественной ни казалась приведенная серия соответствий (прежде всего благодаря разительному сходству значений), - лтш. *palēp(e)ne* 'заросшая часть озера; болотистый берег озера, моря' и с близким по кругу реалий тельмографическим (в терминологии Н.И. Толстого) термином лтш. *palēvene* 'зыбкое топкое место в болоте; обрывистый край берега'²¹. Доводами в пользу сопоставления будд. санскр. *palāva-*

¹⁹ Ср. сходную контаминацию и.-е. **po-* и **pra-* в др.-прусск. *pa-/po-* (см.: J. E. N. d. z. e. l. i. n. Altpreussische Grammatik. Riga, 1944, стр. 146). Ср. метатезу в подобных фонетических условиях, объясняющую расхождение между древнеиндийским и среднеиндийским: будд. санскр. *viprayāsa-* 'заблуждение', палийск. *vipallasa*, др.-инд. *viparyāsa-*.

²⁰ См.: E. F. r. a. e. n. k. e. l. Litauisches etymologisches Wörterbuch, стр. 568-569 (с лит.); K. Mülenbacha Iatviešu valodas vārdnīca, III sējums. Rīgā, 1927-1929, стр. 198; R. T. r. a. - u. t. m. a. n. Baltisch-Slawisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, стр. 213. Ср. выше, прим. 10, данные Покорного.

²¹ См.: Л. Г. Невская. Словарь балтийских географических апеллятивов. "Балто-славянский сборник". М., 1972, стр. 351. - Значение *palēp(e)ne* 'заросшая часть озера' в этой статье не приводится, но оно представляется важным, так как для семантики названий низкой сырой болотистой местности, к которой прилагаются оба латышских апеллятива (значение второго из них - 'обрывистый край берега', - вероятнее всего, вторично), характерно указание на то, что она густо зарастает тростником или камышом, - ср.: Л. В. Куркина. Названия болот в славянских языках. "Этимология 1967". М., 1969, где восстанавлива-

приведенных лексем актуализируются значения, относящиеся к кровельному покрытию жилых домов (по свидетельству Френкеля, ссылающегося на диалектные данные, лит. *lėpis* означало еще широкое переднее помещение перед входом в жемайтский дом) или помещений для скота, то, во-первых, речь идет о покрытии с использованием камыша или тростника (косвенно описываемых указанием на болотную растительность в целом), во-вторых, связь названий такого покрытия с названиями болотных растений в предлагаемом осмыслении может быть понята, если только допустить, что она является следствием сохранения в соответствующих балтийских языках одного из компонентов древнейшего значения, действительного для лексемы **prō-leu(N)* (протосреднеиндоарийск. **p(r)a-lāva*). В индоарийской же части индоевропейского мира оказались актуальными другие, столь же древние значения приведенной лексемы, связанные со стеблями соломы, получаемыми в итоге операции обмолачивания и отцеивания; весь же комплекс значений восстанавливаемой индоевропейской лексемы может быть объяснен, если допустить, что в индоевропейском имело место семантическое сближение трех и.-е. баз, достаточно близких друг к другу в фонетическом и семантическом отношениях, с той и.-е. базой **leu(N)-*, которая лежит в основании и.-е. **prō-leu(N)-*. Такими базами являются **leup-* (**leub-*, **leubh-*); **lep-*; **lēr*, **lōr*, **lar-*, из которых первая со значениями 'отрывать, отламывать, снимать кору или кожуру' представляет собой то же и.-е. **leu(N)-* с распространением *-*p(*-b, -bh)*, ср. приводимые Покорным на стр. 690 ее производные, среди которых для данного случая иллюстративны и доказательны ирл. *luibh* 'трава, злак, овощи', готск. *lauf* 'листва', 'зелень'; 'лист', др.-в.-нем. *louba* 'кровля из коры', нем. *laub* 'листва, зелень', лит. *lubà* 'доска; тес', лтш. *luba* 'кровельный гонт'; вторая база со значениями 'снимать кожуру, кожицу, отрывать' служит основанием для производных, приближающихся по своей семантике к тому кругу балтийских лексем, которые входят в серию растительных названий и особенно названий болотной растительности: др.-англ. *loefeg*, *leber* 'камыш, тростник', др.-в.-нем. *leber* 'камыш', словенск. *lėpen* 'лист', ср. русск. лепень 'кусок, лоскуток', русск. лепест 'лоскут..., клочок ткани, кожи // листок цветка' (Даль, II, стр. 639), русск. лепуха 'сильная, сплошная короста, кора на коже' (Даль,

auf morastigen Wiesen wachsende, stechende Pflanze', Из этого следует, что данное латышское слово в качестве тельмографического термина следует понимать в теснейшей связи с болотной растительностью (ср., однако, его значения, приводимые в словаре Л.Г.Невской).

II, стр. 640); наконец, третья база, фонетически наиболее близкая второй, Покорным непосредственно связывается с лтш. *lera* 'белокопытник', лит. *lāvas*, лтш. *lara* 'лист'²⁸. Если принять во внимание, что по своей семантике первые две базы тождественны, фонетическая же близость объединяет вторую и третью базы, и что среди производных от и.-е. **leu(N)-* известно общегерм. **lawā* 'отделенная кора' и алб. **flugë*- 'доска'²⁹ - слова с достаточно специализированным значением, то представляется вероятным, что и.-е. **leu(N)-* должно было изначально обладать более широким кругом значений, нежели тот, который приводит для этой базы Ю.Покорный - т.е. не только 'отрывать(ся), отделять(ся)', но и 'расширять(ся), распространять(ся), разрастаться, освобождать(ся), раздаваться вширь'³⁰, 'удаляться'; значение 'удалять(ся)' объясняет специфическое техническое приложение среднеиндийского слова, тогда как предыдущие значения представляются основными для связываемых с ним балтийскими лексемами. Их соотнесение с болотной терминологией следует, как кажется, истолковывать через связь с болотной растительностью, для названий которой характерно значение покрова, распространяющегося на местности, описываемой по своему низинному положению, вязкости, топкости, хлябистости, что противопоставляет такую местность тверди. (Не могло ли и это способствовать названию такой местности с помощью производных от изучаемого индоевропейского корня? Для балтийских территорий сочетание таких компонентов значения было бы вполне естественным³¹). Если приведенные

28 J. P o k o r n y. Указ. соч., стр. 679.

29 Там же, стр. 681-682.

30 Ср. значения **lep-*, **lor-*, **lar-* 'быть плоским, широким; плоская поверхность руки, стопы и т.п.'; при нецелесообразности отделять в этимологическом отношении литовское и латышское названия листа и словенск. *lėpen* 'лист', русск. лепест (как это делает Покорный на стр. 678-679), эти значения следует считать входящими - в их активной каузативной разновидности - в круг значений базы 2. **lep-* (по Покорному, стр. 678 - только значения 'снимать кожуру, кожицу, отрывать'). Ср. о значении др.-инд. производного от и.-е. **leu(N)-* с распространением -*bh* (*luh-*): Т.В и г р о w. Skt. *luh-* 'to disturb'. - JRAS, 1956, pts 3-4, особ. стр. 193: "*luh-* does... refer... most commonly to physical disarray, dislocation, etc." (там же о большом числе славянских, германских и латинских производных от той же и.-е. базы).

31 В "Словаре балтийских географических апеллятивов" Л.Г.Невской помимо лтш. *palēvene*, в котором объединяются значения 'зыбкое,

соображения верны, то в лтш. *palēvene* следует видеть наследие и.-е. **prō-leŋn-* с собственно латышским суффиксом, отмечаемым в названиях растений, *-ene*³², а в лтш. *palērene* - и.-е. **prō-leŋr-* с тем же суффиксом.

Предложенные реконструкции кажутся возможными при принятии такой схемы сочетания семантических компонентов значения, в которой бы учитывались связи между продуктом отвеивания или обмолачивания, растительностью болотного типа и использованием первого и второй в кровельном деле. Ниже для полноты и убедительности рассмотренных связей приводится еще несколько опытов реконструкции значений и отчасти формы лексем, соотносящихся с этой последней областью.

Ср.-инд. *palāva-* должно рассматриваться вместе с др.-инд. *palāla-* 'просо', 'просяная солома'³³; последнее слово, конечно, не следует безоговорочно считать подвергшимся среднеиндийскому воздействию и восходящим к незасвидетельствованному др.-инд.

топкое место в болоте* и 'обрывистый край берега', содержится много других апеллятивов со значениями, иллюстрирующими общий характер балтийского рельефа - низинный, влажный, с углублениями, обрывами, провалами и т.п.

³² См.: J. E n d z e l ī n s. *Baltu valodu skaņas un formas*, § 117.

³³ Ср.: J. P o k o r n y. Указ. соч., стр. 31, где утверждается, что др.-инд. *palāla-* так же соотносится с др.-прусск. *pelwo* (и др.-инд. *palāva-*), как греч. *κρῶ=υβς* 'искривленный' - с лат. *curvus* (или еще греч. *κλωβς* с лит. *alvas*, русск. олово, др.-прусск. *alwis*); сопоставление этих слов должно, по мысли Покорного, позволить членение *palā-la/palā-va*. Ср. также: J. W a s k e r n a g e l - A. P e b r u n n e r. Указ. соч., стр. 870, где также сопоставляются др.-инд. *palāva-* и *palāla-*. Если это сопоставление и возможно, то неясной остается морфологическая структура сопоставляемых слов, так как если предполагать, что оба слова, как это под вопросом допускает и М. Майрхофер (M. M a i r h o f e r. Указ. соч., стр. 233-234), восходят к и.-е. **pelbu-/*pelū-*, то словообразовательные отношения этим указанием еще не обнаруживаются; к тому же для Майрхофера существует возможность сравнить оба др.-инд. слова не с лат. *palea* 'мякина' (также под вопросом), а с греч. *πέλας* 'кожа', лит. *plėvė* 'кожица' и отделить всю группу слов от и.-е. **pel-* 'крупно размалывать, растирать'. Стоит отметить, что один из видов проса (петушиное просо *Panicum crus galli* L.) является сорняком риса и растет в сырых местах (ср. его французское название *panis de marais*).

**pralāla-* (?). Др.-инд. *palāla-*, неясное по своей этимологии, предположительно сопоставляют с др.-инд. (или ср.-инд.?) *palada-* (AV IX, 3, 5, 17), значение которого с некоторым сомнением связывают с семантикой устройства соломенной, а возможно, и травяной или камышовой кровли³⁴. Самые скудные данные по сооружению кровли жилищ или других помещений в древней Индии, почерпнутые из литературы брахман, грихья-сутр и шраута-сутр, сводятся к тому, что кровля обычно устраивалась из соломы или камыша, укладываемых на перекладины; щели между отдельными стеблями соломы или камыша заполнялись сплетенными травами или камышинами (*kata*). "Баудхьяна-грихья-сутра" VI, 27 содержит указание, что другим названием для крыши жилища является слово *tṛṇavarta-*, которое комментарий к сутре передает термином *tṛṇapūlādi-* (при этом все жилище может называться *tṛṇair āvṛta-* 'обернутое травами' - AV IX, 3,17)³⁵. Может быть, в этой цепи соответствий кроется разгадка значения и происхождения второго члена в сочетании др.-инд. *tṛṇapūlādi-* (ср. также др.-инд. *tṛṇapūlaka;tṛṇapūlī* 'пучок трав') и др.-инд. (или ср.-инд.) *palada-*: сравнение их между собой и с лит. *palėrė(s)*, лтш. *palėre* (значение лит. *lėpis*, составлявшего важную часть старых литовских домов, в которых в отличие от другого типа жилых построек у литовцев жили люди и одновременно содержался скот³⁶, согласуется со свидетельством ведийских ритуальных текс-

³⁴ См.: "Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung", bearb. von O. Böhtlingk, T. IV. St. Petersburg, 1883, стр. 54, где одно из значений *palada-* 'Schindel', 'гонт, дрань кровельная'.

³⁵ L. R e n o u. *La maison védique*. "Journal asiatique", t. 231, 1939, стр. 492-493, 500-501.

³⁶ K. Č e r b u l e n a s. *Nemas* ("numas") - pirminis lietuvių gyvenamojo pastato tipas. "Iš lietuvių kultūros istorijos", t. I. Vilnius, 1964, стр. 104 (здесь же о соломенном покрытии литовских жилищ); A. S a b a l i a u s k a s. *Iš baltų kalbų gyvulininkystės terminologijos istorijos*. "Iš lietuvių leksikologijos ir leksikografijos". Vilnius, 1970, стр. 45-46. Ср. еще значения лит. *lėpis*, приводимые Куршатов, который считает, что расхождения в значениях этого слова, рассматриваемых Э. Френкелем как вытекающие одно из другого (см. выше), дают повод думать, что в литовском существуют *lėpis I*, одно из значений которого - 'der Vorbau vor dem Hauseingang' (ср. лтш. *pams* с тем же значением, согласно А. Сабалюскасу), и *lėpis II* - 1) 'Wasserrose, ... nymphaea', 2) 'Sumpfschlangenkraut' (A. K u r s c h a t. *Litauisches-Deutsches Wörterbuch*, hrsg. von W. Wissmann und E. Hoffmann. Göttingen, 1970, стр. 1305-1306).

тов, говорящих о тождестве стойл для скота и жилищ³⁷) позволяет на основании фонетических и семантических аргументов сравнить др.-инд. *palāda-* с др.-инд. *pralālāta-* 'обладающий выступающим вперед лбом', ср. *lalāta-* 'лоб', являющееся среднеиндийским соотвествием др.-инд. *raṅāta-* 'лоб' (с характерным замещением l/r), ср. еще *raṅātī* 'гириганда из травы, помещаемая над восточным входом помещения, где совершаются жертвенные возлияния'³⁸. Фонетическое развитие осуществлялось, по-видимому, так, что др.-инд. *pralālāta-*, утратив один из гаплогогических слогов и после преобразования *pra > pa* (продолжавшего среднеиндийскую переработку слова), получило облик **palāta-*, что привело к появлению ср.-инд. **palāda-* (так как озвончение интервокальных смыхных было обычным для среднеиндийского), а это последнее - к появлению др.-инд. *palāda-*³⁹; вероятно также, но пока более гадательно, что *-pūladī* (в названии кровли *ṭṛṇapūladī*) возникло как промежуточная ступень между "исходным" *pralālāta-* и *palāda-*, когда первое еще произносилось как *p¹a(la)lāta-* и под влиянием первого губного согласного. Предложенное объяснение слов *palāda-* и *pralālāta-* (восходящего к *-raṅāta-*) встречается, правда, с рядом трудностей; однако, дополняя аргументацию, в последнем слове можно было бы видеть следы интенсивного словообразования с удвоением первого слога и полагать, что оно возникло по аналогии со вторым членом сложного слова вед. санскр. *geṇu-kakāta-* 'с запыленным затылком' (*kakāta-* из засвидетельствованного в "Атхарваведе" *krkāta-* 'Halsgelenk', ср. *kakāṭikā* 'часть затылка'), где слог *ka- <kr-* был воспринят как удваивающий второй слог⁴⁰. Смысловая же связь лба

Выше были приведены некоторые доводы в пользу того, что в литовском имело место скорее отражение древнего семантического развития, а не возникновение омонимов (и, следовательно, в пользу выводов Э.Френкеля).

³⁷ L. R e n o u. Указ. соч., стр. 503 (*gostha-* -*gośālā* из "Атхарваведы", где *-śālā* - наиболее общее наименование человеческого жилища).

³⁸ См.: L. R e n o u. Указ. соч., стр. 493. - В этой же статье говорится о вероятности того, что ритуальные помещения и жилища ничем не различались по своим конструктивным принципам.

³⁹ Вместе с процессами спонтанной церебрализации могли происходить обратные вторичные аналогические процессы превращения церебральных в зубные звуки. См.: T. B u r g o w. Spontaneous Cerebrals in Sanskrit.

⁴⁰ О названиях частей тела в ведийском санскрите с суффиксом *-āta* см.: J. W a s k e r n a g e l - A. D e b r u n n e r. Указ.

(или выступающей вперед его части) с крышей, застрехой, навесом или крытого соломой (тростником, камышом) помещения для скота (если говорить о балто-индоарийских связях) в индийских и, возможно, в индоевропейских языках кажется довольно очевидной.

При таком объяснении др.-инд. (или все же ср.-инд.?) *palāda-* связь этого слова с русск. *пеледа* (кал., мск., орл.) 'свес соломенной крыши, стреха; навес гумна, крыша овина и т.д.'⁴¹, справедливо оспариваемая этимологами (М.Фасмером, М.Майрхофером), становится еще менее возможной.

Если предложенная семантическая схема достаточно обоснована⁴², то вероятнее всего следует вслед за Фасмером русск. *пеледа* считать балтийским заимствованием, тогда как балтийскими словами, послужившими его источником, и будут лит. *peludė, pelūdė* 'амбар с мякиной', лтш. *pelūde* 'то же', которые достоверно связываются с нечленимыми на морфемы лит. *pėlūs* и близкими ему словами из

соч., стр. 268 (там же о параллельном употреблении в "Атхарваведе" IX, 7, 1 *krkāta-* и *lalāta-*). Семантической параллелью к названию выступающей вперед части лба, осмысляемой как название лба (что может объяснить приставку *pra* из и.-е. **prə* 'перед' в др.-инд. *pralālāta-*) является тох. *lap* 'вершина, голова', соответствующее греч. *λόφος* 'возвышенность, гребень' (см.: Э. Б е н в е н и с т. Тохарский и индоевропейский. - Сб. "Тохарские языки". М., 1959, стр. 104), русск. *лоб*, др.-прусс. *lobis* 'череп' (о последних двух словах ср.: Вяч.Вс. И в а н о в. "Тохарские языки", стр. 156, но ср.: В.Н. Т о п о р о в. Тохарская этимология за двадцать лет. "Этимология". М., 1963, стр. 242).

⁴¹ В.И. Д а л ь. Указ. соч., т. III. М., 1907, стр. 66.

⁴² К связи названий кровли (и метонимически - строения под такой кровлей) и отделяемых от почвы растений, используемых для устройства кровли, ср. русск. *дерн* "... (драть?) 'верхний слой почвы, густо заросший злаком, колосовой, луговой травой; луговина, печорье, травина, мурава'. ... *Дерном* зовут и снятый пласт для переноса муравы, а каждая пластина его - дернина (...). *Дернушка* 'землянка, лачуга, крытая дерном...' (см.: В.И. Д а л ь. Указ. соч., т. I. М., 1903, стр. 1072; ср. стр. 1220 о русск. *дрань, драньё* 'колотые, сосновые дощечки... для кровель...'). Еще одна параллель - др.-инд. *loṣṭa-* (**leu-s-t*) 'глыба, дерн' "... may be explained as... being something forcibly torn loose from the surrounding turf". - T. B u r g o w. Skt. luh- "to disturb", стр. 199).

балтийских языков⁴³. Ср.-инд. *palāva-* не приходится считать родственным тем словам, серию которых обычно приводят в сравнительных словарях индоевропейских языков (ср. прим. 10 и литературу, приведенную в словаре Фасмера в статье о русск. *пелёва*, которое сравнивают с тем же кругом балтийских и славянских названий соломы, мякины, шелухи и т.п.⁴⁴). Какими бы близкими по значению ни представлялись традиционно сопоставляемые среднеиндийское и балто-славянские слова, их морфологическая история оказывается различной, а потому кажется оправданной иная морфологическая и семантическая схема развития изученных в этой статье лексем. Сложность же этимологического решения объясняется в данном случае тем, что в периферийных областях индоевропейского мира некогда бытовавший комплекс значений сохранился лишь в своих разрозненных элементах, которые позволяет воссоединить реконструкция.

⁴³ М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, стр. 228.

⁴⁴ Примечательно, что в одной из первых статей о лтш. *relavas* и родственных ему словах др.-инд. *palāva-* еще не упоминалось. См.: J. E n d z e l i n. Lett. *dziņnavas, pēlavas, rēgavas* und der Gen. Plur. der u-Stämme in den baltischen Sprachen. - В кн.: J. E n d z e l i n s. Darbu izlase, I. Rīgā, 1971, стр. 114-116.

В. А. Д ы б о

АФГАНСКОЕ УДАРЕНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ И БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ¹

I. Именная акцентуация

То, что афганское ударение унаследовано из индоевропейского, предположил в свое время Г. Моргенштерне², однако его идея осталась незамеченной, и до сих пор афганская акцентная система не привлекла к себе внимания акцентологов-индоевропейцев. Объективно это было связано с отсутствием до последних лет сколько-либо полного описания афганской акцентуации и акцентуированных словарей.

Лишь с появлением афганско-русских и русско-афганских словарей М. Г. Асланова, П. Б. Зудина, К. А. Лебедева, словаря "Пахто синд" Мухамед-Гуль-Хана Моманда и грамматических работ К. А. Лебедева, Н. А. Дворянкова и Д. А. Шафеева³ наука получила достаточно обширный материал по афганской акцентологии.

- ¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный 20 октября 1970 г. на конференции по актуальным вопросам иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания, посвященной проф. В. И. Абаеву в связи с семидесятилетием со дня рождения (Москва), см. тезисы.
- ² G. M o r g e n s t i e r n e. Archaisms and Innovations in Pashto Morphology. "Norsk tidsskrift for sprogvidenskap", Bd. XII. Oslo, 1942, стр. 95-97.
- ³ М. Г. А с л а н о в. Афганско-русский словарь (пушту) (50 000 слов). М., 1966 (сокращ. - АслАР); П. Б. З у д и н. Краткий афганско-русский словарь (около 12 000 слов). М., 1950 (сокращ. - ЗудКРАФ); О н ж е. Русско-афганский словарь (около 21 000 слов). М., 1955 (2-е изд. - 1963) (сокращ. - ЗудРА); К. А. Л е б е д е в. Карманный афганско-русский словарь (7500 слов). М., 1962 (сокращ. - ЛебКАР); О н ж е. Карманный русско-афганский словарь (7 000 слов). М., 1961 (сокращ. - ЛебКАР); محمد گل محمد، پښتو سيند، کابل، ۱۳۱۲. К. А. Л е б е д е в. Грамматика языка пушту. М., 1956 (сокращ. - ЛебГр); Н. А. Д в о р я н к о в. Язык пушту. М., 1960 (сокращ. - ДвЯП); Д. А. Ш а ф е е в. Краткий грамматический очерк афганского языка (приложение к "Русско-афганскому словарю" П. Б. Зудина, имеется отдельно изданный английский перевод) (сокращ. -

С другой стороны, этому способствовала теория А.Мейе-Р.Готье о закреплённом (фонетически мотивированном) месте ударения в иранском, которая возобладала в языкознании в последнее время. Сам А.Мейе выдвинул эту гипотезу, в сущности, для среднеперсидского⁴. Исходя из фонетического развития персидского, он предположил, что на каком-то этапе ударение в персидском установилось на втором от конца слоге, а если этот слог был кратким, передвинулось на третий от конца слог. В дальнейшем эта концепция была перенесена Р.Готье на согдийский и другие иранские языки⁵. И хотя открытый П.Тедеско ритмический закон (в согдийском)⁶ позволяет усомниться во всеобщности концепции А.Мейе-Р.Готье и в приложимости ее к согдийскому и ряду других восточноиранских языков⁷, нигилистическое отношение к возможности открытия унаследованного разноместного индоевропейского ударения не только в каких-либо современных иранских языках, но и в средне- и древнеиранских в последнее время утвердилось и получило теоретическое обоснование в известной работе Е.Куриловича⁸, вопреки концепции Хр.Бартоломе, исследованию А.Джексона и прежним результатам самого Е.Куриловича⁹.

Шафр). К новому "Русско-афганскому словарю" (составили К.А.Лебедев, Л.С.Яцевич и З.М.Калинина. М., 1973) приложены обширные грамматические таблицы К.А.Лебедева (сокращ. - ЛебТабл), дающие большой акцентологический материал, особенно для глагола.

⁴ A. M e i l l e t. La déclinaison et l'accent d'intensité en Perse. "Journal Asiatique", t. XV, mars-avril, 1900.

⁵ R. G a u t h i o t. Essai de Grammaire Sogdienne. I Partie. Phonétique. Paris, 1914-1923, стр. 29-58.

⁶ P. T e d e s c o. a-Stämme und aya-Stämme im Iranischen. "Zeitschrift für Indologie und Iranistik", Bd. 2. Leipzig, 1923, стр. 281-315; Ostiranische Nominalflexion. - "Zeitschrift für Indologie und Iranistik", Bd. 4. Leipzig, 1926, 94-166.

⁷ Ср. замечание И.М.Оранского, который к положению: "В восточноиранских языках система флексии оказалась более устойчивой, чем в западноиранских", - делает сноску: "Можно думать, что это обстоятельство объясняется какими-то особенностями ударения в восточноиранских языках, история которого еще почти совершенно не изучена. Несомненно лишь, что действие его в восточноиранских языках было иным, чем в западноиранских" (И.М. О р а н с к и й. Иранские языки. М., 1963, стр. 63).

⁸ J. K u r y ł o w i c z. L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław-Kraków, 1958, стр. 369-380.

⁹ Chr. B a r t h o l o m e a e. Arische Firschnungen III. Jasna XXIX übersetzt und erklärt. Als Probe einer vollständigen Übersetzung

Однако акцентная система афганского, которая обнаружилась в результате указанных выше лексикографических и грамматических исследований, обладает характерными чертами, присущими акцентным системам языков, сохранивших в той или иной степени индоевропейский акцент. Как и в других подобных языках, организация афганского ударения может быть сведена к двум акцентным парадигмам (двум акцентным типам): 1 - тип с ударением на основе (barytona), 2 - тип с ударением на окончании (oxytona).

Строго это относится к существительным женского рода на -а, к существительным мужского рода на -ау, к прилагательным (где строгая парадигматичность акцента проявляется в формах женского рода) и к презенсу глагола, ср.:

1. Существительные ж.р. на -а

Barytona		Oxytona	
áspa	'кобыла'	aspá	'нарыв на голове'
péša	'случай'	péšá	'подражание'
yūta	'узел'	yūtá	'нырок'
stōrga	'глаз'	gōrwá	'ключица'
wáwra	'снег'	čará	'нож' и т.п.

2. Существительные м.р. на -ау

Barytona		Oxytona	
yášau	'стрела'	šaráu	'человек'
zāšau	'зима'	pərgáu	'желудь'
lūšau	'дым'	sūráu	'отверстие, щель'
stōšau	'звезда'	kōráu	'кожаный мешок'
kašau	'камень'	pātáu	'гороховая похлебка' и т.п.

3. Прилагательные¹⁰

Barytona		Oxytona	
1. m. wáš, pl. wáš		1. m. sūr, pl. sré	
f. wāša, pl. wāšt	'сухой'	f. srá, pl. sré	'красный'

der altiranischen Himnen. Halle, 1887; A. V. W i l l i a m ' s J a c k s o n. The Genitive Singular of u-nouns in the Avesta. "Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen". Bd. 17. Göttingen, 1891, стр. 146-152; J. K u r y ł o w i c z. Traces de la place du ton en gathique. "Bibliothèque l'Ecole des hautes études publiée sous les auspices du Ministère de l'instruction publique. Sciences historiques et philologiques", 244 fascicule. Paris, 1925.

¹⁰ В полной грамматической парадигме прилагательного (т.е. включающей косвенные падежи) это противопоставление акцентных ти-

2. m. tór, pl. tór
f. tóra, pl. tóri 'черный'	2. m. ūm, pl. ūmá
f. umá, pl. umé 'сырой'
3. m. zír, pl. zír
f. zira, pl. ziri 'желтый'	3. m. kūr, pl. kānā
f. kaná, pl. kané 'глухой'
4. m. plán, pl. plán
f. plána, pl. pláni 'широкий'	4. m. pōx, pl. pāxé
f. pexé, pl. paxé 'спелый'
5. m. spín, pl. spín
f. spina, pl. spini 'белый'	5. m. trīw, pl. tērwe
f. tērwa, pl. tērwe 'кислый'
4. Презентные формы глагола¹¹

Barytona

šáut 'показывает, обучает'
wīnī 'видит, смотрит'
wīzī 'выходит, выступает'
žōwī 'жует, разжевывает'

Oxytona

manī 'принимает, соглашается'
wīnzī 'моет, стирает'
māžī 'трет, растирает'
kūtī 'бьет, колотит' и т.п.

Отражение парадигматичности акцента прослеживается и в других типах существительных. Так, в именах мужского рода наряду с корневым типом существует тип на "зваракай" (ə) с ударением на этом конечном основообразующем редуцированном гласном¹²:

Корневой тип	Тип на "зваракай"
nīm 'имя'	bānə 'ресница'
ās 'лошадь'	lewə 'волк'
ūš 'верблюд'	murə 'птица'
tōr 'сеть'	yarə 'полдень'
məx 'лицо'	psə 'мелкая овца' и т.п.

пов. выглядит следующим образом: barytona - м. sg. прям. klák, косв. klák, pl. прям. klák, косв. kláko; f. sg. прям. kláka, косв. klákī, pl. прям. klákī, косв. kláko 'твердый'; oxytona - м. sg. прям. zōr, косв. zārə, pl. прям. zārə, косв. zarə; f. sg. прям. zará, косв. zaré, pl. прям. zaré, косв. zarə 'старый'.

- 11 В грамматической парадигме презенса противопоставление акцентных типов выглядит следующим образом: barytona - sg. 1 л. wīnəm, 2 л. wīne, 3 л. wīnī, pl. 1 л. wīnī, 2 л. wīnəy, 3 л. wīnī 'видеть'; oxytona - sg. 1 л. līkəm, 2 л. līké, 3 л. līkī, pl. 1 л. līkū, 2 л. līkéy, 3 л. līkī 'писать'.

- 12 У обоих этих типов имен не сохранилось следов индоевропейской флексии: pl. образуется при помощи вторичных суффиксов, а косв. пад. sg. равен прямому падежу.

Остаточный тип на "зваракай" сохраняется и у имен женского рода¹³ (наряду с многочисленными корневыми именами): šāgə f. 'нож', wālə f. 'арык, канал, ручей', gāšə f. 'куча зерна' и под. (ср. bān f. 'одна из жен по отношению к другим', mušə f. 'месяц, луна', wlēšt f. 'пяць' и др.).

Естественно предположить, что данное распределение явилось результатом отражения двух акцентных типов у основ мужского рода с кратким основообразующим гласным и, соответственно, у основ женского рода на -ī, -y и, возможно, на -i.

Однако изложенные типологические соображения могут быть подтверждены лишь в том случае, если мы проведем последовательное сравнение всего этимологизируемого пласта афганской лексики (точнее, ее части, унаследованной от индоиранского и индоевропейского периодов) с генетически тождественными основами древнеиндийского и других индоевропейских языков, у которых сохранился, известен или восстанавливается индоевропейский акцент, и если при этом в большинстве случаев будет доказано генетическое тождество акцентных типов афганских и сравниваемых с ними лексем.

Результаты такого анализа именных основ даны ниже¹⁴.

Они показывают, что: (I) индоевропейские barytona представлены в афганском именами с накоренным ударением (а-основы feminina, прилагательные, числительные, корневые существительные masculina и feminina - без "зваракай"); (II) индоевропейские oxytona представлены именами с ударением на окончании (а-основы feminina, прилагательные, существительные masculina и feminina с ударным основообразующим "зваракай").

Примечание. Далее в работе этимология афганских слов дается в основном по Этимологическому словарю Г.Моргенштерна (G. Morgenstern. An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927 - сокращ. EVP), ссылки на который делаются лишь в крайне необходимых случаях (например, в случае расхождения

¹³ Словари и грамматические работы фиксируют как будто вытеснение этого типа (в диалектах?) типом на -a, ср. варианты: šarā, gašā, walā.

¹⁴ Объем сообщения не позволяет привести полную документацию сближений и заставляет воздерживаться в большинстве случаев от этимологического и компаративного комментария. Подробный анализ будет дан в готовящейся нами большой работе "Индоевропейский акцент в восточноиранских языках", здесь же мы ограничимся лишь самым необходимым. Афганские примеры приводятся в форме, несущей большую генетическую информацию независимо от того, является ли эта форма нормативной или диалектной.

с ЕВР в отнесении афганского слова к определенному индоиранскому корню. Расхождения в реконструкции специально не оговариваются). Ударение индийских слов дается, как правило, без ссылки на источник, если оно указано в словарях: Н.С. Грассманн. Wörterbuch zum Rig-Veda. Wiesbaden, 1955; O. Röhrling. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung, I-VII. St.- Petersburg, 1879-1889, - и в работе: W. Dw. Whitney. The roots, verb-forms and primary derivatives of the Sanskrit language. A supplement to his Sanskrit grammar (многочратно переиздавалась); при словах, ударение которых устанавливается по другим источникам, указывается источник фиксации при помощи общепринятых сокращений (см., например, список сокращений в "Малом петербургском словаре"). Ударение греческих слов в необходимых случаях проверено по Геродиану (A. Lenz. Herodiani Technici reliquiae, I, II. Lipsiae, 1867-1870). Для установления первичной акцентной парадигмы (а.п.) литовских слов используются результаты работы В.М.Иллич-Свитыча "Именная акцентуация в балтийском и славянском" (М., 1963) - сокращ.-Иллич-Свитыч. Реконструкция первичной акцентуации славянских соответствий исходит из теории происхождения славянских имен а.п. а из и.-е. баритонированных долготных основ, а.п. с - из имен окситонированной (подвижно-окситонированной) и.-е. а.п., дополненной выдвинутым нами с В.М.Иллич-Свитычем положением о происхождении окситонированных славянских имен (а.п. д) из и.-е. баритонированных краткостных основ (см.: В.А. Дыбо, В.М. Иллич-Свитыч. К истории славянской системы акцентуационных парадигм. "Славянское языкознание". М., 1963); подробное обоснование этого положения путем внешнего сравнения см. в указанной книге В.М.Иллич-Свитыча (обозначение акцентных парадигм (а.п.) дается здесь по Хр. Стангу: Chr. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957).

Сравнения распределяются следующим образом:

I. Barytona

1) а-основы feminina.

1. афг. wréza f. 'блоха': греч. φύλλα 'блоха' (< *phsúl-sā < *sphlúsā (метатеза) < *s-bhlúsā (с "з подвижным"); лит. blusà, gen sg. blūsos f. 'блоха' (2 а.п.; < *blūsā); слав. *blъxà, acc. sg. *blъxŏ f. 'блоха' (а.п. б; < *blъxā)¹⁵.

2. афг. áspa f. 'кобыла': др.-инд. ásvā f. 'кобыла'; лит. ašvā, gen. sg. āšvos f. 'кобыла' (2 а.п.; < *āšvā).

¹⁵ См. Иллич-Свитыч, стр. 25, 104.

3. афг. wāla f. 'ива': герм. *wīpō < *uēitā (ср. др.-в.-нем. wīda f. 'ива') или *wīpō (если учитывать др.-исл. víðir m. 'ива').

4. афг. yéwa f. 'соха': др.-инд. yávyam n. 'запас зерна (ячменя)', yávyā-adj. 'относящийся к зерну'; лит. jáuja, gen. sg. jáujos f. 'овин' (1 а.п.), лит. диал. jáujas m. 'овин' (1 а.п.).

5. афг. диал. stēna f. (нормат. вар. stēn f.) 'игла, шило; столб, колонна, подпорка': др.-инд. sthūpā f. 'колонна, столб' (вар. *n.). Относительно вариантности основ ср. также авест. stūna- m., stunā- f. 'колонна, столб'.

6. афг. wāna f. 'дерево': др.-инд. vānam n. 'лес, дерево', vānā f. 'кусочек дерева, das Reibholz (персонификация: богиня)'.
7. афг. šālūna f. 'нарыв': греч. κροτόνη f. 'нарост на дереве'.

8. афг. gūta f. 'палец': др.-инд. aḡústhā m. 'большой палец'.
9. афг. zāpa f. 'журавль': греч. γέρανος 'цапля, аист' (ср. также у Гесихия: γέρην·γέρανος).

10. афг. xwāla f. 'пот, испарина'¹⁶; др.-инд. svéda m. 'пот', pl. 'капли пота'.

11. афг. ōša f. 'слеза': др.-инд. áśru n. 'слеза', греч. δάκρυ n. 'слеза', лит. āšara f. 'слеза' (1 а.п.).

12. афг. zāna f. 'подбородок': др.-инд. hānu f. 'челюсть', греч. γένυς f. 'челюсть, щека, подбородок'.

13. афг. lūma f. 'силок': др.-инд. dāman- n. 'веревка', но также др.-инд. dāmā f. 'веревка, канат' (последний вариант, возможно, вторичен).

14. афг. zāma f. 'челюсть, пасть, челюстная кость': др.-инд. jāmbhā m. 'зуб, клык, пасть', pl. 'челюсть', греч. γόμφος m. 'шип, гвоздь, болт'; лит. žaĩbas m. 'край, грань, пола одежды' (2 а.п. в жемайтских и центрально-аукштайтских говорах). Слав. *zъbъ перешло в подвижную а.п., но в некоторых архаичных окраинных говорах следы ожидаемой окситонезы: схрв. (о. Сусак) zŭp, gen. zŭbъ; укр. (Перемишль) зубі (nom. pl.)¹⁷.

15. афг. spérga f. 'колодец, подземный канал': (?) др.-инд. sphūrgas m. - какое-то растение (спаржа?); греч. ἀσφάραγος m. 'росток, побег; дыхательное горло'; лит. диал. spūrga f. 'почка; шишка хмеля' (1 а.п.); но лит. spūrgas m. 'то же' (3 а.п.)

¹⁶ Так в ЕВР (xwāla) и в ЗудКрАР (xwāla). Однако ЗудРА, ЛебКАР, ЛебКАРА показывают неясную окситонезу.

¹⁷ См.: Иллич-Свитыч, стр. 31 (об акцентной парадигме литовского соответствия) и стр. 114, стр. 118-119 (§ 46) (об акцентуационной истории славянского соответствия).

16. афг. wāwra f. 'снег': др.-инд. vārga- м., н. 'насыпь' (Un. 2, 27).

17. афг. grēwa f. 'воротник, петля; ключица': др.-инд. grāi-via- adj. 'относящийся к затылку, шее'¹⁸.

18. афг. būra f. 'женщина, потерявшая сына': др.-инд. arūtra- adj. 'не имеющий сына' (f. arūtrā).

19. афг. вост. lāra f. (нормат. вар. lār f. 'дорога, путь': др.-инд. rāthya- adj. 'имеющий отношение к возу', субстантивированно f.: rathyā 'проезжая дорога'. Для вариантности основ в афганском ср. авест. raiθya- н. 'дорога, путь'.

2) Прилагательные

20. афг. wāš, f. wāša 'сухой': др.-инд. śúške- adj. 'сухой' (в RV субстантивированно: 'сухое дерево, сухие дрова').

21. афг. tōr, f. tōra 'черный, смуглый, темный': др.-инд. tāmisa- adj. 'темный' (в RV субстантивированно: tāmisaḥ, ном. pl. f. 'темная ночь').

22. афг. ziār, f. ziāra 'желтый': др.-инд. hārita- adj. 'желтый, блестяще-желтый, белокурый'.

23. афг. plān, f. plāna 'широкий, просторный': греч. πλαῖνη f. 'блюдо' (вероятно, первоначально ж.р. прилагательного: 'широкая').

24. афг. spīn, f. spīna 'белый; чистый': др.-инд. śvītra- adj. 'светлый, беловатый' (ср. также греч. τίτανος f., м. 'мел, гипс, известь' < *kūitnos).

25. афг. rūn, f. rūna 'светлый, блестящий, сверкающий': слав. *lūnā, асс. сг. *lūnŏ (а.п. ъ; < *lūnā. По-видимому, субстантивированная форма прилагательного¹⁹); греч. λύχνος м. 'лампа, светильник'.

¹⁸ Отмечено в АСЛАР (грéва), в EVP grēwa, Waz. grēwye (без ударения). Другие словари показывают варианты, восходящие к другим ступеням огласовки и иным видам основ: *grāiwa > grāwa (grēwa), *grīwā > grāwā > gərwā. Наличие нескольких близких по значению основ, приводя к их контаминации, послужило, по-видимому, причиной колебания ударения, ср. вариант grāwā, который, вероятно, под влиянием gərwā (см. ниже).

¹⁹ Слав. а.п. ъ указывается как рефлексом этой а.п. в восточнославянских и сербохорватском (ср. русск. лунá, асс. сг. луну́; срхв. луна, асс. сг. луну), так и западнославянскими долготами (чешск. lúna: кашуб. fúna). Чешск. нормат. вариант luna и словацк. luna с краткостями, очевидно, вторичны. О происхождении а.п. ъ из циркумфлексной баритонезы см.: Иллич-Свитыч, § 40 и след., а также указанную выше статью.

26. афг. uāx, f. uāxa 'холодный': герм. *īsam n. < *éihsom (ср. др.-англ. īs n., др.-сакс. īs n., др.-в.-нем. īs n. 'лед'), герм. *īsas m. < *éihsos (ср. др.-исл. íss, pl. ísar м. 'лед'). Германские основы, по-видимому, представляют собой субстантивированные формы прилагательного.

27. афг. tēr, f. tēra 'прошедший, истекший': др.-инд. vi-tūryā 'переправив, перейдя' - absolutivum от глагола tar- 'переправляться, проникать'.

28. афг. bār, f. bāra 'верхний; победивший, одержавший верх': греч. ὑπέρῳ f. 'верхний канат, брас', герм. *ubarōn 'верхний' (< *urōr-ōn-, с переходом в основы на -ōn, ср. др.-в.-нем. obaro 'верхний'). Ср. также др.-инд. urāri 'над, на', греч. ὑπέρ adv. 'сильно, крайне'; 'в еще большей степени', герм. *uberi < *urēri 'вверху' (ср. др.-в.-нем. ubir, ubiri 'над, вверху'). Наблюдается также вариант с ударением на первом слоге: др.-инд. úpara- adj. 'нижний, задний, поздний'; греч. ὑπερος м. 'пест, булава, дубинка', герм. *ufarōn-, *uferi < *úporōn, *úperi (ср. гот. ufaro 'поверх, сверху', ufar 'на, над; по ту сторону', др.-исл. yfir 'над, через, на', др.-англ. ofer 'над').

29. афг. lār, f. lāra 'нижний, покоренный, незначительный': др.-инд. ádhara- adj. 'нижний, более низкий; худший', ср. также др.-инд. adhās 'внизу, вниз; под, снизу'. Относительно отклонения в месте ударения на основе ср. сближения 28 и 30.

30. афг. bēl, f. bēla 'отдельный, одинокий': греч. ὀλί(σ)ω 'сзади', 'позади; потом, впоследствии', ср. также др.-инд. ápaty- am n. 'отпрыски, потомство, дети', греч. (Hes.) ἔλισσοντο ὕστερον γενόμενον. Относительно колебания места ударения на основе ср. примеры 28 и 29.

31. афг. táš, f. táša 'пустой; полный; ничемный': слав. *tššь, gen. сг. м. *tššá, f. *tššá, асс. сг. f. tššŏ 'тощий, пустой' (а.п. ъ; < *tššь, gen. сг. м. *tšša; f. *tšša, асс. сг. f. *tššŏ). Но др.-инд. tucchyā- adj. 'пустой, ничтожный'²⁰.

32. афг. stér, f. stēra 'большой, крупный'; герм. *stūraz < *stūros 'большой, тяжелый' (ср. ср.-в.-нем. stūr 'тяжелый',

²⁰ О славянском соответствии см.: Иллич-Свитыч, стр. 142-143, где автор из-за расхождения с др.-инд. считает славянскую акцентовку вторичной, однако ввиду регулярного совпадения в подобных случаях показаний афганского и балто-славянских, по-видимому, вопрос должен быть пересмотрен в пользу первичности именно балто-славянского (точнее: реконструируемого на основе балто-славянских фактов) состояния.

др.-швед. stūr 'большой'), лтш. stūrs 'упрямый, упорный' < *stūrōs, плавная интонация указывает на первоначальную баритонезу). Но др.-инд. sthūrā- adj. 'сильный, плотный, емкий, тяжелый'²¹.

33. афг. pān, f. pāna 'полный, наполненный': кельт. *lānos < *plānos < *pīnos (ср. ирл. lán, др.-валл. laun, корн. luen, леун, брет. leun 'полный'); др.-лит. pilnas (1 а.п., следы первоначальной баритонезы обнаруживаются у Донелайтиса и у Даукши), лтш. pilne (плавная интонация указывает на первоначальную баритонезу); слав. *rǫlnъ, f. *rǫlna (а.п. а; ср. скрв. шток. рун, рѹна, рѹно, чл. ф. рѹнѹ; кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Полн (Гр. 55²), f. Полна (Гр. 158), rǫlno (Пол., 20); др.-рус. полна (nom. sg. f., Чуд. Нов. Зав., 82²), полни (nom. pl. m., Чуд. Нов. Зав., 13¹, ter)). Но др.-инд. pūrṇā- adj. 'полный, наполненный; оконченный'²².

34. афг. rōy, f. rōya 'здоровый, целый, невредимый': лит. leigvas 'легкий' (в др.-лит. 2 а.п., следы первоначальной баритонезы обнаруживаются у Даукши, *lāgwieus* 311²⁴, *lāgwai* 123⁹ adv.), слав. *lǫgъ < *lǫgъ (а.п. б; < *lǫgъ. Характер а.п. устанавливается по акцентному типу производного, см.: Дыбо, "Советское славяноведение", 1970, № 5, стр. 46-57, специально о производном *lǫgъкъ - стр. 49, правило соотношения акцентных типов производного и производящего - на стр. 56). Но др.-инд. rāghū-adj. 'быстрый, проворный', греч. ἑλαχῦς 'маленький, небольшой, незначительный'. В последних примерах нулевая ступень корня (а <

²¹ О древней акцентовке германского слова см.: В.А. Дыбо. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. "Вопросы славянского языкознания" № 5, М., 1961; специально о германских явлениях см. стр. 24-28, само слово анализируется на стр. 26. Предположение о вторичности балтийского рефлекса отклоняется германским соответствием, поддерживаемым теперь афганским.

²² Афганское слово и его акцентовка зафиксированы в АСЛАР, в ЕУР отсутствует. Этимология его не представляет какой-либо проблемы, отсутствие удлинения объясняется слоговым характером \bar{r} , не составлявшего с -n- консонантного сочетания, ср. авест. rēgna-'gefüllt, voll'. О кельтских рефлексах см. указанную статью (ВСЯ, № 5, 1961), специально о данном слове стр. 18 (№ 5); о балтийских и славянских примерах см. также: Иллич-Свитыч, стр. 74 и 154. Несоответствие между балто-славянскими и кельтскими фактами и древнеиндийским В.М.Иллич-Свитыч объясняет действием правила Хирта, однако для прилагательных и причастий этот вывод, по-видимому, требует пересмотра.

*ṇ), тогда как в афг. следует предполагать полную огласовку, что соответствует литовскому. Вокализм корня в славянском неясен²³.

35. афг. kīṇ, f. kīṇa 'левый' (в вазирском диалекте также 'пагубный, неблагоприятный': ? слав. *čьrnъ < *čьrnъ 'черный' (а.п. б; < *čьrnъ f. *čьrnā). Др.-инд. kṛṣṇā- adj. 'черный, темный (также в моральном смысле)', однако в субстантивированных формах встречается и баритонеза: kṛṣṇas m. 'черная антилопа; какое-то животное, питающееся падалью'²⁴.

3) Корневые имена

36. афг. māk m. 'лицо': др.-инд. mūkham n. (*m.) 'лицо, рот; устье, передняя часть'.

37. афг. uāž m. 'медведь': др.-инд. ūkṣas 'медведь'; греч. ἄρκτος m., f. 'медведь, медведица'.

38. афг. ās m. 'лошадь, конь': др.-инд. āśvas, āśuas m. 'лошадь, конь; жеребец'; греч. ἵππος m. 'лошадь, конь; жеребец', f. 'кобылица'.

39. афг. ūṣ m. 'верблюд': др.-инд. ūstras m. 'верблюд, буйвол'.

40. афг. xār m. 'осел': др.-инд. khāras m. 'осел; мул'.

41. афг. tār m. 'западня, ловушка; сеть, сетка'; др.-инд. tāntram n. 'стан, основа ткани; система, доктрина'.

42. афг. lār m. 'серп': др.-инд. dātram n. 'серп, коса'.

43. афг. wō m. 'ветер': др.-инд. vātas m. 'ветер, бог ветра, воздух'.

44. афг. xīb m. 'сон': др.-инд. svāpnas m. 'сон; сновидение', лит. sāpnas m. 'сон, сновидение' (2 а.п. и 4 а.п.; о первоначальности 2 а.п. см. Иллич-Свитыч, стр. 33).

45. афг. swāb m. 'страсть, сильное желание; тоска': ? др.-инд. kōpas m. 'возбуждение, возмущение, гнев'; ср. также греч. (Hes.) κάλος-φύχη, πνεῦμα и лит. kvāpas m. 'дыхание, запах, дух' (2 а.п., представлена у Донелайтиса и по диалектам, о первичности 2 а.п. см. Иллич-Свитыч, стр. 37).

²³ Возможно, и в данном случае наблюдается специфическое соответствие афганского с балто-славянским.

²⁴ О славянском соответствии см.: Иллич-Свитыч, стр. 143. Расхождение праславянской и др.-инд. акцентовок В.М.Иллич-Свитыч объясняет влиянием акцентовки антонима *bělъ в праславянском. Однако, если афганская этимология (по-видимому, безупречная с фонетической стороны) подтвердится, инновацией нужно будет считать ведийскую акцентовку этого прилагательного, ср. субстантивированную форму в самом древнеиндийском.

46. афг. kwáb, kúb м. 'горб': слав. *kǫrbъ (а.п. а, ср. болг. купѣтъ, схрв. кѹп 'собрание', словен. kùr, gen. sg. kùra м. 'куча'), балт. káuras и káuras м. 'куча' (1 и 2 а.п. по диалектам; 4 а.п. вторична).

47. афг. ywáñ м. 'ухо' (в кандагарском диалекте также 'шум'): др.-инд. ghośas м. 'шум, крик, рев; слух. молва'.

48. афг. súr м. 'сопение; сморкание; понюшка (табаку)': др.-инд. śúṣṇa- м. имя демона, от корня śvas- 'дуть, сипеть, дышать'; ср. также др.-инд. śúṣṇas м. 'шипение, свист, дыхание, аромат'.

49. афг. yún м. 'движение, прохождение, следование', арх. 'кочевка': др.-инд. yānam н. 'ходьба, езда, поход, средство передвижения (воз, корабль, носилки)'.

50 афг. būr м. 'мужчина, потерявший сына': др.-инд. arútra-adj. 'не имеющий сына'.

51. афг. śrūn м. 'пастух, чабан' (< *fšu-rāna-): др.-инд. tanū-rāna-adj. 'защищающий тело, жизнь'; субстантивированно: н. 'защита тела и жизни'.

52. афг. pṛāṅg м. 'барс, леопард': др.-инд. pṛdākus м. 'змея, тигр, барс, леопард'.

53. афг. nū м. 'пуп, пупок': др.-инд. nābhis f., м. 'пуп, середина'.

54. афг. pūl м. 'бельмо, пленка на глазу': др.-инд. pūtis м. 'гной'.

55. афг. wlēšt, lwēšt f. 'пядь (мера длины)': др.-инд. vítas-tis f. 'пядь (мера длины, определяемая различным образом: расстояние от локтя до кончиков пальцев и = 12 āṅgula)'.

56. афг. bān f. 'одна из жен (по отношению к другой - при многоженстве)': др.-инд. sa-rātñī-adj.f. 'обладающая совместным супругом', subst. f. 'одна из жен (по отношению к другой); соперница'.

57. афг. sār м. 'голова, глава; передняя часть, верхушка': др.-инд. śiras- н. 'голова, верхняя часть, вершина, глава', ср. также др.-инд. śiras м. 'голова' (с незасвидетельствованным местом ударения); греч. kápa н., эп.-ион. kápa f. 'голова, лик, лицо, вершина, верхушка'; kápa f. (только асс. sg. kápa) 'голова'.

58. афг. nár, nér м. 'мужчина, муж, самец': др.-инд. náras м. 'мужчина; муж; герой' и др.-инд. nár м. 'мужчина' (с обобщением ударения падежей с полной ступенью корня).

4) Имена на -er и -en.

59. афг. wrōr м. 'брат': др.-инд. bhrātar- м. 'брат'; греч. φράτηρ м. '(со)член фратрии'; герм. *brōþer < *bhrātēr м. 'брат' (ср. гот. brōþar, др.-исл. brōðir, др.-в.-нем. bruoðer,

др.-сакс. brōþar, др.-англ. brōþor); слав. *brātrъ (а.п. а, ср. схрв. брѣтъ, словен. brāt, gen. sg. bráta).

60. афг. yōr f. 'жена брата мужа': др.-инд. yātār- f. 'жена брата мужа' (Ур. 2, 98); греч. *ἐνάτηρ f. 'жена брата мужа' (Гомер. ἐνάτηρ, устанавливается по Геродиану: gen. sg. ἐινάτερος Hdn. 2.747; voc. sg. εἴνατερ Hdn. 1. 419 акцентологическом отношении не показателен. Гомер. εἰνάτερες х 473, по-видимому, по θυγάτερες, в остальных местах у Гомера встречается лишь непоказательная акцентологически форма gen. pl. εἰνάτερων Z 378, 383, Ω 769. Гомер. εἰ- вследствие метрического удлинения); балт. *jéntē, gen. sg. *jēnters (1 а.п., ср. лтш. iētaļa f. 'жена брата мужа', на 1 а.п. указывает плавная интонация; в литовском ударение надежно не зафиксировано; слав. *jětry (а.п. а, ср. русск. диал. я́тровь, я́тровка, я́тровья; эту же а.п. могут отражать и схрв. jětrva и словен. jětrva; в других случаях наблюдается перевод в а.п. ъ, обычную для ъ-основ в славянском).

61. афг. ōr м. 'огонь, пожар': др.-инд. *āthar- в ātharvan- 'жрец огня'.

62. афг. nūm м. 'имя, название': др.-инд. nāman- н. 'имя'; греч. ὄνομα н. 'имя, название'.

5) Числительные

63. афг. lās 'десять': др.-инд. dáśa 'десять'; греч. δέκα 'десять'; герм. *tehun 'десять' < *dékun (ср. гот. taihun, др.-исл. tíu, др.-в.-нем. zehan, др.-сакс. tehan, др.-англ. tien, tén).

64. афг. ná 'девять': др.-инд. náva 'девять', греч. ἐννέα (< *ennéna) 'девять'.

65. афг. zér 'тысяча': др.-инд. saháśra- н, м. 'тысяча'.

66. афг. dwōlas 'двенадцать': др.-инд. dvādaśa 'двенадцать', греч. δώδεκα 'двенадцать'.

67. афг. nūnas (вар. nūlas) 'девятнадцать': др.-инд. návadaśa 'девятнадцать'.

68. афг. šrāgas (вар. šrāṅlas) 'шестнадцать': др.-инд. ṣoḍaśa 'шестнадцать'.

69. афг. dyārlas (< *drāyulas) 'тринадцать': др.-инд. trāyodaśa 'тринадцать'. Акцентологический вариант dyarlas, по-видимому, вторичен.

70. афг. swārlas 'четырнадцать': др.-инд. caturdaśa 'четырнадцать'. Акцентологический вариант swarlas, по-видимому, вторичен.

71. афг. -wīšt 'двадцать' (в числительных от 21 до 29): греч. *ῥίκατι, *εῤίκατι (атт. εἴκοσι < *εῤίκοσι, Гомер. εἴκοσι т.е. εἴκοσι < εῤίκοσι, о по аналогии с другими числительными, обозна-

чающими десятки. С древней огласовкой дор. *εῖματι* (у Феокрита). Древняя форма без протетического гласного сохранилась в дор., беот., фессал. *εῖματι*). В др.-инд. *viñśatí* 'двадцать' следует видеть результат выравнивания по окситонезе других названий десятков.

II. Oxytona

1) а-основы feminina

1. афг. *εἰρωά f.* 'ключица': др.-инд. *grīvá f.* 'затылок, шея' (лтш. *grīva* 'устье реки' и слав. **grīva* отражают оттяжку ударения по закону Хирта).

2. афг. *ἔρα (< *ḗra) f.* 'ночь': др.-инд. *krārá f.* 'ночь'.

3. афг. *ῥίβα f.* 'гнида': др.-инд. *likśá f.* 'гнида' (Böhtlingk-Roth).

4. афг. *νήτρ (< *nežá с перестройкой основы по образцу других терминов родства) f.* 'сноха': др.-инд. *snusā f.* 'сноха'; герм. **snuzō < *snusā f.* 'сноха' (ср. др.-исл. *snor, snǫr*; др.-англ. *snoru*; ср. также др.-в.-нем. *snura < *snuzōn с перестройкой основы*); слав. **snъxa*, асс. sg. **snъxъ* (а.п. с, ср. схрв. диал. *snā, snāu, snāe* и др.); о-основа ж.р. в греч. *νύβς* 'сноха' показывает также окситонезу.

5. афг. *ἰπνά f.* 'чирей, нарыв': др.-инд. *dhāpās f. pl.* 'хлеба, зерновье' (балтийские соответствия: лит. *dūona* 1 а.п. f. 'хлеб', лтш. *duona f.* 'ломоть хлеба, крауха' - отражают оттяжку ударения по закону Хирта).

6. афг. *μαῖρά f.* 'мачеха; одна из жен отца (по отношению к детям другой жены)': греч. *μητέρα*, ион. *μητρική*, дор. *ματέρα f.* 'мачеха'.

7. афг. *ἠβυά f.* 'семя, яйцо, яичник': греч. *ῥόν (< *b(ϋ)jóm) n.* 'яйцо'; слав. **jāje*, ном.-асс. pl. **jajá* (а.п. с, ср. схрв. диал. *jбje*, gen. sg. *jбja*, ном.-асс. pl. *jоjă* - и под.).

8. афг. *swá (< *sawá) f.* 'копыто': др.-инд. *sapḥás m.* 'копыто'.

9. афг. *riāsá f.* 'куча зерна, провоянное зерно, продовольствие': др.-инд. *rāsís m. (f.)* 'куча, грудa, множество, масса'.

10. афг. *сῆρά f.* 'лицо, образ, вид; венки': др.-инд. *citrá-adj.* 'видимый, блестящий, яркий, светлый, пестрый' и субстантивированно: *citrám n.* 'блеск, сверкающие украшения; картина, изображение'.

11. афг. *βαρά f.* 'маховые перья на крыльях птицы': др.-инд. *paṛāṃ n.* 'крыло, перо, лист, оперение стрелы'; лит. *spraḥnas* 'крыло' (4 а.п., соответствующая индоевропейской окситонезе. Начало не ясно, "s подвижное" (?) или: старое индоевропейское сочетание согласных, ср. греч. *πτερόν* 'перо').

12. афг. *υῤῆά f.* 'печень' (< **uaxná < *yakná*): др.-инд. *уакῤῆt* (AV 10, 9, 10), abl. *уакnás* (RV X, 163, 3) n. 'печень'. Однако греч. и лит. проводят в этой основе накоренное ударение: греч. *ἥπαρ*, gen. sg. *ἥπατος n.* 'печень'; лит. *jėknos* (*ėknos, āknos*), gen.-нц (pl., 2 а.п.) 'печень' (см. *vūga III, 377: āknos*). Расхождение в акцентовке, возможно, объясняется различным направлением выравнивания первоначальной подвижности ударения.

13. афг. *υαῤῆά f.* 'время от 11 до 1 часа дня, полдень, жар, духота': др.-инд. *gharmás m.* 'солнечное тепло', 'солнечный жар, жар огня; жаркое время года, день (в противоположность ночи); пот'; греч. *θερμός adj.* 'теплый, горячий, жаркий, знойный', *θερμόν n.* 'зной', 'жар', pl. *θερμά* 'горячие источники, жаркие страны' (в греческом иная ступень огласовки корня).

14. афг. *σάρα f.* 'нож, кинжал, бритва': др.-инд. *kr̥tís (m. или f.)* 'род кинжала, нож мясника'.

15. афг. *ἱρά f.* 'пепел, зола' (< **ātryám* 'зола', основа зафиксирована в Авесте): ? др.-инд. *atharyú-adj.* 'flammand', *atharī f.* 'Flamme' (RV).

2) Прилагательные

16. афг. *ῥσῃ, f. умá* 'сырой, недоваренный; неспелый, незрелый': др.-инд. *āmá-adj.* 'сырой, неспелый'; греч. *ῥμός* 'сырой, неспелый'; кельт. **ōmo- < *ōmó- adj.* 'сырой' (ср. др.-ирл. *om, валл. of* 'сырой').

17. афг. *κῆρ, f. каpá* 'глухой': др.-инд. *karṇá-adj.* 'корноухий, с дефектными ушами'.

18. афг. *сῦр, f. srá* 'красный, алый; румяный': др.-инд. *śukrá-adj.* 'ясный, светлый, блестящий, белый', *śuklá-adj.* 'белый, светлый, чистый' и субстантивированно в разных значениях.

19. афг. *trīw, f. tṛwá* 'кислый, солоноватый, соленый': др.-инд. *tīvrá-adj.* 'острый, резкий, сильный, густой'.

20. афг. *рῥх, f. раxá* 'сваренный, варенный, спелый, зрелый': др.-инд. *pakvá-adj.* 'варенный, спелый, зрелый'; субстантивированно: *pakvám n.* 'варенное кушанье'.

21. афг. *γάw* (косв. *уawá*), *f. уawá* (косв. *уawé*) 'один, одна': др.-инд. *evá, evá* 'так, только, именно, же', *evám* 'так, таким образом'. Однако греч. *οἶος (< οἶφος)* 'один, единственный' показывает баритонезу.

22. афг. *spῆрэ, f. spῆрэ* 'светлосерый, мутный, загрязненный': др.-инд. *śvitrá-adj.* 'белый, беловатый, пораженный белой проказой'.

23. афг. *сῶр, f. саrá* 'холодный, прохладный': лтш. *saĩts* 'холодный' (прерывистая интонация свидетельствует о первоначальной подвижной акцентной парадигме при акутированности корня, что

соответствует на индоевропейском уровне окситонезе индоиранских и греческого языков).

24. афг. *stūn*, f. *stana* 'возвратившийся, вернувшийся обратно': др.-инд. *uttāna-* adj. 'протянутый, вытянутый в горизонтальном положении определенным образом'.

25. афг. *tōd*, f. *tawdá* 'теплый, горячий, жаркий': др.-инд. *tartá-* adj. 'нагретый, разгоряченный, жгучий', субстантивированно *tartám* n. 'теплая вода'.

26. афг. *māg*, f. *mṛá* 'мертвый, умерший': др.-инд. *mṛtá-* adj. 'мертвый'.

27. афг. *ūdá*, f. *ūdá* 'спящий, сонный, вялый': др.-инд. *suptá-* adj. 'спящий', субстантивированно *suptám* n. 'сон'.

28. афг. *trīx*, f. *təḡxá* 'горький, соленый': ? др.-инд. *takrám* n. 'пахта, разбавленная водой' (Уп. 2,13). Вокализм в афганском слове под влиянием *trīw*?

29. афг. *teré*, f. *terá* 'острый, колкий' (< **tiḡra-*), ср. ? др.-инд. *tigṃá-* adj. 'острый, остроконечный'. Сравнение возможно в случае, если одна из форм возникла в результате морфологической перестройки из другой, что вероятно ввиду тождества значений.

3) Имена на "зваракай"

30. афг. *lewé* m. 'волк' (< **daeva-* 'дев'): др.-инд. *devás* m. 'бог, брахман, царь', *devá-* adj. 'небесный, божественный'. Поправка Г.Моргенштерне (< **daēva-* 'daevic'), по-видимому, излишня. Однако и при ее принятии соотношение акцентных типов сохраняется, ср. др.-инд. *deviám* n. 'божественное достоинство'.

31. афг. *mṛgá*, *məḡá* m. 'птица (часто хищная)': др.-инд. *mṛgás* m. 'дичь, дикое животное (газель, олень и т.п.), птица'.

32. афг. *raé* (< **raés*) 'мелкая овца': др.-инд. *raśús* m. 'мелкий скот, жертвенное животное, скотина'. Ненадежно зафиксированное др.-инд. *raśu* n. 'скот' и герм. **fehū* < **raku* n. 'скот, имущество' (ср. гот. *faihu*, др.-исл. *fē*, др.-в.-нем. *fihu*, др.-сакс. *fehū*, др.-англ. *feoh*) отражают, возможно, общую баритонированную основу среднего рода, ср. рассуждения по поводу соотношения основ этого типа у Э.Бенвениста в IV гл. "Индоевропейского именного словообразования".

33. афг. *wāzé* f. 'сажень (мера длины, равная 2,134 м), шаг (коня)' (< **bāzu-* 'рука, сажень'): др.-инд. *bāhús* m. (f.) 'рука, предплечье, мера длины, = 12 *aṅgula*. Но греч. *πῆχυς* m. 'предплечье, рука; пехий, локоть (мера длины ок. 46 см)' по-казывает баритонезу.

34. афг. *ḡwé* m. sg. (и pl.) 'облачко, тучка; бельмо': др.-инд. *abhrá-* n. и m. 'пасмурная погода, облака, туча'; n. 'атмосфера'; греч. *ἀφρός* m. 'пена'.

35. афг. *bāná* m. (и pl. m.) 'ресница, ресницы': др.-инд. *paḡám* n. 'крыло, перо, лист, оперение стрелы'; лит. *srafnas* m. 'крыло' (4 а.п., соответствующая индоевропейской окситонезе. В начале или "s подвижное" или старое индоевропейское сочетание согласных, ср. греч. *πτερόν* 'перо'. Ср. № 11.

36. афг. *ḡarṃé* m. (pl. tantum?) 'жара, зной': др.-инд. *ghar-más* m. 'солнечное тепло, жар; жаркое время года, день (в противоположность ночи)'; греч. *θερμός* adj. 'теплый, горячий, жаркий, знойный', *θερμόν* n. 'жар, зной'. Ср. № 13.

37. афг. *māzú*, *māzú* m. (pl. tantum?) 'мозг' (< **mazga-* m.): др.-инд. *mājjan-* m. 'мозг, сердцевина', *mājja* i. 'мозг'.

38. афг. *šaudá*, *šōdá* m. (pl. tantum?) и *šodá* f. 'молоко' (< **xšvīpta-* 'Melkmilch'): ? др.-инд. *kṣiptá-* 'брошенный, выгнанный' (RV I, 129, 8) (Bartholomae: *xšvīpta-* eig. 'herausgeschnellte', d. i. 'gemolkene').

40. афг. *tré*, *teré* m. 'дядя (со стороны отца)': др.-инд. *pitṛvyās* m. 'брат отца, дядя' (V. 1 к Р. 4, 2, 36).

41. афг. *wṛāré* m. 'племянник (сын брата)': др.-инд. *bhrātrvyās* m. 'племянник' (Р. 4, 1, 144) в отличие от *bhrātrvyās* m. 'соперник' (Р. 4, 1, 145).

42. афг. *ūmé* m. 'эфедра, хвойник (ephedra)' (< **haōma-* 'относящийся к haōma-'): др.-инд. *somiá-* adj. 'относящийся к соме, связанный с сомой' и др.-инд. *sauṃyá-* adj. 'относящийся к соме, имеющий свойства сомы и т.п.' (f. *sauṃī*). От последнего прилагательного в др.-инд. образовывались также названия растений, имеющих отношение к соме, например *sauṃyā* f. Это второе прилагательное имело и баритонированный вариант: *sāuṃya-*. Непосредственное возведение афг. *ūmé* к *haōma-* 'сома' кажется сомнительным как ввиду описываемых акцентологических соотношений (ср. др.-инд. *sōmas* m. 'сома'), так и из-за наличия афганского варианта названия этого растения *ūmān* m. 'эфедра, хвойник (ephedra)', где адъективность выражена суффиксом *-ān*. Сопоставление поддерживается новоперсидским названием этого растения: *hoṣm* 'эфедра, хвойник (ephedra)'.

43. афг. *šāḡé* f. 'нож, короткий меч, бритва': др.-инд. *kṛtís* (m. или f.) 'род кинжала, нож мясника'. Ср. № 14.

44. афг. *ḡāšé* f. 'груда зерна, хлеб (на току); продукты, продовольствие': др.-инд. *ḡāśís* m. (f.) 'куча, груда, множество, масса'. Ср. № 9.

45. афг. *zṛé* m. 'сердце, душа': др.-инд. *hṛd* n. 'сердце, внутренность', с выравниванием ударения по косвенным падежам: instr. *ṛdā*, dat. *hṛdé*, abl. *hṛdás*, gen. *hṛdás*, loc. *hṛdí*, instr. pl. *hṛdbhís*, loc. pl. *hṛtsú*.

4) Имена на *-er и *-en

46. афг. *lewār* м. 'брат мужа, деверь'; др.-инд. *devār-* м. 'младший брат мужа, деверь'; греч. Гомер. *δαίρ*, gen. sg. *δαίρος* м. 'брат мужа, деверь' (< **daifēr*). Балтийские и славянские соответствия: лит. диал. *dieveris* (1 а.п.), лтш. *diēveris*, 'деверь'; слав. **dēverь* (а.п. а, ср. скрв. *дѣвер*, gen. sg. *дѣвера*; словен. *déver*) — отражают преобразование по закону Хирта (см. В.М.Иллич-Свитыч, стр.77 и 154). Варианты с подвижным ударением: лит. *dieveris*, *dieverys* (3 а.п.); словен. *devēr-* возникли, вероятно, в результате вторичного перевода в подвижную парадигму, хотя не исключена возможность, что этот перевод был индуцирован формами этого слова, в которых закон Хирта не действовал (например, когда между ударением и долготным гласным был слог).

47. афг. *plār* м. 'отец': др.-инд. *pitār-* м. 'отец'; ду. 'родители', pl. 'отец и его братья, предки'; греч. *πατήρ*, gen. sg. *πατρός* м. 'отец', pl. 'родители; предки'; герм. **fader* < **patēr* (ср. гот. *fadar*, др.-исл. *faðir*, др.-в.-нем. *fater*, др.-англ. *fæder*).

48. афг. *calār* 'четыре': др.-инд. *catvāras* м. 'четыре', герм. **fedwōr-* < **petuōr-* (ср. готск. *fidwōr*).

49. афг. *ramān* 'чесоточный, паршивый, больной паршой, прокаженный', диал. *ramāna* f. 'чесотка, зуд' (вазирск. *raman* в обоих значениях, см. *Morgenstierne*, стр.57, ram): др.-инд. *rāmān* м. 'некая кожная болезнь; чесотка или лишай', *rāmānā-* adj. 'чесоточный, паршивый, покрытый коростой'. По-видимому, первичное положение отражено в вазирском диалекте, где произошло совпадение существительного и прилагательного в одной основе **ramān*, в дальнейшем устранение этой омонимии производилось или переводом существительного в а-основы или путём извлечения из **ramān* новой основы *ram* м. 'проказа, чесотка, зуд, парша'. Раннюю морфологическую перестройку отражает афг. диал. *rān* м. 'чесотка, зуд, парша' (< **rāmna-*), с нормальным фонетическим отражением ударного долгого ā.

5) Числительные

50. афг. *ōwā* 'семь' (ср. авест. *hapta* 'семь'): др.-инд. *saptā* 'семь', греч. *ἑπτά* 'семь'.

51. афг. *atā* 'восемь' (ср. авест. *ašta* 'восемь'): др.-инд. *aṣṭā* 'восемь', *aṣṭāu*, *aṣṭā*, греч. *ὀκτώ* 'восемь'. Афганская форма, по-видимому, восходит к индоиранскому варианту с долготным исходом, чем объясняется отсутствие заместительного удлинения в первом слоге.

52. афг. *špētē* 'шестьдесят' (< **xšva¹štī*): др.-инд. *ṣaṣṭi* 'шестьдесят'.

53. афг. *nwī*, *niwī*, *nəwī* 'девятьносто' (< **nawādī* < **nava¹tī*. Афганский акцентный вариант *nəwī*, по-видимому, вторичен): др.-инд. *navatī* 'девятьносто'.

54. афг. *ōwiā*, *ōwūā* < *awiā* (EVP) 'семьдесят'; фонетически закономерной является последняя форма, где отсутствие заместительного удлинения из-за долготы гласного следующего слога (< **awāī* < **awōādī* < **haptā¹tī*); формы с *ō* под влиянием *ōwā* 'семь': др.-инд. *saptatī* f. 'семьдесят'.

55. афг. *atyā* 'восемьдесят' (< **atāī* < **atādī* < **astā¹tī*): др.-инд. *aṣṭī* f. 'восемьдесят'. При значительной перестройке иранской формы место ударения остается тождественным древнеиндийскому.

56. афг. *pinzōs* 'пятьдесят' акцентологически соответствует, по-видимому, греческому: греч. *πεντήκοντα* (пятьдесят). Афг. форма < **panzāsāt* < **pančāsāt* (ср. др.-инд. *pañčāśāt* f. 'пятьдесят', где ударение, вероятно, выравнено по названиям десятков от 60 и выше, ср. аналогичные отклонения в названиях 20, 30, 40).

57. афг. *ōwēlas* 'семнадцать': др.-инд. *saptādaśa* 'семнадцать'.

58. афг. *atēlas* 'восемнадцать': др.-инд. *aṣṭādaśa* 'восемнадцать'.

Разобранные выше 71 сближение баритонированных основ (с ударением на основе, корне) и 58 сближений окситонированных основ (с конечным ударением, ударением на суффиксе или завершителе основы) — это почти весь этимологизируемый пласт афганской лексики, для которого можно найти соответствующую основу в других индоевропейских языках, отражающую унаследованный индоевропейский акцент (во всяком случае, при современном состоянии афганской этимологии значительно увеличить материал вряд ли возможно).

Исключения из представленного распределения единичны, к ним относятся:

I. Примеры баритонезы вместо ожидаемой окситонезы.

1. афг. *māž* м. 'баран': др.-инд. *meśās* (м.) 'баран', лит. *maĩšas* 4 а.п., слав. **měxъ* (а.п. с). Следовало бы ожидать форму с ударным "зваракай". Это же относится к афг. *měž* f. 'овца': др.-инд. *meśī* f. 'овца'. Однако в последнем случае литовское соответствие ж.р. показывает баритонезу и акутовую интонацию корня: *māižė* 'большой мешок' и *māiša* 'сетка для сена' (под влиянием ударения этих основ зафиксированное Куршатам *maĩšas* с тем же значением). Баритонеза основ ж.р. в литовском могла бы быть связана с метатонией и рассматриваться как чисто литовское явление, если бы не баритонированность германской пары, которую труд-

но отделить от литовских соответствий. Германские *máisaz m. и *máisō, *máisōn f. (др.-исл. meiss m. 'корзина', ново-исл. meis m. 'ящик для переноски сена', датск. mees, швед. диал. mes, meis 'Rückenkorb', норв. meis 'Korb, weidengeflecht als Traggerät', диал. 'Heunetz', ср.-н.-нем. mese, meise 'Korb, Tragekorb' (F-T, I, под Meis), ср.-в.-нем. meise 'Tragekorb' (Lexer), др.-в.-нем. meis(s)a 'Geräck'), ввиду близости их значений (значения тождественны в случае с норв. диал. 'сетка для сена' и лит. maīša, maīšas) и основ к балтийским, не поддаются выводу из сравнения (вопреки Иллич-Свитыч, стр. 39, прим. 27). Противоречие в акцентологических показаниях можно было бы разрешить, если реконструировать первичную пару: *moisós ~ *móisjā, с дальнейшим выравниванием ударения по языкам. Возможность такой реконструкции поддерживается наличием подобных пар в ведийском: 1. arusá- ~ árušī 'feuerfarben' (для árušī также 'rote Stute; Morgenröte'); 2. śyāvā- 'schwarzbraun' ~ śyāvī 'Nacht; dunkle Kuh, oder Stute'; 3. āyasá- ~ āyasī 'eisern'; 4. āśviná- ~ āśvinī 'den Áśvins eigen'; 5. śamgayá- ~ śamgayī- 'dem Hausstand wohltätig'; 6. śāradá- ~ śāradī- 'herbstlich'. Характерно, что эти пары испытывают интенсивное выравнивание по ударению м.р., ср. поздневедийские: YV śāradī, TS.B. āśvinī, ŚB āyasī, Un. śarvarī (Wack. II, 2, § 257, 249, 250).

2. афг. mōr 'мать': др.-инд. mātar- 'мать', греч. gen. sg. μητρός и другие косв. пад.; герм. *mōder < *mōþer (др.-в.-нем. muoter, др.-сакс. mōdar, др.-фриз. mōder, др.-англ. mōdor). К атому ряду соответствий можно было бы присоединить лит. диал. motė (восточные дзукские и западноаукштайтские говоры). При нормальном развитии ожидался бы афг. рефлекс *mālār. Ср. однако аналогичное отклонение в латинском, кельтских и балто-славянских (см. ВСЯ, № 5, специально стр. 18-19). Лит. диал. motė объясняется или вторичным переводом из баритонированной а.п. (см. Иллич-Свитыч, стр. 76-77), или специфическим развитием из смешанной а.п., в которой большинство форм были баритонированы, но некоторые многосложные формы имели ударение на конце. Ср. также необъясненную баритонезу греч. ном. sg. μήτηρ. Так как, по-видимому, афганский не дает оснований для предположения действия в нем закона, аналогичного правилу Хирта - Иллич-Свитыча в балто-славянском, разногласия в показаниях афг. и др.-инд. относительно данной основы могут быть результатом разных способов устранения какого-то аномального типа подвижности в этом слове.

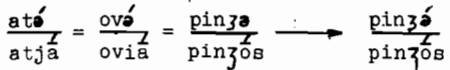
3. афг. lūr 'дочь': др.-инд. duhitār-, греч. gen. sg. θυγατρός и под., лит. dukté, слав. *dъcī (ср. схрв. кћѣ, слов. hčī) которые, как и факты из др.-русс., средне-болг. и др.-серб. текстов, указывают на праславянскую подвижность ударения, генетически

тождественную с греко-арийской окситонезой). В афганском следовало бы ожидать *lūtār или *lwār. Обнаруживаемый рефлекс скорее < *dūxθr-. Слово, по-видимому, имело тот же тип подвижности, что и *mātar-, и его акцентологическое развитие тесно связано с развитием этой основы, ср. аналогичное отклонение в акцентовке греч. ном. sg. θυγάτηρ (как μήτηρ).

II. Примеры окситонезы вместо ожидаемой баритонезы.

1. афг. mēré m. 'мужчина, муж': др.-инд. mārya- m. 'смертный, человек'. Ср. однако расхождение в акцентовке другого варианта этой основы в др.-инд. и греч.: др.-инд. māta- m. 'смертный, человек' ~ греч. (Hes.) μортός 'ἀνθρώπος, θνητός'. Греческому, возможно, соответствует авест. g. marəta- m. 'Sterblicher, Mensch' (< *mortó-) при авест. g. maša (< *mórtó-). Но последнее зафиксировано лишь один раз в Гатах и может быть результатом влияния широко представленного в Авесте (j. g.) mašya- 'Sterblicher, Mensch; Mann' (< *mórtyo-). Таким образом, если исходить из закономерности: rt после ударного слога в авест. > š, rt перед ударением сохраняется, то для иранского следует восстанавливать пару: *mārya- ~ *martá-. Соответствие иран. *martá-: греч. μортός может указывать на индоиранский характер восстанавливаемого для иранского противопоставления. В этом случае тождественность ударения в др.-инд. паре mārya- ~ māta- следует считать результатом взаимовлияния основ. Противоположный процесс выравнивания мог привести к окситонезе афганского соответствия. Кроме того, указанная основа могла испытывать влияние причастия на -t- и ряда других окситонированных именных основ с этим корнем.

2. афг. pīnzé 'пять': др.-инд. pañca 'пять', греч. πέντε 'пять'. Афганское отклонение, по-видимому, объясняется процессами выравнивания, происходящими уже в довольно позднее время. Дialeктный материал по ударению и формам числительных, приведенный Г.Моргенштерне в EVP, распределяется следующим образом (см. таблицу). Если оставить вне рассмотрения очень разнородные отрывочные примеры из диалектов Ghilzai, то ситуация в остальных диалектах может объясняться взаимодействием основ: форма pīnja подвергается одновременно давлению как со стороны словообразовательно связанной с ней pañjōs, так и морфологически связанных ové, até. Развитие протекает двояко: в тех случаях, когда в pañjōs проводится по аналогии с pīnja в корне вокализм i, аналогия начинает действовать в обратном направлении под влиянием словообразовательных отношений во всем ряде форм:

Ударение числительных "пять", "семь", "восемь", "пятьдесят" в афганских диалектах (по Г.Моргенштерне)

Племя	Говор	Сокр. источн. информ.	"семь"	"восемь"	"пять"	"пятьдесят"	
Afridi	Kambar Khel	Km	-	áta ^o	pĩz ^o	pinj ^o s	
	Malikdin Khel	M ₁	aw ^o	áté	pĩnjá	penj ^o s	
	Zakha Khel	Z	áw ^o	átá	pinzē	panj ^o s	
	Malikdin Khel	M	owá ^o	wáteh	pĩnzē	panz ^o s	
Khalil		Kh1	ow ^o	átē	pĩnzē	-	
Khatak	Sinai Khel	Kh	owá	áta	pĩnzē	panz ^o s	
	Barak (?)	Kh ₁	owā	ótā	-	-	
Bangash		B ₁	ow ^o	átē	-	-	
		B	ow ^o _ə	-	pĩnjā	panj ^o s	
Hazara	Bumba Khel	H	ow ^o _ə	átē	pĩnzē	panz ^o s	
Waziri			-	otā, wota	pĩnzē	penz ^o s	
Ghilzai	(generally)	(Ghilz.)	-	átē	-	-	
	(неизв.происх.)	(Gh)	-	-	pĩnja	-	
	(из Ghazni)	(Gh Gh)	-	-	pĩnja	-	
	Pur Khel	Pur	Pur	ow ^o	-	pinzā	-
		Pur ₁	Pur ₁	-	-	-	pinj ^o s
	Suleiman Khel	S1	S1	-	-	pĩnzē	-
A		A	-	átē	pĩnzē	-	
Nyaza Khel	Nyaz.	Nyaz.	-	-	pĩnjē	-	
Rustam Khel	Rs	Rs	-	-	pĩnjē	-	

В тех же случаях, когда между 'пять' и 'пятьдесят' сохраняется различие в вокализме, ударение в 'пять' оказывается сильным элементом ряда и распространяет накоренное ударение на atē и bwa, возможно, не без влияния тенденции в данных диалектах к ослаблению редуцированного, при этом ударение в bwa^o оказывается более устойчивым из-за положения e после сонорного²⁵.

Приведенными примерами ограничиваются надежные исключения из установленных выше соответствий.

Сравнение показывает не только сохранение старой акцентовки у имен ж.р. на a и у прилагательных, но и правильность предположения, что афганские имена с ударным "зваракай" (ə) восходят к окситонированным основам на и.-е. -o (-jo), -u, -i и, следовательно, конечный "зваракай" является нормальным рефлексом ударных конечных гласных этого типа. Этот вывод, собственно, определяет единственное значительное (из введенных нами) изменение в ряде реконструкций этимонов, предложенных в свое время Г.Моргенштерне. Так как конечный "зваракай" являлся этимологической загадкой, он предположил считать его результатом развития сочетания -ya-, что в большинстве случаев, входящих в сравнение, было произвольным решением.

Результаты акцентологического исследования позволяют освободиться от этого излишнего предположения. Умлаутные случаи и случаи с глайдовым удлинением могут объясняться без йотации простым влиянием гласного i конца основы.

Таким образом, в афганском сохранилась не только общая схема разноместного индо-иранского ударения, но и материально, в деталях, афганское ударение с поразительной точностью совпадает с ведийским. Единственное значительное отклонение наблюдается в прилагательных, см. сравнения группы I Barytona № 31, 32, 33, 34, 35. Это основы, которые в афганском показывают накоренное ударение в отличие от конечного ведийского. Но именно данная группа являлась проблематичной для балто-славянской акцентологии, так как в балто-славянском эти прилагательные имеют накоренную акцентовку или акцентные типы, восходящие к ней. С другой стороны, сравнение ударения производных прилагательных и существительных в ведийском показывает такое преобладание окситонезы у прилагательных, что у исследователей, склонных придавать слишком большое значение показаниям ведийского, возникала тенденция реконструировать в и.-е.

²⁵ Если приведенные соображения верны, то в диалектах типа Zakha Khel следует ожидать сохранения первоначального состояния ударения в этом ряде: áw^o, átá, pĩnzē, panj^os. К сожалению, Г.Моргенштерне как раз для Zakha Khel не указывает акцентовки формы pĩnzē.

категориальное распределение: существительные- barytona-прилагательные- oxutona. Показания афганского, по-видимому, могут говорить о том, что в ведийском мы имеем явную инновацию - переход ряда адъективов из баритонированной парадигмы в окситонированную, а афганский сохранил в данном случае важную архаическую черту.

А ф г а н с к и е и м е н а н а -ау- (< * -акл).

В этой группе имен обнаруживается акцентовка, связанная с акцентовкой производящих имен правилом выбора "по контрасту".

Непроизводные с точки зрения современного языка афганские имена на -ау делятся на два акцентных типа: тип А с ударением на корне и тип В с ударением на основообразующем форманте. Сравнение показывает, что в тип А входят главным образом имена, образованные от индоиранских окситонированных основ, в тип В - имена, образованные от индоиранских баритон.

I. Акцентный тип А

1. афг. *γólay* м. 'двор; пол' (< **gātuka-*)

~ от **gātús* (ср. др.-инд. *gātú-* м., f. 'движение, путь, тропинка; *земля').

2. афг. *ōzay* м. 'плечевая кость' (< **bāzuka-*, ср. др.-инд. *bāhuka-* с адъективным значением 'плывущий (руками)'). Ударение зафиксировано у Панини: 4, 4, 7)

~ от **bāzús* (ср. др.-инд. *bāhús* м., f. 'рука'. Индоиранский характер ударения этой основы подтверждается афганским *wāzē* 'сажень' < **bāzús*. В греческом обнаруживается отклонение: *πῆχυς* м. 'рука; предплечье').

3. афг. *zəmay* м. 'зима' (< **zímaka-*, ср. авест. j. *zəma-* м. 'winterstorm', а также др.-инд. *himaka-* со специализированными значениями. Древнеиндийское ударение не зафиксировано).

~ от **zímás* (ср. др.-инд. *himá-* adj. 'холодный', м. 'зимний сезон, зима', п. 'мороз, снег'. На и.-е. древность тематической основы указывают такие сложения, как греч. *δύο-χίμος* 'зимний, бурный', др.-инд. *śatá-híma-* 'столетний', букв. 'стозимный', лат. *bīmus* < **bi-himos*, *trīmus* < **tri-himos* 'двух; трехлетний').

4. афг. *məray* м. 'труп, мертвец' (< **mṛtaka-*, ср. др.-инд. *mṛtaka-* м., п. 'мертвец, труп'. Ударение не зафиксировано).

~ от **mṛtás* (ср. др.-инд. *mṛtá-* 'мертвый'. Для иранского ср. авест. j. *mərətā-* 'мертвый, умерший').

5. афг. *təzay* 'томимый жаждой, жаждущий' (< **tṛsuka-*, ср. с полной ступенью огласовки др.-инд. *tarsuka-* adj. 'жаждущий'. Ударение не зафиксировано).

~ от **tṛsús* (ср. др.-инд. *tṛsú-* 'жадный, жаждущий', герм. **þurzu-* < **þursú-* (др.-в.-нем. *durri*, др.-сакс. *thurri*, др.-англ. *þurge* с перестройкой u-основы в основу на -ja-. Для первоначального типа основы в герм. ср. гот. *þaurusus*, которое, однако, показывает баритонезу (?)). Для иранского ср. авест. *taršav-* adj. 'сухой, прочный (в противоположность к текучему)', тождественное древнеиндийскому).

6. афг. *žəway* 'живой' (< **žívaka-*, ср. др.-инд. *jīvaka-* 'живой, живущий; животворный'; субстантивированно 'живое существо; жизнь, существование'. Для ударения ср. обычный в ж.р. вариант др.-инд. *jīvikā*, акцент по MS 4, 8, 7 (115, 5) и Par.).

~ от **žívás* (ср. др.-инд. *jīvá-* 'живой, живущий; животворный', кельт. **bīvos* < **g^wívós* (др.-ирл. *biu*, *beo*, валлийск. *byw*, брет. *beo*, корн. *byw*, *bew*; относительно акцента см. ВСЯ, № 5), герм. **kwīvaz* < **g^wívós* (гот. *qius*, о месте ударения см. ВСЯ, № 5); лтш. *dzīva* 'живой' (где прерывистая интонация отражает балтийскую подвижность ударения, генетически тождественную греко-арийской окситонезе); слав. **živъ*, f. **živá* (с подвижностью ударения, соответствующей греко-арийской окситонезе, и циркумфлексом по правилу Мейе, подробно см.: Иллич-Свитыч, стр. 151-153). Для наличия основы в иранском ср. др.-перс. *živa-*, авест. *žva-* (т.е. *žīva-*) 'живой, живущий').

7. афг. *kāṇay* м. 'камень' (< **kárnaka-*).

~ от **kárnás* (< **kolnós*, ср. лит. *kárnas*, 3 а.п., лтш. *kaĩns* 'гора', 3 а.п. в литовском и прерывистая интонация в латышском указывают на балтийскую подвижность ударения, генетически тождественную греко-арийской окситонезе. Сближение, безупречное с формальной точки зрения, имеет тот недостаток, что в индо-иранских языках не отмечено больше следов этого корня, и.-е. характер основы подтверждается, однако, ирландским *coll* 'Haupt, Führer' (< **kolnos*) и греч. *κόλνός* 'холм'; последнее, важное и для акцента, может объясняться как результат аналогической перестройки первичного **κόλανός* < и.-е. **kolənós*. Ср. также i-основы: лат. *collis* 'холм' (< **kolnis*), др.-англ. *hyll* м., f. (< **kǣlnis*) и т.п.).

8. афг. *γəšay* м. 'стрела' (< **gáišaka-*).

~ от **gáišás* (< **ghaisós*, см. герм. **gaizaz* (< **gaisás* < **ghaisós*) 'копье, острога' (др.-в.-нем. *gēr*, др.-сакс. *gēr*, др.-англ. *gár*, др.-исл. *geirr*); вероятное греческое соответствие этой основы обнаруживает, однако, баритонезу: греч. *χαῖος* или *χαῖον* 'пастушеский посох'. Этимология имеет тот же недостаток, что и предыдущая).

9. афг. *stāray* м. 'звезда, планета' (< **stāra*ka-, ср. др.-инд. *tāra*kā f. (и н.) 'звезда'. Для иранского ср. ново-перс. *sitara* 'звезда, Венера' < **stāra*kā-).

~ от **stār*, gen. sg. **stāras*; pl. **stāras*, gen. pl. **starām*. (Для этой корневой основы следует предполагать первоначальную подвижность ударения; в др.-инд. зафиксирована лишь форма instr. pl. *stārbhis*, ср. греч. ἄστῆρ, gen. sg. ἄστῆρος, dat. pl. ἄστράσι (позднее ἄστρασι), последнее с явной тенденцией выравнивания ударения в пользу баритонезы. Подвижный акцентный тип в системе правил порождения акцентовки производных, по-видимому, приравнивался окситонезе).

10. афг. *pālay* м. 'пеший, пешеход'; pl. 'пехота'; 'пешком' (< **pādika*- или **pādaka*-; ср. др.-инд. *pādika*- adj. 'пеший', м. 'пешеход, пехотинец' (акцент по *ḡaṇarāṭha*, 135, 8); др.-инд. *pādaka*- adj. 'mit dem Padarāṭha vertraut'; н. 'шаг, нога' (акцент по *ḡaṇarāṭha*, 64, 2). Совпадение акцентовки, значения и словообразовательной структуры афганского слова и др.-инд. соответствий, по-видимому, говорит о его индоиранской древности).

~ от **pād*, instr. **pādā* и т.п. или от **pādām* (ср. др.-инд. *pād*, acc. *pādām*, instr. *pādā*, loc. *pādī* и т.д. (корневая основа с подвижным ударением) м. 'нога, шаг' или др.-инд. *pādām* н. 'шаг, след, стопа'. Вероятнее производство от **pād* м. 'нога, шаг', что связывает афг. *pālay* с др.-инд. *pādika*-, на это же указывают ср.-перс. *pa*uk, ново-перс. *pa*ug 'пешеход'; развитие конца слова в афганском могло быть опосредствовано процессами морфологического выравнивания. К корневой основе, по-видимому, восходит и афг. *pāl* м. 'ступня (ноги), шаг (ноги)', где морфологическое выравнивание не привело к окситонезе. Относительно выбора акцентовки производного ср. предшествующий пример).

11. афг. *sāway* 'огорченный, обиженный, горестный; подгоревший, загоревший'; собственно причастие от глагола *swāl* 'гореть' (< **sūxtaka*-, ср. др.-инд. *śuktaka*- adj. 'кисловатый, терпкий', н. 'кислая отрыжка'; ударение не зафиксировано. Для значения ср. др.-инд. *śocati*, -te 'светить, жечь; ощущать боль, скорбеть, горевать'. Ударение афганского слова не отличается от ударения этого типа причастий прошедшего времени, баритонеза которых контрастирует с окситонезой древнеиндийских причастий на -ta- и объясняется, по-видимому, разбираемым правилом выбора акцентовки производными на *-dka-).

~ от **sūxtā*- (ср. др.-инд. *śuktā*- adj. 'скисший, кислый; сгнивший, вонючий; грубый, резкий'; авест. *ura*.*suxta*- 'зажженный').

12. афг. *stāray* 'усталый, утомленный, истощенный; заканчивающийся' (< **stārtaka*- < **stārtaka*-; ср. ср.-перс. *startak* 'распространенный'; о значении см. ниже).

~ от **stārtā*- (ср. др.-инд. *stārtā*-, прич. от глагола *stār*- 'распростирать, сыпать, рассеивать, распространять, покрывать'; в ведийских текстах без приставки не встречается, но по общему правилу ударения причастий на -ta- в древнеиндийском должно иметь конечное ударение. Ср: др.-греч. στάρτης, прич. от στάρωμι. Данные из языков с парадигматическим распределением акцента в причастиях на -to- в этом случае менее показательны для афганского: лат. *strātus* < **stārtos*, лит. *stārta* а.п. 1, лтш. *stifta* 'скирда' < **stārtā*, см. ВСЯ, № 5, однако в славянском, вероятно, **stārtā*, f. **stārtā* вопреки ВСЯ, № 5, стр. 18 и 31, см. ВЯ, 1972, № 4, стр. 68-78. Относительно значения ср. авест. *stāretā*- 'изнемогший' в таких контекстах, как *druḡā he stāretō ara.dravaṭ būiti daēvō* v. 19, 2 (в пазенде дается перевод 'start'), ср. также сред.-перс. *sturt*, *start* 'подавленный, удрученный, понурый, угнетенный'. Близкое значение предполагает др.-инд. *ā-stārtā*- adj. 'непобежденный; непобедимый, неодолимый, несокрушимый', употребляемое в RV исключительно в подобных значениях. На греко-арийскую древность этого словоупотребления, по-видимому, указывают случаи употребления греч. στάρωμι в значении 'успокаивать (πόντον, θάλασσαν); смирять, подавлять (τό φρόνημά τινος); ослаблять, унимать (δργήν, τὸ λῆμά τινος)'.
13. афг. *zāray*, *zāray* м. 'семья, семечко; косточка (плода); ядро, сердцевина' (< **zārnaka*- < **zārnako*-; основа засвидетельствована также в хотано-сакском).

~ от **zārnām* н. (Предполагается ранняя субстантивация причастия **zārnō*-, ср. др.-инд. *jūrṇā*-, *jīrṇā* 'старый, дряхлый' (→ 'созревший'). Все языки, сохранившие эту основу в значении 'зерно', показывают, однако, баритонезу: лат. *grānum* < **zārnō*, кельт. **grānom* < **zārnō*, слав. **zīrno* < **zārnō*; ср. также балт. **žīrnis* а.п. 1 (лит. *žirnis*, лтш. *zīrnis* м. 'горох'). В случае верности др.-инд. сопоставления во всех последних случаях следует предполагать действие правила Хирта — Иллич-Свитыча).

II. Акцентный тип В

1. афг. *mārayā* (м.) 'раб, невольник' (< **mārayakā*-, ср. др.-инд. *mārayakās* м. 'самец').

~ от **māryas* (ср. др.-инд. *māryas*, *māriyas* м. 'мужчина', особенно 'молодой мужчина, жених, молодой женатый мужчина').

2. афг. *nwasáy* м. 'внук' (< **naptraká-*, ср. с тем же стечением согласных др.-инд. *naptrī-* f. 'внучка'. В афг. развитие группы **f̥br* (< **ptr*) с дальнейшей метатезой *w* и *a*, по-видимому, уже после завершения процесса *f̥br* > *ws*).

~ от **nárāt*, **náptar-*, **náptr-* (ср. др.-инд. *nárāt*, instr. sg. *náptrā*, dat. sg. *náptre* (и т.п., с баритонезой во всех падежах) м. 'отпрыск, сын, внук'. Основа зафиксирована в Авесте и в др.-перс.).

3. афг. *zalmáy* м. 'юноша' (< **zan[i]maká-*, ср. др.-инд. *jan-maka-*, по значению то же, что и *janman-*; ударение не зафиксировано; так же, как и афганская форма, может быть перестройкой первичной **jan[i]maka-*. Переход *n* > *l* в афганской форме может говорить о вторичности группы *nm*, разделенной первоначально *i* (первичная группа *nm*, как правило, в афганском > *m*). Развитие значения обычно: 'рождение' → 'порождение' → 'отпрыск' и т.д.).

~ от **ján[i]man-* (ср. др.-инд. *jániman-* н. 'рождение, порождение, потомство, отпрыск', *jáman-* н. 'рождение, дети, потомство' и т.п.).

4. афг. *wráy* м. 'ягненок' (< **war[a]naká-*, ср. др.-инд. *uraka-* 'баран, ягненок', акцент не засвидетельствован. Наличие *n* в иранском подтверждается ново-персидск. *bāra* < **warnaka-*. Однако в афганском **rn* > *r* или *ɾ*. По-видимому, в данном случае следует считаться с возможностью нефонетического устранения *n* или даже с наличием уже в иранском варианта **waraka-*).

~ от **wár[a]nas* или **wáras* (ср. др.-инд. *úraṇas* м. 'баран, ягненок'. Возможность второго варианта вытекает из существования таких основ, как др.-инд. *úrā* f. 'овца' и др.-инд. *urabhṛas* м. 'баран').

5. афг. *axáy* м. 'шурин, зять' (< **а(?)hwasruká-*; ср. образование с тем же суффиксом, но с другой акцентовкой в др.-инд.: *śváśuraka-* м. 'ein lieber oder armer Schwäher'; акцент зафиксирован в *Garapāṭha*, 251, 13).

~ от **hwásuras* м. (ср. др.-инд. *śváśuras* м. 'свекор', герм. **swēhurgaz* (др.-в.-нем. *swehur*, др.-англ. *sweor*). Греческий и литовский показывают иную акцентовку: греч. *ἐκμυρὸς* 'свекор', лит. *šėšūras* 3 а.п. 'свекор', что, по-видимому, вторично).

6. афг. *mazáy* adj. 'сильный, крепкий, прочный' (< **mazaká-*, ср. др.-инд. *mahaka-* м. 'ein ausgezeichnete(r) Mann'; акцент не засвидетельствован).

~ от **mázi* (< **méǵə*), ср. др.-инд. *māhi* adj. ном.-асс. н. 'большой', adv. 'очень', м., н. 'величина, величие', греч. *μέγας* adj. ном.-асс. н. 'большой, огромный, сильный' и т.п., *μέγας* ном. sg. м., *μέγαν* асс. sg. м. (ном. и асс. м. построены по н.,

по-видимому, вторично). В других падежах этого прилагательного используются формы суффиксальных основ с данным корнем, не показательные для акцентовки).

7. афг. *pərgáy* м. 'желудь' (< **parkuká-*, ср. индоарийск. **park-* в др.-инд. *parkaṭī* 'ficus religiosa' и панджаби *pərgāi* 'quercus ilex').

~ от **párkus* f. (ср. герм. **ferkuz* < **férkuz* в лангобард. *fercha* f. ? 'дуб', др.-в.-нем. *fereh-eih* 'дуб', ранне-н.-в.-нем. *Ferch* 'дуб', др.-исл. *fjǫrr* м. 'Baum, Mann'. Для первоначального типа основы ср. лат. *quercus*, *u-*основа f., 'дуб'. Менее вероятно возведение к варианту основы, отраженному в герм. **furxō*, **furxōn*, **furxiō* 'сосна, ель' ← 'дуб' (< **pf̥k̥-us* f. с перестройкой *u-*основы f. по языкам: др.-англ. *furh*, др.-исл. *fura*, др.-сакс. *fur(h)ia*; др.-в.-нем. *for(a)na*, см.: А.А. Зализняк. Сравнительный словарь древнегерманских существительных, II, 32, 16. "Этимология". М., 1965).

8. афг. *zuaṛáy* 'желтый, бледный', *zēṛáy* м. 'желтуха (болезнь), желток (яйца)' (< **zaritaká-*, ср. др.-инд. *haritaka-* adj. 'зеленоватый, желтый', f.: *haritakī* 'terminalia chebula' (дерево из семейства комбретовых, из плодов которого вырабатывают желтую краску); н. 'трава, овощи'. Для ударения см. вариант *haritakī* f. 'terminalia chebula', акцент по *Garapāṭha*, 81, 141).

~ от **záríta-* (ср. др.-инд. *hárita-* adj. 'русый, бледножелтый, зеленый'. Индоиранский характер ударения этой основы подтверждается афг. *ziár*, f. *ziāra* 'желтый').

9. афг. *saráy* м. 'человек, муж, мужчина; работник, слуга; парень'; pl. 'люди, мужчины' (< **sardaká-*, ср. тождественное по структуре ср.-перс. *sardag* 'род, вид', от авест. *sarəbam* н. 'род, вид'. Семантически более близкое значение представлено в хотанско-сакск. *sīḍaka* 'alderman', которое скорее < **sardyaka-*, что может быть образовано непосредственно от авест. *sarəidiya-* adj. 'gregalis, Genosse'. Последнее рассматривается как образование от основы **sarəda-* 'грек', представленной в Авесте в этом значении лишь в ном. пр. *aśasarəba-* м., толкуемом как 'zur Schar des Aša gehöriḡ', которое в этом случае должно рассматриваться как *bahuvrīhi* в соответствии с *tatpuruṣa* **aśasarəba-* 'die Schar des Aša'. Возможно, такое употребление привело к изменению значения 'грек, Schar' → 'gregalis, Genosse' → 'человек', которое отмечается у данной основы в белудж. *sar* 'человек' < **sarda-*).

~ от **sárda-* м., н. (ср. др.-инд. *śárdhas* м. 'отряд, толпа, ватага', *śárdhas-* н. 'то же', на первоначальность среднего рода, возможно, указывает авест. *sarəbam* н. 'вид, род'. Индоевропейская баритонированность основы подтверждается славянским **čěrdь* <

*čerdā, gen. ag. *čerdā (а.п. č; < *čerdā, gen. sg. *čerdā; см. Иллич-Свитыч, стр. 127²⁶). Ср. также баритонированность других типов основ от этого корня: греч. κέρως f. 'куча, груды', лит. keřdžius а.п. 2 'пастих' и слав. f. *čerdā, acc. sg. *čerdq̄ (а.п. č; < *čerdā, acc. sg. *čerdq̄). Относительно возможностей развития значения см. выше).

10. афг. sūrāy m. 'дыра, щель, отверстие; нора', adj. 'дырявый, худой' (< *sawrāy < *suwrakā- < *suwarakā-. Форма *sawrāy предполагается диалектными вариантами с метатезой, приводимыми Г.Моргенштерне: Waz. sarwai, B. surwai, M., Kh. sərwaī, Z. sarwāī, M.₃ obl. pl. sarwō, см. EVP, стр. 69. Ср. сред.-перс. swl'k, т.е. sūrāg (наряду с swl'x = sūrāx), нов.-перс. sūrāx 'дыра, отверстие').

~ от *sūwār, gen. *sūras (ср. греч. κῦαρ, gen. κῦαρος n. 'игольное ушко, отверстие ушка' < *κῦαρ, gen. *κῦαρος с перестройкой основы косвенных падежей по ном. sg., < более раннего и.-е. *kūyō, gen. *kūnos или *kūyō, gen. *kūnos. Для первоначальной основы косвенных падежей ср. др.-инд. sūnam n. 'пустота' с баритонезой, свидетельствующей о первоначальном неподвижном основном ударении этого образования. О первоначальной полной ступени основы прямого падежа свидетельствует, по-видимому, арм. sor 'дыра' < *sovorō- < *sovar- < *soyōr-. Для иранского ср. мундж. sūrv, йидга surv, sur^u 'дыра', вах. sərrv, sərrv 'дыра' < *suwar- (с метатезой) и вторично тематизированное авест. sūra- m. 'Loch, lacuna'²⁷).

11. афг. swaštāy m. 'челнок (текст)' (< *us-warstakā-, по-видимому, не может быть образовано от причастия *vṛttā-, так как показывает рефлекс полной ступени корня, ср.: А.Н. Р а г о з а. Древнеиранские группы согласных и их отражение в афганском языке (пушту). "Уч. зап. ЛГУ", № 294, 1961, стр. 65. Точных соответствий основе в других индоиранских языках не обнаруживается, за пределами индоиранской области таким соответствием может быть др.-ирл. forrach 'ein Ackermass' < *vorsak- < *vorttako-. Если принять это

²⁶ В балто-славянском в этом корне неясная потеря сатемного рефлекса и.-е. k̄-.

²⁷ Менее вероятным представляется сближение иранских слов с др.-инд. śvābhra- n., m. 'расщелина в земле, дыра, яма' (см.: G. Morgenstierne, EVP, стр. 69-70: sūrai; Indo-Iranian Frontier Languages, vol. II, стр. 248: surv, стр. 540: sərrv; P.Horn: GIPh I, 2, стр. 49, 52), которое, впрочем, приводит к аналогичному акцентному соотношению: афг. sūrāy ~ др.-инд. svabhra-.

сравнение, исходной для афганского слова следует считать форму со ступенью -o-).

~ от *wārstu- (ср. др.-инд. -vārttu в tri-vārttu 'трижды', на o-ступень указывает тождественный архаизм в прусск. ainawārst 'один раз'. Старую баритонезу показывает и лит. vafstas 'верста', 2 а.п. (отмечена уже у Даукши), где, возможно, основа на -a- вторична. На индоевропейский характер этого образования и его огласовки показывает, по-видимому, оскско-умбр. vorsus 'ein Ackermass, 100 Fuß im Geviert', ср. также лат. versus, -ūs m. 'борозда; ряд, линия, строка; поворот в танце, танцевальная фигура' < vorsus, где, однако, и.-е. *or неотличимо от рефлекса и.-е. r̄. Семантическое развитие довольно прозрачно: 'поворот, равномерное движение с регулярными поворотами', соответственно, 'предмет, который движется таким образом' и 'объект (пространство, время, измеряемый таким движением', - с дальнейшей специализацией значений).

12. афг. šaxāy adj. 'подобный, похожий' (< *šuxakā- или *ham-šuxakā-. Второе предположение (см. EVP, стр. 49) вовсе не обязательно: основа *šuxa- могла приобрести значение 'подобный, похожий' в любых адъективных сложениях типа bahuvrīhi, ср. др.-инд. aja-śukha 'с лицом козла' → 'похожий на козла'. В других иранских языках не обнаружено).

~ от *šuxa- n., m. (ср. др.-инд. śukha-n. (m.) 'рот, пасть; морда; лицо'. Это ударение подтверждается в афганском рефлексом šax (m.) 'лицо'. Ударение др.-инд. śāśmukhā- adj. 'повернутый лицом к кому-либо, благоприятный' не имеет решающего значения, так как система переакцентовки в адъективных сложениях в древнеиндийском оформилась, по-видимому, позже индоиранского языкового единства.

13. афг. kašāy m. 'единственный сын' (< *kasyakā-. Значение ← 'младший по отношению к отцу').

~ от *kasyas- (ср. авест. kasyas- 'меньший, меньше', сравн. степень от авест. kavav- adj. 'klein, gering'. Основа не обнаруживает надежных соответствий за пределами иранской языковой области, однако баритонеза сравнительной степени не вызывает сомнения из-за согласных показаний древнеиндийского, греческого и славянского: в славянском восстанавливаются акцентные парадигмы а и б, распределенные по типу корневого гласного).

14. афг. kūbāy adj. 'горбатый (о быке, верблюде и т.п.)' (< *kaufakā-; неясное, но, по-видимому, древнее отклонение в консонантизме представлено в афг. kūbāy m. 'горбун' < *kaurakā-).

~ от *kaufas m. (ср. слав. *kūrь, gen. sg. *kūra (а.п. а: болг. кұпът, схрв. кун m. 'собрание', слов. kūr, gen. sg. kūra m. 'куча'); балт. (лит.) kāuras и kauras 'куча', 1 и 2 а.п.

по диалектам; 4 а.п. вторична. Баритонезу подтверждает и афганский рефлекс kwáb, kúb м. 'горб', adj. 'горбатый'. Для иранского ср. др.-перс. kaufa-, авест. kaofa- м. 'Bergrücken, Höhenzug; Hocker (des Kamels)' < и.-е. *kóupho-. К и.-е. *kúro- следует возводить иранск. *káura-, отразившееся в афг. kúr 'горбатый; горбун' и давнее указанное выше вариант *kauraká-. Отношение между этими консонантными вариантами, равно как и отношение их к вариантам этой основы с звонкими лабиальными, остается неясным).

15. афг. уахáu м. 'лед', asáу м. 'иней, роса' (< *aixaká- и *Isaká- ? Во втором случае следует предполагать развитие > ɔ̃ > а, последний этап, возможно, нефонетический).
 ~ от *áixa-н. 'лед', adj. 'холодный, замерзший', *isu- 'холодный' (ср. герм. *ísa-н. 'лед' (др.-англ. ís н. др.-сакс. ís н., др.-в.-нем. ís н. 'лед') и герм. *ísa- м. 'лед' (др.-исл. íss, pl. ísar м. 'лед') < и.-е. *íso- или *éiso-; варианты, представленные в иранском: *aixá-, *isu- (ср. авест. aēxa-н. 'Frost, Eis' и isav- adj. 'frostig, eisig'), в германском неразличимы. Трудность представляет иранское чередование x ~ s. Можно попытаться разрешить ее на базе ларингальной теории, постулируя переход консонантного сочетания -Ns- в позиции после i в иран. x (после i слогового N просто выпадает, удлинняя i > ī. След его, однако, остается в s, не подвергнувшись переходу > š). Наличие ларингального в этом корне подтверждается интонационными отношениями в балто-славянском: лит. ūnis 1 а.п. 'иней, изморозь', слав. *ínъь, а.п. а 'иней' (схрв. ínъе, слов. ínje с перерождением интонации в "новой циркумфлекс" в результате заместительного удлинения). В этом случае иранские *aixá-, *isu- восходят (с учетом ларингальных) соответственно к и.-е. *eihsó-, *ihsu-. В авест. isav - обычное сокращение ī. Сравнение остается дилеммным: один из его членов может быть отведен в результате дальнейших исследований.

Отмечены следующие отклонения от описанного соотношения:

1. афг. páway, páway adj. 'новый, свежий, молодой; неопытный' (< *nawaka-, ср. др.-инд. navaka- adj. 'новый, свежий, молодой'; акцент не зафиксирован. Для иранского ср. др.-перс. nák; осет. nawæg; согд.-будд. nw'kw, (Муг) nw'y, согд.-ман. nwyу; ягн. náwa; ишк. páwúk, сангл. nawók; Иидга nowoóб, мундж. nūwíу и под. 'новый' < *nawaka-).

~ от *náwa- (ср. др.-инд. náva- adj. 'новый, свежий, молодой'; греч. νέος 'новый, молодой' < *véfos; на баритонезу указывает и славянский, см. Иллич-Свитыч, стр. 142).

Однако АслАР приводит также и другой акцентный вариант этого слова: nawáu 'начинающий, неопытный'. При наличии же двух вариантов, из которых один имеет специализированное значение, как

правило, именно вариант со специализированным значением сохраняет архаическое ударение²⁸. Обращает на себя внимание также конечное ударение соответствующего слова в Иидга и мунджанском, возможно, сохраняющих старое парадигматическое распределение акцентов в такого рода формах.

2. афг. lóray м. 'желудок жвачных животных; требуха; рубец' (< *ubáراكа или *úbaraka-; вторая реконструкция, не противоречащая афганским отношениям (ср. Barytona, № 28, 29, 30), поддерживается др.-инд. údarika- adj. 'толстобрюхий', акцент по Ganarāṭha 108, 2. Для иранского ср. ягн. dára, dará, косв. п. dáray, dáre 'живот, пузо, утроба' < *udaraka-, ср. также с неясным началом согд.-будд. kb'g'k 'ventre').

~ от ubáрам или *úбарам н. (ср. др.-инд. udáрам н. 'живот, полость, внутренность', но в греческом ударение, поддерживающее второй вариант реконструкции: греч. ὕβερως-γαστήρ Hes., возможно, вместо *ὑβερως. Второй вариант подтверждается также древнеиндийским ударением, зафиксированным в сложении údarakrimi-, акцент по Saṅarāṭha, 138, 4, в изд. Kāśikā. Для иранского ср. авест. udara- 'живот' (в сложении), а также согд.-будд. kb'g 'ventre', хотано-сакс. ūrā, loc. uīra 'живот', вах. dur, Иидга ilīr, мундж. áler м. 'живот, брюхо'. Ишк. der, сангл. der, dⁱer 'живот', возможно, < *udarya-).

Однако в балтийском подвижная а.п., указывающая на и.-е. подвижно-окситонированную а.п.: лит. vėdaras 3 а.п. 'колбаса (начиненная картофелем, крупой)', лтш. vėdars, vėdars 'живот, брюхо' (прерывистая интонация подтверждает балтийскую подвижную а.п.). Из-за этого расхождения, как и из-за колебаний в древнеиндийском, сомнительно прямое отождествление индо-иранского ударения с древнеиндийским в udáрам. Для реконструкции иранского ударения определенное значение имеют показания хотано-сакс. ūrā 'живот, брюхо' < *ubra- < *ubara-²⁹), которое говорит о том, что акцент

²⁸ Это явление, хорошо прослеживаемое в языках с разноместным ударением, объясняется тем, что специализация значения, сужая круг функций и контекстов, в которых употребляется форма, предохраняет ее от давления системы, в которую она входит. Этот случай, вероятно, и наблюдается в афг. nawáu 'начинающий, неопытный', преимущественно (или исключительно?) предикативное употребление которого предохранило его, по-видимому, от влияния баритонного ударения большинства производных прилагательных на -way.

²⁹ Хотано-сакский в характере синкопы гласных явно отражает следы и.-е. акцента (см.: St. Konow. Primer of khotanese Saka,

в этой основе не мог находиться на слоге -ба-, так как именно гласный этого слога подвергся синкопе. Следовательно, для иранского, если верить хотано-сакским показаниям, возможны *údaṛa- или *údaṛá-. Из-за др.-инд. údaṛa- (в сложении) предпочтительнее первый вариант, который может считаться и индоиранской реконструкцией, надежно поддерживаемой греческим, но который сам по себе не объясняет ни расхождения с балтийскими, ни колебания ударения в древнеиндийском. Если ср. род в др.-инд. первичен, расхождение греко-арийской и балтийской акцентовок (как и колебание ударения в др.-инд.) может объясняться различной судьбой старого подвижного акцента у основ neutra (*údaṛam ~ *údaṛá). Реконструкция этого аномального вида подвижности, возможно, объяснит и отмеченное отклонение в выборе акцентного типа производного. Неясно, в какой степени с этой гипотетической подвижностью может быть связано ударение др.-инд. udaryà- adj. 'к животу относящийся', н. 'содержание тела, или то, что образует тело', соответствующая ему основа, будучи представленной в иранском (ср. ишк. и сангл.), также могла оказать влияние на иранские отношения.

3. афг. stūnay м. 'гортань' (< *stámnaка-; рефлекс этой основы наблюдается, по-видимому, в близкородственном йидга: Yzh. ^ustúya, Yg. stūya 'throat (interior of)' < *stúnya < *stámnaка-? В других индоиранских точных соответствий не обнаружено).

~ от *staman- м. (ср. авест. staman- м. 'Maul' и мундж. stun 'throat, larynx' < *stam-? Индоевропейский характер основы несомненен, так как она отмечается в греческом и кельтском. Для ударения ср. греч. στόμα н. 'рот, уста', но в греческом это образование ср. рода с регулярной баритонезой, а авестийский показывает муж. род, при котором в основах на -man- наблюдались оба акцентных типа. В подобных случаях довольно часто обнаруживаются расхождения в ударении основ на -man- муж. и ср. рода, прослеживаемые как внутри одного языка, так и при сравнении разных языков (ср.: 1. др.-инд. brahmán- м. ~ др.-инд. bráhmaṇ- н.; 2. др.-инд. dharmán- м. ~ др.-инд. dhárman- н.; 3. др.-инд. bhūmán- м. ~ др.-инд. bhūman- н. (= греч. φύμα н.); 4. др.-инд. dārmán- м. ~ др.-инд. dáṛīman- (н. или м., ср. греч. δέρμα н.); 5. др.-инд. rārmán- м. ~ греч. πῆμα н.; 6. греч. θημόν м. ~ др.-инд. dhāman- н. (= греч. θήμα н.); 7. греч. βήην м. ~ др.-инд. syūman- н.; и под.). Кроме того в ряде случаев в основах на -man- обнаруживаются несовпадения акцентовок, не связан-

стр. 32-33; ср. также: Л.Г. Герценберг. Хотано-сакский язык. М., 1965, стр. 54-55).

ные с родом (ср.: 1. др.-инд. klómán³⁰) м. ~ греч. κλέμων м.; 2. афг. carmán f. 'шкура, кожа' (ср. авест. čarəman- н.) ~ др.-инд. cármaṇ- н. 'шкура, кожа'; 3. афг. lēmá pl. tantum (?) м. 'глаза' (ср. авест. daēman- н., парф. deman) ~ греч. οἶμα н. 'знак, признак; отметка, отметина' < *dhiēm̄q³¹). Принимая во внимание эти особенности имен на -man-, трудно считать надежным восстановление баритонезы иран. staman- м. на основании греч. στόμα н.). Таким образом, из обнаруженных отклонений, по-видимому, ни одно не может считаться надежным.

Очевидно, рассмотренное в основном на материале непроизводных с современной точки зрения имен на -ay соотношение должно отражать ситуацию, характерную для праиранского³²; видимо, она в значительной степени переключается с положением в древнеиндийском. (Это можно заметить уже из приводимых выше сравнений в тех случаях, когда в древнеиндийских образованиях на -ka- известен акцентный тип). "Контрастный" выбор акцентного типа у основ с суффиксами на -k- в древнеиндийском представлен довольно отчетливо в наиболее, по-видимому, архаическом слое производных, характеризующемся сохранением перед суффиксом тематического гласного производящей основы и отсутствием словообразовательного vṛddhi³³).

³⁰ Так, в AV и YV (см. Wackernagel II, 2, стр. 764), неясен источник ударения др.-инд. klómán- в Böhntling.

³¹ В последнем случае наблюдается также различие в типах огласовки.

³² Безусловно, если мы выйдем за пределы того круга афганских имен на -ay, который можно считать праиранским, картина может существенно измениться. Но в настоящей работе не ставилась цель проследить историю становления типов акцента у имен на -ay, мы старались лишь установить их иранскую основу. В этом случае ограничение лишь непроизводными с синхронной точки зрения именами оправдано и тем, что они достаточно древние, и тем, что они со времени их деэтимологизации отстранены от действия позднейших акцентологических процессов, происходящих в словообразовательной системе.

³³ В целом этот способ выбора акцента, очевидно, распространен далеко за очерченные пределы. Так, например, ему подчиняются многочисленные имена на -k-, -ik- со словообразовательным vṛddhi; однако здесь система усложнена наличием нескольких словообразовательных механизмов, порядок действия которых может быть различным. В этой группе основ появляется значительное число исключений, по крайней мере часть из которых объясняется иным порядком действия порождающих правил. Примером может служить хотя бы kātuká- н. (акцент по Gaṇapāṭha, 188, 9)

К ним относятся: а) прилагательные на -к-, образованные от прилагательных, причастий, числительных и наречий и их вторично субстантивированные формы; б) прилагательные на -к-, образованные от существительных, и их вторично субстантивированные формы; в) существительные на -к-, образованные от существительных, без определенного словообразовательного значения, возможно, первоначально уменьшительные³⁴. Ниже приводятся наиболее характерные примеры.

Акцентный тип А

- а.
1. pāpaka- adj. 'злой' ~ pāpā- adj. 'злой';
 2. śītaka- adj. 'прохладный' ~ śītā- adj. 'холодный';
 3. nāgnaka- adj. 'голый' ~ nāgnā- adj. 'голый';
 4. ūpnaka- adj. 'горячий' ~ ūpnā- adj. 'горячий';
 5. *jīvaka- adj. 'живой' (акцент устанавливается по форме ж.р. jīvikā, MS 4., 8, 7 (115,5) и Par.) ~ jīvā- adj. 'живой';
 6. sthūlaka- adj. 'грубого, массивного вида' (акцент и значение по Р. 5, 4, 3 и kāś. к Р. 5, 4, 3) ~ sthūlā- adj. 'грубый, толстый, большой, массивный';
 7. kṛṣṇaka- m. какое-то растение, возможно, черный сезам (акцент по Gaṇarāṭha, 251, 5) ~ kṛṣṇā- adj. 'темный, черный';
 8. śyāvaka- m. мужское имя собственное ~ śyāvā- adj. 'коричневый, черно-коричневый';
 9. jīrṇaka- adj. 'довольно старый' и т.п. (акцент по Gaṇarāṭha, 251, 10) ~ jīrṇā- adj. ← part. 'старый, дряхлый';
 10. chinṇaka- adj. 'не совсем разрезанный' ~ chinṇā- part. 'разрезанный' (Р. 5, 4, 4; V. 2 и kāś. к Р. 5, 4, 5, см. Wackernagel, II, 2, стр. 517).
 11. bhinnaka- adj. 'еще не совсем расколотый' (kāś. к Р. 5, 4, 5) ~ bhinnā- part. 'разбитый, расколотый' к √bhid-.
 12. baddhaka- m. 'пленный' ~ baddhā- part. 'связанный' (√bandh 'связывать').
 13. tānuka- adj. 'тонкий, маленький' (акцент по Gaṇarāṭha, 186, 16) ~ tanū- adj. 'тонкий';

'острота', которое следует считать производным от kātuka- adj. 'острый' с вторичным vṛddhi и с обычной в этих случаях меной акцентного типа, а не непосредственным образованием от *kaṭū- adj. 'острый', см. стр. 103, № 14.

³⁴ В уменьшительных с ясным диминутивным значением, по-видимому, произошла генерализация окситонированного типа, хотя отдельные случаи сохраняют следы старого парадигматического выбора акцента.

14. kātuka- adj. 'острый, едкий' ~ *kaṭū- adj. 'острый' (акцент, по-видимому, не зафиксирован; его место восстанавливается на основании и.-е. соответствий: лит. kartūs, 3 и 4 а.п. по диалектам, 'горький'; в герм. *hardus < *harfūs контаминация с основой, соответствующей греч. κρατός 'сильный'; см. Falk-Torp, I, 370, Naard).

15. jāyuka- adj. 'победоносный' ~ jāyū- adj. 'победоносный'.

16. prāśuka- adj. (ŚB) 'быстро растворимый' ~ prāśū- adj. 'очень быстрый'.

17. bābhruka- m. 'Ichneumon, фараонова крыса' ~ bābhru- adj. 'коричневый, бурый'. (Явно вторично bābhrukā- adj. 'буроватый, коричневый').

18. pṛthuka- m., n. 'полузрелый расплюснутый (breitgedrückter) рис (зерно)' ~ pṛthū- adj. 'широкий, пространный'.

19. tṛtīyaka- adj. 'каждый третий день возвращающийся (о болезни), третий' ~ tṛtīya- adj. 'третий'.

20. dvītīyaka- adj. 'на второй день возвращающийся (о лихорадке), второй' (акцент по Р. 5, 2, 81 и kāś. к этой сутре) ~ dvītīya- adj. 'второй'.

б.

21. śāpaka- m. 'eine Gazelle, die ihre Hufe verloren hat', также название какого-то растения ~ śāpā- m., n. 'копыто'.

22. śālyaka- m. 'дикообраз; рыба с чешуей; vanguardia spinosa' ~ śālyā- m., n. 'острие стрелы, копыта; шип, колючка'.

23. gūpaka- adj. 'в принятом образе появляющийся' (AV), gūpā- kā- 'враждебный демон' (см. Wackernagel, II, 2, стр. 516-515 и стр. 522) ~ gūpā- n. 'вид, образ; призрак, видение, сновидение'.

24. pāśvaka- adj. 'auf Seitenwegen Etwas zu erlangen suchend' (акцент и значение по Р. 5, 2, 75 и kāś. к этой сутре) ~ pāśvā- n., m. 'ребра'; 'бок, сторона'.

25. piṣṭaka- m. 'печенье, пирог' (акцент по Р. 4, 3, 147 и kāś. к этой сутре) ~ piṣṭā- adj. 'толченный, молотый', n. 'мука'.

26. kumārīka- adj. 'имеющий девочку' (акцент по Gaṇarāṭha, 219, 16) ~ kumārī f. 'девочка, дочь'.

27. bāhuka- adj. 'плывущий' (← 'передвигающийся при помощи рук' ← 'ручной'; ударение по Р. 4, 4, 7) ~ bāhū- m., f. 'рука'.

28. pādika- adj. 'пеший' ф. 'пешеход, пехотинец' (для значения ср. предыдущий пример; акцент по Gaṇarāṭha, 135, 8) ~ pād, асс. pādāṃ, instr. pādā, loc. pādī и т.п. (корневая основа с подвижным ударением) m. 'нога, шаг'.

29. pathika- m. 'путник' (акцент по Р. 5, 1, 75 и kāś. к этой сутре) ~ (pānthā), instr. pathā, loc. pathī и т.п. (корневая основа с подвижным ударением) m. 'путь';

В.

30. *dévaka-* м. 'бог' ~ *devá-* м. 'бог'.

31. *dévikā-* ф. 'богиня' (обозначение богини низшей категории) ~ *devī* ф. 'богиня'.

32. *gavīnikā-* ф. ду. 'пах' ~ *gavīnī-* ф. ду. 'пах'.

33. *dhénukā-* ф. 'Mutterkuh' ~ *dhenū-* ф. 'дойная корова, корова; самка'.

34. *tārakā-* ф. 'звезда' ~ **stār-* м. 'звезда' (в др.-инд. зафиксирована лишь форма instr. pl. *stṛbhīḥ*, но общие основания и сравнение с другими и.-е. языками заставляют предполагать корневую основу с первоначальной подвижностью ударения).

Акцентный тип В.

а.

1. *arbhakā-* adj. 'маленький' ~ *ārbha-* adj. 'маленький';

2. *sanakā-* adj. 'старый' ~ *sāna-* adj. 'старый'.

3. *śanakā-* adj. 'медленный' ~ *śāna-* adj. 'медленный'.

4. *sarvakā-* adj. 'каждый' ~ *sārva-* adj. 'целый, полный, весь, каждый'.

5. **alyakā-* adj. 'маленький' (ударение устанавливается по акцентровке наречий: *alyakām* 'немного', *alyakāt* 'вскоре после этого') ~ *ālya-* adj. 'малый, слабый, немногий'.

6. *kanīnakā-* м. 'юноша', *kanīnakā-* ф. 'девушка' ~ *kanīna-* adj. 'молодой, юный'.

7. *ekakā-* adj. 'одиночный' ~ *ēka-* 'один'.

8. *iyattakā-*, ф. *iyattikā-* adj. 'так мал, такой крохотный' (с удвоением -t- морфологического происхождения) ~ (*iyant*), *iyān* nom. sg. м., *iyatī* nom. etc. du. н., ф.; *iyati* nom. etc. pl. н. (adj., склоняемый по типу part. на -ant. В RV также н. pl. *iyānti*. Везде последовательная баритонеза) 'такой большой, такой многий'.

9. *pravartamānakā-* adj. 'незаметно или медленно выступающий, появляющийся; herabtanzeind' ~ *pravārtamāna-* part. 'выходящий, возникающий' (медиальное причастие наст. вр. от *pra-var-* 'идти вперед, выходить, возникать', ср. приводимые ниже причастия и причастия на -na-, -ta- в типе А).

10. *āvārantakā-*, ф. *āvārantikā* adj. 'высыпающий, рассыпающий' ~ *āvāran*, н. *āvārat*, ф. *āvārantī* part. 'рассыпающий, высыпающий; распределяющий' (активное причастие наст. времени от *ā-var-* 'рассыпать, распределять').

11. *avasarantikā-* ф. adj. 'семенящая вниз' ~ *avacāran*, н. *avacārat*, ф. *avacārantī* part. 'сходящий вниз' (активное причастие наст. времени от *ava-sar-* 'сходить вниз').

12. *antikā-* adj. 'находящийся вблизи' ~ *ānti* 'вблизи'.

13. *śīśukā-* м. 'молодой, ребенок' ~ *śīśu-* м. 'ребенок, детеныш', также о молодых растениях и о юном, еще недолго стоящем на небе солнце.

14. *muhukā-* н. 'внезапное явление, миг' ~ *mūhu* (RV) 'вдруг'.

15. *āṅṅyaskā-* adj. 'меньший, более тонкий, более нежный' ~ *āṅṅyañs* adj. comp. 'меньший, более тонкий, более нежный; очень маленький, очень нежный, очень незначительный' (сравнительная степень от *ānu-* adj. 'нежный, ничтожный, мелкий'; ср. аналогичное образование в афг. тип В № 13).

б.

16. *armakā-* adj. 'развалившийся, в обломках', н. 'руины' ~ *ārma-* м., н., pl. 'обломки, развалины, руины'.

17. *kuṣumbhakā-* м. какое-то ядовитое насекомое ~ *kuṣumbha-* м. 'волдыри от укусов некоего насекомого (Giftbläschen eines Insekts)'.

18. *viṣpuliṅgakā-* adj. 'мечущий искры' ~ *viṣpuliṅga-* м. 'искра'.

19. *sānukā-* adj. - эпитет волка, толкуется как 'нападающий с тыла, со спины' (см. Wackernagel, II, 2, стр. 482) ~ *sānu-* м., н. 'спина животного или демона, поверхность земли; вершина' и т.п.

в.

20. *jālakā-* н. 'сеть' ~ *jāla-* н. 'сеть'.

21. *maryakā-* м. 'самец' ~ *mārya-*, *māria-* м. 'молодой мужчина, жених, молодой женатый мужчина'.

22. *avikā-* ф. 'овца, овцематка' ~ *āvi-* м., ф. 'овца (самец или самка)'.

23. *iṣukā-* ф. 'стрела' ~ *iṣu-* ф. 'стрела'.

24. *takṣakā-* м. - некий демон, kl. 'обтесыватель, обрубщик' (Hauer, Abhauer), * 'плотник' ~ *tākṣan-* м. 'плотник'.

25. *gājakā-* м. 'царь, владетель' ~ *gājan-* м. 'царь, владетель'.

Приведенные факты, по-видимому, достаточно надежно свидетельствуют о генетическом тождестве древнеиндийской и реконструированной на основе афганского иранской системы выбора акцента у производных с суффиксами на -k- и позволяют отнести ее к индоиранскому периоду³⁵.

³⁵ Ср.: G. Morgenstierne. Archaisms and innovations in Pashto morphology. - NTS XII. Oslo, 1942, стр. 96.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЩЕБАЛТИЙСКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Реконструкции в точном смысле слова (в отличие от типологических выводов) в сравнительно-историческом синтаксисе (в частности, балтийских языков) возможны благодаря закономерным соответствиям, обнаруживаемым при соотнесении категорий, вводимых в глубинных структурах предложения, с определенными позициями, разрядами помещаемых в эти позиции служебных слов (отождествляемых этимологически) и акцентологическими характеристиками позиций в поверхностных структурах. Категории, выявляемые на уровне глубинных структур (деревьев порождающей семантики), могут быть сходными типологически, но их соотношение с одними и теми же чертами поверхностных структур не может быть случайным.

Древние начальные комплексы энклитик и происхождение структуры литовских возвратных глаголов

Тем фрагментам глубинных структур, которым приписывается смысл локально-временных и/или видовых уточнителей предиката, в также указания на лицо объекта (и субъекта) в отдельных индоевропейских языках, в том числе в балтийских и славянских, в поверхностных структурах соответствовали начальные комплексы из опорных и энклитических слов, являющихся одновременно потенциальными проклитиками (закон Васильева-Долобо, аналог которого для общеиндоевропейского был недавно предложен Жюкуа в работе о хеттских провербах¹ независимо от славянских фактов, на основании которых он был впервые сформулирован, а позднее детально обоснован - в последних публикациях В.А.Дыбо²). Новейшие исследования в области восточно-

славянского синтаксиса позволяют предположить сохранение в отдельных предложениях (типа сем-ка, авось³) архаичных комплексов с начальным опорным *s(e), *t(o), за которыми следовали местоименные энклитики *si, *ti, *mi, что соответствует синтаксической схеме, восстановленной для общеиндоевропейского и достаточно хорошо отраженной еще в старолитовском. Для сопоставления литовского si с хеттским энклитическим -ši < -še < -*sei особый интерес представляют те старославянские глаголы, которые сочетаются с СИ, особенно с СИ в препозиции: ТЫ ЖЕ СИ ПОЖАЛИ Супр. 16². Для доказательства архаичности этих конструкций (исторически, видимо, соответствующих тем, из которых развились литовские возвратные глаголы⁴) существенно то, что (если отвлечься от специфики некоторых рукописей) употребление СИ ограничено только подобными комбинациями с глаголами. С той же точки зрения интересен и старославянский глагол МЪНЪТИ СИ, где, возможно, сохранились (в цепочке из нескольких местоименных показателей при глаголе, различающихся, как и в анатолийских языках, по позиции) следы комбинаций не только с СИ, но и с ТИ, ср. парадигматическое чередование si:ti:mi в подобных сочетаниях в старолитовском типа ra-mi-sakita 'сказано мне'. Перекодирование ("переписывание" или "замена") с одного уровня на другой, осуществляющееся на протяжении истории языка, требует соответствующего использования данных одного уровня (морфологического) для реконструкции другого (синтаксического), как это особенно ясно можно показать на примере литовских приставочных возвратных глаголов, достаточно близкую параллель к которым в славянском представляют комплексы "приставка + глагол + СА", образующие единое целое (ст.-сл. ПО-КЛОНЪ СА и т.п.).

гарском и среднеболгарском. - ВЯ, 1971, № 2; О н ж е. К вопросу об ударении производных прилагательных в праславянском (прилагательное с суффиксом -ДИ-). "Матрица Српска. Сборник за филологију и лингвистику", XIV, 1, Нови Сад, 1971, и другие работы.

³ A.V.I s a Ć e n k o. Hortativsätze mit g, i, tj, tj im Ostslavischen. "Scando-Slavica", t. XVI, 1970, стр. 189-203.

⁴ Об объяснении литовских приставочных возвратных глаголов из этой синтаксической схемы подробнее см.: В.В. И в а н о в. Общеиндоевропейская, анатолийская и праславянская языковые системы. М., 1965, стр.230. Детальный критический анализ разбора фактов синтаксиса балтийских языков и ценные дополнения см. в рецензии на эту книгу: V.A ш б р а з а с. "Baltistica", III, (1), 1967, стр. 119-122.

¹ G. J u c q u o i s. Les postpositions du hittite et l'accentuation des préverbes en indo-européen. "Le Muséon", v. LXXXIII, 1970, 3-4, стр. 533-540.

² Начиная со статьи: В.А. Д ы б о. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. - ВЯ, 1962, вып. 6; О н ж е. Акцентные типы презенса глаголов с ѣ, ѥ в корне в праславянском. - ВЯ, 1972, № 4; О н ж е. О фразовых модификациях ударения в праславянском. "Советское славяноведение", 1971, № 6, О н ж е. Закон Васильева-Долобо и акцентуация форм глагола в древнебол-

Развитие по пути морфологизации структур, ранее бывших синтаксическими, наблюдается не только в литовском, но и в других индоевропейских языках, в частности кельтских, где отмечается наличие тех же двух возможных позиций местоимений – между приставкой и основой глагола и после бесприставочного глагола⁵, что и в литовских возвратных глаголах. Правило дополнительного распределения двух структур, включающих местоименный объект, в кельтском противопоставляет инфигирующие сложные глаголы, где местоименный объект в качестве энклитики следует за первым превербом, занимавшим первое место в предложении, и суффиксальные структуры, где местоименный объект в качестве энклитики следует за простым глаголом, ср. *da-m-beir* 'он дает это (м.р.)' (:*da-beir* 'он дает') при *beirth-i* 'он несет это' (:*beirth* 'он несет')⁶. Это правило соответствует закономерности, для литовского сформулированной И.Казлаускасом, различавшим две модели образования возвратных форм: "1) прибавление возвратной морфемы в конце у простых глаголов, назовем ее условно суффиксальной, и 2) помещение возвратной морфемы между приставками и глагольным корнем у приставочных глаголов наречного происхождения, назовем ее вставочной"⁷, ср. *neša-(s)i*, но *nu-si-*

neš(a). Отличие правила, сформулированного Казлаускасом, от соотношений в кельтском, заключается в том, что для современного литовского (как и для латышского) нельзя утверждать, что приставка наречного происхождения занимает начальную позицию в предложении. Исходный пункт развития и для кельтского, и для балтийского позволяют установить такие хеттские конструкции, как *kuel-aš arhā-aki*, где может возникнуть непроективность, устраняемая либо путем морфологизации комбинации преверба с местоимением и глаголом, либо путем преобразования синтаксических структур. В современных балтийских языках приставочные глаголы полностью морфологизованы и их структура не зависит от места в предложении. Но следы первоначальных соотношений могут быть установлены при изучении предложений, где встречается более одного сказуемого. В этих случаях приставочный глагол может начинать вторую предикатную группу, как в следующих предложениях из просмотренной автором выборки народных сказок (по литовской хрестоматии Шлейхера): *aš greitai iš pakuļų paskókęs tįloms pró lángą žemūn nuliþau ó įsilindaū į āvilį* 'я скорее из пакли вылезши тихохонько из окна вниз (на землю) спрыгнул и влез в улей', *į tą ezerą ateĩdavo tankei netolì nuò miesto gyvėnās Kuršỹs žvejóti; iF atsigabėndavo sãvo sūnų* 'на то озеро приходил часто недалеко от города живший Курш рыбачить; и брал с собой своего сына'. Эта закономерность еще более очевидна не внутри предложений с однородными сказуемыми, а в пределах целого текста, где в качестве стилистического приема в начале рассказа или в продолжении начатого повествования обычно начальное положение глагола⁸, ср. *nusiþuokė varges ĩr nuþjo sãu* 'посмеялся бедняк и пошел своей дорогой'. Эта особенность литовского синтаксиса не достаточно отражена в исследованиях последнего времени, где обосновывается тезис о специфическом характере конструкций с начальным положением глагола в индоевропейском, так как в них отмечается, что речь идет об особых случаях, обычных для сказок и рассказов⁹. Однако нередко следы такого же порядка слов обнаруживаются и в народных песнях (ср. *Susijojo trys berneliai*, A. Juška.

⁵ О развитии в кельтских языках см.: C. W a t k i n s . The Celtic Masculine and Neuter enclitic pronouns. "Études celtiques", vol. XII, 1968-1969, fasc. 1, стр. 93; ср. О н ж е. Notes on Celtic and Indo-European morphology and syntax, "Lochlann. A review of Celtic studies", III, 1965, стр. 286 и след., где реконструируется синтаксическая функция *k^we, соответствующая выводам позднейшего исследования – Н. Е i c h n e r . Urindogermanisch *k^we 'wenn' im Hethitischen. "Münchener Studien zur Sprachwissenschaft", 29, München, 1971.

⁶ C. W a t k i n s . Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb. "Celtica", v. VI, 1962; О н ж е. Preliminaries to the reconstruction of Indo-European Sentence structure. "Proceedings of the Ninth International Congress of linguists". The Hague-Paris, 1964.

⁷ И. К а з л а у с к а с . О месте возвратной морфемы и ее ударения в литовском языке. "Baltistica", I (2), 1966, стр. 144; ср.: J. K a z l a u s k a s . Lietuvių kalbos istorinė gramatika, Vilnius, 1968, стр. 88 и след. (к затронутой здесь проблеме ударения возвратных глаголов ср. также: Chr. S. S t a n g . Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966, стр. 478 и далее).

⁸ A. S e n n . Handbuch der litauischen Sprache, I, Heidelberg, 1966, стр. 480, § 1136; E. S c h w e n t n e r . Die Wortfolge im Litauischen. Heidelberg, 1922, стр. 11 и след.; E. B e r n e k e r . Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin, 1900, стр. 56; E. K i e c k e r s . Die Stellung des Verbs im Griechischen und in den verwandten Sprachen. Strassburg, 1911, стр. 68 и след.; IF, Bd. 30, 1912, стр. 176.

⁹ W. D r e s s l e r . Eine textsyntaktische Regel der idg. Wortstellung, - KZ, Bd. 83, 1969, 1, стр. 12, § 14.

Lietuviškos svotbinės dainos, I, Vilnius, 1955, стр. 78, № 54, I); нормальным (как и в старолитовском и в современном языке) такой порядок является в императивных оборотах (Pasimislyk, там же стр. 598, № 714, I, отдельная строка, синтаксически отделенная от следующих). Представляется возможным искать в подобных случаях косвенные отражения древнего синтаксического расположения элементов данных структур. Это подтверждается и давно открытыми фактами начального функционирования энклитических комплексов в старолитовском¹⁰, ср. tegi nenumitranka (Knyga Nobažnystės, 1653), tene migi negandina (Morkūno Postilė, 1600) и т.п. Особенно следует подчеркнуть, что энклитические местоимения в старолитовском могут следовать и не за глаголом или приставкой, а за другими начальными элементами (в соответствии с законом Вакернагеля), ср. kurišmi davei 'которые ты мне дал' (DP 154₁₀), kaipi regis¹¹ 'как мне показалось' (текст 1605 г.).

Как представляется, одним из наиболее убедительных доказательств отражения в литовских глагольных формах закона Вакернагеля и связанных с ним архаических правил построения начальных синтаксических структур является происхождение старолитовских форм типа tegi išgēlb (Daukša. Postilla, 1599, 172), te^agi parod (204, 445), где еще видны синтаксические истоки пермиссива¹².

К вопросу о синтаксических истоках морфологических видовых оппозиций

Новейшие исследования синтаксиса древних индоевропейских языков заставляют вернуться к давно высказывавшейся гипотезе о наличии уже в общиндоевропейском синтаксических конструкций, которые (при переходе синтаксических служебных элементов в морфологические) послужили основой для возникновения видовых противопоставлений (и различий, семантически близких к видовым) в истории таких отдельных диалектов, как славянские. Различие между общиндоевропейским (и общепалеолитским, в этом отношении отражающим общиндоевропейское состояние) и общепалеолитским, и общеславянским заключается не в характере самих категорий (таких, как перфективность и терминальность), существовавших в глубинной структуре

¹⁰ E. N e r m a n n . Litauische Studien, Berlin, 1926; V. A m b r a z a s . Указ. соч., стр. 122.

¹¹ A. S e n n . Указ. соч., II, стр. 174, прим. 6.

¹² Chr. S. S t a n g . Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966, стр. 423.

предложения в этих языках в разные периоды их истории, а в уровнях, на которых эти категории выражались: на синтаксическом уровне (в соотношениях поверхностных синтаксических структур) в более архаических случаях, на морфологическом уровне (в оппозициях морфем в составе слов) в более поздних примерах.

В частности, это развитие можно предположить по отношению к синтаксическому служебному слову *som > хет. -šan, о.-слав. *sъ(n)-, прус. san, sen. Славянская приставка *st-, *sq имеет как видовое значение, так и пространственное (движение вниз, соединение); для восстановления ее древних синтаксических функций существенна ее связь с предлогом *st> ст.-слав. Съ, используемым в конструкциях с творительным и родительным падежами. Аналогичная двойственная функция родственного слова отражена и в прусском, где наряду с предлогом sen в приименных конструкциях типа sen steimans 'с ними' засвидетельствована приставка при глаголе в формах типа san-day 'иди!' = с богом¹³. Оба вида употребления этого слова, возводимого к *som, в балто-славянском можно объяснить исходя из более архаического использования хеттского -san как частицы, относящейся ко всему предложению (или хотя бы ко всей предикативной конструкции).

В древнехеттских текстах -šan выражает преимущественно терминальное значение, связанное либо с завершением процесса, либо же в особенности с его направленностью на какую-либо цель, что определяет частое использование дательного или дательного-местного падежей в соответствующих конструкциях. Русские переводные эквиваленты конструкций с -šan могут при этом иметь глагол в совершенном виде: m[an -šan hašši [paš] hur natta paraišteni 'e[сли] (вы) не раздуете [огонь] в очаге' (2 votu 10β 25; архаичная сакральная формула, глагол parai 'дуть'); nu-šmaš-šan^u zu-it karipten¹⁴ 'и сожрите их своими зубами'. Установленные для древнехеттского пары конструкций одних и тех же глаголов с частицей -san и без нее находят иногда этимологическое, а часто семантическое соответствие в сходных видовых оппозициях приставочного и бесприставочного глаголов в славянском: хет. -šan... dai-:dai- 'ставить', слав. sъ-dějati: dějati, хет. -šan... ija-:ija- 'делать', слав. sъ-dělati: dělati, хет. šan... iš-ħai- 'привязать' - в др.-хет. numu-ššan ki iukan išħaišten 'вы привязали это ярмо ко мне' - :išħai- 'привязывать', ср. слав. *sq-pręgъ,

¹³ J. E n d z e l i n s . Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948, § 451, стр. 249.

¹⁴ См.: F. J o s e p h s o n . The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite. Uppsala, 1971.

ст.-сл. СЪВЪЗЪ, СЪ-ЖЪ, лтш. suo-dara (в языке народных песен)¹⁵, прус. sen-rists и другие производные с близкой семантикой.

На основании сравнения с древнехеттским особенно архаическими можно считать такие славянские приставочные сочетания с *sъ(n)-, как sъn-iti (ст.-сл. СЪНИТИ), ср. сходные сочетания частицы -šan с глаголами типа tīa- 'выступать' в древнехеттском, в частности в § 190 хеттских законов (где в конструкции, в которой -šan, имеющее одновременно значение пространственной направленности и цели, относится ко всему предложению, с ним же связан творительный падеж имени, ср. конструкции с предлогом *sъ в славянском). В тех же текстах, где хеттский глагол tittanu- употребляется с частицей -šan, при них часто используется существительное KAS 'дорога, путь' (в форме дательного или винительного падежей) для обозначения того положения, которое должно быть занято в результате действия. Из того же терминативного (пространственно-го) значения разъясняется и использование -šan при haizai- в смысле 'созывать', ср., с одной стороны, разъяснение слав. *sъdъ 'суд', лит. sam-dà из сложения преверба *som с глаголом, с другой стороны, др.-хет. tuliia haizai- 'созывать совет' (в частности, для суда над царем).

При глаголах, обозначающих увеличение степени какого-либо качества, хет. -šan означает терминативность по отношению к пределу увеличения, как в ср.-хет. kinuna-mu-ššan inan pittuliiašša makkešta 'теперь у меня болезнь и тоска увеличились', nu-mu-ššan inan makkiššta 'и у меня болезнь выросла'.

Существенный интерес представляет сопоставление развития элемента *som > хет. šan, слав. sъ(n), прус. san, sen и частично ему семантически близкого *kom > хет. kan, слав. къ(n), в древнехеттском имеющего перфективирующее значение (точно соответствующее славянскому совершенному виду), а в готском и в архаической латыни (где у Плавта от глаголов с приставкой con- типа comedo не встречается форм имперфекта) имеющего преимущественно значение терминативности (предельности).

В свете этих вновь открытых фактов становится более ясным принцип, согласно которому в приставочных сложениях могут сохраниться синтаксические архаизмы общеиндоевропейской эпохи.

В истории балтийских и славянских видовых противопоставлений важнейшим процессом представляется отождествление значений, выраженных с помощью видовых глагольных суффиксов, и тех значений, которые передавались превербами, позднее превратившимися в при-

ставки и утратившими характер синтаксических элементов. Но существенно наличие в анатолийском пар, различающихся наличием или отсутствием kan, как в древнехеттском LUGAL-uš SAL.LUGAL-aš-a teššumiuš danzi 'царь и царица берут чаши': irma(n)-šmaš-kan dan-šun 'я взяла у вас болезнь'. При далеко идущем сходстве глубинных структур на уровне поверхностных структур различие между анатолийским (в данном случае отражающим общеиндоевропейское состояние) и славянским или германским заключается в том, что правилам, относящимся в анатолийском к синтаксическому уровню, в языках, засвидетельствованных памятниками, гораздо более поздними по абсолютной хронологии, соответствуют правила морфологического уровня.

Давно отмеченный архаизм фонетических комплексов (функционирующих на уровне поверхностной структуры как единое слово), состоящих из проклитических предлогов - слав. къ(n)-, sъ(n), прус. sen- и следующих за ними местоимений (тип ст.-сл. КЪНѢМОУ, СЪНИМЬ, прус. senku), позволяет предположить сохранение в данном случае в общеславянском пережитка общеиндоевропейской синтаксической конструкции. С точностью до порядка составных частей конструкция с начальным (проклитическим) *къ(n)- находит соответствие в конструкции с соответствующими элементами в конечной (энклитической) позиции в латинских изолированных синтаксических архаизмах типа mesum (при более обычной препозиции в других контекстах), что в свою очередь близко к начальным хеттским последовательностям энклитик типа (nu-)mu-kan (ср. также кельтское *kom как второй элемент группы приставок в др.-ирл. for-con-gur 'я приказываю'). Высокая частота -kan как синтаксического элемента в древнехеттском находит соответствие в значительном числе слов с начальным морфологическим элементом com-/gon- в архаической латыни и фалисском: так, на обратной стороне посвященной надписи коллегии поваров из 21 слова первых четырех строк 3 слова (14%) содержат этот префикс (ср. gon-legium 'collegium', gon-decorant 'condecorant', con-vivia 'convivia'). При этом употребление хеттского -kan достаточно близко к латинскому (в указанных архаизмах) и славянскому, так как оно возможно не только в конце начального комплекса, но и после любого другого слова, если им завершается определенный фрагмент актуального членения предложения. Полный параллелизм в употреблении хеттских частиц -kan и -šan, с одной стороны, славянских предлогов къ(n)- и sъ(n)-, с другой, позволяет предполагать наличие закономерного соотношения:

слав. хет.

къ(n)- kan

sъ(n)- šan

¹⁵ J. E n d z e l ĩ n s . Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, § 569, стр. 686.

В этом отношении представляет интерес также и точное соответствие синтаксических архаизмов, в которых сохраняется сочетание *kom, *som с древним местоименным элементом в латинском quo-cum, qui-cum, quā-cum, quibuscum, с одной стороны, в прусском sen-ku, с другой.

В древнехеттском ритуальном тексте встречаются случаи, где šan, присоединяемое к именной словоформе с функцией дательного или местного падежей, имеет значение совместности: ḫalmaššuitti ḫašši-iaššan tianzi 'и они кладут (чаши) к трону и к очагу'; в некоторых из подобных случаев šan оказывается переводным эквивалентом славянского съ > рус. с: 'и кладет венок на царя и царицу (вместе) с (хет. šan) принцами', семантически несомненно сходство и в др.-инд. sam(am) и соответствиями в германском (нем. zusammen и т.п.), ср. также гипотезу Риша о соответствии хет. -sam и греч. &v¹⁶.

В древних языках отчетливо еще сохраняется необходимость указания синтаксических контекстов для правил акцентуации словоформ. Существование энклитик-проклитик для ведийского доказывается противопоставлениями типа ava ahan > ávahan в главном предложении (RV IV, 30, 14): avāhan в подчиненном предложении. Древность давно уже предположенных сходств между комплексами этого типа в древнеиндийском и древнегреческом подтверждается тем, что во всех ясных примерах из греческих пилосских и отчасти из микенских табличек линейного письма Б глагол следует непосредственно за частицей, вводящей предложение. Это позволяет, во-первых, объяснить как архаизм следы энклитического употребления личных форм греческого глагола (в отсутствии самостоятельного ударения ряда форм, позднейшем рецессивном ударении форм типа ἀπλότων и т.п.), сходного с древнеиндийским, во-вторых, предположить отражение здесь поверхностной синтаксической структуры того же типа, что и в хеттских предложениях. Древнехеттские конструкции типа ḫamalḫaḫḫun (с характерным для древнехеттского архаическим слитным написанием), ta ḫarzi с глаголом, следующим на втором месте (в позиции энклитики) после опорного слова, тождественны не только древнеирландским глагольным формам с no-, to-, но и древнерусским типа но что, то творю, где но, то отмечены В.А. Дыбо в его исследовании Чудовского Нового Завета в качестве союзов, вызывающих энклизу (ср. также формы типа НЫ-ИМ ТЬ в Маринском евангелии). Возможно, что сравнение с конструкциями этого типа

¹⁶ E. R i s c h . Die mykenischen Einleitungsformeln. "Atti e memorie del Congresso Internazionale di micenologia", 2. Roma, 1968, стр. 697.

позволит объяснить происхождение общегерманской конструкции с инверсией, где глагол следует на втором месте после союза¹⁷ (тип др.-исл. ok býr Samr 'и живет Самр').

Установленное для старославянского правило, по которому энклитическое местоимение следует либо за первым ударным словом, либо после глагола, по происхождению должно быть связано с функциональной значимостью начального положения глагола (тип ст.-сл. РѢЧЕ ЖЕ ГОСПОДЬ), что восстанавливается и для индоевропейского, откуда объясняются литовские (в частности, жемайтские¹⁸) и тохарские глагольные комплексы с энклитиками, следующими за глаголами.

Происхождение начальных славянских энклитических комплексов из индоевропейских подтверждается этимологическим отождествлением составных частей этих комплексов, в частности, вводящих опорных элементов - "катализаторов". В начальном *to, отраженном в старославянском (в частности, с энклитическим Ж, образующим с ним единый комплекс) и в ранних памятниках западнославянских и восточнославянских языков, можно видеть точное этимологическое соответствие др.-хет. ta, вводящему предложению. Особый интерес этого сопоставления заключается в том, что в архаических формулах (в частности, юридических), отчасти совпадающих в древнехеттском и славянском, *to в равной мере является и вводящим катализатором, и указанием на событие или объект, упомянутый в предшествующем предложении.

¹⁷ О синтаксическом положении глагола в общегерманском и в отдельных германских языках см.: R. N. W e r t h . The problem of a Germanic sentence type. "Lingua", v. 26, 1970, № 1, стр. 25-34.

¹⁸ См.: В. В. И в а н о в . Указ. соч., стр. 261-262.

О РЕФЛЕКСАХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ *k̄, *ḡ
В БАЛТО-СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ АРЕАЛЕ

Установить закономерности появления k, g из и.-е. *k̄, *ḡ на месте ожидаемых "сатемных" согласных (слав., прус., лтш. s, z, лит. š, ž) в балтийских и славянских языках до сих пор не удается. Вследствие этого по отношению к балто-славянским "кентум-сатемным" этимологиям применяется своеобразная тактика сдерживания, согласно которой по традиции признаются особо прозрачные, по общему мнению, параллели типа слав. *капу, лит. акмуб ~ др.-инд. aśmān, слав. *gъсь ~ лит. žašis и под., но всячески отвергаются попытки увеличить их количество.

В общем такая позиция оправдана, потому что принципиальное признание спорадических изменений значительно расширяет "возможности" этимологизирования, открывая дорогу для произвольных построений. Однако непоследовательная рефлексация и.-е. *k̄, *ḡ в балто-славянском ареале — очевидный факт, с которым, как красноречиво свидетельствуют многочисленные "кентум-сатемные" этимологии, собранные в работах В.Георгиева, Я.Отрембского и С.Каралюнаса¹, вынуждены считаться все исследователи. Для того, чтобы выявить причины этого явления, необходимо располагать как можно более полным списком подобных этимологий, а сделать это можно только отказавшись от тактики сдерживания. Таким образом, постановка вопроса о необходимости выявления максимального количества "кентум-сатемных" соответствий в балтийских и славянских языках вполне оправдана и закономерна.

Не следует, конечно, впадать в другую крайность и устанавливать такие соответствия любой ценой. Поиск новых "кентум-сатемных" параллелей будет плодотворным, если отказаться (по крайней мере, на первых этапах работы) от корневых этимологий. Например, неудовлетворительным является выделение лит. akėšios, akėti 'борона, бороновать', прус. aketes из и.-е. *oketa-. Основа *oket-

¹ В. Г е о р г и е в. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 30-31; J. O t r e b s k i. Gramatyka języka litewskiego, t. I. Warszawa, 1958, стр. 333-334; S. K a r a l i ū n a s. Kai kurie baltų ir slavų kalbų seniausių santykių klausimai. "Baltų ir slavų kalbų ryšiai", Vilnius, 1968, стр. 86-88.

кроме балтийских, зафиксирована только в кентумных языках (лат., кельт., герм.), но ее первый слог возводится к и.-е. корню *ak̄- (откуда лит. aštrūs, слав. *ostrъ и т.д., см. Пок.²). Неубедительным также должно быть признано соотнесение лит. šėrti, širdyti 'кормить животных' со слав. *къгшъ 'корм', поскольку при этом необъясненным остается славянский формант -шъ- (лит. šeimenys 'поминки', на которое часто ссылаются, см. ЭС, предполагает незафиксированный sg. *šermuō, но тогда ожидалось бы слав. **къгшчу, ср. лит. ākmenys, акмуб ~ слав. *капу). По аналогичным причинам в данной работе не рассматриваются как "кентум-сатемные" дублеты прус. ausulo, слав. *igla 'игла' и лит. (j)iešmas, прус. ausmīs 'копье', лтш. iesms 'вертел, копье'; лит. kálas 'гора' и лит. šalis 'сторона' и под. (ср., напр., Пок., стр. 595, 599 и др.).

Установившиеся этимологии, основанные на закономерном соответствии и.-е. *k̄, *ḡ ~ слав., прус., лтш. s, z, лит. š, ž, ни в коем случае не должны разрушаться в пользу "кентум-сатемных"; допустимо только дополнение их соответствующими "кентумными" дублетами. При прочих равных условиях предпочтение отдается этимологиям, основанным на закономерных соответствиях. Например, с первого взгляда очень заманчивым кажется считать дублетами лит. kùkė 'щепка, кусок дерева, палка с утолщением; каравай' и лит. šùkė 'осколок, черепок, щербина'; однако kùkė образовано от kùkti 'искривляться, сгибаться', ср. др.-инд. kucati, kuṅcate 'сжимается, искривляется', а šùkė связано с лит. šùkos 'гребень', лтш. sukāt 'чистить щеткой, причесывать' и др.-инд. śūka- 'жало', авест. suka 'гвоздь', и т.д. (LEW). Точно так же нет оснований вслед за Георгиевым относить к одному корню слав. *dъržati 'держать' и др.-инд. dṛhyati 'оздоравливает, укрепляет',³ поскольку др.-инд. слово имеет надежные сатемные параллели (авест. dargra- 'сильный', слав. *dъrзати 'дерзать', лит. difžti 'затвердевать', difžas 'пояс'), а слав. *dъržati имеет в качестве соответствия авест. dražaitē 'имеет при себе' (см. ЭС, LEW). Повышенные требования должны предъявляться и к семантике сопоставляемых слов. Так, семантические отношения слав. *květъ 'цветок',

² Принятые сокращения: Пок. — J. P o k o r n y. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1949; ЭС — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, т. I-III. М., 1964-1971; Мартынов, СИА — В. В. М а р т ы н о в. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968; LEW — Е. F r a e n k e l. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1962; LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas, Vilnius, 1956-1970.

³ В. Г е о р г и е в. Исследования..., стр. 30.

лит. kvietūs, kviečiai 'пшеница' и слав. *světъ, лит. šviesūs 'светлый' заставляют усомниться в дублетном характере этих слов, хотя он и допускается рядом авторов. Естественно, соблюдение перечисленных выше ограничений не гарантирует от ошибок, но лишь помогает значительно уменьшить их количество.

Приведенные ниже балтийские и славянские "кентум-сатемные" этимологии для облегчения дальнейшего анализа разбиты на несколько групп. В каждой группе примеры располагались в порядке убывающей надежности; часть из них хорошо известна в литературе, часть предлагается впервые. Во всех случаях приведена только самая необходимая документация.

1. Балт. и слав. к ~ др.-инд. ś, авест. s.

1. Лит. akmuõ, лтш. akmenis, слав. *качу 'камень' ~ др.-инд. aśman-, авест. asman- 'камень, скала; небо'; греч. ἄκμων 'наковальня; метеорит' и т.д. (LEW, ЭС).

2. Лит. kefdžius, skefdžius 'старший пастух', слав. *čerda (< *kerda) 'стадо' ~ др.-инд. śardhañ 'стадо, толпа, множество', авест. sarəba 'вид, сорт'; гот. hairdeis 'пастух', hairda 'стадо' и т.д. (LEW, ЭС). Обычно сюда же привлекают прус. kērdan 'время', однако это слово можно читать и *kārtañ, см.: W.R.Schmalstieg. Old prussian kērdan 'time'. "Baltistica", VII (1), 1971, стр. 47-48.

3. Лит. katāryti, katālyti 'бить, ударять', рус. котора 'распря', ст.-слав. котора 'битва' ~ др.-инд. śatruñ 'враг' и т.д. (ЭС; S.Kagalipnas.Lie. katālyti ir katāryti. "Baltistica", III (2), 1967, стр. 219). Не исключено, что сюда же следует отнести и лит. (жем.) žatrus 'быстрый, ловкий, живой'.

4. Лит. karnà 'лыко, кора липы, ивы, лозы', karnāryti 'бить, лущить', karnāuti 'обдирать лыко, кору', лтш. karnīt 'рыть, очищать', слав. *kъrn- (рус. корнать 'обдирать', укр. корний 'короткий, кущий', сербохорв. кѐн, кѐна то же, словен. kŕn 'изуродованный', чеш. kŕniti 'кастрировать', словц. kŕniet 'измельчать') ~ др.-инд. śŕnāti 'разбивает, размалывает', śīrṇa 'разбитый', авест. sari- 'обломок', алб. ther 'ударяет, режет'. Вопреки Фасмеру (ЭС) и другим авторам, от этих слов следует отделить лтш. kurns 'глухой', др.-инд. karṇaṇ 'корноухий', авест. karəna 'глухой', ср. лит. kušėti 'глохнуть', лтш. kurt 'то же'.

5. Лит. kārinti 'копать', kāras 'могила', лтш. kars 'то же', прус. enkopts 'закопанный', слав. *коруто ~ др.-инд. śarṇaṇ др.-иран. safa 'копыто' (ЭС, LEW). Есть мнение, что балто-слав.

к, др.-инд. ś в данном слове из и.-е. *sk-, ср. греч. σκάπτω 'копаю', σκαπτή 'кирка, мотыга, заступ' (см. Мартынов, СИА, стр. 153-154).

6. Лит. kálti 'ковать, бить, долбить', kulti 'молотить', лтш. kalt, kult 'то же', слав. *kolti (ст.-слав. рус. КОЛОТЬ и т.д.) ~ др.-инд. śalākaḥ, śalākā 'щепа, осколок' (ЭС, LEW; Мартынов, СИА, стр. 151-152).

II. Слав. к, г ~ спирант в других сатемных языках

7. Слав. *gqsъ ~ лит. žąsis, лтш. žuoss, прус. sansy др.-инд. haṁsáh, др.-в.-н. gans, ирл. geiss, лат. anser 'гусь' (ЭС, LEW).

8. Слав. *bergъ 'берег, край, граница' ~ авест. barezah 'гора', др.-инд. bhṛant- 'высокий', арм. barjr 'то же' (ЭС, LEW). Нет оснований от этого гнезда отделять лит. brėžti, brúžas '(про)царапать линию, (на)чертить; черта', которые в LEW рассматриваются как вариант (?) *rėžti 'резать', слав. *rězati 'то же'.

9. Слав. *svekrъ (< *svekrъ) ~ лит. sėšuras, др.-инд. śvaśuraṇ, авест. x^vasura- 'свекор'; общепринятое сближение, см. ЭС, LEW.

10. Слав. *kosa ~ др.-инд. śásate 'режет', лат. castrāre 'резать' (ЭС; Мартынов, СИА, стр.159).

11. Слав. *cěva (< *keiva) 'цевка', сербохорв. также 'берцовая кость' ~ лит. šėivà, šaivà 'початок, цевка', šėivkaulis 'малая берцовая кость' (ЭС, LEW; по-другому Мартынов, СИА, стр. 149).

12. Слав. *galqъ 'веревка, сук' ~ лит. žuolis 'толстый кусок дерева, ствол дерева; шпала'. В ЭС *galqъ возводится к *golъ; лит. žuolis в LEW сопоставляется с žālias, žėlti 'зеленый, зеленеть' (дальнейшие возможные параллели см. у Пок., стр. 434).

III. Балт. к, г ~ спирант в других сатемных языках

13. Лит. brėkšti 'заниматься (о заре), светать' ~ слав. *brěskъ-, brėzъgъ 'то же', др.-инд. brāśate 'светиться, пламенеть', др.-перс. brāzaiti 'то же' (LEW, Пок.).

14. Лит. angà 'дырка, вход, дверь', aĩkštas (< *angštas) 'узкий' ~ слав. *qъzъkъ 'узкий', др.-инд. aṁhuḥ 'то же', авест. aṇzah 'нужда', арм. anjuk 'узкий'. В LEW лит. angà сопоставля-

ется со слав. *rǫgъlъ; маловероятной является реконструкция лит. aĩkštas < **anž-stas, предложенная Скарджосом и принимаемая в LEW (ожидалось бы скорее **anštas или **anstas).

15. Лит. rėkus 'корова, телка; дурак', прус. rėsku, rėkan, др.-инд. rāsúr, авест. rasu- и др. (LEW).

16. Лит. smākras, smakrà, лтш. smak[a]rs, smakris 'борода, подбородок' ~ др.-инд. śmaśruḥ (LEW).

17. Прус. kelian 'копье' ~ др.-инд. śalah 'палка; колючка дикобраза', др.-норд. hali 'острие' (Пок., стр. 552-553).

18. Лит. kamantiñti, kamantynėti, kamantyti, kamuoti 'мучить, издеваться', лтш. kamuot 'то же' ~ др.-инд. śamñtē, śamati, śamtuati 'мучиться, работать', греч. κἀμνω 'мучаюсь, устаю' и др. В LEW литовские слова сравниваются с лит. kamuolys 'ком, мяч', слав. *komkati, что возможно, но маловероятно.

19. Лит. kánka 'подвесная полка для посуды, подвесная полочка с дырками для ложек; бегуны, на которые вешаются двери', kuĩkti 'наклоняться', ср. rugič varpos jau kuĩka 'колосья ржи уже наклонились', kuĩka - kánka ~ др.-инд. śankatē 'колеблется, сомневается', śankā- 'колебание, страх', хет. ga-an-ki (kanki) 'вешает', др.-в.-н. hengēn 'висит'.

IV. Слав. k/s ~ балт. k.

20. Слав. *brъs-, *brъk- (рус. бросать, брoкать, болг. бръша, бръкна и под.) ~ лит. braũkti, brũkti 'перечеркивать, вытирать рукой, трепать, быстро ехать', лтш. braukt, brukt 'ехать'; ср. также слав. *brъsn-(ika, ica) 'брусника' ~ лит. brũknė лтш. bruklene, brũkle 'то же' (ЭС, LEW; I. D u r i d a n o v . Südslav. *brъkati, *brъknoti und seine baltischen Entsprechngen. "Baltistica", VII (1), 1971, стр. 49-51).

21. Слав. *gověti 'поститься к исповеди; почитать, восхищаться, молчать' ~ слав. *zъvati, *zovъ 'звать, приказывать', лит. žavėti(s) 'околдовывать, восхищаться', лтш. zavėt 'то же', др.-инд. hávatē, авест. zavaiti 'зовет, призывает', лат. faveō, -ēre 'благоволить, быть благосклонным' (в сакральном значении favēre linguīs, verbis, ēre 'благоговейно молчать').

22. Слав. *kloniti и *sloniti ~ лит. klonys 'склон, наклон', atkalas 'прислоненный' (ЭС, LEW; из и.-е. *sk'en- выводит эти формы Мартынов, СИА, стр. 150-151).

V. Балт. k/š, s; g/ž, z. ~ спирант в остальных сатемных языках

23. Др.-лит. balgnas, совр. лит. bálnas 'седло', прус. balgnan (Acc.) 'то же' ~ лит. balžiena(s) 'поперечная доска на бороне', лтш. balziens, belziens 'то же', прус. balsinis 'подушка', rabalso 'перина', слав. *balъ-n- (серб. бoлaзина 'подушка, перина', рус. бoлoзeнь 'мозоль, шишка', бoлoзнo 'толстая доска' и др.), др.-инд. barṣiṣ- 'жертвенная солома', авест. varəziš- 'подушка, тюфяк'. Общепризнанная этимология.

24. Лит. gentis 'род, родственники, родня' ~ лит. žentas, слав. *zětъ 'зять', лтш. znuots 'сын швагера; швагер', др.-инд. jātiḥ 'родственник' и т.д. Общепризнанная этимология.

25. Лит. gũrti, gũra, gũro 'крошиться, опадать, слабеть, вянуть, разрушаться', guĩsti 'поникать, слабеть, подыхать', gurlus, gurlus 'слабый, хрупкий, мелкий' ~ лит. žirnis 'горох', слав. *zbrěti 'созревать', *zbrno 'зерно', др.-инд. jīrṇāḥ 'трухлявый, растертый, старый', járant- 'слабый, дряхлый, старый'. В LEW лит. gũrti сопоставляется с лит. gvėrti 'растягиваться, расширяться', которое само не имеет этимологии, и допускается при этом спорадическое чередование g-/gv- в начале слова.

26. Лит. akuotas 'ость; колкий, острый предмет', akuotė 'плотва (Leuciscus rutilus); спелый мак, маковка', прус. askons 'ость' ~ лит. ašuoťė 'ковыл (Stipa)';

лит. akstinas 'ость', также akštis, akstis ~ слав. *ostъ, но лит. aštrus, лтш. ass, слав. *ostrъ, др.-инд. ásri-; сюда же лит. ašmuō, ašmenys 'лезвие, острие', лтш. asmens 'то же'. Другими словами, мы не считаем лит. akmuō 'камень' и ašmuō 'лезвие' дублетами, как это принято, но ašmuō рассматриваем в качестве самостоятельного образования от и.-е. *ak-.

27. Лит. klausyti 'слушать', klausà 'слух', лтш. klausīt 'слушать', прус. klausiton 'услышать', слав. *slušati, *slux, др.-инд. śrñóti, авест. surunaocite 'слушает', др.-инд. śrutaḥ, авест. sruta- 'известный, знаменитый'; ср. слав. *slovo, *slavъ-nъ, лит. šlovė, лтш. slava 'слава'. Вопреки Георгиеву, не следует сюда же относить др.-инд. karṇāḥ 'ухо', 'корноухий', авест. karəna 'глухой', лтш. kurns лит. kũrsti 'глохнуть' (ср.: В. Г е о р г и е в. Исследования..., стр. 41).

28. Лит. kėkštis 'палка' ~ лит. (жем). šėkštis 'одна из жердей, которые ставятся по бокам воза, чтобы больше вместилось сена' (картофелка LKŽ); лит. kėkė 'гроздь (орехов и под.), ветвь, веточка' ~ лит. šakà 'ветвь', лтш. šaka 'разветвление', слав. *soxa, др.-инд. śákha 'ветвь, сук' и т.д. (ЭС, LEW).

29. Лит. *gugà* 'нарост на дереве, выпуклость, горб у человека', *gūgas*, *gūgis* 'утолщенная часть яйца; палка с набалдашником', *gūoga*, *gūogas* 'палка с утолщением на одном конце' ~ лит. *gūžas* 'выпуклость, нарост, зуб у птиц; аист', *gūžė* 'кочан капусты', *gūžėlis*, *gūžėlis* 'комочек, нарост, шишка', *gunžys* 'зуб у птиц', слав. **guzь*, **gъzь* 'нарост, шишка', прус. *gunzis* 'шишка'. Греч. и герм. параллели см. в ЭС и ЛЕУ. Рус. гугля, польск. *guga* 'шишка', учитывая то, что они не известны на других славянских территориях, следует, видимо, отнести к числу заимствований из балтийских диалектов.

30. Лит. *kùrkėti* 'плохо, невысоко, нераскидисто расти', лтш. *kurkt* 'портиться, становиться пустым изнутри' ~ слав. **kъrs-*; сербохорв. кршљав 'отстающий в росте', чеш. *krs* 'карликовое дерево', *krsati*, *krsnoti* 'становиться меньше, тоньше, худеть', польск. *karślak* 'низкое согнутое дерево'. Польск. и сербохорв. словам соответствует также, но с другой ступенью вокализма, лит. *kàrklas* 'куст, ивняк'.

31. Лит. *kaĩkti* 'подыхать (от голода), голодать, слабеть, тощать', (nu)*karkėnti* 'замучить, заморить', *kàrka* 'тощая часть (снизу до бедра) свиной или овечьей ноги, голень', лит. *kàršti* 'стареть', лтш. *nuokārst* 'созреть, созревать', лит. *karšėti* 'стареть, ослабевать', др.-инд. *krśān* 'худой, тощий, слабый', *krśyati* 'худеет, тощает', авест. *karəsa-* 'худой, тощий', лат. *cracentes* (к *gracilis*) 'худой, тонкий, поджарый', др.-исл. *horr* 'худоба'. Корневой вокализм индо-иранских слов совпадает с балтослав. **kъrk-* (см. пример 29), но по значению они ближе к литовским с полной огласовкой.

От основ этого корня следует отделить, вопреки ЛЕУ, лит. *kurklỹs* 'жук из семьи сверчковых', которое является звукоподражанием, ср. *turklỹs*, *purplỹs* с тем же значением. Прусское название бога плодородия *Curche*, *Curcho* сюда может относиться, ср. лтш. *nuokārst* 'созреть, созревать', но прусские топонимы типа *Kurke-lauk*, *Kurksodel* содержат скорее всего тот же корень, что и лит. *kurklỹs*, *karklỹs* 'куст, кустарник, ивняк'.

32. Лит. *káimas* 'деревня', *kiėmas* 'двор', *kaimūnas* 'сосед', лтш. *ciema* 'родственники; деревня', прус. (топоним) *Caumelauken* ~ лит. *šeimà*, *šeimūnas* 'семья', лтш. *saimė* 'то же', прус. *seimīns* 'родственники', слав. **sěmja*. В ЛЕУ лит. *káimas* и *šeimà* рассматриваются как разные по происхождению, однако там не учтено, что лит. *keimarušs* (*keimerušs*) 'сросшиеся вместе плоды, напр., орехи', *keimaruotis* 'жениться, выходить замуж', имея начальное *k-*, по семантике близки к *šeimà* и т.д.

33. Лит. *káukė* 'маска', *káukolė* 'черепная коробка' *kiáuklas* 'футляр, чехол' ~ лит. *káušas* 'ковш; черепная коробка', *rákaišis* 'череп', др.-инд. *kósa* 'сосуд, кадка', греч. *καυκίον* 'чаша, кубок' и т.д. (ЛЕУ; Ю. О т к у щ и к о в. К ЭТИМОЛОГИИ ЛИТ. *káušas*, лтш. *kaĩss* 'череп, ковш'. "Baltistica", VI (2), 1970, стр. 185-192).

34. Лит. *gaigūs* 'острый, резкий' ~ лит. *gaižūs* 'то же', *gižūs* 'кислый (о молоке)', лтш. *gaizs* 'неприятный, острый, едкий', зап.-осет. *ánɣezun* 'бродить, прокисать', алб. *gizë* 'скисшее молоко, творог, сыр' (ЛЕУ).

35. Лтш. *kuņa* 'сука' ~ лит. *šub*, диал. *šuvà*, лтш. *suns*, прус. *sunis*, др.-инд. *śvā*, авест. *spā-* 'собака' (ЛЕУ).

36. Лит. *plėikė* 'плешь, голое место', *plikas* 'голый' ~ лит. *plėišė* (а) 'лысина', *plūšti* 'вырывать' и под.; слав. **plexь*, **рѣлхь* 'плешь'. О возможности изменения и.-е. **k* > слав. *x* см. Мартынов, СИА, стр. 109-129.

37. Лит. *kėmas* 'неясный образ, неясно видимый предмет, пугало' ~ лит. *šėmas* 'светлосерый (о корове)', др.-инд. *śyāmā-* 'темный, черный' (в словнике ЛЕУ лит. *kėmas* отсутствует).

38. Лит. *gvėna* 'крик', *gvenia* 'нытик; кислый (о человеке)' ~ лит. *žvėngti* 'ржать', слав. **zvęk-ati* 'звякать, звучать'; также лит. *žvangėti* 'звучать, звонить, брякать', лтш. *zvandzināt* ~ слав. **zvрк-ěti* 'звучать'; лит. *žvaigalas* 'звонок' ~ слав. **zvонѣкъ* 'звонок' и др.

39. Лит. *kleĩvas* = *šleĩvas* 'хромой', *šliėti* 'прислонять, склонять', лтш. *sliet*, др.-инд. *śritaṇ* 'склоненный' (ср. лит. *šlītė* 'наклон, склон') и т.д.

40. Лит. (pra)*nókti* (-*nókstu*) 'превозмогнуть, опередить', *nókti* (-*nóksta*) 'созревать', лтш. *naku*, *naki* 'прихожу, -ишь' ~ лит. *nešù*, *nėšti* 'несу, нести', слав. **nesti*, др.-инд. *násati*, авест. *nasaiti* 'несет', др.-инд. *nákṣati* 'достигает' (Пок.).

41. Лит. *genglinėti* 'бегать, бродить, околачиваться', *genglióti* 'бегать, носиться', *genglỹs* 'кто много бегает, ходит' ~ лит. *žėngti* 'шагать', *žėnglūs* 'хороший ходок', лтш. *ziegt(ies)* 'согрешить, преступить', др.-инд. *jaṅgha*, авест. *zanga* 'лодыжка', герм. **gangjan* 'идти' и т.д.

42. Лит. *krėkti* (*kreñka*, *krėko*) 'свертываться', *krėkenos* 'молозиво' ~ лит. *krėšti* (*kreštù*, *krešaũ*), *krešėti* 'свертываться', др.-чеш. *krěz*, *křes* 'плесень (на жидкостях)', см. ЛЕУ, там же и литература.

43. Лит. *kėlmas*, *kelmuš* 'пень, ствол дерева', прус. *kalmus* 'палка' ~ лит. *šėlmuš* 'длинное бревно, конек крыши', слав. **selmę* 'бревно, конек на крыше, балка', англосакс. *helma*, 'рулево

всло', ср.-н.-нем. holm 'перекладина'. Против этой этимологии решительно высказался Фасмер (ЭС).

VI. Слав. к/г ~ балт. к/š, s; г/ž, z.

44. Слав. *gvězda 'звезда', лит. gvaizdėti 'слабо гореть, тлеть (об углях)', gvaizti 'то же' ~ лит. žvaizdė (картотека LKŽ), žvaigždė, žvaizdė, прус. swāigstan 'блеск', лтш. zvai(g)-zne 'звезда' (ЭС, LEW).

45. Слав. *gǫdati 'говорить, предполагать, гадать', лит. gōdōti 'думать, размышлять', godėti 'очнуться, прийти в себя, понять, вспомнить', guodūoti 'славить, почитать', лтш. guods 'честь, почет' ~ лит. žōdis 'слово', žādas 'речь, слово, обещание', žadėti 'обещать', др.-исл. gáta 'предположение, подозрение, догадка', geta 'речь, предположение, вера'.

46. Слав. *strъženyъ 'стержень', лит. ūstrigas 'косой, диагональный, поперечный', ūstrigti 'застрять, застревать', лтш. strigt 'погрузиться', прус. strigeno 'мозг' ~ лит. ūstrižas 'поперечный'.

47. Слав. *mogъ 'могу', лит. magėti 'нравиться, быть подходящим' ~ прус. massi 'могу', гот. mag 'могу', shafts 'сила, могущество' (S.K a r a l i p n a s. Указ.соч., стр.87).

48. Слав. *skokъ, *skakati 'прыгать, танцевать', лит. kuokīnė, kuokūnė 'молодежная вечеринка в деревне (с песнями и танцами)', также kokīne, kokūne;kuokīnis diėdas 'кузнечик' ~ лит. šōkti 'прыгать, танцевать', лтш. sakt 'начинать', прус. soakis 'комар', греч. κηκίαιν 'выпрыгивать'. Сравнение с др.-инд. śalabhaḥ 'кузнечик', śālūra 'лягушка' неубедительно. Начальное *sk- в славянских словах дает основание некоторым авторам и лит. k, š выводить из *sk-(> kš и т.д.), см. ЭС,

49. Слав. *sker- (рус. щепка, расщеплять и т.д.), лит. karóti 'рубить, разрубать, колоть (дрова)', kápti (kāpo, kāpė) 'по-немножку, потихоньку рубить', лтш. karāt 'рубить, колоть (дрова)' ~ лит. šāpas 'щепка, соломинка, соринка', šarėnti 'хрустеть, жевать (сено, солому)'. В LEW лит. karóti сближается с kāpas 'могила' и т.д.

50. Слав. *komoъ 'безрогий' ~ лит. šmūlas лтш. smauls, др.-инд. śamaḥ 'безрогий', др.-исл. hamla 'калечить'. Лит. gāmalas 'кусочек, ком', слав. *gomoъ являются дублетными вариантами слов с начальным к- (ЭС, LEW; Мартынов, СИА, стр.151-153, слав. *komoъ, лит. šmūlas выводит из *sk'-).

51. Серб. глѣб 'глина, кал, навоз', изредка глѣб, лит. glibti (glībva) 'слепнуть, становиться подслеповатым', glibūs 'человек с подслеповатыми, гнойными глазами' ~ лит. žlībti (žlībva) 'стать подслеповатым, слепнуть', žleibti 'терять зрение' (картотека LKŽ). С другими огласовками: лит. glebūs 'тягучий, скользкий', glebūmas 'порча, появление слизи', glebdinėti 'продирать глаза', glėbti (glėbva) 'дрябнуть, становиться вялым, слабеть' ~ лит. žlėbas 'нездоровый, болезненный; неудачник', žlėpti 'слепнуть', žlėbas 'слепой', žlėbanas 'то же'. žlėbana 'человек с подслеповатыми глазами'. Становится понятным, что значение 'слепой' связано с понятием 'гниль, слизь', ср. греч. γλάμων 'с гноящимися глазами' ~ лит. glēmės 'тягучая слизь'. Рус. глѣпать 'глядеть, озираться', укр. глѣпати 'мигать, устало смотреть', клѣпати 'моргать', вопреки Фасмеру, скорее связаны с лит. glibti, чем с герм. *ghlip-/ghlib- 'быть косым; трещина, щель и под.'; эти слова неизвестны другим славянским языкам и потому (вместе с бел. лѣпаш) могут быть заимствованиями из балтийских диалектов.

52. Слав. *čeruxa, *černša 'черемуха', лит. keršūšė 'дикий чеснок' ~ лит. šermūksnis 'рябина', греч. κρέμμυον 'разновидность лука' и т.д. (ЭС, LEW; Пок., стр.580-581).

53. Лит. káravė, слав. *korva 'корова', прус. curwis 'бык' ~ прус. sirwis 'косуля', греч. κέραός 'рогатый', лат. cervus 'олень' и т.д. (LEW, ЭС).

VII. а) Балт. к/š, s; г/ž, z при наличии соответствий только в кентумных языках

54. Лит. gėgnė (gegnià) 'стропило; жердь, прижимающая солому на крыше; сушилка для сена', лтш. dzeguļi 'козлы' ~ лит. žeginys 'сушилка для сена', žėgnià 'то же', žeginiai 'жерди' (картотека LKŽ), др.-в.-нем. kegil 'свая, кол' и т.д. (LEW).

55. Лит. giedrà 'хорошая солнечная погода', giėdras 'солнечный, прозрачный, чистый' ~ лит. žiedrà 'солнечная погода', žiėdras 'сияние на небе во время захода солнца'; греч. φαίερός 'светлый, блестящий'.

56. Лит. knióti (knoti) - šnióti 'бить, лупить, быстро идти'; греч. κνήν 'окрести, царапать', др.-в.-нем. hnō и др.

б) Балт. k/š, s; g/ž, z при отсутствии надежных и.-е. параллелей

57. Лит. *kliaukti* 'сильно лить, течь, наливать, жадно пить' ~ лит. *šliaukti* 'сильно лить; подметать', лтш. *slaukt* 'доить', Надежной этимологии эти слова не имеют; К.Буга лит. *šliaukti* 'подметать' связывал со *šluoti* 'подметать', *šluota* 'метла', лтш. *sluota* 'то же', лат. *sluō* 'чищу', греч. *μλυω* 'то же', которые, однако, не имеют соответствий в других сатемных языках.

58. Лит. *gairuoti* 'светиться, блесстеть', *gaĩsras* 'пожар, зарево от пожара, зарево перед восходом солнца или месяца', лтш. *gaiss* 'воздух', *gaĩss* 'блестящий, светлый' ~ лит. *žairija*, *žairà* 'раскаленные угли', *žaisrùs* 'образующий зарево' (картотека ЛКŽ).

59. Лит. *kėrpė* 'разновидность лишая; толстая сухая березовая кора; огрызок, корка хлеба; налет во рту (от высокой температуры)', *kėrpėti* 'обрастать лишаем', лтш. *serpa*, *serps* ~ лит. *šėrpis* 'гнилостный грибок', *šėrpetà* 'запорина, обломок дерева, щепка', *šėrpė* 'грибковое заболевание у маленьких детей, когда появляется белый налет во рту', *šėrpėti* 'покрываться запоринами'. Попытки этимологизировать эти слова представлены в LEW.

60. Лтш. *milgs* 'богатырь, великан' ~ лтш. *milzis*, лит. *miĩžinas* 'то же' (J. Otrębski. Указ. соч., стр.333).

61. Лит. *glėgžnas*, *glėžnas* 'мягкий, хрупкий, слабый' ~ лит. *žlėgžnas* 'гибкий, мягкий, несильный' (картотека ЛКŽ), лтш. *glezns*. Сопоставление со слав. **glezъ* 'кость, лодыжка, бабка', принятое в ЭС, вполне допустимо, только непонятными являются семантические взаимоотношения этих слов.

62. Лит. *gliuamėti* 'покрываться слизистой пленкой, оболочкой', *gliuũs* 'скользящий, слизкий' ~ лит. *žliuamė* 'плач' (картотека ЛКŽ);

лит. *glėpės*, *glėma* 'слизь, слона' ~ *žlėmai* 'ил на дне пруда';

лит. *gliuėge*, *gliuėgėti* 'грязь, мокрое место; пузыриться (при кипении)' ~ лит. *žliuėgas* 'плакса (о ребенке)' (картотека ЛКŽ), *žliuėgà* 'грязь, болото', *žliuėgas* 'грязь' (там же);

лит. *gliuėgėti* - *žliuėkti* 'литься (о дожде)'.
На основании лтш. *gliemas*, *glemas*, *glemi* 'слизь, мокрота', слав. **glīva* 'губка на дереве, слизь', слав. **glīna* 'глина' (ср. лит. *glėine* 'мокрая глина', *glėinia* 'скользящая земля, грязь'), а также германских и греческих корневых соответствий, во всех приведенных выше литовских словах реконструируется начальное **g-* (LEW, Пок.). Однако, учитывая литовские "сатемные" дублеты, эту реконструкцию нельзя считать безупречной.

63. Лит. *kegti* (*kenga*, *kego*) 'опуститься (морально)', *sukėgti* 'заболеть, захворать', *kėgti* (-sta, -o) 'болеть, хворать', *sukėgti* 'захиреть' ~ лит. *kėžti* (*kėžta*, *kėžo*) 'слабеть, мельчать, хиреть', *kėžti* 'хиреть, слабеть; пучиться (о животе)'.
64. Лит. *gvairũs* 'раззява, ротозей, дурак', *gvairũti* 'осматриваться, уставиться на что-либо' ~ лит. *žvaĩras* 'косой', лтш. *zveirs* 'то же'. В LEW отнесено к корню *žvai-* 'светлый'.
65. Лит. *gnaibũti* 'щипать', *gnaibũs* 'щиплющий; то, что щиплет' ~ лит. *žnaibũti*, *žnaibũs* 'то же'; лит. *gnĩbti*, *gnũbti* ~ лит. *žnĩbti*, *žnũbti* 'щипать'; лит. *gnũbles* ~ *žnũplės* 'щипцы'; лит. *gniũugti*, *gniũukėstas* (< **gniũugėstas*) ~ *gniũužti* 'комкать, сжимать', лтш. *gnauzt*, *gnauzĩt* 'то же' и т.д. (LEW, Пок., стр. 370-373).

66. Лит. *kiũũgždas* 'гнилое дерево, какой-либо прогнивший предмет' ~ лит. (жем.) *šiaũgždaĩ* 'мусор, хлам' (картотека ЛКŽ); сюда же, видимо, и лит. *šiuũkšlės* (попытки этимологизировать это слово представлены в LEW).

VIII. "Кентум-сатемные" дублеты в балт. и слав.

67. Лит. *geĩtas* 'зеленый', *geĩsvas* 'зеленоватый, светлозеленый, серый' ~ лит. *žėlti* 'зеленеть': слав. **žyltъ* (< **gyltъ*) 'желтый' ~ слав. **zolto* 'золото'; др.-инд. *nāri-* 'зеленый, золотистый', авест. *zari-* 'зеленый'. Общепринятая этимология.

68. Лит. *kauti* (*kauju*, *kaunu*) 'биться, бороться, повергать', лтш. *kaut* 'ударять, колотить', прус. *sugis* 'молот' ~ лит. *šauti* 'стрелять; быстро бежать', лтш. *saut* 'стрелять', прус. *auschautins* 'плечи' (ср. нем. *Vorschüsse*); слав. **kovati* ~ **sovati*, тох. А ко-, тох. В kau- 'убивать'. Дальнейшие параллели этих слов сомнительны (см., напр., LEW).

IX. Балт. k/š, s; g/ž, z ~ индо-иран. k, g.

69. Лит. *gaĩdas* 'отгороженная часть хлева', слав. **gordъ* 'город', **žьrdъ* (< **gьrdъ*) 'жердь' ~ лит. *žafdis* 'отгороженная часть хлева', *žardas* 'жердь' (картотека ЛКŽ), лтш. *zards* 'сушилка для сена', прус. *sardis* 'забор', др.-инд. *gr̥ha* (*gr̥dha*) 'дом, поселение', авест. *gərəda* 'пещера - жилище духов (давов)'. Рус. *зород*, *озород*, укр. *озорód*, бел. *азярód* 'сушилка для сена из жердей', учитывая их изолированность в славянском мире, можно отнести к числу заимствований из балтийских диалектов.

LKZ), где *zailēti* – очевидное рифмованное слово к *gailēti*. Таким образом, для балто-славянского ареала характерно не смешение и.-е. *k/*ĕ, *g/*ġ, а именно непоследовательная "сатемность", поскольку, как правило, на месте ожидаемых балто-слав. s/š, z/ž из и.-е. *ĕ, *ġ находим k, g, но не наоборот. Этот самый общий вывод, однако, нельзя считать окончательным, так как необъясненными остаются пока лит. *žaidis*, лтш. *zardis* и прус. *sardis* (пример 69), и нет гарантии, что аналогичные примеры не обнаружатся в большем количестве.

Число выявленных до сих пор "кентум-сатемных" дублетов в балтийских языках намного больше, чем в славянском – 46 и 5 соответственно. Однако это не означает, что непоследовательная "сатемность" представляет собой черту, отличающую балтийские языки от славянских. Соответствия типа "балто-слав. k, g – спирант в индоиранском" (группа I), "слав. k, g – спирант в других сатемных языках" (группа II), славянские "кентум-сатемные" дублеты, а также примеры группы VIII показывают, что эту особенность следует считать характерной чертой всего балто-славянского языкового ареала; поскольку же абсолютное большинство случаев перехода и.-е. *ĕ, *ġ > k, g приходится на балтийские языки, то нельзя не отметить, что это явление характерно для них в большей степени, чем для славянских.

Лингвогеографический анализ слов с k, g < и.-е. *ĕ, *ġ показал, что они не образуют каких-либо изоглосс ни в балто-славянском ареале вообще, ни на территориях распространения отдельных балтийских и славянских языков. Это дает нам некоторые основания утверждать, что рассматриваемое явление не представляет собой новообразование, возникшее в какой-либо группе балтийских или славянских диалектов, а относится к эпохе до распада прабалто-славянской языковой общности.

Известные предположения о причинах происхождения этой балто-славянской особенности не выдерживают проверки фактами. Очевидно, изменение и.-е. *ĕ, *ġ > балто-слав. k, g не ограничено позиционно и наблюдается в тех же позициях, что и закономерный переход и.-е. *ĕ, *ġ > балто-слав. "сатемные" согласные. Отсюда вытекает, что изменение и.-е. *ĕ, *ġ > балто-слав. k, g в принципе не объяснимо фонетически. Не помогает тут и "теория унификации раздвоенного корня", предложенная Георгиевым⁴, – против нее свидетельствует само существование балтийских и славянских "кентум-сатемных" дублетов. Кроме того, унификации или выравниванию по аналогии в рамках парадигмы подвергается не начало корня, как это

⁴ В.Георгиев. Исследования..., стр.41-44.

допускает Георгиев, а конец корня или основы, ср., например, ст.-слав. рѣка – рѣчѣ, рус. рука – руке и под.

Вызвало справедливую критику также утверждение Каралюнаса о том, что в балтийских языках произошла яко бы депалатализация и.-е. *ĕ, *ġ в положении перед сонантами⁵. Казлаускас справедливо отметил, что материал, приведенный Каралюнасом, противоречит этому утверждению⁶, с чем, учитывая рассмотренные выше примеры, нельзя не согласиться. В то же время количество спорадических "кентумных" рефлексов в балто-славянском ареале настолько велико, что было бы неправильным придумывать причины депалатализации и.-е. *ĕ, *ġ для каждого отдельного слова или группы слов. Именно к такому типу объяснений относятся предположения о диссимиляции в пра-славянских словах типа *kosa и некоторых других (идея Мейе) или о влиянии и.-е. *s*-mobile в случаях типа лит. *keĩdžius*, *skeĩdžius*, слав. *kerda ~ др.-инд. *śárdhañ*; слав. *skokъ ~ лит. *k(u)okũnė*, *šókti*⁷. Уже последний из приведенных примеров вызывает вопрос, почему в литовском одно слово имеет *š* из предполагаемого *sk-, а другое – k. Складывается впечатление, что наличие или отсутствие начального *s*-mobile не влияет на рефлексацию последующего *ĕ-, т.е. и.-е. *sk- изменяется в слав. *s (*sk > *ss > s) и лит. *š* (*sk > *ss > *š*). Другими словами, слав. *skokъ скорее всего из *skokъ, лит. *k(u)okũnė* < *kōk-, а лит. *šókti* из *(s)kókti и, следовательно, *s*-mobile здесь не при чем.

Не объясняет балто-славянские факты и предполагаемое "чередование" заднеязычных и палатальных перед *e в праиндоевропейском⁸. Эта реконструкция отражает поиск причин появления и.-е. палатальных вообще. Ее авторы исходят из верной посылки о том, что палатальные согласные в языке всегда вторичны. Действительно, нетрудно установить, что они развиваются или из сочетаний C + i, или перед гласными переднего ряда, или же в обеих позициях одновременно. Между тем, до сих пор не удается обнаружить позиций палатации и.-е. *k, *g > *ĕ, *ġ в праиндоевропейских диалектах, что косвенно свидетельствует о древности этого явления. Ассибиляция и.-е. палатальных *ĕ, *ġ, известная абсолютному большинству сатемных диалектов, хотя она и происходила в разное время на разных территориях, также достаточно древний процесс. Исходя из этого, для

⁵ S. K a r a l i ū n a s . Указ. соч., стр. 90-91.

⁶ J. K a z l a u s k a s . (Рец.) "Baltų ir slavų kalbų ryšiai", V Vilnius, 1968. – "Baltistica", VI (1), 1970, стр.130-132.

⁷ В.В. М а р т ы н о в , СИА, стр. 148-159.

⁸ W.P.L e h m a n n . Proto-Indo-European Phonology. Austin, стр. 100-101.

балто-славянского периода можно реконструировать две наиболее вероятные подсистемы "палатальные - гуттуральные": а) *č, *ž - *k, *g; б) *ś, *ź - *k, *g. В обеих ситуациях фонетические различия между гуттуральными *k, *g и палатальными должны были быть настолько значительными, что не могло быть и речи о "свободном чередовании" этих звуков вследствие их фонетического подобия. Кроме того, не следует забывать, и это самое главное, что гуттуральные и палатальные, судя по их дистрибуции, представляли самостоятельные фонемы, т.е. они должны были различать минимальные пары, а не порождать их.

Дальнейшая судьба балто-славянских палатальных известна - они отвердели, т.е. подверглись депалатации. Наблюдения над живыми языками и говорами показывают, что депалатация дает обычно очень единообразные (не дублетные) рефлексy в каждом отдельном говоре, ср., например, судьбу палатальных из сочетаний С + і в славянских языках, а также аналогичных явлений в балтийских, романских языках и новогреческих диалектах. Таким образом, мы приходим к выводу, что спорадические "кентумные" рефлексy в балто-славянском вряд ли связаны с процессами возникновения и.-е. палатальных и наверняка не обусловлены особенностями эволюции палатальных звуков вообще.

Известны попытки рассматривать балтийские и славянские слова, содержащие "кентумные" рефлексy, как заимствования из германских, иллиро-венетского или каких-то неизвестных кентумных и.-е. языков. Между тем, окончательно не установлено, относятся ли языки иллирийского ареала к сатемным или кентумным; допускается даже существование двух иллирийских диалектов - северного кентумного и южного сатемного⁹. К тому же иллирийский, венетский и мессапский так плохо засвидетельствованы, что пытаюсь объявить какие-либо балто-славянские особенности результатом их влияния, мы неизбежно попадаем в неприятную ситуацию, объясняя непонятное с помощью гораздо более непонятного.

Для общей оценки гипотез о "кентумном" иноязычном влиянии на балто-славянский необходимо учесть два обстоятельства. Во-первых, многие слова с незаконными к, г относятся к таким предметным группам, где заимствование или проникновение практически исключается, ср., например, слова для обозначения понятия камня (балто-слав. *akšōn, пример 1), дыры или сужения (лит. angà, слав. *ръкъъ, пример 14), глаголы типа лит. brėkėti 'заниматься (о заре)', названия лыка (пример 4), копыта (пример 5), берега (пример

⁹ P. K r e t s c h m e r . Einleitung in die Geschichte der griechischer Sprache. Göttingen, 1896, стр.265 и след.

3), разных палок, шестов (примеры 12, 17, 28 и др.). Во-вторых, во всех случаях эти подозреваемые заимствования имеют удивительно балто-славянский (или собственно балтийский или славянский) облик во всем остальном, кроме незаконного гуттурального. Так, у слав. *gъsъ тот же род и та же основа, что и у исконного лит. žąsīs (пример 7); у лит. brėkėti и слав. *brėkъ - тождественный корневой вокализм, идентичные сочетания согласных и одно и то же значение; одинаковую интонацию имеют лит. kleĩvas - šleĩvas (пример 39), akuōtė-ašuoōtė (пример 26), giėdras - žiėdras (пример 55), kniōti - šniōti (пример 56), kėrpe - šėrpe (пример 57). Очень вероятно, что такое сложное в звуковом отношении "иноязычное заимствование", как слав. *gvaižda, может оказаться абсолютно идентичным лит. žvai(g)ždė (при "заимствованном" лит. gvaiždėti (пример 44)). Думается, что учет этих обстоятельств должен настраивать скептически по отношению к гипотезам об иноязычном влиянии при объяснении спорадических "кентумных" рефлексy в балто-славянском.

И все же, несмотря на изложенные соображения, идея о заимствованиях не может быть полностью отброшена, поскольку она является альтернативой фонетическому решению, которое, как оказывается, в принципе невозможно. Но если "кентумные" слова заимствованы, то из какого источника?

Для выяснения этого вопроса очень перспективным кажется лингвогеографический подход на уровне индоевропейских диалектов, разработанный Бартоломэ, Бонфанте, Пизани, Майрхофером и другими исследователями¹⁰. Эту ученые исходят из того, что балтийские и славянские языки расположены на периферии индоевропейского сатемного ареала; процесс палатации и.-е. *k, *g > *č, *ž, начавшийся в индоарийских диалектах, в балто-славянском ареале, вследствие его удаленности от центра инновации, был непоследовательным, что и привело в ряде случаев к сохранению исконных гуттуральных. С этой точки зрения, изложенной в таком виде, объяснить причины появления балтийских и славянских "кентум-сатемных" дублетов, конечно, невозможно, однако рациональное зерно в ней есть. Если палатальные возникали непосредственно перед распадом индоевропейской общности и будущие прабалто-славянские диалекты находились в периферийной зоне, то в принципе не была исключена возможность возникновения прабалто-славянского кентумного диалекта. Действительно, многое становится понятным, если предположить, что такая возможность реализовалась и кентумный прабалто-славянский диалект некогда существовал. Через

¹⁰ См.: В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 114-117, там же и литература.

некоторый промежуток времени после своего возникновения, в результате не известных нам этногенетических процессов, он растворился среди преобладавших прабалто-славянских диалектов. Зеркально соответствующие друг другу слова этих диалектов (или говоров), разошедшиеся к тому времени по значению, мирно уживались и распространялись на одной и той же территории. К числу их следует отнести примеры IV-VIII групп, т.е. те, которые мы считаем "кентум-сатемными" дублетами. Слова очень близкие или тождественные по значению могли начать или расходиться семантически, увеличивая количество дублетов, или вытеснять друг друга, или же одно из них начинало приобретать дополнительный экспрессивный оттенок. Можно думать, что слова группы I вытеснили свои сатемные соответствия на всей балто-славянской территории, а II и III - только на территориях будущих собственно славянских и собственно балтийских диалектов. Наконец, результатом взаимодействия слов такого рода было возникновение определенной модели ономатопоэтического или экспрессивного словообразования, основанного на мене *k, g* - "шибилант" (сибилян); некоторые образцы этого явления представлены в группе X. В общем все типы семантических взаимоотношений между "кентумными" и "сатемными" словами в балто-славянском мире вполне объяснимы, если допустить, что они функционировали некоторое время в разных диалектах, смешавшихся впоследствии, а ведь на эту сторону проблемы не обращалось внимания. Став на фонетическую точку зрения, нам пришлось бы рассуждать приблизительно так: в слове **gent-* 'родня, род, родственник' в одних случаях и.-е. **ǵ* дало *g*, и возникло слово **gentis*; в других же случаях и.-е. **ǵ* > **z̥*, и появилось слово **zentas*. После этого раздвоившиеся слова начали делить значения, и лит. *gentis* взяло на себя значение 'род, родственники', а лит. *zentas* стало означать только одного из родственников - зятя.

Не должен вызывать возражений сам прием использования отклонений от регулярного фонетического изменения, каковым является и балто-славянский переход **k̃, *ǵ* > *k, g* для реконструкции иноязычного или инодиалектного влияния. Так, sporadическое сохранение в анлауте многих греческих слов *σ* при регулярном ее изменении в придыхание в этой позиции дает основание (конечно, вместе с другими явлениями) для предположения о догреческом индоевропейском субстрате. Или, например, в белорусском и украинском языках при обычных фрикативном заднеязычном или фарингальном в нескольких словах произносится взрывное *ɟ*, ср. бел. литер. *швагер, гвалт, гарнец, ганак, гузік, гонта* и др. Аналогичных случаев можно привести немало.

Таким образом, нерегулярное отражение и.-е. **k̃, *ǵ* в балто-славянском, поскольку оно не объясняется фонетическими или иными языковыми факторами, скорее всего свидетельствует о смешении прабалто-славянских диалектов, а особенностями семантических взаимоотношений между рассмотренными дублетными словами могут считаться веским аргументом в пользу такого решения.

Как известно, индоевропейские слоговые плавные дали в балто-славянском ареале двойные рефлексy *ir/ur, il/ul, in/un, im/um*. В положении после рефлексy и.-е. палатальных в балтийских и славянских словах встречается только *iR* (*R* - любой сонант). В примерах из нашего списка после *k, g* из и.-е. **k̃, *ǵ* или вообще в словах, содержащих эти рефлексy, отмечены, как правило, сочетания типа *uR*, ср. лит. *karnà* 'лыко' ~ слав. **k̃arn-* (рус. *корнать*, пример 4); лит. *kàlti* 'ковать' ~ лит. *kùlti* 'молотить'; лит. *kánka* 'полочка для посуды' ~ лит. *kuŭkti* (пример 19); лит. *gùrti, gurnùs* ~ лит. *žirnis*, слав. **z̃rno* (пример 25); лит. *kùrketi* 'плохо расти', слав. **k̃rs-* ~ лит. *kárklas* 'куст'; лит. *kárvė* ~ прус. *surwis* 'бык'. Если это не случайное совпадение и если удастся удовлетворительно объяснить слав. **z̃yt-* (лит. *zeĩtas*, пример 67), то привязанность рефлексy типа *uR* < и.-е. *ǵ* к словам, содержащим нерегулярные *k, g* < **k̃, *ǵ* могла бы свидетельствовать о том, что исчезнувший прабалто-славянский кентумный диалект был также последовательным "uR-диалектом", тогда как в сатемной балто-славянской области индоевропейские слоговые плавные дали систематические рефлексy типа *iR*. В связи с этим интересно отметить, что слав. **gordь* 'город', в котором подозревается наличие исконного гуттурального, имеет в качестве варианта с нулевым вокализмом **z̃ьrdь* 'жердь'. Кентумный характер и *uR*-рефлексy роднили бы эвентуальный прабалто-славянский диалект с германским языковым ареалом и давали бы возможность разместить его на западных окраинах балто-славянской и сатемной индоевропейской области вообще.

Предпринятая попытка объяснить появление sporadических "кентумных" рефлексy в балто-славянском междиалектном смешении, т.е. ссылкой на неизвестные этногенетические процессы, - далеко не лучший способ решения лингвистической проблемы. Если, однако, удастся показать, что это явление не имеет аналогии в индоиранской языковой области, и обнаружится возможность реконструировать некоторые существенные особенности предполагаемого балто-славянского кентумного диалекта, то с намечающимся решением, несмотря на его нелингвистический характер, все же придется считаться.

К ВОПРОСУ О ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ
ПО ДАННЫМ АНТРОПОНИМИИ Г.ВИЛЬНЮСА НАЧАЛА XVII В.

В центральном историческом архиве Литовской ССР хранится рукописная книга бракосочетаний вильнюсского костела св. Яна с 1602 по 1615 г.¹ Эта книга представляет собой важный источник для изучения антропонимии и этнического состава населения города Вильнюса того времени. В рукописи имеется около 20–30 тыс. личных имен² католического населения города из различных социальных слоев³.

Детальному анализу указанного памятника будет посвящена специальная монография. Целью настоящей статьи является рассмотрение лишь тех данных, которые проливают свет на литовско-польские языковые контакты, имевшие место в г.Вильнюсе в начале XVII в. Ограниченный объем статьи не позволяет привести весь соответствующий антропонимический материал, пришлось довольствоваться лишь отдельными примерами.

Акты бракосочетаний написаны на латинском и польском языках, точнее, на своеобразном жаргоне, представляющем смесь обоих указанных языков. Личные имена даются в официальной для того времени форме, т.е. латинизированы и еще в большей мере полонизированы. Крестные же имена (т.е. имена, получаемые при крещении) пишутся по-латински или по-польски. Все акты позже были кем-то (возможно, работником архива) пронумерованы⁴.

Важной для нас особенностью изучаемого памятника является то обстоятельство, что при записи не местных лиц в нем делались специальные пометы, указывающие, откуда прибыло лицо (например:

"3 Breslawa", "3 Oвmiany", "3 Grodna", "3 Giedroyc", "3 Buywidziew-

¹ Ф. 604, оп. 10, дело 1.

² Указать более точное число трудно из-за наличия сложных наименований, составленных из нескольких почти самостоятельных антропонимов, причем многие названия нередко повторяются с определенными изменениями, иногда весьма незначительными и, возможно, возникающими ввиду неточности написания.

³ Антропонимы лиц другого вероисповедания в изучаемом памятнике не представлены.

⁴ Данные номера в настоящей статье используются в качестве метрики приводимых примеров..

zek", "od Suderwi", "ex pago Solec3niki", "3 Miednik rodem" и т.д.) или других стран (например: "niemiec", "moskal", "Tatar3in", "Ormianin"...). Указанные пометы получают и лица, прибывшие из королевства Польского ("Polonus", "Polak", "s Polski", "s Krakowa", "3 Wars3awy" и т.п.), а также их дети и даже потомки ("Polakowic3", "Polakowa", "s Polski rodem"). У нас нет вполне надежных данных, позволяющих утверждать, что такие пометы во всех случаях делались последовательно, и установить, до какой степени давности лицо квалифицировалось в качестве неместного. Но тем не менее, исходя из материала изучаемого памятника, мы вправе заключить, что указанные лица (в том числе и прибывшие из Польши) в то время составляли лишь незначительную часть (около 1%) католического населения города.

Антропонометрическая система изучаемой книги бракосочетаний характерна для всего Великого княжества Литовского и отличается от антропонометрических систем Польши и Русского государства. Наиболее распространенным типом наименования лиц (около 60%, в женской номенклатуре – свыше 90%) является имя и отчество на -ович, -евич, причем в отличие от Русского государства указанный тип характерен для самых широких слоев населения. Патронимы образуются не только от официальных христианских имен, но и от различных их вариантов, а также от имен нехристианского происхождения, от прозвищ, названий лиц по профессии родителей и т.п. Это – система официального наименования людей всех национальностей в Великом княжестве Литовском, независимо от того, на каком языке говорило наименованное лицо и как оно себя называло⁵. Данная система наименования возникла еще задолго до начала польского влияния в Литве.

Следуя указанной системе, литовские патронимические суффиксы (-aitis, -ūnas, -onis и др.) писарями систематически заменялись на -ович, -евич, в чем нас убеждает случайное сохранение их именно в тех случаях, когда наименование не напоминает или лишь незначительно напоминает патроним, например, при редких крестных именах, дохристианских названиях, прозвищах (последних довольно много) и т.п. Приведем несколько примеров: Mathis Grigaytis 2092, Stanislav Griskunas 1626, Simon Yuratys 778, Walenty matulonis⁶

⁵ Сказанным объясняется внешний "нелитовский" облик наименований людей как в изучаемом, так и в других памятниках, в том числе и тех местностей Литвы, где народ никогда не пользовался чужими языками. Лишь при помощи лингвистического анализа мы в состоянии снять поверхностную чужую "оболочку" и восстановить литовскую систему антропонимии.

⁶ Антропонимы часто пишутся со строчной буквы.

1742 (в качестве крестных имена Grig, Griszka, Yur, Matul встречаются очень редко), Stanisław Źwilaytis 2475, Jerzy sżukaytis 1400, Stephan Wilkaytis 1548, Mathis Qzeřaytis 1673, Woyciech mieskutaytis 546, Thomasz kuprelonis 1408 (ср. совр. литовские фамилии: Svīlas, Šukys, Viřkas, Ožėlis, Meškutis, Kuprėlis).

Патронимы на -ович, -евич (женские на -ова, -овна) нередко являются образованиями от литовских уменьшительно-ласкательных христианских имен, например: Bartłomiej Stasiuliewicz 89, Griger stepulowicz 636, Jęwa Janielowa 2214, Dorotha Thomulowna 616, ср. лит. Stasiulis, Stepulis, Jonėlis, Tomulis (от Stasys, Stėpas Jėnas, Tėmas). Крестное имя Георгий, как правило, выступает в латинской форме Georgius или польской Jerzy, в то время как соответствующий патроним почти во всех случаях (около 99%) образован от литовской формы Jurgis, т.е. Jurgiewicz.

В патронимах обнаруживается большое количество древнелитовских дохристианских личных имен, в том числе состоящих из двух основ, например: Laurin Narbutowicz 1367, Stanisław Rimgajłowicz 1043, Paweł Radziwiłowicz 612, Źimon Eymuntowicz 1845, Laurin Eybutowicz 1370, Jan Dauborowicz 2485, Stanisław Dowiatowicz 700, Paweł Montwilowicz 1877, Piotr Surwilowicz 964, Jakub Woymontowicz 1032, Jan Nareykowicz 1798, Zophia Wieswilowa 1069, ср. лит. Nėrbutas, Rimgaila, Radvilas, Eimantas, Eibutas, Daubaras, Daubotas, Mantvilas, Survilas, Vaismantas, Noreika, Vieřvilas. В патронимах находим также множество литовских имен-прозвищ, например: Stanisław Boladžiewicz 1022, Jerzy Plikiewicz 2203, Jęndrzej Stumbrowicz 1962, Mathis kiskelewicz 1315, kaspar sloszarz Tilwikowicz 1551, Mikolaj Tripadziejewicz 109, Sczeran Kuprelowicz 2762, Jozeph Zemaycowicz 653, Jęwa Galwelowa 1632, Magdalena Kirwelowa 2585, Jęwa mazgelowna 1777, ср. лит. balańdis (диал. balańdzis) 'голубь', plikis 'лысый, голый', stumbras 'зубр', kiškėlis 'зайчик', tilvikas 'болотный кулик', tripėdis (диал. tripėdzis) 'с тремя подошвами', kuprėlis 'горбунишка', žemaitis от žėmas 'низкий', galvėlė 'головка', kirvėlis 'топорик'.

В общем подавляющее большинство патронимов, образованных не от христианских имен или не от названий лиц по профессии родителей, имеют в своей основе названия литовского происхождения. Они иногда выступают также самостоятельно (вне патронима) в качестве фамилии или прозвища, например: Stephan Narbuth 1043, Simon Radziwil 612, Adam Buywid 447, Marcin Boladžis 280, Stanisław Plikis 1391, Jerzy Źtumber 77, Mikolaj kiszkelis 1271, Jan Kuprelis 2183, Stephan Zemytis 1661 и т.п.

Характерные для Польши антропонимы, образованные от названий местностей, в книге бракосочетаний почти не встречаются. Зато

сравнительно широко развита система наименования людей по профессии, указываемой обычно на польском, изредка на латинском языке, например: Stanisław krawiec 296, Francisus malarz 295, Simon mlinarz 196, Woyciech kupiec 495, Hanna kucharka 293, Paweł ciesla Jeżuicki 815 (т.е. иезуитский плотник), Jakub woźnica krola J(ego) M(ości) 2324, Mikolaj Zachrista Sacello Corporis Ch(risti) 558, Mathias chirurgus ciuitatis Vilnen(sis) 2354 и т.п. Данная система наименования, включающая около 17% всех названий исследуемого памятника, является по существу индифферентной к родному языку наименованного лица. Однако и в ней иногда встречаются определенные элементы литовского языка. Так, в акте под № 817 наряду с другими лицами мужского пола (свидетелями), по профессии соленниками⁷, сам жених, представитель той же профессии, носит литуанизированное название Źolinnikis.

Фонетика литовских антропонимов часто передается писарями неточно, с элементами польского произношения. Так, например, смешиваются а и о (Baladžis 280 // Boladžis 1203, Alxnis 777 // Olxnis 43, katinelis 1322 // kotinelis 366); s и š (Degesziejewicz 856 // Degeřis 692, Źwil 1914 // Źwilas 1925, kiszkelis 2488 // kiskelis 2480, Pienis 1533 // Vergutis 2121); тавтосиллабическое сочетание ir нередко превращается в ier (Giernik 149, Kierdeykis 2490, наряду с Girnik 565, Zwirblis⁸ 778), и т.п. Однако, несмотря на неточность записи, в антропонимах ярко выступают восточнолитовские диалектные черты, например: веляризованный l перед вокализмом типа e, ср. Zayszalis 816, odegieła 931 < Žaislelis, Uodegėlė; переход a, an в u, un, ср. Zuřinelis 1297, Eymuntowicz 1845 Žasinelis, Eimant-; дзукское превращение t(v), d(v) в c(v), dz(v) перед вокализмом типа i, ср. kirciklis 1938, Dżidzikos 31, Dżwilis 706 < Kirtiklis, Didikas, Dvilis; изменение e-, re, še в a-, ra, řa, ср. Alena, Ragina, Bařko 2759 < Elena, Regina, Seřkas.

Литовские окончания в антропонимах писарями нередко отбрасываются, например, наименования Gilis 2106, purwelis 2297, Szejepicisz 677, Zakielis 511 (=Gilyš, Purvelis, řepetys, řakelis) пишутся также Gil 399, Purwel 1068, szejepiec 899, Zakiel 836.

Наряду с патронимами с сохраненными литовскими суффиксами писари употребляют и варианты с -ович, -евич, ср. Stanisław Źwilaytis 2475 // Stanisław Źwilowicz 1617, Woyciech Raugelaytis 1422 //

⁷ Так назывались люди, занимавшиеся снабжением солью и солением мяса.

⁸ Согласные z и ź обозначаются одинаково: прописная буква – z с поперечной черточкой (мы передаем обыкновенной Z), строчная – z.

Wojciech Raugewicz 521 (возможно, здесь обозначены одни и те же лица). Наряду с -ович, -евич при замене литовских суффиксов также употребляются суффиксы польского происхождения на -ski (-owski, -iewski, -inski, -icki...), например, Sebastian Purwel 1388 // Sebastian Purwinjky 2716, Pawel skrebulis 1603 // Pawel skrebowsky 772 и т.д.⁹

Сознательная полонизация литовских антропонимов наиболее наглядно выступает в случаях буквального перевода на польский язык, что видно из таких параллелей: Simon kiszkelis 2201 // Simon Zaiac 2652, Lukas 03elis 972 // Lukas kozioł 259, Stanislaw Werfel 931 // Stanislaw Bik 2424 (=Вук; буквы i и y сплошь и рядом смешиваются), Mikołaj Meszkutis 1327 // Mikołaj Miedziedz 1750. В указанных примерах соответствующим парам антропонимов предшествует одно и то же крестное имя, что свидетельствует о возможной принадлежности их одному и тому же лицу. Вообще, литовские прозвища с соответствующими польскими эквивалентами в исследуемом памятнике встречаются часто, ср. еще следующие пары: Baladzis 280 // Goleb 776, berakis 1912 // bezgręzka 335, Derwinis 940 // Smolinsky 812, Jodzis 1524 < Juodis // cZernia 213, kardulis 1522 // sZablowsky 761, kiewlo 95 // sZwinia 1854, kirciklis 1938 // sZiec3ka 2721, Kukuć 2491 // Dudek 2632 (названия птицы удод), Kupris 2294 // Gorbaty 70, miedz3in 1561 // Drzewinsky 747, sZakutis 1535 // Galaska 1820, Wobol 962 // Zuk 1831, Zirnclis 477 // Grochowsky 655, Zwirblis 778 // wrobl 2799 и т.п.¹⁰ В тех случаях, когда один член предполагаемой пары в исследуемом памятнике отсутствует, мы его, как правило, находим в других памятниках того времени, например, в записях инвентарей г. Вильнюса и его окрестностей. Приведем несколько примеров¹¹: Doynis 1658 // Spiewakas Инв. 110

⁹ Обнаруживается даже попытка замены в отдельных случаях традиционных патронимических суффиксов -ович, -евич польским -ski: наряду с Janowicz, Adamowicz, Jackiewicz, Bartoszewicz иногда появляются варианты Janowsky, Adamowsky, Jackowsky, Bartos ewsky и т.п.

¹⁰ Иногда даже прозвище, образованное от слова восточнославянского происхождения, заменяется соответствующим польским эквивалентом, например Grib 2809 (ср. лит. grūbas < гриб) // gr3up 2416.

¹¹ Сокращения: Инв. - Lietuvos inventoriai XVII a., dokumentų rinkinys, sudarė K. Jablonskis ir M. Jučas. Vilnius, 1962; Л₅ - инвентарь имения в Майштагаля за 1714 г.; Л₇ - инвентарь Вильнюсского тивунства и прилегающих к нему местечек за 1636 г., Л₈ - список членов братства "шкаплеров" при Вильнюсском косте-

(с литовским окончанием!), Baran 2054 // Awelis Л₇, Orłowsky 764 // Arelis Л₈, Drozdowsky 659 // Strazdas Л₅, Lysko 2641 // Szauksztowna Л₈, Niemcewicz 2654 // Wakietys Инв. 358 и т.д. Указанные выше причины практически не дают возможности с полной достоверностью установить, когда мы имеем дело с переводом литовского прозвища на польский язык, а когда сам антропоним как таковой является исконно польским. Все же анализ конкретных примеров в большинстве случаев заставляет нас отдать предпочтение первой возможности¹².

При тщательном рассмотрении антропонимического материала изучаемого памятника бросается в глаза тот факт, что по сравнению с именами простых горожан имена людей привилегированного социального слоя оказываются в большей степени полонизированными. Так, у подавляющего большинства антропонимов, которые сопровождаются пометами, указывающими на принадлежность лица к светской или духовной знати города, отсутствуют литовские окончания, в то время как в тех же антропонимах, но относящихся к лицам низшего сословия (т.е. без указанных помет), литовские окончания гораздо чаще сохраняются, например: D(omi)nus wojciech Boladz 1067, p(an) simon Boladz 2765 (ср. simon Boladz Lantwoyt 2248) наряду с marcin Baladzis 280, Jan Boladzis 1209, Stanislaw Boladzis 1562 и др., Xiadz kiskel ben(edixit) 271 наряду с Mikołaj kiszkelis 1271, Piotr kiszkelis 2488, Simon kiszkelis 2201 и др. (из 11 примеров лишь два без окончания), R(ever)endus D(omi)nus Zagel Officialis atq(ue) Canonicus Vilmensis 1591 (данное лицо упоминается много раз, наименование его во всех случаях без окончания) наряду с Jendrzey Zagelis 2028 (два раза, оба с окончаниями) и т.п. Ср. еще: D(omi)nus Walenti Szukutowicz 535, pan walenty Szukutowicz Burmistrz Miasta wileńskiego 2675 (4 раза, все с -owicz) и Mathias Szjukucis 477.

ле св. Георгия за 1736-1792 г. Обозначенные буквой Л рукописи хранятся в библиотеке Вильнюсского университета, Л₈ - в Центр. ист. архиве ЛитССР; нами использовались копии, находящиеся в архиве проф. Ю. Лебедиса.

¹² Например, часто обнаруживаются сложные наименования, составленные из литовского и иноязычного антропонимов, причем последний иногда является в какой-то степени литуанизированным; так, в Инв. 361 читаем: waltromiey (крестное имя в польской форме) uszkaris (литовское название) alias (по-латински 'иначе') Piwowaunas (патроним с литовским суффиксом от славянского названия профессии отца - пивовара). Двухязычные наименования встречаются часто. Ср. также: Jan Pawłowsky Bombolis sZoliennik 110

Почти у всех старолитовских сложных антропонимов, характерных для верхних слоев населения (независимо от наличия или отсутствия помет указанного рода) литовские окончания отсутствуют, например: Aubart 993, Baukšmin 1325, Buužar 1731, Buinar 2366, Buuwid 1369, Buuwił 1877, Daupor 1424, Durmin 734, Eysmont 1350, Lubarth 1043, Narbut 1043, Džišmont 1337, Radziwił 1963, sZerwid 1413.

Имена-прозвища, более характерные для простого люда (при некоторых имеются и соответствующие указания), наоборот, в большинстве случаев сохраняют литовские окончания и вообще являются в гораздо меньшей степени полонизированными. Это видно из следующих примеров: а) Pipiras 1687, Swilas 1136, Wederas 1500, Gelda 1114, Oszka 1728, meszka 1518, Lupa 505, Stirna 1644, Warna 1498, Plene 706, linge 1796, Gauris 2172, Grubis rzeźnik¹³ 82, Gurklis 900, Ragajšis słodownik¹⁴ 253, Plikis 1391, lepszis 998, margis 1417, Rudis 2677, šausis 1663, skilandis 1612, Zeymus 740, Wayšius podany Ježuciski 3 Lukiszek 1023; б) Aukstetaytis 1867, Dudaytis 1151, kubikaytis 1617, Raugelaytis 1422, Wilkaytis 1548, Botkunas 1624, Girniunas 2273, meszkunis 1542, Daronis 777, Rigonis 385, kurpelonis 1408, Rauklenas 1566, Slebenis 1103, kiecienis 1207, Grudinis 1972, sZulinis 1650, Taukinis 1559, šwieštinkas 1720, Dudelis 44, Gaydelis 543, Gudelis 1742, Kašnelis 1782, Kuprelis 2183, Pauptelis 1364, Pilwelis 707, Nagelis 1552, šargelis 2149, Stogelis 29, kožiemiak¹⁵ Sžarkielis 96, Zydelis 66, meskinelis 1711, Tatarelis 295, wanagelis 2090, Žasinelis 1506, Awifela 705, Girela 1641, Gumbela 1726, Jautela 2210, mieszkela 1271, Puykela 1014, Biciulis 1586, Bumbulis 2639, Dundulis 704, skrebulis 1603, Spingulis 1427, kirmilis 867, Zakilis 2105, Brukutis 1405, Džiegutis 2643, sžukutis 1256, Reketis 1843, Wergeta 1605, Wilkiškis 1827, Kierdeykis 2490, mereykis 361, kaleygis 1121, kureysza 390, Barbeklis 1995, Kartoklis 2149; в) bėpircis baltusznik¹⁶ 250, po-giarnis 2543, prepilaytis 1627, Baštakis 1771, Džidzegolwis 65, mieszkaburnis 1925, Miltobarsdis 1852, šaufakaytis 1990, wyštakaytis 1030, šlodownik Tribernis 311, Wilkožencis 343, Wyšniawardis 1996, Zemagulis 1997, Jauciaris 1928, meskaduris 2585, Pelekajšis 1470.

Лишь изредка окончания у таких имен-прозвищ отсутствуют, но и в этих случаях обычно встречаются варианты с сохраненным оконча-

¹³ Мясник.

¹⁴ Солодовник.

¹⁵ Кожевник.

¹⁶ Кожевник, занимающийся выделкой белых шкур (по-видимому, от лит. báltas).

нием. Разумеется, народ употреблял полные формы. Встречающиеся сокращенные варианты объясняются стремлением отдельных лиц подражать аристократии, сократившей на польский лад свои имена. К этому побуждало и желание уподобиться знающим польский язык, так как от присутствующих на венчании требовалось знание молитв на польском языке (другого языка духовные лица, осуществлявшие обряд, почти все прибывшие из Польши, не знали). В противном случае грозила серьезная опасность срыва акта бракосочетания¹⁷.

Таким образом, на основании сказанного выше можно предположить, что в начале XVII в. литовская городская знать, в первую очередь вельможи и другие влиятельные лица, уже хорошо знала польский язык и была по существу двуязычной. Широкие же слои городского католического населения, по-видимому, пользовались родным литовским языком. Польского языка они почти или вовсе не знали.

Доказать правильность такого предположения, используя лишь антропонимический материал, конечно, невозможно. Но оно, на наш взгляд, подтверждается анализом языка литовских письменных памятников того времени, созданных на базе вильнюсского городского койне¹⁸. Для нашей проблемы важно, что в том литовском языковом материале, который относится к городскому разговорному койне, полонизмы очень редки, в то время как элементы речи, относящиеся к собственно письменному языку, особенно к языку культа, полонизмами весьма насыщены, причем значительную часть их составляют такие, которые позднее в литовский язык не вошли¹⁹. Следовательно, писавшие тексты духовные лица, представлявшие городскую знать, должны были находиться под сильным влиянием польской культуры и языка, чего нельзя сказать о широких массах населения, язык которых в то время был лишь незначительно подвержен польскому влиянию.

¹⁷ Такой печальный исход зафиксирован, например, в акте № 405: "были тщательно проэкзаменованы... к бракосочетанию не допущены" (перевод латинского текста). Этим можно объяснить тот факт, что существует значительное число лиц, выступавших в качестве свидетелей во многих актах бракосочетания, своеобразных "профессионалов", выучивших польские молитвы.

¹⁸ О нем см.: Z. Z i n k e v i č i u s . Rytietiškoji XVII a. lie-tuvių raštų kalba, jos kilmė ir išnykimas. "Baltistica", VIII, 1, Vilnius, 1972.

¹⁹ Подробнее это будет освещено в специальной работе.

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЛИТОВСКИХ
И БЕЛОРУССКИХ ФОРМ НАЗВАНИЙ г. ДЯТЛОВО
И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

0.1. Литовский говор окрестностей г. Дятлово – районного центра Гродненской обл. БССР – представляет собой один из интереснейших сюжетов балтийской диалектологии. Этот остров по сравнению с другими литовскими языковыми островами Белоруссии является наиболее удаленным от Литвы, причем не только в географическом, но и в лингвогеографическом отношении: по классификации диалектов литовского языка Дятлово (Zietela) относится к западноаукштайтским говорам¹. Таким образом, если, скажем, островные говоры Лаздун (Lazdūnai) или Гервят (Gervėčiai) – это как бы продолжение ближайших к ним восточноаукштайтских говоров Литвы, то литовский остров Дятлово (Zietela) оказывается вдвойне отрезанным от своего диалектного массива: сначала белорусскими, а затем уже и собственно литовскими (южноаукштайтскими, или западнодзукскими) говорами.

0.2. Однако не только эти обстоятельства привлекали исследователей к говору Дятлово. В Ипатьевской летописи под 1276 г. сделана запись: "Придоша Проуси. ко Троиденеви. и (зѣ) своеи земли. неволею перед Нѣмци. ѿм же приа б к собѣ и посади часть и (х) в Городнѣ а часть ихъ посади во Вслонлѣ"². И еще со времен Н.М. Карамзина существует мнение, что дятловские литовцы могут быть потомками этих летописных выходцев из Пруссии³. Уже в наши дни по этому вопросу наиболее категорично высказался Я. Отрембский. Утверждая, что под упомянутыми пруссами "следует понимать ятвягов"⁴, он пришел к такому выводу: "Последними потомками ятвягов, посажен-

¹ См. карту в книге: Z. Zinkėvičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, стр. 446. Более детальную карту см. в изд.: "Mažoji lietuviškoji tarybinė enciklopedija", t. III. Vilnius, 1971, вклейка между стр. 512 и 513.

² См.: "Полное собрание русских летописей", т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908, стлб. 874.

³ См. обзор мнений в канд. дисс. A. Vidugiris. Zietelos lietuvių tarmė. Vilnius, 1961, стр. 21–27.

⁴ Я.С. Отрембский. Язык ятвягов. "Вопросы славянского языкознания", вып. 5, 1961, стр. 7–8.

ных по достоверному свидетельству летописи в Слониме, являются именно литовцы, еще живущие в окрестностях Zietela (по-белорусски Дзятел или Дзятлово, по-польски Zdzięcioł), а именно, в деревне Zasėčiai"⁵.

0.3. Сказанное достаточно ярко характеризует очень сложное лингвогеографическое положение говора Дятлово – узла как собственно балтийских (отношения прусского (ятвяжского) и литовского языков), так и балто-славянских (в первую очередь белорусских, а также польских) языковых связей. Этим в данном случае и объясняется наш выбор района поисков.

Дятловский говор помимо чисто диалектологического представляет собой также и определенный ономастический комплекс. Частичному исследованию последнего и посвящена настоящая статья. В частности, речь пойдет о названиях города Дятлово (Zietela) и ближайших к нему (с севера и северо-запада) деревень – Засетья (Zasėčiai) и Ятвези (Dainavà).

1. Лит. Dainavà, бел. Ятвезь

1.0. В статье о говоре Дятлово Э.А. Вольтер писал: "Из лексических особенностей... особенно важно для хронологии этого говора слово Dainavà, Dainaviškis žmogus для обозначения людей из соседней с Засетью деревни Ятвезь. Таким образом в этом литовском говоре сохранилось литовское название ятвягов и как бы ятвяжского племени"⁶. К. Буга видел в факте существования такого двойного литовско-белорусского названия подтверждение того, что "Dainavà является тем же самым народом, что и тот, который белорусы называют Ятвезь (позже ятвезь)"⁷.

Наконец, уже в наши дни Я. Отрембский использовал этот случай топонимического билингвизма как один из фактов, "указывающих на то, что Dainavà – древнее название ятвяжской области"⁸.

Как видим, этому двуязычному деэтнонимическому названию уже было уделено немало внимания со стороны исследователей. И тем не

⁵ Там же, стр. 8

⁶ Э.А. Вольтер. Следы древних пруссов и их языка в Гродненской губернии – ИОРЯС, т. XVI (1911), кн. 4, стр. 159.

⁷ К. Вуга, Rinktiniai raštai, t. III. Vilnius, 1961, стр. 128–129.

⁸ Я. Отрембский. Dainavà – название одного из ятвяжских племен. "Вопросы славянского языкознания", вып. 7, 1963, стр. 3.

менее этого, оказывается, недостаточно: для изолированного явления, взятого вне его контекста (в широком значении этого термина) очень трудно найти меру, а, значит, и дать ему справедливую оценку. Вот почему приведенный островной параллелизм необходимо рассмотреть на фоне широких языковых территорий.

1.1. В своей монографии о ятвягах польский историк А. Каминский, по-видимому, впервые нанес на карту географическое размещение интересующих нас двух серий названий, в основу которых легли *Dainavà* и *Ятвезь*⁹. С точки зрения лингвогеографии соответствующие местные наименования как с количественной, так и с качественной (в смысле распределения в пространстве) стороны оказываются настолько характерными, что их вполне можно представить в виде двух изоглосс (см. карту): верхняя — это южная граница распространения топонимов серии *Dainavà*, а нижняя — северные пределы локализации названий ряда *Ятвезь*.

Изоглоссы *Dainavà* составляют следующие населенные пункты (слева направо): *Danowo* (в районе Кольно), *Danówka* (окрестности Граево), *Danowskie* (15 км к северо-востоку от Августова) — в Польше¹⁰; *Dainaviškiai* (апилинка Вейсей, ныне район Лаздияй) — в Литве¹¹; наконец, на территории Белоруссии — *Дейново* (вблизи Ваверки Лидского р-на Гродненской обл.), уже названная дятловская *Dainavà*, далее *Дайново* (8–10 км к юго-западу от г. Лиды), *Дайнова Геранонская* (вблизи Липнишек Ивьевского р-на), *Дайнова* (к западу от Ивенца Воложинского р-на Минской обл.), *Дайнова* (вблизи Олехнович Молодечненского р-на)¹².

"Дайнавской" изоглоссе противостоит "ятвяжская". Последняя складывается из таких пунктов-ориентиров: в Польше — *Jaściążek* (пов. Макув-Мазовецки), *Jatwież Wielka* и *Jatwież Mała* (на р. Ежозувка, около 10 км от ее впадения в Бебжу, гмина Долистув), в Белоруссии — *Ятвезь* (на левом берегу Немана, в 20 км к северу от Гродно), *Ятвеск* (в окрестностях Камэнки Дучинского р-на Гродненской обл.), уже упомянутая дятловская *Ятвезь* и, наконец, *Ятвеск* (*Ятвеско*), село, существовавшее вблизи границы современных Лидского и Ошмянского районов¹³.

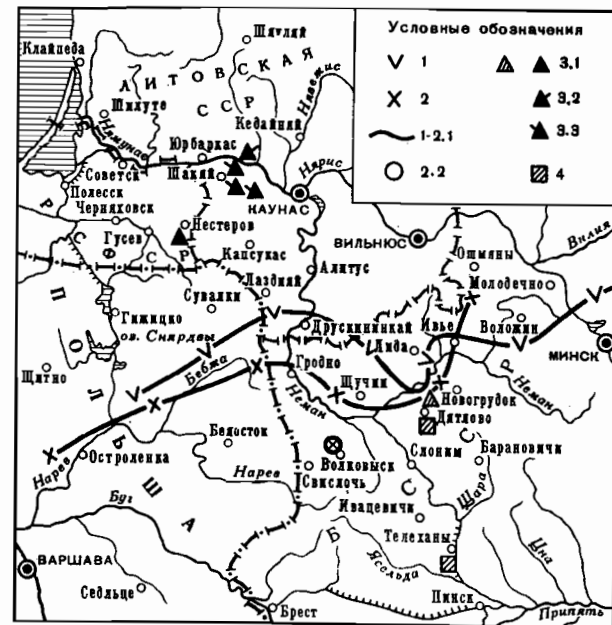
⁹ См. А. Каминский. *Jaściążek. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne*. Łódź, 1953. Мапа 2. Rozmieszczenie osad o nazwach pochodnych od nazw Jaściążek.

¹⁰ Там же, стр. 80–81.

¹¹ См.: "Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas". Vilnius, 1959, стр. 665.

¹² А. Каминский, Указ. соч., стр. 84–85.

¹³ А. Каминский, Указ. соч., стр. 71–75.

Карта 1. Лингвогеографические связи литовско-белорусской топонимии окрестностей г. Дятлово

1 — *Dainavà* 2 — *Ятвезь*; 1-2.1 — изоглосса (в сочетании со знаками 1 и 2); 2.2 — апеллятив (в сочетании со знаком 2); 3.1 — *zasešiai*, вар. *zasešiai* (*žasešzei*); 3.2 — *Жосета*; 3.3 — *Žašetis*; 4 — *Зыто*, *Zyatho*

В последнем случае "ятвяжская" изоглосса вклинивается в территорию названий *Dainavà*, точно так же, как и наоборот, можно указать и на пример проникновения названия *Dojnowo* (фольварк в 3 км к югу от Белостока)¹⁴ в ареал топонимов серии *Ятвезь* (см. карту).

1.2. В результате проведенного сопоставления мы видим, что топонимические изоглоссы *Dainavà* и *Ятвезь* проходят параллельно друг другу на довольно значительном пространстве вдоль течений Нарева (низовье), Бебжи и далее Немана (верховье). Таким образом, соотношение дятловского *Dainavà* и *Ятвезь* (в применении к одному и тому же топонимическому объекту) представляет собой не исключительное, а рядовое явление, одно из звеньев длинной цепи, один из отрезков общей границы двух терминов этнического характера. Однако, если

¹⁴ Там же, стр. 81.

остальная часть цепи состоит, так сказать, из разломанных звеньев и оба термина в каждом отдельном случае разделены некоторой полосою отчуждения, то дялтовское звено в этом отношении представляет собой счастливое исключение, в котором мы имеем дело с "единством места и времени", с существованием во времени и пространстве литовской и славянской форм названий ятвягов.

1.3. Относительно связей между названиями *Dainavà* и Ятвезь исследователи высказывались уже не раз¹⁵. Однако в данном случае ятвяги в собственном смысле этого термина отступают на задний план, и частично "деэтнонимизированные" лексемы больше выступают в роли характеристики не объекта, а субъекта названия. Иначе говоря, *dainavà* как бы стала литовским апеллятивом, а ятвезь — славянским (ср. ниже 1.4). А если это так, то нельзя ли поставить вопрос о существовании литовско-славянской изоглоссы *Dainavà/Ятвезь* как отражении прошлых балто-славянских этно-территориальных отношений на землях от верховьев Немана до низовьев Нарева?

За единственным исключением (пункт к северу от Гродно), изоглоссу названий от этнонима ятвезь можно датировать максимум XV–XVI вв. — ср. годы упоминания соответствующих названий (в последовательности их территориального размещения): 1414–1425, 1536, 1567, 1580, 1554 гг.¹⁶ В этом же ряду (предпоследняя дата) выступает и дялтовская Ятвезь (село Ятвезь, въ Ятвези¹⁷), которая и в хронологическом плане особенно не выделяется среди своих "тезок".

1.4. Очень любопытно, что именно на территории левобережья Белорусского Понеманья как топонимической зоны "ятвягов" зафиксирован даже производный от этого этнонима апеллятив: ятвезь 'речной якорь': У Ятв'ез'и йе жал'эзо, рыбалоу спущайа йаго нан'из на ланцугу, и лотка застанаул'айацца (с. Колонтаи Волковысского р-на¹⁸, сельсовет Субочи). Впрочем, если только здесь речь идет об апеллятиве, а не о топониме.

¹⁵ Помимо цитированных выше работ К.Бути и Я.Отрембского, см. также: J.N a l e r a . Jaćwięgowie. Nazwa i lokalizacja. Biały-stok, 1964, стр. 46–47.

¹⁶ См.: А.К а ш і н с к і . Указ., соч., стр. 71–75.

¹⁷ См.: Инвентарь имения Здетельского от 24 апреля 1580 г. "Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею", т. XIV. Инвентари имений XVI-го столетия. Вильна, 1887, стр. 209, 210.

¹⁸ Т.Ф. С ц я ш к о в і ч . Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972, стр. 576.

2. Лит. *Zasėčiai*, бел. Засецце

2.0. Краткую этимологию приведенного топонима дал К.Буга, который писал, что звук *z* вместо *ž* в названии *Zasėčiai* является прусским (жители этого села вместо *žasis* произносят *zasis*, хотя в других словах выговаривают *ž*)¹⁹. Рядом с топонимом литовский языковед привел и название реки Жосета из окрестностей Вильюны²⁰. После К.Бути дальнейших студий над названием *Zasėčiai*, по-видимому, не было, хотя к этому островному говору всегда тянет тех исследователей, для которых в Понеманье еще бродят призраки ятвягов.

2.1. Дрейнейшее из известных нам письменных свидетельств о Засецце относится к 1580 г., когда в "Инвентаре имения Здетельского" было названо село Засети, упомянуты его жители Засетяне, а в описи рассмотренного выше села Ятвези отмечено: Повинности того села, яко и Засетей²¹. Ср. также у Засетяхъ, зъ Засетей²². Итак, исходя из древнеписьменной формы названия Засетья, это *pluralia tantum*, т.е. форма такая же, как и в современном литовском варианте этого топонима. Тем самым на стороне балтийской этимологии рассматриваемого наименования оказывается еще один дополнительный аргумент.

2.2.0. Словообразовательные варианты литовского названия Засецтя весьма различны — фиксируются три суффиксальные разновидности: *Zasėčiai*, *Zasiėčiai* и *Zasėčiai*, т.е. *zasis* (литер. *žasis*) плюс *-etis*, *-ietis*, *-ėtis*²³. В частности, с последним формантом представлено это название в работах Хр.Станга и Я.Отрембского²⁴.

2.2.1. Вариант *Zasėčiai* имеет самое непосредственное топонимическое соответствие в литовских говорах на территории быв. Восточной Пруссии. Так, в материалах, собранных в 1888–1894 гг., В.Калвайтис отметил дер. *Žasėczi*, вар. *Sansėczi* (по-немецки *Sannseitschen*), парafia Пилупенай, район Сталупенай²⁵, что по современному административному делению локализуется к югу от г.Нестерова Калининградской обл. РСФСР (см. карту).

¹⁹ См.: К. В и г а . Указ. соч., стр. 550.

²⁰ Там же.

²¹ См.: "Акты...", стр. 207, 208, 209.

²² Там же, стр. 210, 214.

²³ См.: Z. Z i n k e v i č i u s . Указ. соч., стр. 27.

²⁴ См.: Я. О т р е м б с к и й . Язык ятвягов..., стр. 7 и 8.

²⁵ W.K a l w a i t i s , Lietuwiszky Wardy Klėtelė su 15000 wardy. Tilžėje, 1910, стр. 67.

В основе обоих названий *Zasėčiai* (*Zasėczai*) лежит фамилия или прозвище типа *Zasėtis* (*Žasėtis*). Ср. аналогичные наименования прусских населенных пунктов *Zanseynen* (1324) и *Sanselin* (1396) – суффиксальных образований от *sansy* 'гусь'²⁶. Однако главное здесь – это существование дятловско-западноаукштайтской топонимической изоглоссы.

2.2.2. Наиболее распространенной суффиксальной форме названия *Zasėčiai* соответствует и сравнительно немалое число носителей той фамилии, которая легла в его основу. Самое интересное в этом антропониме заключается в том, что он распространен на территории только одного района Литвы – Шаляйского, в окрестностях таких населенных пунктов, как Плокшай, Лукшай и Янкай²⁷. Эти же данные подтверждаются и другими источниками²⁸. Более того, датируемая 1575–1599 гг. речка *Жосета* (*Засета*)²⁹, которую, как уже упоминалось, отметил К. Буга, протекала где-то вблизи с. Сяряджос, в районе впадения Дубисы в Нямунас (см. карту), т.е. в самом непосредственном соседстве с Шаляйским районом. Таким образом, оказывается, что антропоним *Žasėtis* и гидроним *Жосета* распространены на территории одной и той же вялюонской подгруппы западноаукштайтских говоров литовского языка, и, следовательно, в словообразовательном плане дятловские *Zasėčiai* получают весьма четкий ориентир на диалектологической карте литовского языка.

2.3. Следует подчеркнуть, что апеллятивы типа **žasėtis* или *žasėtis* неизвестны. Ср. деминутив *žasūtis*, производную от него фамилию *Žasūtis* (Швекшна, р-н Шилуте)³⁰ и дальнейший дериват – дер. *Žasūčiai* (апилинка Стемплес, ныне район тот же)³¹. В нашем случае мы располагаем только производными антропонимами. Следовательно, дятловское *Zasėčiai*, помимо предложенной ранее ономастической, предлагает еще одну задачу – апеллятивную, т.е. если не поиски, то реконструкцию общего слова, образованного из *žasis* с помощью суффикса *-etis* (или *-ėtis*).

Можно предположить, что рассмотренные формы являются очень редкими деминутивными образованиями вроде лит. диал. *vaikėtis* (суффикс *-ėtis*) 'мальчуган'³² или лтш. диал. *zuvetīpa* 'рыбка', где сам по себе уменьшительный формант *-et-* выступает уже только в сочетании с другим суффиксом такого же значения³³.

3. Лит. *Zietela*, бел. *Дятлава*

3.0. Если связь лит. *Dainava* и бел. *Ятвезь* является многократной и типичной, а взаимные позиции лит. *Zasėčiai* и бел. *Засеце*, хотя нигде и не дублируются, но тем не менее остаются вполне ясными, то отношения внутри последней из рассматриваемых пар – *Zietela* и *Дятлава* – и неповторимы и достаточно сложны.

3.1. Впервые название *Дятлово* фиксируется в тексте латиноязычного письменного документа под 1498 г. – *Sdzieciolo*³⁴. Ближайшими к нему во времени являются польские записи: 1509 – *zamku Zdeteli*, 1511 – *dwór Zdzięcioł*³⁵. Уже цитировавшийся "Инвентарь имения Здетельского" содержит формы *мѣсто Здетела*, *зъ мѣста Здетель* и название реки *Здетелка* (*надъ рекою Здетелкою*)³⁶.

Как видим, эти древнейшие формы названия *Дятлово* и протекающей в нем реки *Дятловки* ближе к современным литовским названиям (ср. наименование реки *Zietelka*)³⁷, чем к белорусским.

Если выстроить в ряд все имеющиеся формы в зависимости от сложности их фонетической и морфологической структуры (*Zietela*, *Здетела*, *Zdzięcioł*, *Дятлово*), то окажется, что старейшим является литовский вариант топонима, тогда как новейшим – белорусский. Последний, несомненно, расширился за счет притяжательного суффикса *-ов-* и, кроме того, в результате семантического сближения с такими названиями, как *Дятловичи*³⁸, совсем утратил связь с первоначальными.

²⁶ Y. G e r u l l i s. Die altpreu ischen Ortshamen. Berlin-Lepzig, 1922, стр. 151.

²⁷ См. материалы картотеки литовских фамилий (Вильнюс, Институт языка и литературы АН Литовской ССР).

²⁸ По сведениям Республиканского адресного бюро Литовской ССР (Вильнюс).

²⁹ См.: И.Я. С п р о г и с. Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия. Вильна, 1888, стр. 119.

³⁰ Информация В.Эйдукайтене (Вильнюс).

³¹ "Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas...", стр. 1017.

³² "Lietuvių kalbos gramatika", t. I. Vilnius, 1965, стр. 286.

³³ V . R ū ž e - D r a v i p a . Diminutive im Lettischen. Lund, 1959, стр. 242.

³⁴ См.: "Archivum ksiązat Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie", t. I. We Lwowie, 1887, стр. 116.

³⁵ Там же, III, стр. 54, 70.

³⁶ "Акты...", стр. 203, 207, 208.

³⁷ См.: "Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas". Vilnius, 1963, стр. 224.

³⁸ Ср. *Дятлавичи*, село: 1) в Волковыском р-не Гродненской обл. 2) в Лунинецком р-не Брестской обл. ("Беларуская савецкая энцыклапедыя", т. IV. Мінск, 1971, стр. 241).

чальным корнем, который, как будет показано ниже, лучше всего сохраняется в литовском названии *Zietela*.

Однако и само это литовское название не является на данной территории древнейшим.

3.2.1. В Ипатьевской летописи под 1253 г. упоминается озеро *Зьято*, к которому выступили литовские войска против Галицко-Волынского князя Даниила, шедшего на Литву со стороны Пинска: "и послаша сторожь Литва на ѡзеръ Зьмать. И гнаша чересь болота до рьки Щарьѣ... Наоутрь же плениша всю землю Новгородскую"³⁹.

У нас нет данных о том, существует ли оз. *Зьято* теперь, семь веков спустя после описанных событий, однако вероятно, что названное озеро должно было находиться где-то в районе современного *Дятлово* (*Zietela*). В качестве доказательства следует привести следующее. Гидроним *Zietela* не является первичным – в нем можно выделить основу и суффикс: *Ziet-ela*. В литовской гидронимии суффикс *-elė, -elis* используется для образования гидронимов от гидронимов, в частности – названий рек от названий озер, причем последние оказываются в этом случае либо истоком, либо устьем реки⁴⁰. Значит, р. *Zietela*, в верховьях которой находится *Дятлово*, и оз. *Зьято* не должны были быть разобщенными в пространстве.

3.2.2. Еще одним свидетельством в пользу того, что гидроним *Зьято* действительно существовал и мог послужить основой для образования ряда дальнейших названий включая *Дятлово*, является тот факт, что еще южнее, а именно в бассейне Ясельды (окрестности с. Колонск, ныне Ивацевичского р-на Брестской обл.) через триста лет после похода Даниила было несколько раз отмечено болото *Зьято*: po błotho Zyatho, do błotha Zyanthu, do błotha Zyatha, w błotho Zyath⁴¹.

Таким образом, гидроним *Зьято* (*Zyatho*) в 1253–1552/1555 гг. употреблялся в двух местностях междуречья Молчади (Неман) и Ясельды (Припять) (см. карту). Уже такое повторение гидронима указывает на неслучайность его формы и, возможно, свидетельствует даже о ее типичности. Не исключено, что здесь мы имеем дело с закрепленным в названии географическим термином (как наиболее мотивированным наименованием географического объекта) – ср. в обоих случаях речь идет о сходных формах рельефа: озеро *Зьято* и болото *Zyatho*.

³⁹ "Полное собрание русских летописей", т. II, стлб. 818–819.

⁴⁰ См.: A. V a n a g a s. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970, стр. 113.

⁴¹ См.: "Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостой Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг." Вильна, 1884, стр. 159, 293, 294, 296.

Сказанное позволяет утверждать, что предшественником гидронимов *Zietelka* (*Здетелка*) и последующих производных от них наименований *Дятлово* следует считать название озера *Зьято*.

3.3. Остается затронуть вопрос о переходе форм от *Zietelka* к *Здетелка*, поскольку уже в древнейших славянских фиксациях названия *Дятлова* вместо древнерусского начального сочетания *zj-* (*Зьято*) во всех примерах выступает новый консонантный анлаут: *zd-*, а также (максимально) *zdz-*.

Такого рода переоформление начала слов на *zj-* наблюдается в истории и современных говорах некоторых севернославянских языков. Так, уже в XVI в. вместо древнепольск. *zjać* 'снять' появляется ставшая в будущем литературной форма *zdać* 'то же'⁴² – например, *Z zawojem zdjął łeb Alimansorowi* у П. Кохановского (1566–1620)⁴³. Подобные фонетические процессы происходят и в современном украинском языке, например, в говорах Полтавщины: *з'д'ім* (литер. *з'ім* 'сьем'), *з'д'іу* (литер. *з'ів* 'сьел') и т.п.⁴⁴

Приведенные аналогии из области апеллятивов помогают увидеть единство в многообразии вариантов названия одного и того же топонима и позволяют восстановить путь развития, который прошел древнерусский гидроним *Зьято* прежде чем стать современным наименованием районного центра Гродненской обл. БССР – *Дзятлава*.

3.4. Заканчивая, необходимо хронологически ограничить название *Zietela*/*Дзятлава* от топонимов *Zasēciai*/*Засеце* и *Dainava*/*Дявезь*. Если последние действительно могли возникнуть в связи с переселением ятвягов в Слоним в 1276 г., то название озера *Зьято* как основы для возникновения топонима *Zietela*/*Дзятлава* существовало еще до их прихода – в 1253 г.

И тем не менее гидроним *Зьято* предположительно можно связать с ятвяжскими реликтами Белорусского Понеманья – только с их более ранним слоем, отраженным, в частности, в той же Ипатьевской летописи, что сохранила для нас и упомянутое название озера. Ср.: "*Зелевя* (по *Зелеви*... *Волковнескъ*, Ипатьевская летопись, 847) происходит из ятвяжского названия **zēlvē*..."⁴⁵.

3.5. Если в древнейшей производной форме *Здетелка* (1580 г.), т.е. *Zietelka* (*Zietela*), признавать балтийское происхождение

⁴² См.: A. B r ü s k n e r, Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, стр. 650.

⁴³ См.: S t . R e c z e k. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1968, стр. 647.

⁴⁴ См.: I. O. B a r ч e н к о. Лубенські говірки і діалектна суміжність. Київ, 1963, стр. 194.

⁴⁵ См.: K . B ū g a. Указ. соч., т. III, стр. 512.

форманта -ел- (-ela), то это значит - признать и то, что основа ziet- также является балтийской. К примеру, если предположить обратное (что, скажем, ziet- - это славянский элемент), то в этом случае мы вступим в противоречие с той общей закономерностью, которая прослеживается в гидронимии Верхнего Поднепровья и, вероятнее всего, справедлива и для Верхнего Понеманья: ср.: "типичная их (т.е. гибридных образований. - А.Н.) особенность заключается в славянском оформлении балтийских основ, а не наоборот, что находится в соответствии с отношением этнических элементов и хронологией освоения данной территории"⁴⁶.

Считая возможным балтийское происхождение гидронима Зьято (Zyatho), мы тем самым не исключаем и предположения о его ятвяжском характере. Прежде всего, в пользу этого свидетельствует типично ятвяжская черта - употребление z вместо ž, которая в дятловском микроареале уверенно фиксируется с конца XVI в.: с. Засети (см. выше, 2.1).

Однако намного сложнее обстоит дело с вокализмом. Исходя из литовского варианта Zietela, мы должны были бы для ятвяжского названия реконструировать форму *Zeita, поскольку в литовском языке дифтонг ie в ударяемых слогах выступает вместо западнобалтийского ei⁴⁷. В этом случае древнерусск. Зьято могло бы отражать промежуточную ступень этого перехода: ei > ä > ie. Но как тогда объяснить появление носового гласного в польск. Zdzięcioł? Исследование названия Зьято/Zietela должно быть продолжено⁴⁸.

⁴⁶ В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962, стр. 21.

⁴⁷ См.: J. Endzelynas. Baltų kalbų garsai ir formos. Vilnius, 1957, стр. 18.

⁴⁸ Автор благодарит своих литовских коллег А. Видугириса и А. Гирдяниса за помощь в работе над статьей.

Л. Г. Невская

БАЛТИЙСКИЕ НАЗВАНИЯ БОЛОТ
В СОПОСТАВЛЕНИИ СО СЛАВЯНСКИМИ
(Семасиологические наблюдения)

В последние годы значительный интерес исследователей вызывает славянская географическая терминология¹. Ее изучение проводится в нескольких направлениях: выявление инвентаря лексем, обозначающих различные географические реалии (низменный рельеф, возвышенный рельеф, болото и т.д.), непосредственно при полевой работе и извлечением из словарей; определение их локализации с последующим построением изоглосс; выяснение семантических процессов, происходящих в этой группе лексики и объединяющих

¹ Из обширной библиографии укажем здесь только основные работы, материал которых использован при сравнении балтийской тельмографической терминологии со славянской: I. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957 (в дальнейшем - Schütz); P. Nitsche. Geographische Terminologie des Polnischen. Köln-Graz, 1964 (в дальнейшем - Nitsche); Н.И. Толстой. Славянская географическая терминология (Семасиологические этюды). М., 1969 (в дальнейшем - Толстой, СГТ); В.М. Мокиенко. Лингвистический анализ местной географической терминологии. Автореф. канд. дисс. Л., 1969 (в дальнейшем - Мокиенко); Он же. Семантические модели славянской тельмографической терминологии. "Вопросы географии. Сборник 81. Местные географические термины". М., 1970 (в дальнейшем - Мокиенко, Модели); Л.В. Куркина. Названия болот в славянских языках. "Этимология. 1967". М., 1969 (в дальнейшем - Куркина); Т.А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). "Полесье". М., 1968; Она же. Из наблюдений над украинскими названиями рельефов. "Studia Slavica", Budapest, XVIII, 1972; Е.А. Черепанова. Географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Автореф. канд. дисс. Минск, 1973; И.Я. Яшкин. Беларускія географічныя назвы. Минск, 1971; Р.Н. Малько. Названия рельефа в чешском и словацком языках. Канд. дисс. Минск, 1970; Л.Г. Невская. О лексическом и семантическом взаимодействии литовского и славянских языков (на материале географической апеллятивной терминологии). "Советское славяноведение", 1972, № 1. Ссылки на литературу, касающуюся частных аспектов темы, см. в тексте.

ее в достаточно замкнутую систему; пересмотр некоторых этимологии и установление новых, часто с учетом в качестве дополнительного аргумента семантических закономерностей, выявленных для географической терминологии; установление семантических моделей наименования географических объектов по признаку, мотивирующему внутреннюю форму соответствующих лексем и, наконец, выяснение семантической структуры и конструирование микрополя той или иной географической реалии.

Насколько можно судить, балтийская географическая терминология не подвергалась рассмотрению ни во всем своем объеме, ни по отдельным составляющим ее лексическим группам. Следует отметить лишь неизменное и пристальное внимание Э.Френкеля в связи с этимологическими задачами к семантическим процессам внутри географической терминологии и к закономерностям номинации географических объектов, а также этимологические разыскания В.Шулце, относящиеся к началу века и суммирующие балтийский материал по цветообозначению болот².

В задачу данной работы входит описание шести литовских и латышских говоров (Шакина Шауляйского р-на ЛитССР – сокращенно Škn³; Карсакишкис Паневежского р-на ЛитССР – сокращенно Krs; Гervаты Гродненской обл. БССР – Grvč; Эргеме Валкского р-на ЛатвССР – Erg; Шкилбени Балвского р-на ЛатвССР – Škb; Пилда Лудзенского р-на Латв.ССР – Pld)⁴ методом конструирования семантического

² E. F r a e n k e l. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I-II. Göttingen, 1955-1965 (в дальнейшем – FrLew); E. F r ä n k e l. Beiträge zur indogermanischen Semasiologie. I. Zum Bedeutungswechsel von "Wald, Hain" mit "Sumpf" in der idg. Sprachen, besonders in Baltischen und Slavischen. "Revue des études indo-européennes", t. I, Bukarest, 1938 (в дальнейшем – Fr₂); E. F r a e n k e l. Etymologische Miscellen. "Rakstu krājums. Veltījums akad. J. Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei". Rīgā, 1959 (в дальнейшем – Fr₃); W. S c h u l z e. Etymologisches. "Kleine Schriften". Göttingen, 1934, стр. 111-131 (в дальнейшем – Schulze). Монографическое рассмотрение судьбы одной лексемы представлено в статье: V. U r b u t i s. La. lasmenis. "Donum Balticum". Stockholm, 1970.

³ В статье используются условные сокращения литовских населенных пунктов, принятые в Lietuvių kalbos žodynas, латышские названия, кроме специально оговоренных, не сокращаются и не транслитерируются.

⁴ Приношу глубокую благодарность А.Йонайтите, А.Видутирису, Э.Кагайне, А.Брейдаку, Б.Рейдзанае, обстоятельно и с пониманием спе-

цифици работы ответившим на анкету-вопросник по балтийской географической терминологии.

микрополя⁵, сопоставление конфигураций полей разных говоров между собой и с обобщенной наддиалектной моделью; сравнение лексических инвентарей отдельных говоров с общим фондом лексем, обозначающих болото, выявленных на всем литовско-латышском языковом пространстве (190 лексем, включая словообразовательные варианты)⁶; далее будут определены семантические модели, лежащие в основу балтийских названий болот, и проведено их сравнение с соответствующими славянскими моделями и в заключительном разделе статьи будут рассмотрены семантические процессы, объединяющие тельмографическую лексику с другими группами географической терминологии, а также закономерные связи ее с иными семантическими полями.

Семантическое микрополе «болото» конструируется семантическими дифференциальными признаками, полученными при анализе лексем, значения которых противопоставлены по одному признаку хотя бы в одном говоре. При этом сначала будут указаны признаки, релевантные большинству говоров, а затем – свойственные лишь нескольким или отдельным говорам.

Семема "размер" (I) имеет два значения: 1) 'большой' и 2) 'малый' – признаки, релевантные большинству литовских и латышских говоров, ср., например, такие пары, как лит. balūnas 'большое болото' – klānas 'небольшое болото'⁷ (Grvč), tūruliai 'обширные

цифици работы ответившим на анкету-вопросник по балтийской географической терминологии.

⁵ О правилах построения микрополя см.: Н.И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. – ВЯ, 1963, № 1, стр. 36-37.

⁶ Источниками материала послужили ответы на анкету (для описания указанных шести говоров); "Lietuvių kalbos žodynas", t. I-VIII, Vilnius, 1956-1970 (в дальнейшем – LKŽ); картотека академического словаря литовского языка (в дальнейшем – LKŽK); картотека атласа литовских говоров (в дальнейшем – LDK), хранящиеся в Институте литовского языка и литературы АН ЛитССР; K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Rīgā, 1923-1932 (в дальнейшем – МВ); собственные полевые наблюдения, а также статьи, указанные в тексте работы.

⁷ Признак "небольшое болото", который в этом микрополе является элементарным (семой), в другом окружении может быть рассмотрен как семема, порождающая понятие "лука" со многими сопутствующими признаками, создающими столь разветвленное микрополе, что его целесообразно рассматривать отдельно.

болотистые пространства' – liūgas 'небольшое болото' (Kv) и мн. др.

Семема "степень заболоченности" (II) также имеет два значения: 1) 'сильная', порождающая понятие "непроходимое болото" и 2) 'слабая'. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют указать только два говора – Krs, Grvč, – в которых это противопоставление организуется в привативную оппозицию (ср. lieknas 'непроходимое глубокое болото' – priebalė 'слегка заболоченное место' Krs). В противоположность второму признаку, сема 'сильная степень заболоченности' манифестируется значительным количеством лексем (см. табл. III).

Семема "местоположение" (III) имеет следующие значения: 1) 'в лесу' – признак, релевантный многим балтийским говорам, ср., например, лтш. āksna 'болото в лесу' – dūksts 'болотистое пространство' в говоре Alūksne и т.д.; 2) признак 'на поле, на лугу' свойствен незначительному количеству лексем. Так, в говоре Škn эквивалентно противопоставлены lieknas 'болото в лесу' и klampūnė 'болото на поле'; 3) 'около реки' – абстрагирование этого признака в качестве особой семы произведено на основе отмеченного в говоре Krs противопоставления лексем raistas 'болото в лесу' – rašlaitės 'болото у реки'; 4) 'у родника' – в говоре Pь с этим значением отмечена лексема verdēnė, противопоставленная повсеместно распространенному в юго-восточной Литве общему названию болота – balė; 5) 'на горе' – этот признак манифестирован лексемой литовского литературного языка kalnāpelkė; 6) 'берег озера' – с некоторой осторожностью выделяем эту сему в лтш. raļi 'болотистые берега озера', основываясь на свидетельстве словаря: Stender, Lettisches Lexikon. 1789 (ME, III, 56).

Семема "наличие растительности" (IV) заключает в себе несимметричную привативную оппозицию, в которой однозначному признаку 'отсутствие растительности' (1), порождающему понятие "чистое болото", противопоставлена полисемантическая семема "заросшее болото" (2) со следующими значениями: 2a) 'поросшее лесом или кустарником'⁸ – признак, релевантный многим балтийским говорам, ср.,

⁸ Чаще всего по характеру растительности – кустарник или лес – не осуществляется противопоставления семем. Лексемы lieknas, raistas и т.д. могут иметь значение как 'болото, поросшее кустами', так и 'болото, поросшее деревьями'. Однако в говоре Škn признак 'характер растительности' приобретает значимость дифференциального и различает такие лексемы, как rėlkė 'bala, jei retais krūmais arželus', по словам информанта, и šūižė 'болото, поросшее лесом'.

например, klampā 'общее название болота' – raistas 'болото, поросшее лесом' (Ds) и мн. др.; 2б) 'поросшее тростником': ср., например, литовские литературные слова švendrė, švendrynas; 2в) 'поросшее травой': ср. лексему plikpelkė 'болото, поросшее травой низкого качества' (Ggr), противопоставленную распространенному в качестве родового названия болота на западе Литвы слову rėlkė; 2г) 'поросшее мохом' – признак, манифестируемый главным образом лексемами, словообразовательно соотносимыми с названиями моха: лит. samanynas, samaliūka, лтш. sūniens и т.д.

Семема "физические свойства болота" (V) имеет два значения, каждое из которых манифестируется весьма значительным количеством лексем (см. табл. III): 1) 'вязкое, топкое': ср., например, противопоставленные лексемы kamšūnė 'болотистое место' и maršalūnė 'вязкое место' (Kp) и т.д.; 2) 'зыбкое' – признак, порождающий понятие "трясина", ср. лтш. dūksna 'зыбкое болото' – dūksts 'заболоченное место' (Berzaune) и мн. др.

Семема "характер болотной почвы" (VI) отмечена в трех значениях, каждое из которых имеет специфические лексемы для своего выражения: 1) 'торфяная': durpūnas 'торфяное болото' от лит. dūrė 'торф'; 2) 'илистая': dumbrė и другие производные от dumblas 'ил'; 3) 'ржавая': rūdijā, rūdymas и др., связанные с rūdas 'коричневый, ржавый'.

И, наконец, следует отметить образования с прозрачной внутренней формой, обозначающие 'болото с окнами': akivaras, akivarūnas (Ut. Užr. Skdt. Dkk. An. Kp. Ds.); 'выжженное болото': лтш. degsnis; 'кочковатое болото': kemsūnas (Sv. Mlt. On. Užr. Brt. Vžns.).

На основании выделенных при анализе лексических оппозиций семантических дифференциальных признаков и выяснения их взаимного расположения конструируется семантическое микрополе «болото» (см. табл. I).

На полученной наддиалектной модели распределяются лексические данные каждого из описываемых говоров. При этом, если информант указывал форму, транскрибированную в соответствии с фонетическими особенностями своего говора, эта форма приводится без каких-либо трансформаций (см. табл. II).

Сопоставление конфигурации микрополя конкретного говора с наддиалектной моделью показывает, что некоторые признаки могут быть нерелевантны описываемой лексической группе, а другие представлены лишь частью возможных значений. Расположение материала в таблице выявляет разницу между относительно разветвленной семантической системой первых говоров и крайней недифференцированностью двух говоров – Pld и Škь. "Бедность", нерасчлененность этих латгальских говоров, находящихся во взаимодействии со славянскими,

Таблица I

I		II		III						IV A				IV B	V		VI		
1	2	1	2	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4		1	2	1	2	3

Семантические дифференциальные признаки (семемы и семы)

- I - "размер": I,1 - 'большой', I,2 - 'малый'
 II - "степень заболоченности": II,1 - 'сильная', II,2 - 'слабая'
 III - "местоположение": III,1 - 'лес', III,2 - 'луг, поле',
 III,3 - 'берег реки', III,4 - 'родник', III,5 - 'гора',
 III,6 - 'берег озера'
 IV A - "наличие растительности": IV A,1 - 'лес, кустарник', IV A,2 -
 'тростник', IV A,3 - 'трава', IV A,4 - 'мох'
 IV B - "отсутствие растительности"
 V - "физические свойства болота": V,1 - 'вязкое топкое', V,2 -
 'зыбкое ("трясина")'
 VI - "характер болотной почвы": VI,1 - 'торфяная', VI,2 - 'или-
 стая', VI,3 - 'ржавая'.

кажется удивительной, так как, когда имеет место ситуация языкового контакта, результатом его ожидается не только обогащение лексикой, но и усложнение структуры семантического поля. В этом смысле семантическое поле говора Grvč являет более характерную и а priori ожидаемую картину.

Неадекватность структуры семантических микрополей обуславливает неравномерность лексических фондов описываемых говоров. "Вклад" отдельного говора в географическую терминологию колеблется от 5% (9 лексем - Škn по сравнению с общим количеством в 190 литовско-латышских слов) до 1% (Škb).

Распределение всего корпуса балтийской тельмографической терминологии в соответствии с семантическими дифференциальными признаками представлено в табл. III. Здесь же приводятся указания на географию распространения каждой лексемы в определенном значении. К сожалению, отсутствие исчерпывающих данных по большинству балтийских диалектов не позволяет включить приведенные слова в изолексы и сделать заключение о их лингвогеографическом своеобразии.

Таблица III.

Семема	Лексема, говор
Родовое название	áiksna (Mžk), лтш. aluksna, bagnà (Lkč. Grl. Rk. Skp. Ds. Ml. Ll. Dsm. Ssk. Všk.), balà (лтш. ba-la) (Kps. Lz. Pn. Grvč. PmR. Zt. Gs. Pl. Dsn. Puvž), bognà (Mrk), лтш. dubra, лтш. dùksnājs, лтш. duļke, лтш. duñbājs (Berzauene), лтш. duñb(r)as, лтш. dunksnājs, лтш. gārši, jáura (Krt. Pln. Kl. Kal. Bržr), kalūžà (Kkl), kamšynè (Kp), klampà (Ds), klampýnas (Vj. Grš. Smn. Gs), klaneštas, klonē, kūdra (Lkv. Tl. Tt. Klov. Žg), líekna (лтш. liēkna), lūgas (Vs. Krsn. Drsk. Klvr), лтш. ļūnis; makōnè (лтш. makpa) (Dst. Dglš. Švnc. Vilnagebiet, Kuoknese), modas, лтш. muklums; pélkè (западнолитовские говоры), лтш. puõpiene (Meldzere. Višipki), лтш. purvaine, лтш. purvājs, puřvas (лтш. pūrvs), raīstas (Auk), лтш. rēnda (Pļaviņa), slēnys, лтш. struga, šlapumà (Trgn), vādaksnis (Klvr), versmē, žiogis (Rt).

I. Размер

- 1) большой bagnýnas (Ds), balýnas (Kdl. Mžk. Grvč), лтш. dùksts (Vestiena. Rāuna. Alūksne. Tirza. Berzauene. Lazduona, ļauduona), jaudros, pālios (Vlkv. Užp. Сувалкия); pélkè (Brs. Vdk. Pln. Mžk. Vks. Akm. Eig), týras, лтш. tīrelis, týruliai, лтш. tīrulis (Kv. Vks), pālios (Dks. Smn. Krok. Krsn. Rdm)
- 2) небольшой alkà (Rs), balókšnis (Lp), klānas (Brs. Ds. Ūd. Blv. Grvč. Rm. Sim), klōnis (LDA - 293, 57), liūgas (Kv. Rdd. Šd. Sk. Jnšk. Rz. Rm. Lnkv. Pc. Ēr), lōbas (Lz), plýnè (Ds. Vlkv), лтш. pļunči (Irlava), valkā (лтш. valka) (Krd. Skdt. Al. Slk. Ob. Kurzeme).

II. Степень заболоченности

- 1) сильная duñbrēs, klampýnas, klampýnè (Škn. Grvč), liūgnijà (Vvr), лтш. ļūns (Sauga, Birži), лтш., ļuvenis (Alūksne), plýne (Vel), лтш. slīksnājs (Zālite. Vidriži. Mēmele. Ērgeme), týras (Rt), tyrulis
- 2) слабая šlapýnè (Grvč), priebalē (Krs)

Таблица I

Говор	родовое название	I		II		III						IVA				IVB	V		VI			
		1	2	1	2	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4		1	2	1	2	3	
Škn.	balā			klampjñē		liēknas								čiužižē ¹ pēlkē			pljñēs ²			tyreljys	duñblas	
Krs.	balā			liēknas	priebalē	raīstas		pašlaīstēs									samanjñē			durpjñē	maurjñē	
Grv.	balā			klampjñas	šlapinē	raīstas														kunē		ruj'imas
Erg.	purvs, purvājs	tīrēlis		muklājs										vēksnis ³					lekņa	tōrbājs kūdrājs	dumbra duñburina dumbrājs	
Pld.	pūrvs																		djukit's' ⁴	šl'eikāne	5	
Škb.	pūrvs																		djukšē			

Примечания к табл. II.

1. Из синонимического ряда лексем со значением 'болото, поросшее кустарником', имеющих в данном говоре (liēknas, pēlkē, tyreljūkas), лексема čiužižē (šiužižē) вынесена в таблицу как наиболее специфическая и однозначная.

2. В лексеме pljñēs в данном говоре совмещены как значение, определяемое ее местом в микрополе, т.е. 'болото, поросшее мохом', так и 'samanj bala su retutēm pišelēm' = 'моховое болото, поросшее редким хвойным лесом'.

3. Этой лексеме овойствен также дополнительный признак 'небольшой размер'.
4. Эта клетка микрополя может быть заполнена также словосочетанием torkoja v'ita, интересным с точки зрения отражения славянского влияния на латышский диалект.

5. Эта клетка заполняется словосочетанием djuroja v'ita.

Говор	родовое название	I		II		III				
		1	2	1	2	1	2	3	4	5
Škn.	balà			klampŷnē		liēknas				
Krs.	balà			liēknas	prie balē	raīstas		pašlaīstēs		
Grv.	balà			klampŷnas	šlapinē	raīstas				
Erg.	purvs, purvājs	tīrēlis		muklājs						
Pld.	pūrvs									
Škb.	pūrvs									

Примечания к табл. II.

1. Из синонимического ряда лексем со значением 'болото, поросшее кустарником', имеющих в данном говоре liēknas, rélkē, tyrelīukas), лексема čūižē (šūižē) внесена в таблицу как наиболее специфическая и однозначная.

2. В лексеме plŷnēs в данном говоре совмещены как значение, определяемое ее местом в микрополе, т.е. 'болото, поросшее мохом', так и 'samanč bala su rečutēm rušelēm' = 'моховое болото, поросшее редким хвойным лесом'.

Таблица II

IVA					IVB	V		VI		
6	1	2	3	4		1	2	1	2	3
	čiūžižē ¹ pélkē			plýnēs ²				tyrel̃ys	duṃblas	
				samañē				durp̃nē	maur̃nē	
							kuñē			ruz'imas
	vēksnis ³					lekņa		tōrbājs kūdrājs	dumbra duṃburina dumbrājs	
						dýukit's' ⁴	šl'eikāņa		5	
						dýukšć				

3. Этой лексеме свойствен также дополнительный признак 'небольшой размер'.

4. Эта клетка микрополя может быть заполнена также словосочетанием torkoja v'ita, интересным с точки зрения отражения славянского влияния на латышский диалект.

5. Эта клетка заполняется словосочетанием dýuroja-v'ita.

III. Местоположение

- 1) лес лтш. āksna (Alūksne), bāngstas, liēknas, лтш. lieknas (Kursīši. Škn. Gudenicki. Litriņi), plūnia (Skrd), raīstas (Skrd), лтш. rūcis (Latgale), týras (Vž), лтш. vāda (Basi. Aīsungā)
- 2) луг (поле) klampýnē (Škn)
- 3) берег реки pašlaitēs (Krs)
- 4) у родника verdēnē (Pb), saūsupē
- 5) гора kalnāpelkē, лтш. tīrelis
- 6) берег озера лтш. paļas, paļi

IV. Наличие растительности

- 1) чистое liēknas (Kr. Skp. Pamm. Pn)
- 2) поросшее:
- а) лесом liēknas (Jnšk), marmalýnas (Ds), pélkē (Škn), raīstas (Pšl. Dv. Kps. Km. Skp. Vv. Lkm. Ds), raistýnē, rūdýnas (Prn), rūdýnē, smailumas (Pšl), týras (Varn), trakā (Krtv. Šll), bagna, čiūizē (Škn), klrna, klrnos, kūdra (Lz. Kv. Bsg Klt. Grvč), laikšēs, lēndrimai, pālios (Kvdr. Rdm.), piāunýs (Vl. Krkl. Lkv. Vdk. Krž) plýnē (Plv. Sim. Vlk. Švn. Rdm).
- б) тростником duūbrēs, švendrē, švendrýnas
- в) травой plīkpelke (Ggr)
- (плохой)
- г) мохом plýnia (Škn), plovā, samaliāuka (Žr), samanýnas (Lzd), samanýnē, лтш. sūniens, vodēlē (Dg)

V. Физические свойства болота

- 1) вязкое лтш. dūksne, лтш. dūksna (Jaunpils, Bērzaune, Sabile, Dundanga, Diñsdurbe), лтш. duūbēris, dumbieris (Trikata), kinis (Sn. Lzd. Lš. Kč. Vs), klrba, (лтш. klrba) (Slnt. On), kunē (Grvč), lek-mēnē, лтш. lekmenis (Varaklāņi), лтш. lēsa (Lēdurge), лтш. ļuga, liūlýnas, liūliuðklē (Nč. Plv), liūnas (Als. Srv. Smk. Ms. Slnt. Plk. Bgs. Svn. Šlv. Skr. Trgn. Ank), liūnijā (Šts. Kal), лтш. muklaīne, лтш. muklājs, plovā (Krok), лтш. staiga (Vidruži, Eñgure. Plāņi), лтш. stajgnājs (Ārajsi. Dzēlzava. Vestiena. Jaunpils), klīmbals (Kp), лтш. lēvenis, liūnýnē (Švnč. Vr. Dglš. Kp), liūgas, lūgas (Krok. Šš. Smk), pilvē

- 2) вязкое, топкое ármenys (Kv. Skdv. Up), armuð (Kps. Jrb.), atāvaras (Ukm. Tvrč. Dst. Ut. Sb. Kp), bojus, buřgē (Ig), burlungis, dumblynas (Žmb. Kt. Vks), dumb-rū (Lk), dumbulýnē (Ēr), gelcýnē, jaurýnas (Ds), kemplýnē (Krp), kempýnē (Lzd), klrnis, lēgerēs, liūgýnē, máiva (Tv. Krkl. Kv. Varn), marmalýnē (Kp. Šauk. Ml. Alv), muīdē (Nmj. Sn), muīvē, murdýnas, prarajā (Tl), лтш. stajgnis (Vaiņuode), лтш. strieguonis (Dunika), latākas (Vrn. Lš)

VI. Характер болотной почвы

- 1) торфяная durýnas (Dkš. Gs), pélkē (Šlu. Prk. Tvr), plýnia (Bgt. Vrb. Vl. Jrb. Kps), tyrelýs (Škn), duūblas (Škn)
- 2) илистая dumbrē, mulvýnas, šlamas (Tv. Dv)
- 3) ржавая лтш. rāva (Sērpils. Nīgranda), rūdija (Kv), rūdymas (Grvč. Pn. Krk. Krs), rūdýnē (Brt. Ds), rūdýnas

Семантические мотивационные модели названий болота

В этой части работы все многообразие балтийской лексики, используемой для обозначения болота, распределяется в соответствии с семантическими моделями и инвариантными признаками, лежащими в основе наименования болота. Тельмографическая балтийская терминология хронологически относительно нова и в большинстве случаев сохраняет незатемненной внутреннюю форму или этимологизируется на балтийском же материале⁹. Это не исключает, впрочем, известных трудностей при отнесении той или иной конкретной лексемы к определенной семантической модели. Из анализируемого материала исключаются заимствования (лит. bagna, лтш. juðma, лит. kalūžā, latākas, лтш. lataka, лит. modas, šlimas и др.) как не имеющие мотивации в пределах балтийских языков.

⁹ Аналогичное заключение можно сделать и о славянских названиях болот. Так, по данным П. Нитше, среди 132 польских терминов только 11 имеют общеславянский характер (Nitsche, 241).

Исконная лексика может быть распределена в соответствии со следующими семантическими моделями: (1) наименование болота по признаку цвета, (2) по произрастающей на болоте растительности, (3) по признаку сырости, влажности, (4) топкости, (5) зыбкости.

1. Связь представлений о болоте с названием цвета.

При этом остается открытым вопрос о направлении семантической деривации: от цветообозначения к названию болота или обратное.

Существует давняя традиция сопоставления понятий "белый" и "болото"¹⁰. Именно соотнося праслав. *bolto с лит. bālas, bāltas 'белый', лтш. bāls 'бледный, блеклый', этимологизируют все славянские рефлексy этой формы (Фасмер, I, 149, 190). Этого рода представления лежат в основе арханг. биль 'моховое открытое болото', пск. белашка 'сухое место среди болот', укр. біль 'заболоченный лес', польск. biel 'болото; низменность; влажный луг' (Nitsche, 107), лит. balà, лтш. bala с многочисленными производными образованиями.

Названия красно-коричневой части спектра лежат в основе внутренней формы преобладающего числа балтийских болотных терминов, относящихся к описываемой модели. Сюда в первую очередь следует отнести круг литовских лексем, связанных с понятиями rūdis 'ржавчина' и далее с raudas 'красный': rūdijà, rūdūmė, rūdūmas, rūdūnas, rūdūnà, rūdūnė - все со значением 'болото со ржавой железистой водой' и далее с производными вторичными значениями. Многие восточно- и западнославянские соответствия также сохраняют в значении указание на внутреннюю форму¹¹. Однако в витебских, могилевских и смоленских говорах лексемы руда, рудка утратили актуальную мотивированность внутренней формы и манифестируют значение

¹⁰ Из относительно ранней литературы см.: W. L o e w e n t h a l. Die slavischen Farbenbezeichnungen. Leipzig, 1901, стр. 38; S c h u l z e, 111, Fr₂, 411-412. Однако высказывалось и сомнение в принадлежности праслав. *bolto к этой модели. См.: G. H e r n e. Die slavischen Farbenbenennungen. Eine semasiologisch-etymologische Untersuchung. Uppsala, 1954, стр. 104.

¹¹ Укр. рудá 'содержащее железо болото', рудка 'ржавое болото', н.-луж. ruda 'сырая красноватая железистая земля', польск. ruda, reda 'болото; мелкий сырой торф', словацк. ruda, rudaška 'красноватая земля' (Мокиенко, Модели, 73; Куркина, 134). Сюда же блр. rudóvin'a 'ржавчина на болоте' (Ю.Ф. М а ц к е в и ч, Е.И. Г р и н а в е ц к е н е, И.П. К о в а л ь ч у к, Е.М. Р о м а н о в и ч. Северо-западные белорусские говоры литовского пограничья. "Балто-славянский сборник". М., 1972, стр. 380).

'грязь, нечистоты на теле', т.е. отражают вторую ступень семантического перехода 'болото' → 'грязь' (Толстой, СГТ, 189). В южнославянских языках внутренняя форма, как правило, также затемнена: болг. рудина 'луг на вершине планины' (Мокиенко, Модели, 73), с.-х. рудина 'луг с травой, опаленный солнцем', макед. рудина 'лужайка, поляна в лесу' (Толстой, СГТ, 83). Высказывалось предположение, что эти южнославянские лексемы возникли независимо от термина руда 'болото' и представляют сепаратную модель цветообозначения лугов, пастбищ (Толстой, СГТ, 189).

Типологическую значимость для модели цветообозначения болот имеют такие славянские образования, как рус. диал. ржавец 'ржавое болото; красно-железистая мочажина, родники из-под буро-железной руды' (Даль, II, 169), иржавец (пск., смол.), блр. иржавинне 'болото, покрытое ржавчиной' (Носович, 225); полесск. рижец 'торф и рьяя земля на болоте; болото с железистой окраской' (Толстой, СГТ, 191), польск. rdzawka 'болото, топь' (Nitsche, 85), с.-х. rdavica 'вид глины', словен. rjavica 'коричневая, почти красная земля'.

В соответствии с моделью номинации болотных терминов, соотносящей их с понятием "коричневый", образована фонетически и словообразовательно многообразная группа балтийских лексем: лтш. dumbra 'болото, место, обильное ключами, родниками' (ME, I, 514), dušbėgis 'болотистое место, лужа, грязная яма и т.п.' (ME, I, 514) и их многочисленные дериваты; лит. dušblas также с многочисленными производными, которое, в конечном счете, связывают с лтш. dums, dumjā 'темнокоричневый' (Schulze, 114; ME, I, 514). Лтш. dūksne, dūksna, dūkstā, dūksnājs - все со значением 'болото, лужа, непроходимое топкое место' соотносят с прилагательным dukans 'серо-коричневый' (Schulze, 115; ME, I, 525).

Семема "красный (желтый) цвет (глины)" (лит. raudas) лежит в основе таких литовских лексем, как mūde 'топкое болото, жидкая грязь', mūvė 'болото, грязь, тина, ил', mūvūnas 'болотистая земля, грязь, слякоть' (Schulze, 112; Skardžius, 72, 376; FrLEW, 471).

Соответствующие славянские названия воспринимаются как немотивированные: польск. mūl 'ил', кашуб. mūl 'ил', н.-луж. mūl 'ил', чеш. mūla 'ил; дождевой ручей', словацк. mūl 'мелкий песок, болотистое наслоение', с.-х. мўль 'ил', словен. mūlj 'мелкий щепень', рус. мўл 'ил', южн- и зап.-рус. мўль 'мутная вода', укр. мўл 'ил', блр. мўл 'ил' (Nitsche, 81-82; Фасмер. III, 7).

Генетически индоевропейские лексемы лит. rālis, - лтш. rajas, raji 'обширные болотистые пространства' (Сувалкия - ЛКЖК), 'болото, поросшее небольшими кустами' (ЛКЖК), 'болотистый берег озера'

(ME, III, 56) в балтийских языках сохранили незатемненной внутренней форму и связываются с лит. *raĩvas* 'бледножелтый' и под. (FrLEW, 532).

Как и в славянских языках (ср. польск. *siwica* 'болотистый торфяной луг' - Nitsche, 87; *szarunnik* 'болото, покрытое старым мохом' - Nitsche, 88, 12) семема "серый цвет" столь же продуктивна при образовании балтийских болотных терминов. Выдвинутая еще в начале века (Schulze, 112), игнорируемая К.Бугой¹², теперь окончательно утвердилась этимология лит. *rélkė*, лтш. *reĩce*, *reĩcis* 'болото, лужа' и лит. *riĩvé*, в соответствии с которой они связываются с прилагательным *riĩkas* 'серый', *raĩšas* 'палевый, бледно-желтый' (FrLEW, 567; Fr₃, стр. 106-107). Из славянских соответствий можно указать рус. *пелёсы*¹³.

Установленная семантическая закономерность может быть использована как один из сильных аргументов при этимологизировании слов, ранее определенной этимологии не имевших. Такова судьба лексемы *raĩštas*, происхождение которой еще К.Буга отказывался объяснять¹⁴. Теперь же, поставленная в соответствие с семантической моделью названия болота по признаку цвета/впечатления от поверхности болота, она получает надежное этимологическое сопоставление с лит. *rai-bas*, 'пестрый, рябой', *rai-mas*, *rai-nas* 'пестрый, полосатый' (Fr₃, 106-107). Способ наименования болота по впечатлению от цвета и свойств его поверхности отмечен К.Баком как один из существенных в индоевропейских языках¹⁵.

¹² К.Буга при этимологизировании лит. *rélkė*, др.-прус. *relku* прибегает к реконструкции "*nebevartojamo veiksmo žodžio *rélk-ti*", которое он соотносит с польск. *plókać*, укр. *полóкати* 'полоскать' (Вуга, II, 300). Это же мнение разделяет К.Мюленбах (ME, III, 195).

¹³ W. S c h m i d . Zur primären -u- Ableitung in einigen baltischen Gewässernamen. "Donum Balticum", Stockholm, 1970, стр. 475.

¹⁴ Вуга, II, 539. П. Скарджюс также "затруднялся связать ее с каким-либо глаголом" (P. S k a r d ž i u s. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Kaunas, 1943, стр. 322).

¹⁵ C. D. B u c k . A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949, стр. 20 (в дальнейшем - Buck). См. также входящие в одно генетическое гнездо др.-прус. *kirsna* 'черный' и др.-инд. *kardamas* 'ил, грязь' (В.М. Иллич-Свитич. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1970, стр. 337 (в дальнейшем - Иллич-Свитич), подтверждающие ту же модель.

2. Наименование болота по произрастающей на нем растительности (независимо от этимологии производящего дендрологического термина).

В этой семантической модели, чрезвычайно продуктивной как в балтийских, так и в славянских языках, внутренняя форма слова в подавляющем большинстве случаев незатемнена, а значение соответствующих лексем представляется пересечением двух семантических полей: "лес/общее название определенной породы деревьев" и "болото". Таковы лит. *áikšna* и лтш. *áikšna* 'место, поросшее ольхой' и 'болото; топкое место в лесу' (LKŽ, I, 104; ME, I, 67); лтш. *gārši* 'влажная болотистая земля' при *gārša* 'большой сухой лес, лиственный лес' (FrLEW, 153). Таковы же в западно- и восточнославянских языках названия болот, образованные от **borъ* 'сосна, сосновый лес' типа подгальского *bór* 'болотистый луг, мшарник', укр. бойковск. *bir* 'сосновый лес; болотистое заросшее место' (Куркина, 131).

Производящей основой целого ряда терминов является название растений, произрастающих на болоте: лит. *samanūnas*, *samanūnė*, *samanūcija* при *sāmana*, *sāmanos* 'мох', соответственно лтш. *sūniens*, *sūnājs* 'моховое болото, пространство, поросшее мохом' и как следующий этап семантического развития - *sūneklis*, *sūnekle* 'болотистый лес' от *sūna*, *sūnas* 'мох' (ср. славянские названия типа рус. *мох*, полесск. *мош* 'моховое болото' и многочисленных дериватов от корня **mъxъ*); лит. *švendrūnas* и другие варианты 'камышовое болото' при *švėndrė*, (*nėndrė*) 'камыш'; лит. *lēgerės* 'топкое болото', сопоставляемое с *lēgersa* '*cirsium oleraceum*'.

О продуктивности этой модели свидетельствует также регулярное взаимодействие семантических полей "лес" и "болото", манифестируемое большим количеством лексем, и взаимосвязанность семем "болото" и "лес", о чем см. ниже.

3. Наименование болота по признаку 'сырость, влажность'.

Общеславянскими по происхождению и распространению являются названия болот, образованные от корня **mok-*¹⁶.

Описываемая модель отмечена в применении к следующим балтийским лексемам: восточнолит. *makbėnė*, *makpūnė*, *makūtė*, лтш. *makpa*, генетически родственным описанным выше славянским терминам от основы **mok-* (FrLEW, 399); лит. *šlapūnė*, *šlapumà*, *šlāpė* - см. лит. *šlāpias*, лтш. *slapjš* 'мокрый, влажный'.

¹⁶ Разнообразные словообразовательные варианты и география их распространения указаны Н.И.Толстым (Толстой, СГТ, стр. 164-165), Л.В. Куркиной (Куркина, 137, 139-141) и В.М.Мокиенко (Мокиенко, Модели, стр. 74).

Однако, как показывает уже славянский материал, эта модель старше других, что проявляется в затемненности внутренней формы лексем и в соотносительности их с этой моделью посредством выхода за пределы балтийских языков в индоевропейские¹⁷. Так, если для лексемы *vāda*knis, сохранившей в жемайтских говорах (Kivr) значение 'болото' (LKŽK), можно указать балтийские связи (с *vandūb* 'вода', FrLEW, 1176, 516), а для *jāura* — с *jūra* 'море' и далее с и.-е. **ur*, **ur(i)*, **uar(i)* 'вода, жидкость' (FrLEW, 198, ME, II, 122), то принадлежность лтш. *vāda* 'ein einschliessender freier Platz in Walde' (Aīsaunga, Basi) к описываемой модели устанавливается (проблематично) сравнением этой лексемы со ср.-н.-нем. *wat* 'мелководное место' и др.-англ. *wed* 'вода, море' (ME, IV, 492 со ссылкой на Walde, I, 217).

Возможно, к этой же модели в конечном счете следует отнести и лит. *maiva* 'топкое место, болото' (Tv. Krkl. Kv. Varn), сопоставляемое, помимо индоевропейских соответствий, с лтш. *mitrs* 'влажный' (FrLEW, 398).

4. В качестве особой модели можно выделить способ наименования болота по признаку топкости и действие по глаголу 'погрузиться', 'провалиться' и т.п. Таковы лит. *klampà* 'топь' и *klampūnė* 'топкое место', ср. *klampūs*. 'вязкий, топкий' и *kliūpti* 'провалиться' и т.п. (сюда же относится локальный литовский неологизм *kliūbala* 'топь, трясина'); лтш. *staiga*, *staigājs*, *stāignejums*, *stāignis* и др., связанные с прилагательным *staigs* 'болотистый, вязкий' и с глаголом *stigt* 'вязнуть' (ME, III, 1038-1039); лит. *širdūnas* 'топкое место', вероятно, соотносится с глаголом *širdyti* 'оку-нать, погружать'.

О многочисленных славянских болотных терминах, связанных с глаголами **topiti*, **gręznęti*, см.: Куркина, 136; Мокиенко, Модели, 75. Эта семантическая модель в высшей степени свойственна и другим группам индоевропейских языков (Buck, 20-21).

5. Наименование болота по признаку зыбкости, неустойчивости. Эта модель лежит в основании широкого и многообразного круга

¹⁷ Связь понятий "болото" и "влажность, жидкость" установлена К.Баком на индоевропейском материале для германских языков, греческого и латини (Buck, 20-21). Обработка К.Баком только родовых названий географических реалий в разных группах индоевропейских языков приводит к двусмысленной интерпретации факта отсутствия модели в какой-либо группе языков и затрудняет понимание, имеем ли мы дело с универсальным или с локальным явлением.

словообразовательных и фонетических вариантов, связанных в конечном счете с глаголом *liulėti* 'колыхаться': лит. *liūgas*, лтш. *luga*, *ļuga*, лит. *liūgnas*, *liūlynas*, *liuliūklė*, *liūnijà*, *liunūnė*, *lūgas*, лтш., *ļūnis*, *ļūvenis*, в значении которых признак зыбкости, неустойчивости продолжает оставаться актуальным и многообразно выраженным. Звукоподражательный по происхождению глагол *liulėti* генетически связан с глаголом *lalėti* 'голосить, кричать, идти толпой с криком'¹⁸. Видимо, в изначальной связи понятий "колыхаться" и "копошиться" и тому подобных с общей идеей беспорядочного движения нужно видеть причину того семантического явления, что значение 'трясина, зыбун' часто объединяется в одной полисемантической лексеме со значением 'толпа, груда чего-нибудь, множество'. Оно наблюдается на примере таких лексем, как лит. *kirba* 'топь, трясина' (Slnt, On) и 'множество' (литер.) (LKŽ, V, 830), *kirna* 'мокрое, почти непроходимое, поросшее кустарником место' (сюда же жемайтское *kirnis* 'болото' — FrLEW, 256) и 'толпа, груда чего-нибудь' (LKŽ, V, 847) и в круге дериватов от ономастического *šurmėti* 'бормотать, ворчать' и т.п.: *šarmalas*, из почти двадцати значений которого отметим 'глубокая грязь' (Vvr), 'что-нибудь соборанное, смешанное в одном месте' (Jnš) (LKŽ, VII, 869); *šarmalūnė* 'вязкое болото' (Кр. Šauk. Ml. Alv) и 'шум, гвалт' и далее 'непорядок, смятение' (LKŽ, VII, 870), *šarmalūnas* 'большая грязь' (Brs. Pns. Užp) и 'кишащая куча, множество' (LKŽ, VII, 869).

Многочисленные и разнообразные славянские тельмографические образования от глаголов **tręsti*, **dręti*, вост.-слав. *зыбать* 'качать' также сохраняют ономастические свойства производящей основы или по крайней мере заложенную в ней экспрессивность¹⁹.

¹⁸ Существует предположение, что синестетические метафоры (осязательное восприятие ↔ слуховое восприятие ↔ зрительное восприятие) представляют собой древнюю и широко распространенную, а, возможно, и универсальную форму метафоры. См.: С. У л ь — м а н. Семантические универсалии. "Новое в лингвистике", V. М., 1970, стр. 279.

¹⁹ См. обозначения топких болот в русском языке: *трясина*, *тряселе*, *потрясение* и т.д., в бпр. *трасовина* 'зыбкое болото, поросшее мохом', *трасун*, укр. *трасовина* 'мокрая заболоченная низменность', *трисучка*, *трасавица* 'топь', польск. *trzęsawisko*, *trzęsawiszce* 'зыблущееся под ногами болото', чеш. *třasavisko*, *třasavka*, словацк. *trasovisko*, болг. *трасавице*, *тръсей*, *тръсидяк*, с.-х. *тресет*, *траскавица*; рус. (смол. и брянск.) *дрягва*, бпр. *дрегва*, *дрыгва*, укр. *драгно*; рус. *зыбун*, *зыбуха* и т.д. К этому же типу семантической мотивированности относятся рус.

Итак, все многообразие балтийских лексем с общим значением "болото" распределяется в соответствии с шестью мотивационными моделями. Признаки, лежащие в основу внутренней формы названий болота, можно свести к следующим пяти инвариантным: цветособозначение (белый, красно-коричневый, серый), влажность, топкость, зыбкость, наличие растительности.

Сопоставление балтийских мотивационных моделей со славянскими (и далее с индоевропейскими) говорит об их релевантности обеим языковым группам и, следовательно, о принадлежности этих языков по признаку номинации тельмографических терминов к одному типу. Особую типологическую значимость имеет то обстоятельство, что распределяемые по указанным моделям балтийские и славянские лексемы в подавляющем большинстве случаев не являются генетически родственными.

Семантические процессы в микрополе «болото».

Если отвлечься от собственно тельмографической терминологии и посмотреть на составляющие ее полисемантические лексемы с точки зрения индивидуальной семантической судьбы каждой из них, то станет очевидной взаимосвязанность отдельных лексических групп — названий разных географических реалий, и лексическое значение каждого слова предстанет как пересечение нескольких семантических пространств. Регулярный характер таких пересечений (наблюдаемых не в отдельных лексемах, а охватывающих целые группы их), проявляющийся в повторяемости последовательностей семантических звеньев, позволяет сделать некоторые заключения о закономерностях семантических процессов внутри географической терминологии. В табл. IV суммированы результаты такого взаимодействия семантических пространств и указана принадлежность многозначной лексемы к нескольким полям.

Далее будут рассмотрены некоторые семантические процессы, наблюдаемые на балтийском материале. Рассмотрение попарного взаимодействия семантических полей заключает в себе некоторое упрощение реально гораздо более сложного и многоступенчатого процесса. Однако таким образом приобретает возможность сопоставления балтийских языковых процессов со славянскими.

(арханг.) ходун; укр. двигнява; польск. диал. ruchawka; liga-vica (от ligać 'лягать'); чеш. houpačka (от чеш. houpati 'качать, колебать'); с.-х. биба (от бибати се 'колебаться, прогибаться' (Толстой, СГТ, стр. 176-179; Мокиенко, Модели, стр. 74-75; Nitsche, 89).

Заглавия колонок:

- I. болото
II. низинное место
III. лужа
IV. грязь
V. лес/кустарник
VI. пропасть, омут

- VII. озеро, пруд
VIII. родник, ручей
IX. растение
X. яма
XI. пыль, осадок

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
balā		+	+	+							
lankā		+			+				+		
lūgas			+	+		+	+				
tekme		+		+					+		
valkā		+	+				+	+			
āiksna		+	+		+						
dūlkē			+	+							
ЛТШ. dumbēris			+			+	+				+
klānas		+	+					+			
kūdra				+	+		+				
līeknas		+			+						
lōbas		+				+					
lomā		+	+				+				
piaunys		+			+			+		+	
ЛТШ. pūna		+	+	+							
rovā		+	+	+							
sodžiāka							+			+	
verdēnē						+		+			
versmē						+	+				
žīōgis				+			+				
atvangā						+				+	
ЛТШ. danga			+								
klanēštas		+	+							+	
klōnē		+	+								
ЛТШ. lānis		+	+		+						
lekmēnē			+			+					
līekna		+			+						
liūgas			+	+							
liūnas				+			+				
makōnē			+	+							
maĩmalas				+	+						
marmalīnē				+	+						

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
muīvē			+				+			
plovā	+									
pēlkē	+	+								
plýnia	+			+						
raīstas	+			+						
šlāmas			+							+
vādaksnis	+							+		
akivara					+					
ármenys					+					
bagnā			+							
balóksnis		+								
brūzgýnas				+						
burliūgā			+							
daubā	+									
лтш. dūksts		+								
лтш. dūksnajs		+								
лтш. gārša				+						
grīmlē										+
jāura	+									
kalūžā		+								
kiāurymē					+					
kīma				+						
klōnis	+									
latākas		+		+						
lēgerēs										
lénkē	+									
liūlfnas	+									
pašlāistē	+									
plýnē	+									
pīlvē			+							
prarajā					+					
puīvas			+							
raīstynē								+		
rūdýnē			+							
samaliāuka			+							
skardžīā					+					
slēnys	+									
лтш. slīksnājs							+			
smūklē								+		
šlapýnē			+							
tekmenē							+			
лтш. tīrelis	+									

1) Самым сильным, т.е. проявляющимся в наибольшем количестве лексем (в 30 случаях из 190), оказывается семантическое явление взаимосвязанности семем "болото" и "низколежащее место", детерминированное главным образом экстралингвистически, а именно, заболачиванием низинных местностей. Однако сходные модели номинации болот и терминов низинного рельефа для части из них предполагают исходный синкретизм этих семем.

Так, у лексемы *daubā*, имеющей преимущественно значения 'долина', 'впадина', 'низина' (DLKŽ, 118; LKŽ, II, 309), отмечены также значения 'местность, изобилующая ключами, родниками' (LDAK, Dr) и 'вязкое место, топь' (LDAK, Slč). Аналогичная семантическая картина наблюдается в лексеме *klōnis* с преимущественным значением 'низинное место, долина, луг', у которой, однако, также зафиксировано значение 'небольшое болото' (LDAK, Pbr, 293 пункт) и т.д. Семантически это явление настолько сильно, что распространяется и на заимствования. Так, литуанизм *пелка* (лит. *pēlkē*, лтш. *pelce* - только болотные термины) в блр. развил значение 'небольшая низина, долина' (Urbutis, 67); 'углубление круглой формы, часто с водой' (Яшкин, 140).

2) Также для большого количества лексем (23) отмечена неразрывность семем "болото" и "грязь", возможно, обусловленная их исходным синкретизмом, а также семем "болото" и "лужа" (в 24 словах), противопоставленных по признаку размера. Эти два ряда противопоставлений могут объединяться в единую цепь: "болото" ↔ "лужа" ↔ "грязь", что и проявляется в семантике таких, например, лексем, как лит. *liūgas*, лтш. *ļuga*, имеющей следующие значения: 1. 'небольшое болото' (LKŽ, VII, 602; Kv, Rdd. Šā. Sk. Jnšk. Rz. Rm. Lnkv. Pс. Ēr.); 2. 'загнивающее болото' (DLKŽ, 431); 3. 'трясина, топь' (LKŽ, VII, 602; Ser., 457); 4. 'колеблющаяся болотистая масса в заросших прудах' (ME, II, 510, Kaīdava); 5. 'вода, вытекающая из реки и остающаяся на лугу' (LKŽ, VII, 602; Būga, II, 255; Krk. Rdd); 6. 'лужа' (LKŽ, VII, 602; DLKŽ, 431); 7. 'грязь, тина, ил' (LKŽ, VII, 602; Urb. Dkš. Alk.); макбнē (лтш. макра) - 1. 'жидкая грязь' (LKŽ, VII, 781; Ds. Užp. Ob. Dgl); 2. 'лужа'; 3. 'болото' (FrLEW, 309; ME, II, 554) (Dst. Dgl. Švnc. Kuoknese) и многих других (см. табл. IV). Такой переход как самостоятельный семантический процесс неоднократно отмечался в славянских языках, как для слова **liža*, генетически соответствующего лит. *liūgas*, так и для большого количества инокоренных слов (Толстой, СГТ, 245; Мокиенко, 14; Куркина, 134).

3) Пересечение семантических полей «болото» и «озеро, пруд», наблюдаемое в 11 балтийских лексемах, следует рассматривать как фрагмент более общей семантической закономерности, отражающей ха-

рактрную черту древнего мышления, состоящую в синкретическом наименовании стоячих вод (болото — пруд — озеро — залив — море)²⁰. Этимологические основания позволяют включить сюда лит. *šārios, matės*, лтш. *šarė, šara*, др.-прус. *maru* 'залив', германские соответствия которых последовательно сохраняют значение 'болото'²¹.

Балтийские языки сохранили свидетельство исходного синкретизма понятий "море" и "болото": (западно)балтийское название моря — лит. *jūra, jūrės, jūros*, лтш. *jūra* этимологически родственно лит. *jūra* 'болотистая, трудно обрабатываемая земля' (Slnt. Sv), 'глинистая почва' (Lkm) и т.п. (Vūga, II, 273)²²; 'трясина, болото' (LKŽ, IV, 315; DLKŽ, 288)²³.

Для типологии этого явления на более древнем языковом уровне существенно указать синкретизм семем "болото" и "озеро" в уральских языках (Иллич-Свитыч, 22).

²⁰ Полный набор этих семем можно видеть в блр. *плёс*: 'широкое и спокойное место на реке без поворотов' — 'заросшее озеро' — 'болото' — 'небольшой залив на озере или реке' — 'тихая заводь' (Яшкин, 145-146). Типологически параллельны эстонские диалектные синонимы термина *meri* 'море': *vesi* 'вода', *loik* 'лужа', *jumala tiik* 'божий пруд', *suur väli* 'большое поле' (Б. Л а у м а н е, А. Н е п о к у п н ы й. Балто-славяно-финские языковые параллели из области мореплавания и рыболовства. "Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов". Рига, 1970, стр. 190).

²¹ *vūga*, II, стр. 266-276; Фасмер, II, 654. Неразличением и даже отождествлением моря и болота объясняются упоминания моря в русских заговорах, где с ним связываются болезни и смерть. См.: Вяч.Вс. И в а н о в, В.Н. Т о п о р о в. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 114. Интересно также словац. *morské oko* 'небольшое горное озеро' (см.: А.В. И с а ч е н к о. *Morské oko* — "небольшое горное озеро". "Езиковедски изследованиа в чест на акад. Ст.Младенов". София, 1957) и особенно закарпатское *морск'е око* 'трясина' (Толстой, СГТ, 209).

²² Эти значения сохраняются в белорусском балтизме, адаптированном в форме *ялавина* 'неурожайное поле, пар' (Яшкин, 209).

²³ О семантическом развитии в ином направлении говорит сопоставление этих балтийских лексем с генетически родственным им великорусским диалектным термином *юр*, обстоятельно исследованным Б.А.Лариным. См.: Б.А. Л а р и н. Об архаизме в семантической структуре слова (*юр — юр — буй*). "Из истории слов и словарей". Л., 1963, стр. 88.

4) «лес» → «болото». Пересечение этих семантических полей характеризует семантику 14 лексем из 190 балтийских болотных терминов. Это семантическое явление неоднократно привлекало к себе внимание исследователей индоевропейской лексики²⁴. Взаимосвязанность этих семем определяется главным образом экстралингвистическим фактом неразличения заболоченного леса и болота, поросшего лесом/кустарником. В зависимости от актуализации того или иного аспекта значения, лексема предстает то как болотный термин, то как слово со значением 'пространство, поросшее лесом/кустарником'. Именно здесь обнаруживаются связанные семемы, манифестируемые такими, например, словами, как лит. *raistas, lieka*, лтш. *lieka* и другие, в значении которых синкретически соединены семемы "лес" и "болото".

Также этимологические основания могут служить основой подобной взаимосвязанности и определять однонаправленность процесса: "лес" → "болото". Это касается лексем, образованных от дендрологических названий, таких, как лит. *alksna*, лтш. *alksna*, развитие значения которых прошло этапы от этимологически детерминированного 'место, поросшее ольхой' (LKŽ, I, 104; ME, I, 67 — Skd, 3mln, Als, Vdk. VŠR. Grg. Jaun-Gulbene) через 'болотистое место в лесу' (ME, I, 67) к 'болото, лужа' (ME, I, 67; LKŽ, I, 104; FLEW, 8 — Mžk) до 'долина, низина' (LKŽ, I, 104).

Если вслед за Е.Ф.Карским²⁵ считать *алёс*, *ольс* и т.п. формы балтизмами в славянских языках, то с точки зрения универсальности

²⁴ E. F r ä n k e l. Beiträge zur indogermanischen Semasiologie. "Revue des études indo-européennes", t.I, Bukarest, 1938, стр. 405-412; Vūga, II, 280 и след.; Толстой, СГТ (рассмотрение семантики лексем *болото*, *багно*, *олес*, *ляда* и др. в славянских языках). Интересный белорусский материал может быть извлечен из словаря И.Я.Яшкина: *балота* — 'болото' и 'лес; вековая пуща, глухое лесное место' (стр. 20), *дуброва* — 'дубовый лес; лиственный лес; смешанный лес; березняк; сосновый лес' и 'болото' (стр. 62); *пуща* — 'большой густой непроходимый лес' и 'непроходимое болото' (стр. 159); см. там же лексем *кружок* (стр. 97), *мяроча* (стр. 117), *немарач* (стр. 121), *нетра* (стр. 121). Ср. также смоленское и витебское болото 'лес'. См.: И.С. К о з ы р е в. Из истории некоторых областных слов. "Ученые записки Липецкого пед. ин-та", IV. Воронеж, 1965, стр. 112-113 и СРНГ, вып.3, стр.80.

²⁵ Е.Ф. К а р с к и й. Белорусы, т.1. Вильна, 1904, стр.127. — В списке В.Урбутиса, включающем более 120 литуанизмов в современном белорусском языке, этого слова нет. См.: V. U r b u t i s

описываемого явления типологическую значимость приобретает тот факт, что семантические процессы в усвоенном слове соответствуют процессам в исконном слове. Так, полесские наблюдения К. Мошинского, проверенные и подтвержденные Н.И. Толстым, позволяют заключить, что на севере Белоруссии слова *ałòs, ałòszczyk, alsie, olesie* имеют значение 'болото', а в южной Белоруссии они значат 'ольховый или лиственный лес на болоте'²⁶. Смолен. *алёс* 'мокрое место' (Толстой, СГТ, 160) и черниг. *ольо́х, альо́х* 'ольховый лес' и 'низина, поросшая травой и кустарником' (материалы Е.А. Черепановой) приводят семантическую цепь переходов в блр., укр. и рус. говорах в полное соответствие с набором семем, составляющих значение этого слова в балтийских языках (лит. *álksna*, лтш. *álksna*). Экстралингвистические факторы лишь отчасти объясняют описываемое явление. Оно спонтанно проявляется в словах с незатемненной внутренней формой типа псковск. *гарь* со значением 'лес' и 'болото' (Мокиенко, 110) или лит. *plūnia* (от *plūnas* 'гладкий, чистый, ровный'), среди многочисленных значений которого существенно отметить 'болото' (осложненное разнообразными дополнительными признаками) и 'болотистое пространство, поросшее небольшими деревьями' (ЛКЖК, VI). Не следует исключать также того факта, что переход "лес" → "болото" поддерживается древним мировоззренческим представлением, объединяющим лес и болото как места обитания демонических существ, наделенных отрицательными атрибутами²⁷. См. славянские заговорные формулы от "яго" (злого духа): Млад младенец, отстань, не красуйся, не утишайся в белом теле раба (имя), иди на м х и, на б о л о т а, на гнилые колоды (Дорогобужский у. Смоленской губ.); "...отнесите его в темные леса, в далекие края, за синие моря, на желтые песка" (Балашовский у. Саратовской губ.)²⁸ и от лихорадки: "Идзиця вы лучче на сы р б о р, сы р о е б о л о т о, корчавое пнявья непотребное"²⁹.

t i s . Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai. "Baltistica", V(1,2). Vilnius, 1969.

²⁶ К . М о с з у њ с к и . Polesie wschodnie. Lwów-Warszawa, 1928, стр. 6; Н.И. Толстой, СГТ, стр.159-160. Это подтверждается также материалами словаря И.Я. Яшкина (см. *алёс, альса* - стр. 12, *ольс* - стр. 123).

²⁷ Вяч.Вс. И в а н о в, В.Н. Т о п о р о в. Указ. соч., стр. 156, 173.

²⁸ Г. П о п о в. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903, стр. 232, 233.

²⁹ Е.Р. Р о м а н о в. Белорусский сборник. Вып. 5. Витебск, 1891, стр. 170.

(5) Взаимодействие семантических полей «болото» и «пропасть, бездна» (наблюдается в 11 балтийских лексемах; см. табл. IV) пытались объяснить как параллельное развитие двух ветвей первоначально синкретичного

'бездна' <— 'глубокое, бездонное озеро' 'лужа' 'болото'
<— 'глубокое озеро' 'пропасть, пучина'³⁰,

а также этимологическими причинами, указывая болотные термины, в основе которых лежат лексемы с первоначальным общим значением 'бездна, пропасть', восходящие к общеславянскому **lomъ* (др.-рус. *ломь* 'болото', псковск., тверск. *лом* 'то же' и т.д.), и -*rad-* 'впадина, углубление' (польск. *przepedlisko* 'болото', н.-луж. *rępadliśco* 'болотистая почва', кашуб. *rępadlësk*³⁰ 'пропасть', укр. *припадь* 'низинная местность', рус. сев. *западина* 'топкое вязкое место' (Куркина, 132).

Однако и в данном случае, может быть, в еще большей степени, чем при переходе "лес" → "болото", причину следует искать в древних воззрениях, в соответствии с которыми и болото, и пропасть являются местом обитания существ с негативными функциями³¹.

Описанный семантический переход осложняется и может быть продолжен за счет семантических связей лексем, обозначающих пропасть. Укажем здесь лишь два многоступенчатых перехода:

1) 'болото' ↔ 'пропасть' ↔ 'водоворот'. См. лит. *versmė* 'место, где из земли бьет родник; ключ; родник' (DLKŽ, 931); 'пропасть, глубина, бездна' (Als); 'болото' (LKŽK); 'водоворот'. Аналогичные семантические совмещения можно видеть, например, в значении блр. *каверт* 'глубокая яма с водой на лугу' - 'глубокое место в реке' - 'водоворот' - 'окно в болоте' - 'небольшая заболоченная низина' (Яшкин, 83);

2) 'болото' ↔ 'пропасть' ↔ 'водоворот' ↔ 'родник'. См. лит. *verdėnė* 'топкое место у родника' (Šlt. Pб) - 'бездна' - 'водоворот' (Pšl) - 'родник, ключ'. Связь крайних этапов второго перехода ('болото' - 'ручей, родник') можно видеть также на примере блр. *река, речка*, которое в некоторых говорах Полесья значит 'непроходимое болото, трясина' (Толстой, СГТ, 211).

³⁰ В.М. М о к и е н к о. Канд. дисс., глава "бездна, бездонница". Аналогична семантическая судьба псковских лексем *вир, виренье, окно, провал*.

³¹ В этом смысле чрезвычайно показателен случай, когда лексема, обозначающая 'адскую бездну', употребляется и в значении 'болото'. Таково черниг. *пекло* 'трясина' (материалы Е.А. Черепановой).

6. И, наконец, следует отметить еще один семантический процесс - наименование травы/сена по тому географическому объекту, где она/оно растет/скошено. По материалам LKŽK лексема *balà* может означать белый анемон, фиалку (*Ūi kiek ūia daug balū žūdi - Skdv*) и вообще траву; лтш. *laika* означает осоку (*Sasmauka - ME, II, 420*); лит. *raistinė* - 'žolė iš raisto kurią nelabai ēda galvijai' (*Vrn*) и т.д. Это явление характерно также для всего славянского мира (Толстой, СГТ, 247-248).

* * *

Описание тельмографической терминологии осталось бы неполным без рассмотрения взаимодействия географического термина с иными лексико-семантическими группами. И здесь в значении полисемантического слова обнаруживается регулярная устойчивая повторяемость одних и тех же семантических пространств. Наблюдено регулярное взаимодействие следующих семем:

1) 'болото' ↔ 'еда': 'каша': макōнē (*Ds. Gež*), *tūras*; 'похлебка': *buřgē* (*Pžrl. Alvt*), *burliūgā* (*Rod*), *mařmalas* (*Skr. Šk. Sb, Ds. Pns. Mšk*), *mařmalānē*; 'желе': лтш. *luga*; 'пиво', 'водка': *buřgē* (*Gdl*), лтш. *duļke*, *raistynē* (*Trgn. Brš*)

2) По сравнению со славянскими языками, в балтийских широко распространено сосуществование во многих лексемах семем "болото" и "множество": *balà* (*Šts*), *klānas* (*Upn. Skp*), лтш. *lēvenis*, *mařmalas* 'что-то собранное, смешанное, сбитое в одно место' (*Jnš*), *versmē*, *puřvas*. Это же явление наблюдается в идиомах: *kaip bālos* 'очень много': *Lietuvių ūia kaip bālos, cik kaip bēc nenōr*³²; *gyva bala* 'много' (*Šts*). В лексемах *kirba*, *kirna* понятие "множество" конкретизируется в значении 'толпа', в словах *klāmpūnē*, *raistynē* (*Lš*) 'беспорядок, путаница'.

Из кажущегося отсутствия материалов о распространении этого явления в славянских языках было бы преждевременным делать вывод об исключительно балтийском характере процесса взаимодействия микрополей «болото» и «множество».

Слав. лексемы **šuma* и **gaļ* содержат указание на значение 'нерасчлененное множество' и под. в одном из семантических звеньев, составляющих их значение: 'лес' - 'кустарник' - 'хворост' - 'остатки соломы, мякни (сор на гумне)' - 'шум, крик' (Толстой, СГТ, 54). Регистр семантических переходов в этих славянских лексемах можно рассматривать как фраг-

мент логически возможной в словах ономатопеического происхождения и в балтийских языках реально существующей более широкой цепи, состоящей из последовательности 'лес' - 'болото/грязь' - 'нерасчлененное множество чего-л. (ветки; ветошь; сучья; мусор и т.п.)' - 'шум'. См. значения лит. *mařmalas* (этимологически сопоставляемого с гл. *muřmėti* 'бормотать и под.'): 1. 'болотистый лесок' (*Šv. Vvr*); 2. 'жидкая грязь' (*Vvr*); 3. 'место стока нечистот' (*Kv. Grg. Šv*); 4. 'что-то собранное, сбитое в одну кучу' (*Jnš*); 'мокрая тряпка; ветошь'; 5. 'шум' (*Jrb*); 6. 'простая еда, похлебка' (*Skr. Šk. Sb. Ds. Pns. Mšk*); 7. различные пейоративные значения (*Lž. Ds. Krš*); 8. 'рот, лицо', 9. 'овод' и др.

Редуцированную цепь переходов (с опущенным звеном 'лес') можно видеть в лит. *plovà*: различные аспекты значения 'болото' и 'осколок, обломок' (*Ps. Kur.*).

Проясняется семантическая закономерность, по которой ассоциируются понятия "шуметь, кричать" и под. и "лес" (последнее сепаратным образом связано с "болото"). Она может использоваться как дополнительный аргумент при установлении этимологии слов этой группы (см., в частности, утверждение Н.И.Толстого о связи **gaļ* с **gaļiti* 'кричать, шуметь' - СГТ, 54. Ср. возведение М.Фасмером *гай* 'роща' и *гай* 'шум' к разным этимонам (Фасмер, I, 382-383).

3) Взаимодействие тельмографического и метеорологического термина отмечено для лексем *šlapumà* 'влажное, сырое место' и 'влажная дождливая погода' (*DLKZ, 814*); *versmē* (лтш. *versme*) - разнообразные "географические" значения, а также 'сквозняк, небольшой ветер' (*žg*); 'сильный горячий поток воздуха из печи' (*ME, IV, 514*) и т.д. Ср. также блр. литуанизм *вядругі* 'грязные места на дороге' (Слоним, р-н) при лит. *vidrà*, *vidras* 'шторм, буря с дождем или снегом'³³.

4) Несмотря на немногочисленность примеров, целесообразно отметить здесь сосуществование тельмографического термина и термина части тела, составляющих значение одного слова: лит. *pilvė* 'непроходимое илистое место' и 'живот', лит. *dušblas* 'осевший ил, мокрая взболтанная грязь' (*Dkš. Lkš. Vrb. Šk. Gs. Skr.*) и 'первый желудок у жвачных животных' (литерат.). Слабая, редко проявляющаяся связь географического термина и термина части тела, предполагающая промежуточные этапы семантического развития, все же должна быть признана закономерной, коль скоро захватывает и неис-

32. J. L i p s k i e n ė. Grazeologizmai. "Dieveniškės". Vilnius, 1968, стр. 202.

33 Г.У. А р а ш о н к а в а и др. Да характарыстыкі лексікі паўднёва-заходніх беларускіх гаворак. "Весці АН БССР". Серыя грамадскіх навук, № 1, 1972, стр. 79.

конные слова, как это наблюдается у балтизма пелька³⁴, который в славянском языковом мире (в языке старообрядцев-переселенцев на территории Латвии) получили значение 'передняя часть мужской рубашки, где находятся пуговицы и петли'³⁵, что на следующем этапе семантической эволюции приводит к появлению семемы 'грудь; груди'.

Из славянских типологических параллелей укажем здесь интересные черниговские словосочетания бабини живота, баб'ї животи для обозначения различных видов болот (Черепанова, стр. 11).

Возможно, этим, отраженным в языковых данных, представлениям можно поставить в соответствие средневековое осмысление брѣха плавающих чудовищ хаоса (гесп. болота, моря), поглощающих человека или корабль, как преисподней³⁶ (в представлениях восточнобалтийских и белорусского народов глубины болота сообщаются с подземным миром и далее с адом). Кроме того, рассматриваемое взаимодействие может заключать в себе такое отношение концептов, при котором и "болото", и "живот" оказываются замещающими друг друга негативными элементами в противопоставлении верхних и нижних (внутренних) вод, живой и мертвой воды и т.п.

5) Тельмографические термины, особенно ономастического происхождения, легко принимают разнообразные пейоративные значения: *šaiwa* 'беспокойный человек' (DLKŽ, 438); *mařmalas* 'быстро и неразборчиво говорящий человек' (Krs); 'болтун' (Mžk. Krkp. Kp. Zr. Lg. Ll. Užv); *raistās* 'озорник, повеса, сорванец' (Vgr); 'взъерошенный, со спутанными волосами ребенок' (LKŽK); *šlamas* 'непряжа' (Šv); 'бродяга' (LKŽK) и т.д.

6) Балтийские языки содержат обильный материал связи названия болота как места обитания мифологических существ низшего порядка с названиями самих этих существ: *kad tavē balā* (Ukm); *balā juōs žīno*; *ar balā tavē grauže*; *suk tavē balā* (LKŽK); *kad tavē līekna* (Vuga, I, 311); *a pelkē tavo* (Šts); *griebk jā plūnē* (LKŽK); *kad tavē plūnē*; *plūnē jā žīno* (Bgt); *kad tavē miōla suēstī*.

Набор славянских табуистических названий черта по месту его обитания (блр. болотник, вировник, оржавиник, укр. нетеча) см. Толстой, СГТ, 143. Там же предложена новая этимология великорус-

³⁴ Н.И. Толстой. Об одном балтизме в восточнославянских диалектах - пелька. "Этимология. 1967". М., 1969.

³⁵ В.Н. Немченко, А.И. Синица, Т.Ф. Мурникова. Материалы для словаря старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

³⁶ A. J o h a n s o n s . Der Wassergeist und der Sumpfgeist. Stockholm, 1968, стр. 97.

ского демонологического термина дядь, включающая его в данную модель (стр. 142-143)³⁷.

Типологическую схожесть не только функций, но и названий духов мест у разных народов отмечает Вяч.Вс.Иванов, сопоставляя для примера лат. *Silvanus* и восточнославянское лесовик³⁸.

Привлечение текстов более высокого ранга (топонимические и т.п. предания, мифологические тексты и т.п.) позволяет понять неслучайный характер пересечения тельмографического термина и названия демонического существа. В этих текстах дьявол предстает не только как владыка и обитатель болота (см. латышское предание "...черт испугался, что пересохнут все болота, и ни ему, ни его потомкам не будет пристанища, потому что жилье черта всегда в болоте" - Крустпилс)³⁹, но и как креатор болота (и шире - хаоса)⁴⁰ и противопоставляется Богу, создавшему земную твердь (см. например, многочисленные соответствующие литовские предания, редуцированный вариант которых, переосмысленный в связи с христианскими представлениями, приводится ниже: *Ponas Dievas Liuciui liepē iš vandenų prisikabinus išnešt pilnas saujas žemių, o jis ir dantis prisikabinęs. Ponas Dievas kur pabarstė, atsirado sausuma, ir ėmė augt ir žaliuot visikios želmenys. O Liucius kur nuspjovė, rados bedugnės, pelkės (Trumpaičių k. Gruzdžių v.)*⁴¹ 'Господь бог приказал

³⁷ См. также более позднюю специальную работу: Н.И. Толстой. Из заметок по славянской демонологии. I. Откуда дьяволы разные? "Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1(5)". Тарту, 1974; см. также такие реестры славянских демонических существ, как: К.Я. Никитинский. Нечистоты. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Вильна, 1907; В. С у с х т а . Kaszubskie nazwy diabla. "Język polski", XXXVII, 1.

³⁸ Вяч.Вс. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. "Труды по знаковым системам", IV. Тарту, 1969, стр. 74.

³⁹ "Латышские народные предания". Избранное. Сост. А. Анцелане. Изд. АН Латв.ССР. Рига, 1962, стр. 26.

⁴⁰ Связь представлений о болоте и хаосе двусторонняя: с одной стороны, хаос, первоматерия, из которой был создан мир, представлялись как бесформенная текучая или илистая масса, а с другой, эсхатологические представления, содержащиеся, в частности, в литовском предании о *velnenka* - владычице одного из болот, предполагают погружение мира в ближайшее время в болото. См.: A. J o h a n s o n s . Der Wassergeist..., стр. 85, 97.

⁴¹ "Lietuvių liaudies sakmės". Parengė J. Balys. Kaunas, 1940, стр. 7.

Люциферу принести из воды полную горсть земли, а он и зубами прихватил. Где Господь бог посыпал, там возникла суша и стали расти и зеленеть различные побеги. Куда же Люцифер плонул, там оказались пропасты и болота'.

Аналогичные представления отражены в латышском предании, записанном в Даугавпилсском уезде: "...Бог начал сеять землю, приготавливая: "Пусть земля растет и ширится, пусть на ней вырастает трава." Так появились горы и долины. Во рту у черта земля тоже начала шириться. Черт не вытерпел, выплюнул ее. Так образовались болота... Черту принадлежат болота - значит, треть всего мира"⁴².

В народном представлении болото вообще наделяется универсальными негативными функциями. Ср. для примера латышское толкование сна: *ja sapņi ra d u b ļ i e m brien, tad būs nelaba dzīve*⁴³. Видимо, "негативность" болота - такое сильное его свойство, что определяет "прямую" интерпретацию сна: отрицательное - отрицательное, в отличие от более обычного толкования *vice versum*.

* * *

Итак, рассмотрение групп многозначных лексем, относящихся к нескольким регистрам, приводит к выделению двух родов явлений: в таких переходах, как 'болото' ↔ 'лужа' ↔ 'грязь' и т.п. можно видеть сугубо языковой процесс нейтрализации противопоставления по признаку величины/интенсивности.

Однако в других случаях при анализе семантического поля выявляется система концептов, не являющаяся специфической только для данного поля, а соответствующая системе смыслов, известных из анализа текстов более высокого уровня.

⁴² "Латышские народные предания", стр.36.

⁴³ "Latviešu tautas ticējumi". Sakrājis un sakārtojis prof. P.Smits. I, III. Rīga, 1940.

Б. Л а у м а н е

ЛАТВИШКО-РУССКО-БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ
КОНТАКТЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА
ЛАТВИШКОГО ЯЗЫКА

Лексический материал Диалектологического атласа латышского языка¹ не только представляет много ценного по разным вопросам латышской диалектологии, истории латышского языка или шире - балтистики вообще, но и дает немало интересных фактов для изучения русских старожильческих говоров Прибалтики, а также для белорусской диалектологии, особенно в плане языковых контактов. Данная статья посвящается обзору этих контактов. В первой ее части рассматриваются лексические и семантические заимствования из русского, белорусского и польского языков в латышских говорах, во второй части география некоторых белорусских балтизмов сопоставляется с распространением соответствующих лексем в латышских говорах.

I

Географическое распространение заимствований из славянских языков на территории Латвии² выявляет неоднородность размещения заимствований: с одной стороны, выделяется сплошная территория восточной части Латвии, на которой локализована большая часть зарегистрированных заимствований, с другой стороны, - небольшие группы говоров или единичные говоры на остальной территории Латвии.

Естественно поставить вопрос, каково происхождение тех и других заимствований, а также какова относительная хронология заимствований. Очевидно, заимствования, зарегистрированные в восточной части Латвии, которая всегда имела территориальные границы с Россией, объяснимы главным образом непосредственными контактами между латышами, русскими и белорусами. Эти контакты, которые до

¹ Лексический материал Диалектологического атласа латышского языка (далее сокращенно - ДАЛЯ) весьма разнообразен (раздел лексики программы собирания материалов для атласа содержит 299 вопросов, охватывающих мир флоры и фауны, а также понятия, касающиеся непосредственно человека и материальной культуры). См.: "Latviešu valodas dialektoloģijas atlanta materiāli vākšanas programma" (IV. Leksika, стр.371-670). Rīga, 1954.

² Материалы ДАЛЯ пока еще не собраны во всех намеченных пунктах обследования; однако, поскольку сетка атласа весьма густа, отсутствие данных по некоторым отдельным говорам не меняет интерпретации имеющегося материала по существу.

XVI в. условно можно отнести к пограничным контактам (до этого времени на территории Латвии не засвидетельствовано больших массивов славянского населения³), значительно усилились после присоединения части территории Латвии к Польше (1561 г.), а потом Латгалии к России (1772 г.). С этих пор славянское влияние могло осуществляться уже не только через представителей власти и духовенства, но и при общении с простым крестьянством. В конце XVI в. в восточной Латвии появляются поселения⁴, которые по времени их возникновения и некоторым языковым чертам можно разделить на три группы: к первой относятся поселения на территории южной и юго-восточной Латгалии; вторую группу образуют поселения старообрядцев – переселенцев из псковских, новгородских и тверских земель (XVIII в.) в центральной части Латгалии; и, наконец, к третьей группе следует отнести переселенцев из соседних псковских земель (вторая половина XIX в.) в северо-восточной Латвии⁵.

Польское население встречается в пунктах Аглона, Виляны, Дагда, Краслава, Малта и др. Появление предков нынешних носителей польской речи в одном из западных говоров Латгалии – Варакианы – относится к концу XVIII в.⁶ Таким образом, славянские поселения расположены по всей Латгалии (см. карту 1)⁷.

³ На это указывают "длинные курганы" кривичей, которые отмечены главным образом за пределами Латвии, хотя и близко у ее северо- и юго-восточной границы и по верхнему течению Западной Двины; распространение "длинных курганов" на северо-западе совпадает также с границами Русской земли, определяемыми по списку русских городов конца XIV в., см.: П.Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. "Исследования по славянскому языкознанию". М., 1961, стр. 311-312.

⁴ Немногочисленное русское население – последователи сект так называемых стригольников и жидовствующих из псковско-новгородских земель – в Латгалии поселилось уже в конце XV в., см.: А.А.Заварина. Семья и семейный быт русского старожильческого населения Латгалии во 2-й половине XIX и начале XX веков. Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр.2.

⁵ М.Ф. Семенов а. Русские говоры Латвийской ССР. "LPSR ZA Valodas un literatūras institūta raksti", VIII. Rīga, 1964, стр.295.

⁶ Ю.М. Паршута. Морфологическая система имен в польской речи жителей д.Дарвиниеки Мадонского района Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Минск, 1970, стр.5.

⁷ Карта польских и русских старожильческих говоров Латвии составлена на основе публикаций М.Ф.Семенов а (см.: М.Ф. Семенов а

Несомненно, часть заимствованной лексики в говоры Латгалии проникла при общении латышей с переселенцами – русскими, белорусами, поляками. Больше всего заимствований зарегистрировано в пунктах Резекне и Лудза, где в отдельных говорах, по материалам ДАЛЯ, в ответах на 299 лексических вопросов констатировано 50–65 заимствованных слов (см. карту 1). Из общего числа отмеченных заимствований – приблизительно 200 слов⁸ (в это число не включены фонетические и морфологические варианты) – около 90% зарегистрировано в Латгалии. Безусловно, этому явлению содействовала плотность славянского населения в этих местах: в конце XIX в. в Даугавпилском, Резекненском и Лудзенском уездах отмечено около 30% славянского населения⁹, а по всей Латгалии славянское население в 30-е годы XX в. составляет около 37%¹⁰.

Таким образом, тесное соприкосновение латышей с русскими, белорусами и поляками привело к проникновению в местные латышские говоры лексики разной тематики и происхождения¹¹.

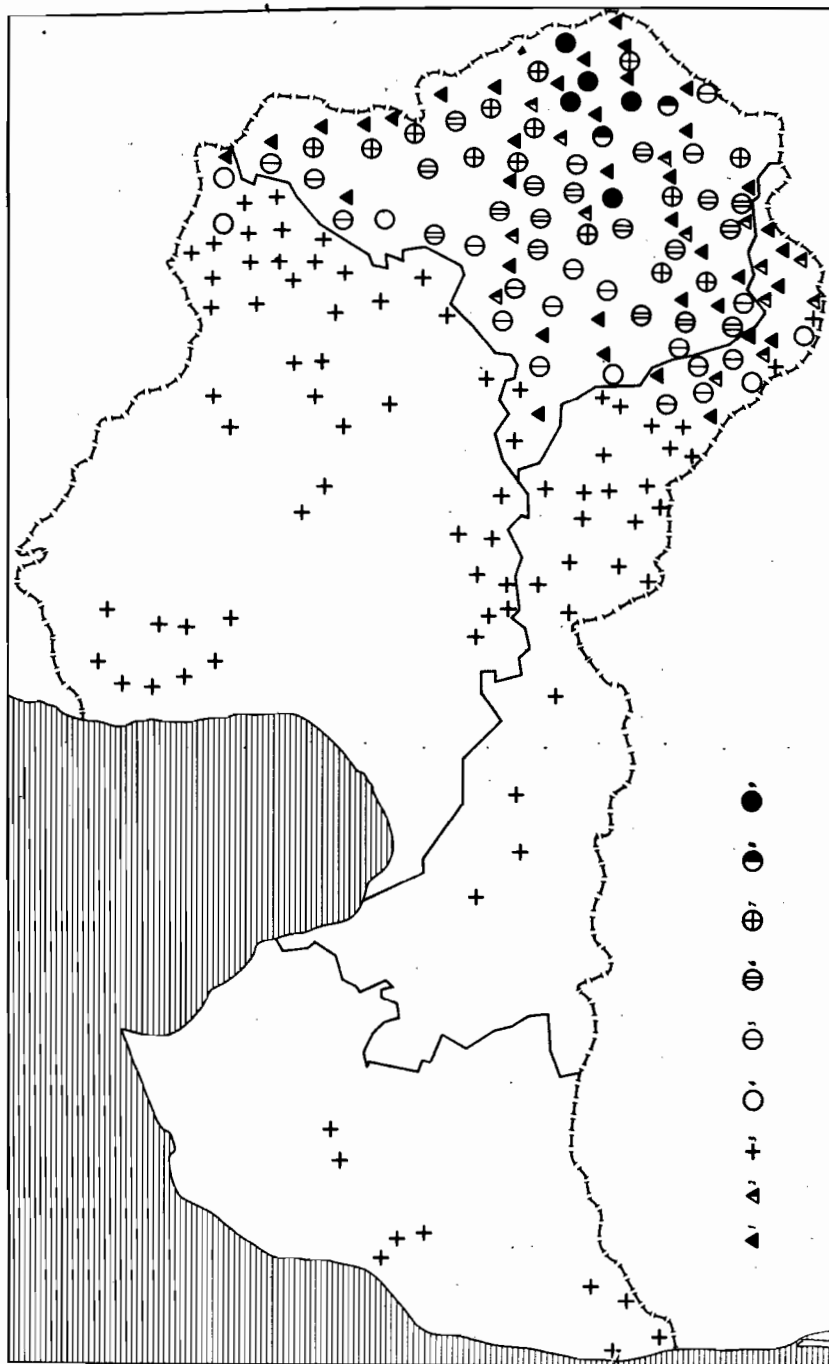
н о в а. По поводу двух фонетических явлений русских и латышских говоров Латгалии. "Rakstu krājums Veltījums akadēmiskim ptof. dr. Jānim Endzelīnam", Rīga, 1959, стр.596) и диалектологических материалов кафедры русского языка Гос. университета Латв.ССР (Ю.М.Паршута).

⁸ Перечень заимствованных слов с подробным указанием места распространения см. в статье автора: Б.Лаумане. Лексический материал Диалектологического атласа латышского языка, отражающий латышско-русско-белорусско-польские контакты. "Контакты латышского языка". Рига, 1973.

⁹ В 1897 г. в Даугавпилском уезде (и самом городе) проживало 15,27% русских, 13,80% белорусов, 9,14% поляков; в Резекненском уезде – 23,91% русских, 5,44% белорусов, 4,78% поляков; в Лудзенском – 7,15% русских, 20,53% белорусов, 2,18% поляков; см.: "Первая всеобщая перепись населения Российской империи", I, 1897; "Витебская губерния", 3, 1903, стр.10.

¹⁰ В 1930 г. в Латгалии проживало 27,4% русских, 4,1% белорусов, 5,5% поляков (ср. в Земгале – 4,8% русских, 2,1% белорусов, 2,7% поляков; в Курземе – 1,1% русских, 0,4% белорусов, 1,2% поляков; в Видземе – 1,6% русских, 0,4% белорусов, 0,5% поляков), см.: "Latviešu konversācijas vārdnīca", X. Rīga, 1933-1934, 20440.

¹¹ В данной статье мы не будем рассматривать адаптацию славизмов в латышском языке; см. посвященную этим вопросам статью Я.Эндзелина "Латышские заимствования из славянских языков" в кн.: J. Endzelīns. Darbu izlase, I. Rīga, 1971, стр.80-112.

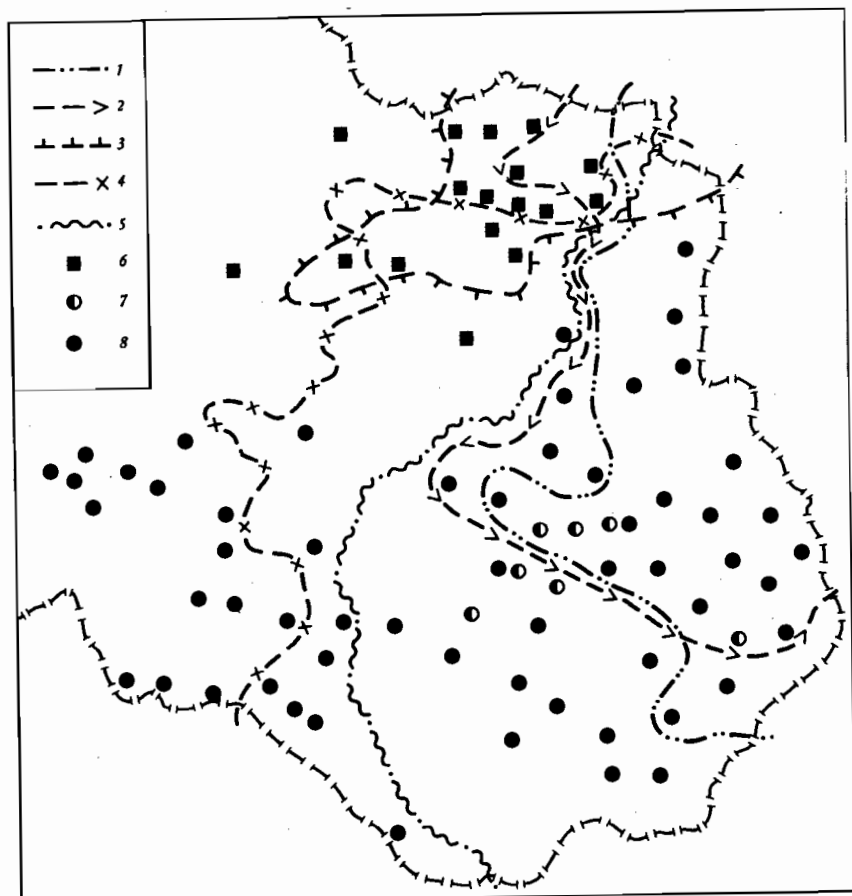
Названия, связанные со строительством и постройками, напр.: *čardaks*² 'чердак' – широко распространено в центральных говорах Латгалии (из русск. чердак, блр. чардак); *klevs*² (в Верхнелтш. говорах *klāvs*², *ā < ē*) 'хлев, конюшня' – распространено по всей Латгалии (из русск. хлѣвь МЕ, II, 225); *kuzra*, *kuzne* 'кузница' – в центральных и южных говорах Латгалии (из русск. диал., блр. кузня, польск. kuźnia); *siņubis*, *siņubs*, 'сруб колодца' – широко распространено на юго-востоке Латвии (из др.-русск. сѣрубъ МЕ, III, 848); *sukrums*, *sikrums* 'то же' – на севере Латгалии (из русск. сукром ЕН, II 601); *ceglis*, *ceglis* 'кирпич' – в центральных говорах Латгалии (из польск. cegła, блр. цэгла).

Названия, связанные с сельской жизнью, названия орудий труда и их деталей, предметов быта, напр.: *duga* 'часть упряжи' – в говорах восточного пограничья (из русск., блр. дуга); *komats*, *komots*, *komuts* 'хомут' – в северо-восточных и восточных говорах Латвии (из русск. хомут, блр. хамут); *pluga* 'плуг' – в ряде говоров Латгалии (из русск. диал. плуга); *guniņa* 'бабка (укладка снопов)' – в северо-восточных говорах Видземе (возможно, из русск. руно 'Haufe' МЕ, III, 562); *butelka* 'бутылка' – в южных говорах Латгалии (из польск. butelka, блр. бутелька); *kvašne*, *kvašra*² 'квашня' – в северных говорах Латгалии (из русск. квашня); *romelņiks*², *romelņiks*² 'помело' – в северо-восточных говорах Латгалии (из русск. помельник); *ručņiks*² 'полотенце' – широко распространено в Латгалии (из русск. диал. ручник, блр. ручнік); *trinoška* 'треножник' – в южных говорах Латгалии (из блр. трыножка); *viedris*², *viedrs*² 'ведро' в говорах восточного пограничья (из русск. ведро); *talērka*², *talērka*² 'талерка' – в южных говорах Латгалии (из блр. талерка); *tarēlka*² 'то же' – Берзгале, Бриги, Нирза (из русск. тарелка); *lūoška*² 'ложка' на севере Латгалии (из русск. ложка).

Займствованиа из славянских языков бытуют также и в текстильной терминологии (см. карту 2): напр., *birds*² 'бердо' в восточной Латгалии (возможно, из русск. бердо,

Карта 1. Русские и польские говоры Латвии и статистические подсчеты займствований из славянских языков по материалам ДАЛЯ (299 вопросов по лексике)

1 – русские старожильческие говоры Латвии; 2 – польские говоры; 3 – займствовано 1–5 слов; 4 – займствовано 6–10 слов; 5 – займствовано 11–20 слов; 6 – 21–30 слов; 7 – 31–40 слов; 8 – 41–50 слов; 9 – более 50 слов

Карта 2. Распространение некоторых текстильных терминов

1 - *birds* 'бердо'; 2 - *colonka, colanka* 'челнок'; 3 - *prēst* 'прясть'; 4 - *sprēst* 'то же'; 5 - *vērpt* 'то же'; 6 - *prēsliċa* 'пряслице'; 7 - *stāli* 'ткацкий станок'; 8 - *stāvi* 'то же'

блр. *берда*¹²; *colonka, colanka* 'челнок' в северной части Латгалии (из русск. цокающих говоров¹³, ср. русск. диал. *чолонка*);

¹² Распространение лтш. диал. *birds*² 'бердо' на восточном пограничье Латвии наводит на мысль о заимствовании из русского или белорусского языков, ср. предположение А.Брейдака об исконной родственности лтш. диал. *birds* 'бердо' с соответствующими

*prēsliċa*² 'пряслице' распространено на территории северо-восточной Видземе, наряду с *prēst*² 'прясть' (ср. *sprēsliċa* 'пряслице', которое употребляется во всей восточной части Латвии, а также в говорах Земгале, т.е. шире, чем изоглосса *sprēst* 'прясть'; на остальной территории - *vērpt* 'то же') - из русск. *пряслице*, *прясть* МЭ, III 390; *stāvi* 'ткацкий станок' распространено по всей Латгалии (в ряде говоров встречается фонетический вариант *stāli*²), а кроме того, употребляется также и в других юго-восточных говорах Латвии (наряду с лит. диал. *stāvai* из блр. *ставы* МЭ, III, 1054, LEW 915; однако источником мог быть также и русский¹⁴, ср. русск. диал. *став* 'ткацкий станок' (пск., нвг. Даль IV, 311), широко распространенное также в русских говорах на территории Латвии, Литвы, Эстонии, см. М. сл. Приб., стр. 311).

Названия пицци, напр.: *mašlānka*² 'пахта' Балтинава, Пилда, *mašlēnka*² Двиете, Краслава, Резна и др. (из русск., блр. *маслянка*); *malazēns*² 'молозиво' Берзгале, Макашены, Наутрени, *molozējs* Пилда, Цибла (из русск. диал. *молозев*, блр. диал. *малозево*); *pāncaks*² 'перловая крупа' Берзгале, Кауната, Сакстагалс, *pāncāks*² Пилда (из блр. *панцак*); *studēnis, studinis, studzenis, studzine* 'холодец' широко распространено в восточной части Латвии (из русск. *студень* МЭ, III, 1100, блр. *студзень*); *tāragš*², *tvārags*² 'творог' широко встречается в северо-восточных говорах Латвии (из русск. *творог* МЭ, IV, 289), *tvorogs* 'то же' Малта, Пилда, Резна, Эзерниеки (из русск. *творог*).

славянскими формами (см.: А. Брейдак. Диалектная лексика латгальских говоров верхнелатышского диалекта и ее исторические связи. Автореф. канд. дисс. Рига, 1969, стр. 5). Однако в ряде говоров Земгале также известно *biċde*², *biċdi*² 'ткацкий станок' ЕН, I, 220; МЭ, I, 297 (отмечено уже в XVIII в.: в словаре К.Элверса, 1748 г., Г.Стендера, 1789 г.), возможно, исконно родственное русск. *бердо*, болг. *бърдо*, словц. *brdo* и т.д. (МЭ, I, 297, ЭСРЯ, I, 152); но высказано также предположение о заимствовании из славянских языков: "Отношение праслав. **brdo* к лтш. *birde* 'ткацкий станок' недостаточно ясно, но кажется, что латышское слово, уже в литовском не имеющее родственных соответствий, заимствовано из соседних славянских языков по примеру некоторых других латышских текстильных терминов славянского происхождения" (см.: О.Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 131).

¹³ М.Ф. Семеновна. По поводу двух фонетических явлений..., стр. 600.

¹⁴ О.Н. Трубачев. Указ., соч., стр. 124.

Названия плодовых деревьев, ягод и других растений, напр.: *gruška* 'груша' в южных и центральных говорах Латгалии (из польск. *gruska*), *gruša* 'то же' в восточных говорах Латгалии (из русск. груша); *vīšpa*², *vīšne*² 'вишня' широко представлено в говорах Латгалии, *vīšpa* 'то же' Демене, Кауната, Малта, Нирза, Резна, Рубени (из русск. вишня, блр. вишня, польск. *wisznia*); *agresti*, *agristas* 'крыжовник' весьма широко известно в говорах Латгалии (из польск. *agrest*, блр. агрэст); *pjanicas*, *pjaņas* 'голубика' в центральных говорах Латгалии (из русск. диал. пьяница, блр. пьяница 'то же'); *besi*, *bezi*, *bezeņi*, *beseņi* 'сирень' в южных и центральных говорах Латгалии (из польск. *bes*, *bez*, блр. бэс); *casnāgs*², *casnaks* 'чеснок' широко распространено в восточных говорах Латвии, не только Латгалии (вероятно, из русских и белорусских говоров, ср. русск. чеснок, блр. часнок, польск. *czosnek*); *būļba*², *būļbe*², *būļbis*² 'картофель' в восточных говорах Латгалии (из русск. диал., блр. бульба); *būļva*², *būļve*², *būļvis*² 'то же' в южных говорах Латгалии (из польск. *bulwa* ME, I, 349), *gūļba*², *gūļbe*², *gūļbis*² 'то же' в центральных говорах Латгалии (из блр., русск. диал. гульба); *kļevera*, *kļevers* 'клевер' в говорах восточного пограничья (из русск. клевер).

В центральных говорах Латгалии употребляются русские заимствования, связанные с административным делением, напр. *goroda*, *gorods* 'город', *derevne*, *dzeravņa* 'деревня'.

Не перечисляя все лексико-тематические группы, укажем только на заимствование слов также экспрессивно-оценочного характера, напр. *gūļtajs*² 'лентий' Пилда (из блр., русск. диал. гульгай), *levša*, *lēuša*² 'левша' в южных и центральных говорах Латгалии, *ļauša*² Эзерниеки, *ļaušaks*² Курцумс, *ļeušuks*² Малта (из русск. левша, блр. ляуша); *šūlga*² 'то же' Лиепна, *šūlga*² Виляка, Тилжа (из блр. шульга).

Во многих случаях эти заимствования вытеснили в говорах соответствующие собственно латышские слова или употребляются наряду с ними как полноценные эквиваленты, напр.: *derāune*² - *salaciems* 'село' Айзкалне; *colōnka*² - *šaudīkle* 'челнок' Дрицены; *kļevera* - *dābūlis*² 'клевер' Звиргздене, Пилда; *korna* - *gabana* 'копна (сена)' Гайгалава, Галены, Педедзе; *kuzpa* - *kalve* 'кузница' Андрупене; *mēļnīca*² - *dzirnavas* 'мельница' Балтинава, Виляка; *skladzīks* - *pieliekamāis* 'кладовая' Силяяни; *siruobi* - *gruodi* 'сруб (колодца)' Лубана, Мейраны, Элксни; *mōļs*² - *kuode* 'моль' Аглона, Берзгале, Озолайне, Резна; *raņomba* - *līdums* 'подсека' Калупе; *peškas* - *smilkts* 'песок' Варкава, Скайста; *snops* - *kūlis* 'сноп' Лиепна, *studinis* - *saltā gaļa* 'холодец' Дагда, Ливаны.

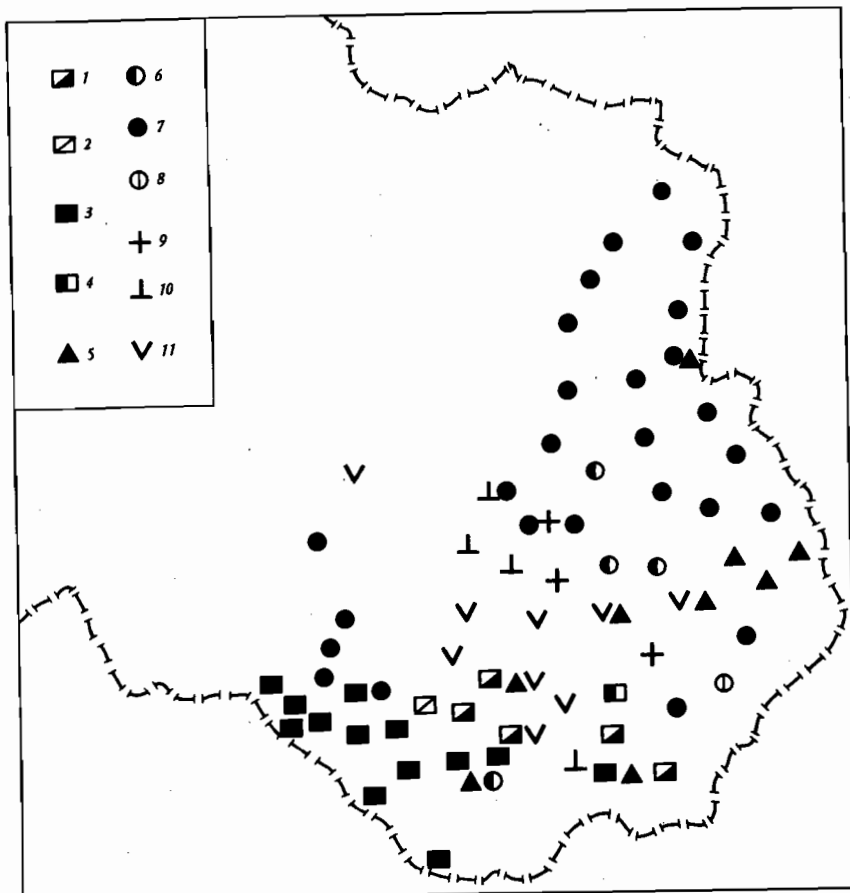
В настоящее время под влиянием литературного языка часть заимствованной лексики постепенно вытесняется. Например, о том, что слово *gorods* не является заимствованием новейшего времени, а заимствовано либо в XIX в. либо в начале XX в., свидетельствуют пояснения информантов и собирателей материалов: "слово употребляется представителями старшего поколения" (Макашны), "употреблялось раньше" (Вишки), а слово *pilsēta* пришло из литературного языка - "употребляется младшим поколением" (Варкава, Берзгале, Малта, Ружина, Виксна).

Кроме лексических заимствований, о тесных контактах латышского языка с русским, белорусским и польским свидетельствуют также семантические кальки. Нет сомнения, что употребляемое в восточных говорах Латгалии - Бриги, Нирза, Пилда, Истра - название легких *vīglīnes*² образовано от слова *viegls* 'легкий' аналогично русскому слову.

Тесные контакты одновременно нескольких языков представлены и следующим примером: в восточной части Латвии для обозначения голубики в латышских, белорусских, литовских, русских говорах распространены названия разного происхождения, но с одинаковой мотивацией внутренней формы, ср. лтш. диал. *rēibenes*², *rēibines*² в основном в северной части Латгалии - лтш. *reibt* 'пьянеть'; лтш. диал. заимствованное *pjanicas*, *pjaņas* в центральных и южных говорах Латгалии (ср. русск. диал. пьяница 'голубика' Лат., Лит. М. сл. Приб. 269, блр. пьяница) и лтш. диал. *ģirtenes*, *ģirtines*, *ģirtuokles* и другие варианты на литовском пограничье и в южных говорах Латгалии (ср. лит. *girtuoklė* 'голубика', *girtauti* 'пьянствовать', *girtas* 'пьяный, хмельной').

В месте соприкосновения трех основных лексем *ģirtenes* (*ģirtines*), *pjanicas*, *rēibenes*² на территории Латгалии отмечен еще целый ряд других названий голубики: *ganaboles*, *ganabules*, *gailenes*, *gailines*, *rēibenes*², *raibines*², *rēibenes*² 15, *šļabines* (см. карту 3). О совершенно независимой семантической параллели в образовании названия голубики *reibenes* (*reibines*) мы вправе были бы говорить только в случае, если бы ареал распространения данного

15 Спорадически встречаемое название *reibenes*² (Эзерниеки), вероятно, образовано от слова *reibt*, *reibties* 'чувствовать отвращение', а лтш. *rāibenes*² (Мемеле), *rāibines*² (Дрицены, Науене, Озолайне, Резна), которое формально можно отнести к слову *raibs* 'рябой, пестрый', возможно, все же является фонетическим преобразованием названия *rēibines*², ибо в говорах Дрицены, Озолайне; Резна дифтонг *ei* > *ēi* (широкий), а во многих других верхнелатышских говорах - *ei* > *ai*.

Карта 3. Названия голубики

1 - ģirtenes, ģirtines; 2 - ģirtuogas; 3 - ģirtuoklas, ģirtuokles; 4 - ģirtuokļa uogas; 5 - pjanicas, pjaņicas; 6 - raibenes, raibīnes; 7 - reibenes, reibīnes, reibienes; 8 - riebenes; 9 - ganaboles, ganabules; 10 - šļabīnes, šļebīnes; 11 - gailenes, gailīnes

названия в латышских говорах был шире или был оторван от ареала распространения аналогичных названий голубики в соседних контактирующих языках.

Возвращаясь к вопросу о географическом распространении заимствований из соседних славянских языков на территории Латвии, нужно

указать, что кроме Латгалии более или менее компактно эти заимствования размещены только в говорах, расположенных по течению реки Даугавы, которая издавна известна как путь сообщения с Полоцком и Витебском¹⁶. Вероятно, именно этим путем распространялись некоторые из древнейших заимствований. Такое предположение, в частности, подтверждает география слова *siņubols, siņuboli* 'сруб(колодца)' на юго-востоке Латвии (см. карту 4); западная граница распространения этой лексемы обрывается за пределами Кокнесе, где, по данным археологии, в постройках XII-XIII вв. обнаружено влияние русской культуры¹⁷.

Но вообще нужно отметить, что в связи с генетической близостью славянских и балтийских языков определить древнейшие заимствования весьма трудно. Ю.В.Откупщиков по этому поводу пишет: "К сожалению, именно значительная близость балтийских и славянских языков затрудняет выделение древнейших слоев заимствованной лексики в этих языках. Допустим, например, что лит. *sūdas* было заимствовано из слав. *судъ*. Но если это слово - не заимствованное, а исконно родственное, то какую оно в этом случае должно иметь форму? Оказывается, что тоже - *sūdas*. Поэтому с большей определенностью мы можем говорить лишь о заимствованиях, относящихся к сравнительно поздней эпохе"¹⁸.

Сказанное о литовском языке вполне относится также к латышскому языку: лит. диал. (верхнелит.) *podas* 'глиняный пол', чему в литературном соответствовало бы *pašas*, рассматривается как родственное лит. *pėdas* 'подошва'¹⁹, пята, глиняный пол', русск. *под* 'пол печки' (МЕ, III, 18; ЭСРЯ, III, 295-296), ср. блр. *под* 'внутренняя площадь, пол печи, подставка под жерновами' (Касп., 245), но если данное слово в латышском было бы заимствованным, то оно также имело бы огласовку *pašas*²⁰ (верхнелит. *podas*, ср. аналогич-

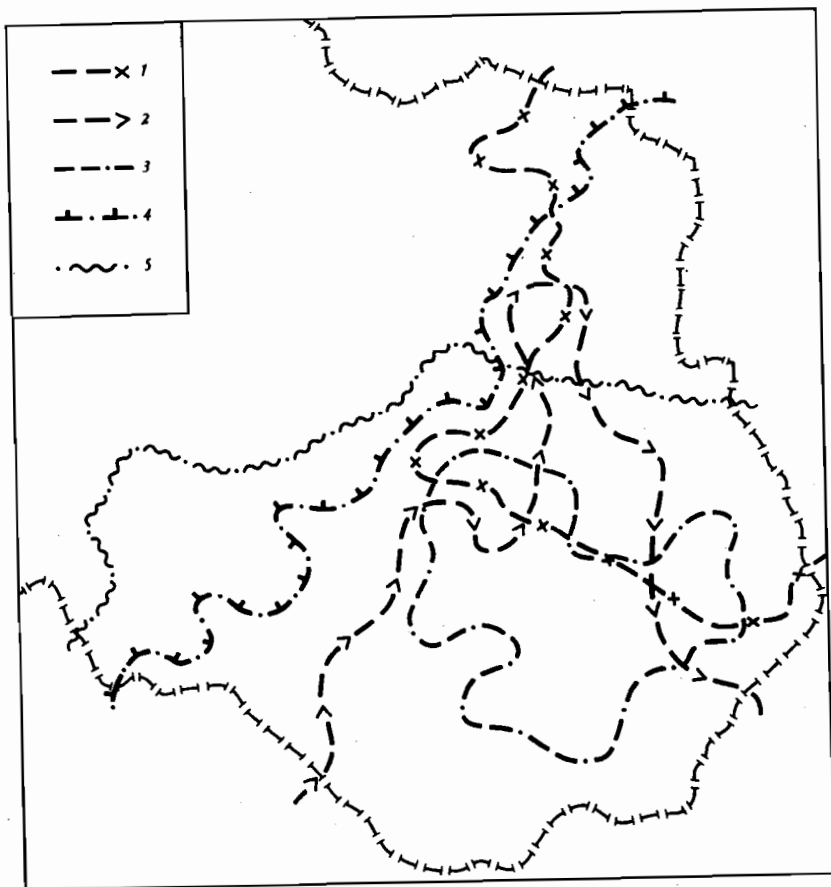
¹⁶ Материалы археологических раскопок (предметы украшения, монеты и т.п.) XII и XIII в. в Кокнесе на берегу Даугавы свидетельствуют о связях с Полоцком, см.: Э.Д. Шноре. Латгало-славянские контакты. "Acta Baltico-Slavica", VI. Вильнюс, 1969, стр. 145-157.

¹⁷ Там же, стр. 156

¹⁸ Ю.В. Откупщиков. Из истории балто-славянских лексических отношений. "Baltistica", VII (2), 1971, стр. 122.

¹⁹ Заметим, что в латышском языке для данного слова значение лит. *pėdas* 'подошва' пока известно только в некоторых юго-восточных говорах Латвии (Аулея, Бебрене, Скайста - ЕН, I, 128) на границе с Литвой.

²⁰ Славянское *o* в латышском передается через *a*, см. упомянутую статью Я.Эндзелина "Латышские заимствования из славянских языков", стр. 91-94.

Карта 4. Распространение некоторых заимствованных слов

1 - colonka 'челнок'; 2 - gruška 'груша'; 3 - guļba 'картофель'; 4 - klēvs 'клев'; 5 - siruobs, siruobi 'сруб' (колодца)

ное верхнелтш. *smola*, которое, как и лит. *smalà*, из слав. *smola* ME, III, 951; LEW, 939; ЭСРЯ, III, 690); заимствование из русского отрицает К. Буга²¹.

Ограниченная география лтш. диал. *rods* на восточной территории Латвии и наличие других названий глиняного пола *kuls*, *kluons*, *pārts* в соседних говорах Видземе указывает на возможное заимствование. Решить этот вопрос помог бы материал литовского языка.

²¹К. В. Буга. *Rinktiniai raštai*, II. Vilnius, 1959, 310, 579).

Однако, если бы мы настаивали на исконной родственности лтш. диал. *rods*, русск., блр. *под* и т.д., то так или иначе мы должны были бы признать славянское влияние, которое отразилось в географии распространения лтш. диал. *rods*.

Таким образом, контакты латышского языка с соседними славянскими языками в какой-то мере способствовали сохранению той части исконной (диалектной) лексики, которая образует общие лексические изоглоссы с контактирующими славянскими языками. Кроме того, эти контакты способствовали также сохранению некоторых общих изоглоссов в области семантики.

Например, лтш. *griez* 'резать' в смысле 'пилить пилой' распространено в восточной части Латвии, включая всю Латгалию и примыкающие к ней соседние говоры, а также северо-восточные говоры Видземе (на остальной территории Латвии *zāģēt*, *zāģēt* 'пилить' - из ср.-н.-нем. *sagen* 'то же', *zāģis* 'пила' - из ср.-н.-нем. *sage* ME, IV, 695). Такую же семантическую параллель находим в литовском языке и в русских говорах: ср. лит. *piąuti* 'резать, пилить, жать, косить', русск. резать пилой 'пилить' Даль, IV, 120, ср. русск. диал. резать 'пилить' Краслава, М. русск. г. III, 76.

Другой пример. По материалам атласа слово *cirst* 'рубить' в смысле 'строить (дом)' зарегистрировано, кроме одного говора Видземе (Аукстрозе), только в Латгалии (Айзкальне, Балвы, Берзгале, Виляны, Извалта, Кауната, Краслава, Макашены, Озолайне, Ружина, Силаяни), ср. лтш. *būvēt*, *celt*, *taisīt* 'строить' на остальной территории Латвии. Однако наше представление о географии слова *cirst* 'строить' значительно расширяют латышские народные песни, в которых можно найти лтш. *cirst* в различных словосочетаниях с указанием на объект строительства, напр. *klēti cirst* 'строить клеть'²², *ktī cirst* 'строить хлев'²³, *stalli cirst* 'строить конюшню'²⁴. Записаны эти песни в разных местах Латвии (Гулбене, Дуре, Инчукалнс, Кастрене, Лубана, Тирза, Угале, Яунпилс и др.).

С точки зрения состояния современного латышского литературного языка упомянутые словосочетания из фольклора могут показаться лишь стилистическим средством в поэзии, но старейшие словари латышского языка (XVII-XVIII вв.) также указывают на употребление слова *cirst* в значении 'строить из дерева': *virš upes aku uzcirst*

²²Kr. Barons, H. Visendorfs. *Latvju dainas*, II. Pēterburgā, 1903, 9407.

²³Kr. Barons, H. Visendorfs. *Latvju dainas*, IV. Pēterburgā, 1910, 29735.

²⁴Там же, 29733.

'auf der Beche einen Brunnen aufbauen'²⁵. Более четкое разграничение употребления лтш. *cirst* указано в словаре Я.Ланге: *bauen* - ēku celt, būvēt; *bauen von Holz* - ēku uzcirst; *bauen von Stein* - uzmrēt²⁶.

Аналогичная параллель в русском языке - рубить 'строить' (ср. рубить избу 'строить' Даль, IV, 106; срубить избу 'построить из бревен, поставить рубкой' Даль, IV, 305), очевидно, поддерживала сохранение лтш. *cirst* 'строить' в восточной части Латвии.

В отличие от Латгалии, на остальной территории Латвии заимствования из славянских языков встречаются спорадически. Так, например, зарегистрированное в северо-западной части Курземе в говорах Алсунга, Гудениеки, Юркалне слово *kļēpra*² 'налим' (название экспрессивное, в нейтральном значении - *vēdzele, vendzele*) заимствовано из польск. *kłępa* 'samica łosia; przyn. obelżywie o kobiecie niezgrabnej, nieporządnej'²⁷. Заимствовано слово *kļēpra*, вероятно, не раньше XVII в., когда в местечко Алсунга и в его ближайших окрестностях было переселено некоторое число поляков²⁸.

Но далеко не все из отмеченных заимствований проникли в латышские говоры непосредственно из славянских: в передаче славизмов определенную роль играл литовский язык, особенно в пограничных говорах. При посредничестве литовского языка заимствованы, например, следующие слова на юго-востоке Латвии: *abrūsis*² 'полотенце' Двиете, *abrūss*² Бебрене, Краслава, Ликсна, Пилскалне, Рубени, Скайста (ср. лит. *abrūsas* 'полотенце', которое заимствовано из белорусского, LEW, 1; блр. *абрус* 'скатерть' в западных говорах Белоруссии ДАБМ, 325); лтш. диал. *agruzdi* 'крыжовник' Капини, Скайста, *agrozda uogas* 'то же' Аулея (ср. лит. диал. *āgrozdās, āgrūzdās* LKŽ, I, 26-28; блр. *агрусть* Нос., 2); лтш. диал. *kvašāline* 'холодец' Калупе, Рауна, *kvašūline* Науене, *kvāšajine* Бебрене, Пилскалне, Рубени, *kvašūline* Рубени (ср. лит. *kvāšalīena, kvāšēlyna* в восточных говорах Литвы LKŽ, VI, 1059, 1103; блр. *квашаніна*).

В пограничных говорах на юго-западе Латвии через посредство литовского языка заимствованы слова *kūds* 'худой' Барта, Дуника (Вайнеде, Наудите, Нида, Нигранда ME, II, 332), ср. лит. *kūdas*

²⁵ E. B l e s e. *Jāra Langija 1685. gada latviski-vāciskā vārdnīca ar īsu latviešu gramatiku. Rīgā, 1936, стр. 358.*

²⁶ J. L a n g e. *Vollständiges deutsch-lettisches und lettisch-deutsches Lexicon. Mitau, 1777, стр. 118.*

²⁷ "Słownik języka polskiego", III. Warszawa, 1961, стр. 725.

²⁸ J. J u š k e v i č s. *Hercoga Jēkaba laikmets Kurzemē. Rīgā, 1931, стр. 382.*

из блр. *худы* или польск. *chudy* LEW, 304; *skāteris* 'полотенце' Барта, Нида (ME, III, 881), ср. лит. *skbterė, skbteris* 'скатерть, полотенце' из белорусского LEW, 812 (блр. *скацёрць, скацёрка* распространено в соседних с Литвой областях - ДАМБ, 325).

В некоторых случаях посредником мог быть также и эстонский язык. Возможно, именно через посредство эстонского языка заимствовано слово *dukurs* (*dukuris*) 'хорек', которое употребляется в основном в западных и северо-западных говорах Видземе: Вийнижи, Вилькене, Поциемс, Пуйкуле, Розены, Салаца, Светциемс, Сканыкалне, Туя (Руена, Валмиера ME, I, 512; *dukuris* Ери, Мазсалаца ЕН, I, 340). Ограниченное распространение лтш. *dukurs* (*dukuris*) в говорах западной части Видземе (где влияние эстонского и ливского языков общеизвестно) с большей вероятностью свидетельствует о эстонском посредничестве (ср. эст. *tuhkur* 'хорек', финское *tuhkuri* 'Nertz', являющиеся старыми заимствованиями из др.-русс. *дѣхорь*²⁹), чем о самостоятельном заимствовании из древнерусского (ср. предположение Я.Эндзелина "Nebst est. *tuhkur* aus aruss. *дѣхорь*" ME, I, 512).

Так как славянские заимствования сконцентрированы главным образом в восточной части Латвии, то более подробный обзор распространения славизмов можно сделать на материале данного ареала.

Итак, на территории восточной части Латвии выделяются следующие группы славянских заимствований (по признаку их географического распространения):

1. Заимствования, распространенные на восточном пограничье Латвии, напр. *duga* 'дуга (часть упряжи)'; *klevers, kļevers* 'клевер'; *konats, komots, komuts* 'хомут'; *medze, mede* 'медь'; *vledris*², *vledra*² 'ведро'.

2. Заимствования, встречаемые на северо-востоке Латвии и, в частности, в северной Латгалии, напр. *colonka* 'челнок'; *kopna* 'копна (сена)'; *kvašne, kvāšpa*² 'квашня'; *pomelņīks* 'помело'; *snops* 'сноп'; *stajanka* 'укладка снопов'; *sukrums* 'сруб колодца'.

3. Заимствования, преимущественно распространенные в центральных или в южных и центральных говорах Латгалии. Например, в центральных говорах Латгалии: *gūlba*² 'картофель', *karcīt, karcēt* 'коптить (мясо)', *čardaks*² 'чердак', *dzerauņa* 'деревня', *kuzne, kuzņa* 'кузница', *torka* 'торф'. В южных и центральных говорах:

²⁹ Jalo K a l i m a. *Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki, 1952, стр. 173; см. также J.J.M i k k o l a. Die älteren Beziehungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938, стр. 94-95, где высказано сомнение в заимствовании фин. *tuhkuri*, эст. *tuhkur* из древнерусского.*

butelka 'бутылка'; trinoška, trinuška 'тrenoжник'; talerka, ta-
lerka 'тарелка'; bûļva², bûļve² 'картофель'; gruška 'груша'.

4. Заимствования, охватывающие всю или почти всю территорию Латгалии, напр. kûds² 'худой'; buca 'бочка'; čāds, čāds² 'чад'; segls, seglis 'кирпич', а также соседние говоры Восточной Латвии, напр. klēvs² 'хлев'; casnaks, casnāgs, casnags 'чеснок'; tā-rags², tvārags² 'творог'; smala (smola) 'смола'; vūcīt², vūcēt² 'учить'.

Некоторые наиболее характерные из вышеупомянутых изоглосс, образовавшие столь различные зоны распространения славизмов в Восточной Латвии, отражены на карте 4.

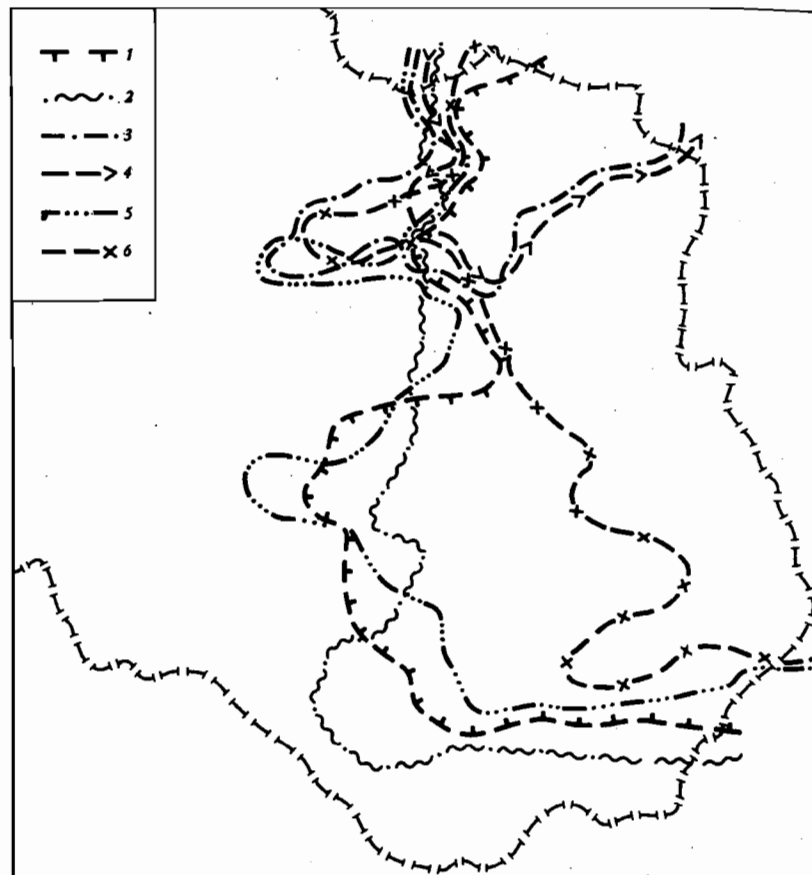
Кроме того, существуют лексические изоглоссы, объединяющие северо-восточную часть Видземе с говорами Латгалии: gasts 'гость', pāds 'глиняный пол', sēbris 'сосед', tārags 'творог', а также изоглоссы, отделяющие северо-восточные говоры Видземе от Латгалии: prēslīca 'пряслице' prēst 'прясть', runiņa 'бабка (укладка снопов)' (см. карту 5).

Несомненно, заимствования на восточном пограничье объяснимы пограничными контактами с русскими и белорусами — здесь зарегистрировано около 90 заимствований, т.е. почти 50% от общего числа зарегистрированных славизмов.

Как показывает география слов, заимствования на северо-востоке Латгалии пришли из русских северо-западных (псковских) говоров, а заимствования в юго-восточной части Латгалии — главным образом из белорусского и польского языков. Распространение слов bûļva² 'картофель', gruška 'груша' в южных, центральных и некоторых северо-западных говорах Латгалии указывает на влияние польского языка в этих местах³⁰.

Распространению некоторых заимствований по всей Латгалии или в ее центральных областях независимо от того, является ли заимствование русизмом, белорусизмом или полонизмом (напр., besi 'сирень', segls, seglis 'кирпич', čāds, čāds² 'чад', dzerevņa,

³⁰ В частности, эти наблюдения находят подтверждение также и в выводах этнографов о влиянии славянской культуры в Латвии. По этим данным, на территории Восточной Латвии выделяются три зоны: зона польского влияния (южная часть), зона белорусского влияния (центральная часть, а также юг Латгалии), зона русского влияния (северная часть), см.: S. C i m e r m a n i s . P a -
domju Latvijas etnogrāfu publikācijas par latviešu un kaimiņu
tautu kultūrvēsturiskajiem sakariem. "Zinātniskās atskaites
sesijas materiāli par arheologu, antropologu un etnogrāfu
1971 g. pētījumu rezultātiem". Rīgā, 1972, стр. 13.

Карта 5. Некоторые изоглоссы, обособляющие северо-восточную Видземе (изоглоссы 3, 4) и объединяющие ее с говорами Латгалии (изоглоссы 1, 2, 5, 6)

1 — gasts 'гость'; 2 — pāds 'глиняный пол'; 3 — prēst 'прясть';
4 — runiņa 'бабка'; (укладка снопов); 5 — sēbris 'сосед'; 6 —
tārags 'творог'

dzerevņa² 'деревня', gorods 'город', mazuļi, mazoļi 'мозоль'), способствовала общая политическая и административная ситуация этого края на протяжении нескольких столетий.

С точки зрения диахронии, изоглоссы, которые объединяют северо-восточные говоры Видземе и Латгалии (gasts, pāds, sēbris, ta-

gags), очевидно, можно причислить к весьма древним изоглоссам, ибо сложились они задолго до обособления Латгалии от восточной части Видземе (1629 г.). Независимо от того, будут ли рассматриваться слова *gasts*³¹, *pačs*, *sēbris* (*sābris*) как бесспорные балтизмы или как древние заимствования из славянских языков, распространение их на территории верхнелатышского диалекта указывает, что данные слова являются достоянием так называемого латгальского языка; латгало-славянские лексические параллели свидетельствуют о древних отношениях между латгалами и славянскими племенами. Но те изоглоссы, которые характерны только для северо-восточных говоров Видземе (*prēst*, *prēsliča*, *runiņa*), вероятно, возникли как узко локальные варианты еще до или уже после обособления Латгалии от Видземе.

Поскольку изоглоссы распространения некоторых слов, напр. *kūds*² 'худой', *klēvs*² 'хлев', *vūcīt*² 'учить', совпадают с административными границами Латгалии, с уверенностью можно полагать, что данные изоглоссы сложились уже после того, как эти границы были установлены, хотя частично формирование соответствующего ареала могло произойти, конечно, гораздо раньше (во всяком случае, до присоединения Латгалии, а также некоторой части Видземе к Польше в 1561 г.).

К заимствованиям более старого времени можно отнести также и те заимствования из славянских языков, которые являются общими в латышском и литовском языках; напр., лтш. диал. *smāla* (*smola*) 'смола', лит. *smalà*, лтш. диал. *stāvi*² 'ткацкий станок', лит. диал. *stbvai*. Более подробно определить время заимствования упомянутых слов в обоих балтийских языках, возможно, помогут лингвогеографические, а также исторические данные литовского языка.

Вполне конкретно можно определить хронологию заимствования названий картофеля *būlba*², *būlva*², *gūlba*² - в Латвии культивирование картофеля относится к концу XVIII в., а более широкое распро-

³¹ Название *gasts* 'гость' употребляется в некоторых говорах восточной части Видземе, по всей Латгалии распространена форма *gosts* (верхнелтш. *o < a*); вариант *gaškis* встречается на северо-востоке Видземе, для женского рода - *gaška* (*gaška*); ср. на остальной территории Латвии - *ciemiņš*, *viesis* 'гость' - лтш. *gasts*, *gaškis*, возможно, заимствованы из русск. гость, гостя (МБ, I, 608), но есть мнение и об исконной родственности лтш. *gasts*, слав. **gostь* (см.: А. Брейдак. Указ.соч., стр. 5-6).

странение в пище народа - к 20-30-м годам XIX в.³² В этом случае заимствование слова тесно связано с появлением новой реалии.

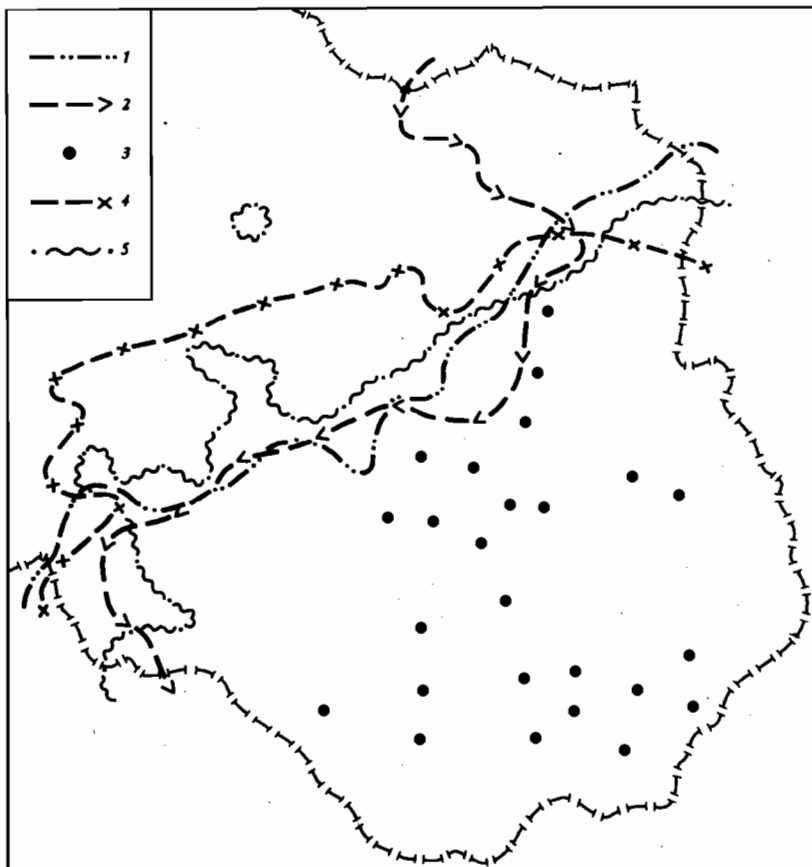
Пучки изоглоссы внутри Латгалии, например, изоглоссы, отделяющие северную часть Латгалии, центральные и южные изоглоссы, не всегда четко соотносимы с бывшим административным делением Латгалии на уезды (Лудзенский, Резекненский, Даугавпилсский, 1777-1917 гг.). Только некоторые из северо-восточных изоглоссы (напр., ареал распространения слов *romelnīks*², *romelnīks*² 'помело'; *kvāne*, *kvāšņa*² 'квашня'; *stajanka*, *stajonka* 'укладка снопов') как будто соответствуют прежнему административному делению Лудзенского уезда; но поскольку центральные и южные изоглоссы Латгалии не совпадают с соответствующими границами Резекненского и Даугавпилсского уездов, то очевидно, внутреннее (хотя и длительное) административное деление Латгалии не имело существенного влияния на распространение языковых явлений. Образование различных изоглоссы распространения славизмов внутри Латгалии связано с заселением ее в разные времена (XVI-XIX вв.) полянками, белорусами, русскими. Пучок северных изоглоссы Латгалии, являющийся самым четким, в то же время, вероятно, является и самым поздним (напомним о переселенцах из псковских земель на северо-востоке Латгалии во второй половине XIX в.).

II

Лексический материал "Диалектологического атласа латышского языка", имея в разделе лексики целый ряд общих вопросов с "Диалектологическим атласом белорусского языка", в некоторых случаях выступает как бы дополнением, комментарием к белорусскому атласу. Так, например, название сарая - блр. пуня (ср. русск. диал. пуня, признанное балтизмом, - REW, II, 464-465) - широко распространено в северной части Белоруссии (ДАБМ, к. 236), и кроме лит. *pūnē*, территориально непосредственно связано также с лтш. *pūne*, *pūnīte* 'сарай, сарай для сена, постройка для хранения мякны', широко распространенным на востоке территории Латвии (см. карту 6; в западных говорах лтш. *pūne* встречается спорадически, так как оно было вытеснено заимствованным словом *šķūnis*).

Бытующее в восточной части Латвии название закрома (засеки) *arūds* (верхнелтш. *arūds*²) по своему территориальному расположе-

³² И. Стродс. Kartupeļu audzēšanas sākums Latvijā XVIII gs. beigās - XIX gs. pirmā pusē. "Latvijas PSR ZA Vēstis," 1956, 10, стр. 51.

Карта 6. Распространение некоторых сельскохозяйственных терминов в восточной части Латвии

1 - aruods 'заком, засека'; 2 - dārzs 'загон'; 3 - dien-dārzs, diendārzis 'то же'; 4 - griezinis, grieznis 'орюквя'; 5 - rūne (rūnīte) 'сарай, сарай для сена, пристройка для хранения мякны'

нию могло быть отчасти непосредственным источником для таких славянских балтизмов, как блр. аруд, русск. диал. (зап.) аруд, оруд 'то же'³³ (польск. arud из лит. aruodas REW, I, 27).

³³ Следует также указать на высказанное сомнение в балтийском происхождении блр. аруд, русск. диал. (зап.) аруд, оруд; см.:

В свое время еще Я.Эндзелином было высказано предположение о том, что блр. свир 'Brunnenschwengel', возможно, имеет балтийское происхождение (ME, III, 1164). В дальнейшем эта мысль нашла продолжение в этимологических поисках Р.В.Кравчука, который вопреки М.Фасмеру (REW, II, 280; ЭСРЯ, III, 156-157) обоснованно доказывает балтийское происхождение блр. диал. асвер, свер, свирш-ня, свиршня³⁴.

Лингвогеографические данные белорусского языка - ареал блр. асвер 'часть колодца (с журавлем)' охватывает белорусские северо-западные говоры, свер употребляется у границы с Литвой и Латвией, варианты свиршня, свиршня - на литовском пограничье (ДАБМ, к.242, 243, 244) - находят продолжение главным образом на территории Латвии; ср. лтш. svēre², svēris² 'журавль колодца', широко распространенное в восточных говорах Латвии, особенно в Латгалии (ср. лтш. svīris - в центральных говорах Видземе, sviřkstenis, sviřkstenis - на северо-западе Видземе, svirksnis Светциемс; спорадически в восточных говорах svira, svirts² ME, III, 1162; ЕН, II, 619; svirsts ME, III, 1162; svērtē² ЕН, II, 616; svērts² ME, III, 1154; ЕН, II, 616; atsvēre² Вишки; atsvēris² Резна); ср. также лит. svirtis, svirtis, svirstis, sviřste, svirksnis 'то же' LEW, 954-955, которые все имеют достоверную балтийскую этимологию, см. ME, III, 1154; LEW, 949, 954-955.

Как белорусские балтизмы, неоднократно отмечались также диалектные названия брюквы: блр. грыжа, грыжна, грыжан, грыжынка, выступавшие на северо-западной территории Белоруссии (ДАБМ, к.276), источником которых считается лит. grīžtis 'то же'³⁵, имеющее балтийскую этимологию (LEW, 169).

Однако морфологически блр. грыжна, грыжан, грыжынка ближе к лтш. диал. grīžnis², grīžnis, род.п. grīžņa 'брюква' (верхнелтш. grīznis, мн.ч. grīžņi), распространено на юго-востоке Латвии; в говорах Латгалии - grīžinis (grīžiņš), с которым кроме общего словообразовательного форманта -n-(-н-) белорусское слово имеет также и общий, неразорванный ареал распространения.

Разрозненно и спорадически встречающиеся в белорусских говорах названия загона блр. даржнік, доржнік, дражнік (ДАБМ, к. 232), ср.

А.Е. Супрун. Из белорусско-балтийской этимологической проблематики. "Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками". Рига, 1973, стр. 42.

³⁴ "Лексічныя балтызмы ў беларускай мове. (Матэрыялы для абмеркавання)". Мінск, 1969, стр. 15.

³⁵ Там же, стр. 40.

даржень 'скотный двор' Витебская обл. (Касьп. 93), вероятно, также являются балтизмами: ср. лтш. диал. dārgzs 'загон', - в восточных говорах Видземе и на юго-востоке Латвии, в говорах Латгалии обычно - diendārgzs, diendārgzis (лит. diendaržis) 'то же', ср. лит. dařžas 'огород, участок земли, сад', daržienà 'участок земли бывшего огорода' ЛКЖ, II 305, 306.

Столь различное ареальное распространение упомянутых белорусских балтизмов - пуня, асвер (свер, свірня, свірсня), грыжня (грыжнянка, грыжан), даржнік (доржнік, дражнік) - свидетельствует о том, что пути проникновения данных лексем в белорусские говоры, как и хронология проникновения, являются различными.

При детальном исследовании отдельных лексем или их форм (особенно с островным ареалом, который мог бы быть воспринят как относительно архаичный) необходимо учесть возможность проникновения и заимствования этих лексем в отдельные белорусские говоры из языка литовских или латышских переселенцев. Так, например, известно о переселении латышских крестьян из Дундаги (север Курземе) в окрестности Быхова (Могилевская обл.) уже в 1863 г.³⁶

Сопоставление белорусских балтизмов только с лексическим материалом латышских говоров без учета лингвогеографических данных литовского языка не позволяет пока сделать более определенные выводы, но связь отдельных белорусских изоглосс (асвер, свер, грыжня) с верхнелатышским диалектом очевидна.

С о к р а щ е н и я

- ЕН - J. Endzelīns un E. Nauzenberga Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai, т. I-II. Rīga, 1934-1946.
- LEW - E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg-Göttingen, 1955-1965.
- ЛКЖ - Lietuvių kalbos žodynas, I-VIII. Vilnius, 1968-1970.
- MAGP - Mały atlas gwar polskich, I-XII. Warszawa-Wrocław-Kraków, 1956-1969.
- ME - K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns, I-IV. Rīga, 1923-1932.
- ДАБМ - Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

³⁶ К. Šķilters. Latvju zemnieks Baltkrievijā pirms un pēc Oktobra revolūcijas. Minskā, 1935, стр. 29.

- Даль - В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I-IV. М., 1955.
- Касьп. - М. Касьярович. Віцебскі краёвы слоўнік. (Матэрыялы). Віцебск, 1927.
- М.русск.г. - Материалы для словаря русских говоров Латвийской ССР, т. I-IV. Рига, 1970-1972.
- М.сл.Приб. - В.Н. Немченко, А.И. Синица, Т.Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
- ЭСРЯ - М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I-III, М., 1964-1971.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СЛАВЯНСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ
В ГОВОРАХ СЕВЕРНОЙ ВИДЗЕМЕ

Исследованием латышских и славянских языковых контактов, в том числе и исследованием лексических заимствований из славянских языков, занималось несколько языковедов¹, которые указывали на славизмы как в латышском языке в целом, так и в отдельных говорах или в группах говоров.

Больше всего славянских заимствований отмечено в верхнелатышских говорах, особенно в тех, которые граничат со славянскими территориями; в говорах, не имеющих прямого соприкосновения со славянскими территориями, славизмов гораздо меньше, и они отличны не только в количественном, но и в качественном отношении.

В статье вкратце рассматриваются латышско-славянские языковые контакты на лексическом уровне в северной Видземе, при этом главное внимание уделяется тематическому обзору встречаемых в этих говорах славянских заимствований и их сравнению с соответствующими заимствованиями в ближайших соседних языках (эстонском, финском, прибалтийско-немецком и частично в немецком), а также определению типа языковых контактов. Такое сравнение дает возможность раскрыть общие тенденции, обнаруживающиеся при заимствовании славянской лексики разными народами. В статье главным образом рассматриваются относительно старые заимствования²; в обзор не вклю-

¹ Я. Э н д з е л и н. Латышские заимствования из славянских языков. - Избранные труды, I. Рига, 1971, стр. 80-113 (впервые опубликовано в 1899 г. в журнале "Живая старина", III); D. Z e m z a r e. Akadēmika Jāra Endzelīna pirmie pētījumi par slāvismiem latviešu valodā. "LPSR ZA Vēstis", 1958, стр. 3; О н а ж е. Latviešu vārdnīcas (līdz 1900. gadam). Rīga, 1961; A . S u m m e n t . Unbeachtete slawische Lehnwörter im Lettischen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Georg-August Universität in Göttingen, 1950.

² В обзор не включены бытующие в латышском языке самые древние заимствования (например, такие слова, как baznīca, krusts, svēts, grēks, kaļps, kaķeres и мн. др.), которые так глубоко укоренились в латышском языке, что говорящие не осознают их иноязычного происхождения.

чены славизмы, проникшие в латышские говоры за последние 30 лет, потому что эти заимствования носят иной характер.

Славянские заимствования в северовидземских говорах тематически прежде всего связаны с торговлей. Именно основная часть этой лексической группы принадлежит к древнему слою заимствований и встречается во многих северо- и западноевропейских языках. В первую очередь сюда относятся славянские или через посредство славянских языков заимствованные обозначения единиц меры, веса, длины, названия торговцев и др.: aīšina // aīšins < русск. аршин 'мера длины - приблизительно 0,71 м', эст. arssin R, S⁴⁹ 3, приоб.-нем. Arschin Kip 145, нем. Arschin O 33; bēzmfēns, vēzmfēns ME I, 284 'ручные весы', эст. pāsmeņ W 789, фин. pesmeli Kal 136, нем. Besemer, Desem(er) O 45; bīfkavs ME I, 298 единица веса - приблизительно 162,8 кг, приоб.-нем. Berkowetz, Berkowitz Kip 147, нем. Berkowetz O 45; gaīnīca 'единица измерения емкости - приблизительно 3,28 л', эст. karnīts W 213; приоб.-нем. Garnitz Kip 154, нем. Garnitz O 66; puđs ME, III, 402 'единица веса - приблизительно 16,38 кг', эст. puud R, S 49, фин. puuta Kal 54, приоб.-нем. Pud Kip 177, нем. Pud O 150; vērste ME IV, 542 'единица длины - приблизительно 1067 м', эст. verst R, S 49, фин. virsta Kal 184, приоб.-нем. Werst Kip 188, нем. Werst O 197; vērsōks 'мера длины', эст. versok W 1347, фин. versokka Kal 182, приоб.-нем. Werschok Kip 188; zolotņik < русск. золотник 'единица веса - приблизительно 4 гр.', эст. solotnik, приоб.-нем. Solotnik Kip 182, нем. Solotnik O 166; kupcis ME II, 317 'купец', фин. kupitsa Kal 110; barošņiks < русск. барышник 'человек, который торгует лошадьми', эст. parisnik R, S 49, фин. parisniekka Kal 134, приоб.-нем. Barüschnik Kip 146; magaričas ME II, 547, приоб.-нем. Magritsch Kip 97.

Вторую тематическую группу славянских заимствований, в которой довольно много соответствий с соседними языками, составляют заимствованные названия средств транспорта и принадлежностей упряжи: droška < русск. дрожки (ЭСРЯ I, 340 дрога) 'легкая выездная коляска', эст. troska R, S 49, нем. Droschke⁴; grāmis (в северо-

³ После заимствования дается указание на источник, из которого взяты сведения об этимологии и распространении слова. Список сокращений см. в конце статьи.

⁴ О высокой степени адаптированности этой лексемы свидетельствует использование ее в качестве элемента сложного слова в нем.: Benzindroschke, Kraftdroschke, Pferdedschke, Luftdroschke, Droschkenführer и др., см. O 63; и в лтш.: īīnījdroška 'выездная коляска особой формы', pedēdroška 'рессорная коляска' и др.

видземских говорах также *rāmīs* (где *p* отброшено под влиянием прибалтийско-финских языков) 'паром', *prām*, *rām* W 873, нем. *Prahn*; *lesnica* ME, II, 454 'приспособление в виде рамки, которое накладывают на сани, чтобы расширить их'; *slejas* // *šlejas* ME, III, 925 'шляя'; *sedulka* ME, III, 811 'седёлка', эст. *sedelgas* R, S 49, *sēdelka* W 1034, фин. *setolkka* Kal 158, приоб.-нем. *Sedulke* Kip 181. К этой группе относится заимствованное также при посредстве русского языка (от немецкого *Geschirr*⁵) обозначение шляи *šoras* ME IV, 100.

Третью тематическую группу составляют заимствованные названия должностей или лиц, занимающих соответствующую должность: *činavniēks* < русск. чиновник, приоб.-нем. *Tschinownik* Kip 186; *dvorniks* < русск. дворник, приоб.-нем. *Dvornik* Kip 153, нем. *Dwarnik* O 65; *denšīks* < русск. денщик, эст. *tentsik* W 1145, фин. *ten-sikka* Kal 171, приоб.-нем. *Denschtschik* Kip 152, нем. *Denstschik* O 230; *garadavajs* < русск. городовой, приоб.-нем. *Gar(a)dawai*, *Gradowoi* Kip 154, нем. *Gorodowoi* O 230; *kazēks* 'волостной связной' < русск. казак, эст. *kazak* W 230, фин. *kasakka* Kal 95; *mužīks* < русск. мужик, фин. *mussikka* Kal 126, нем. *Muschik* O 128; *stārasts* // *stāraستا* ME III, 1051 'надзиратель работ в мызе', эст. *storos*, фин. *taarosta*, *staarosta* Kal 109, нем. *Starost* O 172; *stroža* ME III, 1083 'надзиратель', эст. *strazdnik* W 1082; приоб.-нем. *Storosch* Kip 183.

Четвертая группа - названия различных реалий: *bočka* < русск. бочка 1. бочка, 2. орудие для ловли раков, сделанное из лучины, фин. *putsi*, *putsu* Kal 142, нем. *Botschke* O 229; *klamīs*, *klams* < русск. хлам 'старые вещи', 'старое полуразвалившееся здание', фин. (диалектное) *gloamu* Kal 85; *kriška* // *grīška* < русск. крышка, эст. *krīška*, *kriska* 390, приоб.-нем. *Krischke*, *Grischke* 162; *kuķis* // *koķis* ME II, 542 'курево', нем. *Lulke* O 120; *koika* < русск. койка, эст. *koika* R, S 49; *mačalka* < русск. мочалка, эст. *matsalka* R, S 49, приоб.-нем. *Matschalken* Kip 166; *pletka* // *pļetka* ME III, 337 'плеть', эст. *plett* W 839, фин. *letti*, *letka* Kal 115, приоб.-нем. *Plette* Kip 172; *ploška* < русск. пложка, приоб.-нем. *Ploschke* Kip 173; *rozgas* < русск. розги, эст. *roosk* Kal 153, фин. *ruoska* Kal 153; *spīckas* // *špīckas* ME III, 994 'спички', приоб.-нем. *Spitzki* Kip 182; *tačka* ME IV, 122 'тачка', приоб.-нем. *Tatschke* Kip 184; *truba* // *trubis* ME IV, 244 'труба', эст. *trūr*, *trūba* W 1200.

⁵ Об этом см.: А.К. Р е й ц а к. Некоторые наблюдения над заимствованиями из германских языков в русской лексике XV-XVII вв. - Сб. "Типология и взаимодействие славянских и германских языков". Минск, 1969, стр. 150.

Пятая группа - названия еды, пищи, продуктов питания: *pirāgs* // *piēggs* ME III, 233 'пирог', эст. *pirak* W 824, фин. *piiras*, *pi-irakka* Kal 137, приоб.-нем. *Pirogge* Kip 171, нем. *Pirogge* O 138; *ķisēlis* // *ķisēlis* ME, II, 389 'кисель', эст. *kiisel*, *kissel* W 296, фин. *kiiseli* Kal 98, приоб.-нем. *Kissell* Kip 159, нем. *Kissel* O 229; *barānka* // *baranks* < русск. баранка, приоб.-нем. *Baranchēn* Kip 146, нем. *Baranka* O 41; *būlka* < русск. булка, приоб.-нем. *Bulke* Kip 184; *bliņas* < русск. блин, эст. *plīn*, *plīn* W 840, приоб.-нем. *Blinis* Kip 147, нем. *Blini* O 47 (в немецких диалектах также *Plinse*, *Plinze* 'in der Pfanne gebackener Kuchen'⁶); *buōgrēgs* < русск. творог, приоб.-нем. *Twarog* Kip 187; *čarka* E I, 87, эст. *sarka* W 1007, *tsarka* W 1202, фин. *sarkka* Kal 157, приоб.-нем. *Tscharke* Kip 185; *susla* ME III, 1126 'плохое пиво, кофе или другой напиток', эст. *susla* W 1094, *suhari* < русск. сухари, эст. *suhkar* R, S 49, приоб.-нем. *Sucharin* 184; *zakuska* < русск. закуска, эст. *sakuska* W 999, приоб.-нем. *Sakuska* Kip 179, нем. *Sakuska* O 229.

Кроме вышеупомянутых тематических групп, встречаются общие заимствования и в других отраслях. Как в латышском, так и в прибалтийскофинских языках имеются параллельные заимствования названий отдельных животных, насекомых (напр., *tar(a)kāns* ME IV, 132 'таракан', эст. *toruk*, *torukas* W 1175, *tarakān* W 1120, фин. *torakka* Kal 172, приоб.-нем. *Tarakane* Kip 184, нем. *Tarakan* O 229; *prusaks* ME III, 400 'таракан', эст. *prussakas* R, S 49, фин. *russakka* Kal 153, приоб.-нем. *Prussacke* Kip 177) и др.

Количественно значительную часть славянских заимствований в северовидземских говорах составляет экспрессивная лексика. Сюда относятся слова, выражающие разные черты характера человека, разные стилистически ограниченные экспрессивные обозначения действий, явлений и т.д. Часто эти заимствования употребляются наряду с исконными словами или другими заимствованиями для дифференциации стилистически различных оттенков действия и усиления экспрессивности. Так, напр., параллельно со стилистически нейтральными исконно латышскими словами *iet*, *staīgāt* 'идти, ходить' в говорах с определенными стилистическими ограничениями употребляются германизмы *lēzēt* S 71, *slāmpāt* // *slōmpāt* S 135 'небрежно идти, ходить', *siērēt* S 105, 'идти, ходить; прогуливаться' и славянские заимствования *stupāt* ME III, 1107 и *kaģit* < русск. ходить. Часто такие заимствования имеют пейоративный оттенок. Экспрессивная лексика непосредственно не связана с реалиями объективной

⁶ Н . Т е u c h e r t . Slawische Lehnwörter in ostdeutschen Mundarten. "Zeitschrift für Mundartforschung", 26 (1958), стр.27.

действительности, и заимствование этих слов определяют другие факторы; одним из них является частота употребления данного слова в языке-источнике. Определенную роль при заимствовании экспрессивной лексики играют также различные психологические факторы. По приблизительным подсчетам представляется, что в этой группе общих заимствований меньше, чем в других; но необходимо подчеркнуть, что эта тематическая группа, подобно другим лексико-тематическим группам, выражающим личные абстрактные понятия, является почти не исследованной.

Вот некоторые примеры из группы экспрессивной лексики: *bosika* < русск. босняк; *braņas* < русск. брань, *braņīt* 'ругать', *čortas* < русск. черт, *čortātiēs* 'ругаться', *čistīt* < русск. чистить (заимствованные слова этого корня встречаются также и в финском языке — *siist*, *siistea* 'sauber, anständig, höflich' Kal 158), *duka* < русск. дух (см. также финское *tuuhku*, *tuuhu* 176 и приб.-нем. *Duch* Kip 153), *duraks* < русск. дурак (см. также приб.-нем. *Durak* Kip 153), *glups* ME I, 630, 'глупый', *ģeģīt* < русск. держать, *kačāt* < русск. качать, *karaktērs* < русск. характер, *razbāiniēks* < русск. разбойник (параллельно также финское *rosvo* Kal 152, карельское *rozboinikka* Kal 152, приб.-нем. *Rasboinick* Kip 178); *sadrastūtiēs* < русск. здравствуй; *žara* < русск. жара 1. 'жара'. 2. 'нагоняй' (обычно в словосочетании *dabūt žaru* 'получить нагоняй') и др.

Как свидетельствует тематический обзор заимствованной лексики, славизмы в северовидземских говорах появились не в условиях совместной трудовой деятельности. Они не связаны с отраслями основного сельскохозяйственного труда. Это подтверждается тем фактом, что в этих говорах не зарегистрировано ни одного заимствованного названия орудий земледелия или какого-либо процесса труда. По всей территории Латвии распространено название составной части плуга — *lethesis* 'лемех', происхождение которого, по мнению языковедов, связано со славянским *lomiti*⁷. Но здесь нужно заметить, что определение заимствований в родственных языках — очень сложный процесс и не всегда, особенно если говорить о древнем слое заимство-

⁷ ME II, 449; LEW 354. Я. Калима ("Zeitschrift für slavische Philologie", Bd XX, n. 2, стр. 406—417) связывает славянское *lemeš*, *lemež* с русским диалектным *omeža*, *omež*, *omeš* 'Pflugschar', которое считает заимствованным из зырянского или вотяцкого языков. Этимологию, предлагаемую Я. Калима, отрицает М. Фасмер (ЭСРЯ II, 480), считая более достоверной связь лемех, лемеш с ломить.

ваний, можно точно сказать, заимствовано ли слово или в основе его древний, общий корень⁸.

Совершенно иное тематическое распределение заимствований из прибалтийскофинских языков, с представителями которых жители Северной Видземе имели древние трудовые связи.

В исследуемых говорах зарегистрированы многие названия сельскохозяйственных орудий, заимствованные главным образом из эстонского и ливского языков, которые довольно устойчиво сохраняются и в настоящее время. Например: *gabāt* ME III, 460 *izgabāt* 'выбить, выколотить зерно (из снопа)', *peksēt* ME III, 194, A 210 1. 'молотить (зерно в риге)', 2. 'бить, колотить', *pekse* 'молотба (ржи в риге)', *peksis*⁹ 'маленький воз', *kulmēji* ME II, 307 'обмолоченные стебли клевера; стебли бобовых, льняные отходы', *saņvis* ME III, 725, A 205 'сито для просеивания зерна', *viška* ME IV, IV, 828, K 490, A 205 'лопата для просеивания зерна', *viškāt* 'бросать зерно лопатой для просеивания' и др. О более древних связях в такой важной отрасли труда как подсечное земледелие свидетельствует прибалтийскофинское заимствование *ķutes* ME II, 392, K 130, A 205 'выкорчеванные пни, ветви, обложенные дерном и сжигаемые'.

Для части встречаемых в говорах заимствований русский язык был только посредником, например: *baķinkas* // *baķinki* // *boķinki* // *boķinkas* < русск. ботинки (ЭСРЯ I, 201 — из франц. *bottine*), *koika* < русск. койка (ЭСРЯ II, 280 — из нидерл. *kooi* или ср.-н.-нем. *koje*), *kalaša* < русск. калоша (ЭСРЯ II, 170 — ром. происхождения), *prokvosts* // *prakvosts* < русск. прохвост (ЭСРЯ III, 385 — из нов.-в.-нем. *Profoss*), *prakvastības* 'проказы, озорство' и др.

Иногда довольно трудно установить, заимствовано ли слово прямо или через посредство какого-либо другого языка. Чаще всего такие проблематичные случаи встречаются, когда заимствования одновременно распространены в нескольких соседних языках. Например, в исследуемых говорах широко употребляется слово *lāderis* 'лен-

⁸ Иначе обстоит дело с заимствованиями в неродственных языках. Например, в эст. *kresku kresla* (R, S 49) 'сидение, кресло в санях' считается славянским заимствованием, а соответствующее лтш. *kreslis* с тем же значением относится к общему балто-славянскому лексическому слою (см. ME II, 274); аналогично слово *širpis* 'серп' в латышском причисляется к исконным словам (см. ME III, 847), а соответственно *širp* в эстонском — к славянским заимствованиям.

⁹ Подробнее об этимологии слов с корнем *peks-* см. S. R a ģ e . Par vārdiem ar sakni *peks-*. "Veltījums akadēmiķim".

тий', lōderēt, lōderētiēš 'лентяйничать', в основе которого лежит ср.-н.-нем. lod(d)er 'Taugenichts, Gaukler EWDS 447. Заимствования этого же корня встречаются также и в эстонском языке - looder, looderdama, и в русском языке - лодарь, лодырь (для русских слов М.Фасмер предполагает заимствование из ср.-н.-нем., н.-нем. lodder, loder - ЭСРЯ II, 510). Думается, что латышское слово заимствовано непосредственно из ср.-н.-нем. (на это указывает долгота гласного как в латышском, так и в эстонском языке), но все-таки его сохранение и устойчивое употребление поддерживалось существованием этого же заимствования и в соседних языках.

Проблематичным является вопрос о пути проникновения и некоторых других заимствований. Слово cīcs 'ситец' в речи носителей северовидземских говоров могло возникнуть: 1) из русского ситец (которое М.Фасмер ЭСРЯ III, 628 считает заимствованным из нидерландского - sits) через посредство эстонского диалектного tsits (в эстонском литературном языке sits) или 2) из немецкого Zitz EWDS 887. Более убедительным кажется, что слово cīcs заимствовано через посредство эстонского языка, потому что форма cīcs пока зарегистрирована только в пограничных с Эстонией говорах (Эргеме, Лугажи, Валка), где существуют прямые контакты с эстонским языком.

В заключение можно констатировать, что даже очень краткий тематический обзор славянских заимствований позволяет сделать некоторые выводы о существующем в исследуемых говорах типе балто-славянских языковых контактов. Как свидетельствует рассматриваемый материал, большая часть употребляемых в говорах славянских заимствований распространена не только в латышском, но и в ряде других соседних языков. Сказанное, конечно, не означает, что в северовидземских говорах вовсе не было славянских заимствований локального характера, но все же кажется, что общего с другими языками в заимствованном материале больше. Здесь необходимо добавить, что существующие в латышском языке славянские заимствования мало исследованы в сравнении с соответствующими заимствованиями в соседних языках, и здесь еще много неизученного материала. Общие заимствования свидетельствуют о сходных как внешних, так и внутренних (психологических) факторах при заимствовании славянской лексики несколькими языками.

В исследуемых говорах и языках имеются общие заимствования, связанные с торговлей и транспортом, обозначающие различные реалии, предметы и т.д., которые в речи появились при посредстве русских торговцев, ремесленников, солдат, путешественников и др. Часть славянских заимствований в говоры проникла через тех носителей говоров, которые продолжительное время находились в сфере

русской речи (например, на военной службе). Это заимствования, связанные с военным делом, а также часть экспрессивной лексики. Конечно, не все они вошли в активный словарный состав говоров; многие так и остались достоянием только отдельных носителей, не приобретя общего распространения.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что в северо-видземских говорах доминирующим в балто-славянских лингвистических связях является тип внешних языковых контактов¹⁰ в противоположность, например, многим верхнелатышским говорам, где главную роль играют разные другие виды лингвистических контактов.

Вопрос о славянских заимствованиях в северовидземских, а также и в других нижнелатышских говорах, об их отличии и сходстве с соответствующими заимствованиями в других латышских говорах и в соседних языках является обширным и до сих пор недостаточно исследованным; в дальнейшем, наряду с собиранием новых материалов, необходимо систематически пересмотреть уже собранный лексический материал и тщательно проанализировать его в сравнительном плане.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

- A - K. A b e n. Eesti ja liivi laene läti sõnavaras. "Emakeele Seltsi Aastaraamat", III. Tallinn, 1957.
- E - J. E n d z e l ĩ n s . Darbu izlase, I. Rīgā, 1971.
- EH - J. E n d z e l ĩ n s , E. H a u z e n b e r g a . Papildinājumi labojumi K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīcai, I-II. Rīgā, 1934-1946.
- EWDS - F. K l u g e . Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20. Auflage bearbeitet von Walther Mitzka. Berlin, 1967.
- K - L. K e t t u n e n . Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. Helsinki, 1938.
- Kal - J. K a l i m a . Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki, 1952.
- Kip - V. K i p a r s k y . Fremdes im Baltendeutsch. Helsinki, 1936.
- LEW - E. F r a e n k e l . Litauisches etymologisches Wörterbuch. Göttingen, 1962.

¹⁰ Для характеристики типа языковых контактов использована система классификации, данная Е.В. Опельбаумом в работе "Восточнославянские лексические элементы в немецком языке" (Киев, 1971).

- ME - K.M. ū l e n b a c h a Latviesu valodas vārdnīca. Redigējis, papildinājis, turpinājis J.E. n d z e l ī n s . I-IV. Rīga, 1923-1932.
- O - E.B. O п e л ь б а у м . Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971.
- R, S - A l o R a u n and Andrus S a a r e s t e . Introduction to Estonian linguistics. "Ural-Altäische Bibliothek", XII. Wiesbaden, 1965.
- S - J. S e h w e r s . Sprachlich-kulturhistorische Untersuchungen vornehmlich über den deutschen Einfluss im Lettischen. Leipzig, 1936.
- W - F. J. W i e d e m a n n . Eesti-saksa sõnaraamat. Tartu, 1923.
- ЭСРЯ - М. Ф а с м е р . Этимологический словарь русского языка. I-III. М., 1964-1971.

Т.М. Судник

ИЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ
НАД ГОВОРАМИ ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

О некоторые литовских чертах
в белорусской глагольной парадигме

1. Среди диалектных форм белорусского глагола особняком стоят несколько примеров, отмеченных Е.Ф. Карским в фольклорных материалах из района Трок: "сятронки ... накладая, дзявочки ... прыспеваю, ветры ... расплятая, суседзі ... накладая"¹. Е.Ф. Карский считал эти случаи неясными, допуская, что по неизвестным синтаксическим причинам здесь выступают скорее причастия, нежели формы 3 л. мн. ч. настоящего времени (иначе, как он пишет, следовало бы ожидать на конце -аю, но не -ая).

Другое объяснение предлагается в книге "Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак"². В примерах Е.Ф. Карского ее авторы усматривают реликтовые формы 3 л. мн. ч., в которых архаический облик флексии (без -t) мог сохраниться в условиях билингвизма при поддержке со стороны аналогично оформленного 3 л. литовских глаголов. Там же между прочим отмечается, что на территории Белоруссии такие формы 3 л. мн. ч. не засвидетельствованы.

Однако недавно в говоре дер. Гервяты и Мильтеи (Островецкий р-н Гродненской обл. БССР), опять-таки в специфических условиях белорусско-литовского пограничья³, нам пришлось наблюдать совершенно аналогичные формы 3 л. настоящего и простого будущего времени, причем отнюдь не являющиеся там редкостью.

Приводим некоторые записи (лето 1971 г.), сделанные в основном от двуязычных информантов, владеющих как белорусским, так и литовским: lástaŭk'i l'ótaja, da_čalav'ėka saŭs'óm bl'íska pry l'a-tája; kúry p'óry kalupéja na_dóšč; ja_g byvájaja trý karal'í to_u_nás s'v'én'c'a kréjdu, tadŭ p'íša na_ž'v'arách, rašóušŭ da_xátŭ; ukrajin'k'i pryjažžájaja i_kupl'ájaja; janŭ dav'arájaja jamŭ kl'úč, us'ó

¹ Е.Ф. Карский И. Белорусы. Язык белорусского народа. Ч.2-3. М., 1956, стр. 265.

² Минск, 1968, стр. 263-264.

³ См.: Т.М. Судник. К характеристике фонологических систем диалектов литовско-славянского языкового пограничья. Автореф. канд. дисс. М., 1971.

dav'arája; ž'éc'i pa próstu ravóra; maladyja ž'ěuk'i kúra; syný
 částa p'íša; mn'é ž'íva, čamú janý ž'ac'ěj vùca; (Гервяти); báby
 l'ón u kúčk'i z'b'irája, stanón'a l'ón, tadý u snapý v'áža - yéta
 jíchnaja rabóta; báby s_pákul'au kuj'él'i rób'a, na stól palóža
 i kuj'él'i rób'a s_pákul'au; mátká i dačká pastáv'a zédal', na zé-
 dal' asnúvu i prán'ikam'i taukúc' - n'ít'k'i až razláz'a, tadý bá-
 by n'ít'k'i nafarbúja, pós'c'ilk'i ččé; parapk'í v'asnóí yaré z'am-
 l'ú, s'ēja jačm'én', av'ós, búl'bu sáz'a - vó janý štó rób'a, ta-
 dý kós'a, s'éna vóz'a, malóc'a žýta na_s'aujú, s'ēja žýta (ср.
 по-литовски: parapk'í pavasary ár'a žám'i, tadú ak'ēja, sája m'ie-
 žus, áv'ižos, búl'bos souž'ína - vá, kú án'is dáro, tadú šyenaúja,
 šyenu v'áža, tadú p'jájna, kúl'a rug'ús séklaí, sája rug'ús
 (Мильтеи).

Заметим, что подобные формы 3 л. мн. ч. (оканчивающиеся на
 безударное -а и совпадающие с 3 л. ед. ч. тех же глаголов) в Гер-
 вятях и Мильтеях слышатся не только в речи двуязычных, но также
 сплошь и рядом от тех, кто литовским не владеет.

3 л. мн. ч. глаголов с безударной флексией может в говоре
 оформляться и иначе, а именно флексией -ас', с нейтрализацией
 признака спряжения, как это закономерно для ряда среднебелорус-
 ских (и не только) говоров⁴, ср.: jak l'úb'ac', škadújac'; janý
 rób'ac' štó xóscac'; janý částa jěžžajac', štó rók byvájac', pry-
 pam'inájac' ják tám byló.

Те и другие формы употребляются факультативно, при том, что
 формы без -с' в речи двуязычных, пожалуй, преобладают.

Однако следует ли формы 3 л. мн. ч. на -а считать если не глу-
 боким архаизмом, то редукцией окончания -ас', ассоциирующейся с
 литовскими формами 3 л., не имеющими -t? Иначе говоря, не явля-
 ются ли формы на -а результатом уподобления литовскому 3 л. толь-
 ко на фонетическом уровне?

Есть все основания полагать, что механизм литовско-белорус-
 ской конвергенции был в данном случае иным, прежде всего морфоло-
 гическим. Приведенные формы 3 л. на -а отражают характерный для
 говора путь межязыкового выравнивания глагольных парадигм: в
 функции 3 л. мн. ч. здесь вообще выступают формы 3 л. ед. числа,
 подобно тому, как в литовском, где эти формы не различаются. Об
 этом с очевидностью свидетельствуют примеры с ударенным оконча-
 нием: l'úz'i u yaradáx ináčaj žyžé; ž'éc'i katá u m'aškú pryn'a-
 s'é i s'az'íc' u kustóx; l'úz'i jamú m'ódu prynós'a, kal'í i vót-

⁴ См.: ДАВМ. Минск, 1963, карты № 149, 153, 156, 157; а также:
 "Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак", стр.
 262-263.

k'í pryn'as'é; xlópcy b'azýc' da_jayó; и т.п., а также формы с
 безударным окончанием, но с морфологическим признаком 3 л. ед. ч.:
 l'úz'i u g'íry jéz'a; starýja n'i móža a maladyja róiz'a; и т.п.

Та же тенденция, по нашим наблюдениям, в большей или меньшей
 степени затрагивает белорусские говоры и в других местах, где язы-
 ковая ситуация примерно такова же, как в Гервятях. В частности
 использование формы 3 л. ед. ч. настоящего и простого будущего вре-
 мени в качестве единой для обоих чисел отмечено в следующих пунк-
 тах территории литовско-белорусского пограничья, где хотя бы часть
 населения двуязычна: на Гродненщине - дер. Лаздуны (Ивьевский
 р-н), Засетье (Дятловский р-н), Пелеса (Вороновский р-н), а также
 в нескольких деревнях в Браสลавском р-не Витебской обл. - Игна-
 тишки, Пеляканы, Мисянцы. Ср.: čórt bátam pa_nayáx b'jé, a xlópcy
 jaščé mandréi nayám'i vystúk'ivaja, skáča; l'úz'i n'i v'ěruc', za-
 tým i rób'ic' ták; zára majíx az'inás'c'a synóu, dvanásty bác'ka
 prýž'a, vás nakórm'ic'; paklál'is'a na yarú i s'p'íc' janý užó;
 čěrc'i n'i xóča dác' s'p'ékla v'én'ika (Лаздуны); xadn'í sórag
 m'inút, a l'úz'i čas búž'a čakác', n'a iz'é p'ěšu; makaróny pry-
 jéssa, a kartófl'i n'ikaýdá n'i pryjéssa; túd yarýx'i n'a ras'c'é
 (Засетье); pěčóly ukús'ic'; γl'az'íc' aróstaly; žýly pas'əyn'acca
 pa_n'ėb'a - na dōšč; s'ėli čěrc'i na bėl'ku, kōnna s'az'íc';
 ž'éc'i skačája balvaná s' s'n'ėyu; stán'a xlópcy s'p'avác'; jag
 zrób'icca ténča to zára xmáry náiz'acca; na ž'én' zajmájacca zóry
 (Пелеса); janý az'ín adnayó znájic' i rób'ic' štó xósc'ic'; jayó-
 nuja ž'éc'i žyv'éc' u yóraz'i (Игнатишки); u v'ósca l'úz'i jak
 ubáçyc' míxu b'aréc' u lóšku i vyl'ijic', a u yóraz'i ščé, i ab-
 l'ížyc'; u yóraz'i l'ók'ijá l'úz'i - pav'ėrn'icca, n'a pryc'ís'-
 n'ic' (Пеляканы); c'ap'ėr l'úz'i na éta n'a γl'az'íc'; iz'éc'
 báby i n'as'éc' kóçyk'i γrybóu nabráušy; kúry kudėkajic'; g'v'áz-
 dy s'v'éc'ic', našl'ís'a; karóvy stajíc' u vaz'é; vášyja ž'ėtk'i
 navúčanyja búž'ic' (Мисянцы).

Эта изоглосса, по-видимому, продолжается и в Литве, на Вилен-
 щине. Ср. записанные Е.Гринавецкене примеры: "няхай ляціць дзеці
 ў лес, яны ганяе яе вон"⁵, а также записанные нами в дер. Бражо-
 ла (близ Тракай) польские формы: u nás jak končáji žýta žác' tédu
 dožýnk'i rób'i; jag žýta póžn'i l'úz'i na aržýsku púšca króvy;
 kúry jákuf n'e n'és'i.

Если принять во внимание приведенные материалы, то и примеры
 Е.Ф.Карского, по всей вероятности, следует квалифицировать как

⁵ E. Grinaveckienė. Lietuvių ir slavų kalbų gramatinio kontaktavimo
 reiškinių pietryčiu Lietuvoje. "Lietuvių kalbos gramatikos tyri-
 nėjimai" (LKK XI). Vilnius, 1969, стр.225.

формы 3 л. ед. числа, выступающие в функции 3 л. мн. числа согласно той же тенденции.

2. В тех же говорах в области глагола прослеживается еще одна черта, связанная с условиями двуязычия. Речь идет о функционировании возвратного аффикса -s'a, который под воздействием литовского терчет здесь обычную для всякого белорусского диалекта роль формального показателя интранзитивности и начинает употребляться в составе некоторых переходных глаголов. В говоре дер. Пелеса эта черта выступает наиболее отчетливо. Ср.: nab'arýs'a yrúškaŭ u_k'a-šénk'i; zav'azálas'a xústku na drény bók; búdu abuyácca týja bóty bo_paxalaz'éla; mun'z'ír na z'éus'a; máitk'i nac'aynúus'a; xalát na z'élas'a; na z'énus'a jarm'ák; výn'asus'a z'éučynku, pav'azús'a - mn'é tadý us'ó l'óka byló; výv'aus'a jajé, pav'óus'a s_sabóju; na v'az'm'az'á rašótku takúju n'as'écca; us'éŭka što mája nós'icca s_sabóju; pap'arósu ukus'íušys'a u_zúby; začynúus'a z'v'éry; začyn'ús'a s'v'ín'a i_móža pav'azús'a túju búl'bačku; pakapál'is'a saldáty akópy samýja sab'é; pašýus'a kažux; kam'izél'ku pašýus'a; nap'isáus'a p'is'mó; pračytálas'a ks'ónšku; kup'íus'a xl'éba, baŭku túju kup'íus'a; zapál'icca gazóčku unócy i_s'a z'íc'.

Контекстуально в этих и подобных случаях выделяется семантический признак, сообщаемый глаголу возвратным аффиксом, — действие в интересах субъекта, при этом иногда можно наблюдать достаточно четкую дистрибуцию возвратных и невозвратных форм. Ср., напр.:

- já paídú tab'é xl'éba pryn'asú.

- n'é, táta, já samá paídú pryn'asús'a.

(Ср. в литовском:

- áš ajs'ú táu d'ónos atn'ašú.

- n'é, táta, aš ajs'ú pác'i ac's'in'ašú.)

Связь приведенных фактов с литовской системой в условиях говора несомненна. В некоторых случаях она выражается в полном параллелизме семантического нюанса, как, напр., в императиве z'jéš-s'a! ~ лит. susvál'g'ik! (пояснение информанта: z'jéšs'a a_n'i, z'jéš - éta strášn'a pa_dóbras'c'i yavórac', z'jéš samá, tó týl'ko d'l'a_c'ib'é). Однако безупречной симметрии белорусской и литовской картины все же нет. Расхождения касаются частных случаев — оформления отдельных глаголов; основное же различие в этом отношении состоит в стабильности литовской системы по сравнению с белорусской, где допустимы колебания вплоть до факультативности -s'a (ср. šmát l'uz'éi sabráušy - šmát l'uz'éi sabráušys'a; súkn'u pašýlas'a - súkn'u pašýla).

В исследованиях по белорусской диалектологии переходные глаголы с возвратным аффиксом не отмечались, их нет и в материалах картотеки ДАБМ; однако, по нашим наблюдениям, они в той или иной степени представлены во всех тех говорах, которые существуют в условиях литовско-белорусского двуязычия. Приводим некоторые записи из разных мест: paídú xl'éba atkrójus'a u_kamórcy; nabrálas'a štó xac'éla; n'axáí jón z_mayaz'ína pryn'as'écca xl'éba; n'axáí jón s_pól'a pryn'az'écca žýta; vaz'mú pračytájus'a p'is'mó; paídú p'eraaz'énus'a druyúju súkn'u; pryn'ós's'a týja yrósy (Гервяти); zdal'óka v'idácca yéty kám'an; štó na_ab'ét pryn'és'c'is'a?; já sus'ím xac'éla vatóvačku na z'écca; cybúl'k'i pryn'a-s'óms'a paščypájims'a; žaltáčn'ika náda nabrácca; já slúxajus'a druy'í rás yéta; xl'éba kup'ílas'a, batónuf kup'ílas'a; ul'ís'a kávy kúbačak; (Игнатишки); sól'anaí tróxa zvarús'a; vadý paídú pryn'asús'a (Засетье); pav'ós's'a tóí bác'ka túju dačku u_l'és; bačanók zólata s_sabóju uz'áus'a (Лаздуны).

В Лаздунах и Засетье, где литовский уже почти не используется активно, подобные формы крайне редки.

Приведенные факты наводят на предположение, что прямой или косвенный контакт с литовским мог послужить первоначальным импульсом и для появления диалектных форм, отмеченных у Ф. Богушевича⁶ (забалецца, прыдуцца, прайшлося и др.), а также для тех специфических форм (типа: зайдз'ис'a, заб'агус'a; заляцецца, адшыоўся, праехаўся), которые рассматриваются в исследовании Ю. Ф. Мацкевича⁷. (В том и другом случае речь может идти лишь о воздействии литовской системы в самом общем плане, так как конкретные лексические соответствия в литовском могут оформляться как раз иначе, чем в белорусском). Однако с определенностью об этом сейчас трудно судить, поскольку в географическом плане вопрос о лексическом составе "возвратности" в белорусских диалектах еще не изучался.

⁶ См.: В. И. Марозаў. Марфалагічныя дыялектызмы ў творах Ф. Багушэвіча. "Даследаванні па літаратуры і мове". Гродна, 1967, стр. 152-161.

⁷ Ю. Ф. Мацкевіч. Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959, стр. 76-77.

СМЯГЧЕНИЕ СОГЛАСНЫХ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ ГОВОРОВ ЛАТГАЛИИ

В настоящей статье мы рассмотрим вопрос об условиях смягчения согласных в говорах Латгалии и с учетом правил палатализации согласных обсудим некоторые спорные вопросы исторической морфологии.

Смягчение согласных

Характерной чертой большинства говоров Латгалии является смягчение согласных¹. Только в некоторых говорах, граничащих с Видземем, например, Баркава², палатализация согласных еле ощутима и не играет существенной роли в фонетической системе этих говоров.

Условия смягчения согласных в говорах Латгалии следующие.

1. Все согласные, за исключением г, ш, ж, ч, з в большинстве говоров (что объясняется влиянием польского и белорусского языков), регулярно смягчаются перед i, ī, ie, iu, e, ē (< e), ä (< ē), ē (< ē), ā (< ē), ei, ēi (< ei), āi (< ei) и смягченными согласными, напр.: *šist* 'бить' Звиргздене FBR X, 23, *dina*² 'день' Звиргздене FBR X, 25, *šierps*² 'серп' Цибла FBR VI, 32, *hiu* 'только что' Пилда FBR XIII, 42, *vežu* '(я) вез, вел; (я) везла, вела' Скайста FBR XV, 35, *mutā* 'рот; лицо' Звиргздене, Пилда, Цибла, *klāust*² 'спрашивать' Звиргздене, Пилда, Цибла.

2. Согласные палатализованы перед гласными i, e конечных слов, исчезнувшими уже в дописьменную эпоху³, напр.: *naktš* 'ночь'

¹ О смягчении согласных в говорах Латгалии и хронологии возникновения этого явления более подробно см.: А. Б р е й д а к. Некоторые вопросы истории консонантизма и развитие фонологической системы согласных в говорах Латгалии. "Baltistica", I priedas, 1972.

² J. C e r i k s . Barkavas pagasta izloksne. "Filologu biedrības raksti" (далее: FBR), XIII. Rīgā, 1933, стр. 24.

³ Я.Эндзелин считал, что краткие гласные e, a, i конечных слогов исчезли в латышском языке до XVI в., см.: J. E n d z e l ī n s . Latviešu valodas skaņas un formas. Rīgā, 1938 (далее: Lvskf.), стр. 33; J. E n d z e l ī n s . Latviešu valodas gramatika.

(nom. sing.) Звиргздене FBR X, 30 (< *noktis), *mūt*² 'мать' (voc. sing.) Звиргздене, Пилда, Цибла (< *mōte), *kālt*² 'ковать' Карсава FBR XII, 27 (< *kolti), *būš* 'будет; будут' Звиргздене, Карсава, Нирза, Пилда, Цибла (< *būsi, ср. др.-лит. *būsi-gu*⁴).

3. Согласные k, g перед палатализованными согласными в части говоров не смягчаются, напр.: *lik*² 'класть' Карсава FBR XII, 49, *vilkt* 'тянуть' Пилда FBR XIII, 40, но *lik*² 'класть' Варакляны FBR XI, 103.

4. Согласные s, t смягчаются после i, ī, e, ē (< ē), ā (< ē), ie, ei: *gūš*² 'корова' (nom. sing.) Преиля FBR VIII, 14 (< *gōvis), *saulis*² 'солнца' (gen. sing.) Варакляны FBR XI, 103 (< *saules*), *treiš* 'три' Звиргздене FBR X, 31, Калупе FBR XVIII, 42, Карсава FBR XII, 54, *treiš* 'три' Варакляны FBR XI, 110.

Вышеизложенные правила смягчения согласных (пункты 2 и 4) весьма существенны для решения некоторых вопросов исторической морфологии говоров Латгалии, ибо по признаку смягченности-несмягченности согласных можно определить, какие именно краткие гласные исчезли в абсолютном конце слова: переднего ряда или среднего и заднего рядов.

Исходя из пунктов 2 и 4 правил смягчения согласных, рассмотрим два спорных и нерешенных вопроса исторической морфологии говоров Латгалии: 1) об исчезнувшем кратком гласном в абсолютном конце слова в формах локатива множественного числа и 2) о возвратной морфеме.

Исчезнувший гласный в окончаниях локатива
множественного числа

Окончание локатива множественного числа *-su засвидетельствовано в трех ветвях индоевропейского праязыка: в индо-иранской, славянской и балтийской, напр., др.-инд. *tri-śu* 'в трех', ст.-слав. *трѣ-хъ*, др.-лит. *tri-su*⁵. Наряду с конечным -u в древнелитов-

Rīgā, 1951 (далее: Lvgr.), стр. 80-81. Однако новейшие исследования показывают, что исчезновение кратких гласных конечных слогов следует отнести к более раннему периоду. По мнению М.Рудзите, краткие гласные конечных слогов исчезли во второй половине I тысячелетия, см.: M. R u d z i t e . Latviešu dialektoloģija. Rīgā, 1964 (далее: Ld.), стр. 23.

⁴ См. также Lvgr. 859.

⁵ K. В r u g m a n ņ . Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, II (2). Strassburg, 1911, стр. 247;

ских текстах (dienosu⁶ и т.д.) и диалектах литовского языка (šakšū Тверечюс⁷, ūpėsu, viėtosu Адутишкис⁸ и т.д.), в современном литовском литературном языке и диалектах литовского языка представлено и конечное -e в флексии локатива множественного числа. В латышском языке краткие гласные в абсолютном конце слова исчезли. Но какой краткий гласный - u или e - исчез в обсуждаемых формах латышского языка, этот вопрос Я.Эндзелин оставил открытым⁹.

На основании правил смягчения согласных (пункты 2 и 4) мы в данном случае можем сделать выбор между гласными u и e в латгальском диалекте.

Формы локатива множественного числа имен существительных с основой на -(i)o-¹⁰ в говорах Латгалии имеют окончание -ūs, напр.: gonūs 'в пастухах' Пилда FBR XIII, 49, kūkūs² 'в деревьях' Балтинава FBR, 132, Пилда FBR XIII, 49, ceļūs 'на дорогах' Балтинава LD 332, Калупе FBR XVIII, 40, Краслава FBR XII, 34, Ливаны FBR XX, 141, Прейли FBR, 12, Скайста FBR XV, 38. Это же окончание -ūs имеют: 1) существительные с основой на -iio-, напр.: brūoļūs² 'в братьях' Балтинава FBR XI, 132, Звиргздене FBR X, 29, Калупе FBR XVIII, 40, Краслава FBR XII, 35, Скайста FBR XV, 39, Цибла FBR VI, 38, cūoļūs² 'в цыплятах' Варакляны FBR XI, 108, būoļūs² 'то же' Калупе LD 334; 2) существительные с основой на согласный, напр.: akņiņūs 'в камнях' Калупе FBR XVIII, 40, Крас-

лава FBR XII, 35, iudīņūs 'в водах' Звиргздене, Нирза, Пилда, Цибла; 3) существительные с основой на -u-, напр.: ladūs 'во льдах' Вилляка, Звиргздене, Нирза, Пилда, Цибла, tīergūs² 'на рынках, на базарах' Дагда, Звиргздене, Нирза, Пилда, Цибла.

Имена существительные с основой на -(i)ā- в говорах Латгалии имеют окончание локатива множественного числа -uōs, напр.: loruōs 'в листьях' Резна, rūkuōs² 'в руках' Звиргздене FBR X, 29, Калупе FBR XVIII, 40. Формы локатива множественного числа существительных с основой на -(i)ā- имеют следующие окончания: 1) -ēš: pēlēš 'в мышах' Варакляны FBR XI, 108, ūģiēš² 'в углях' Скайста FBR XV, 38; 2) -iēs: bāģiēs² 'в катушках', mōtiēs² 'в матерях' Извалта; 3) -iš, например: mōtiš² 'в матерях', zēmiš 'в землях' Краслава FBR XII, 35; 4) -uōs: mājūōs² 'в языках' Цибла FBR VI, 39, mōtūōs² 'в матерях' Калупе FBR XVIII, 41. Имена существительные с основой на -i- имеют следующие окончания локатива множественного числа: 1) -iš, напр.: aciš 'в глазах' Калупе LD 340, āušiš² 'в ушах' Краслава, FBR XII, 36, pīertiš² 'в оных' Варакляны FBR XI, 109; 2) -iēs, напр.: širdiēs 'в сердцах' Извалта; 3) -ēš, напр. širdēš 'в сердцах' Скайста FBR XV, 38; 4) -uōs, напр.: acūōs 'в глазах' Калупе FBR XVIII, 41, širdūōs // širdūōs 'в сердцах' Цибла FBR VI, 39.

Как видно из перечня окончаний локатива множественного числа имен существительных, твердый согласный в наличии в окончаниях -ūs, -uōs. Эта же закономерность относится и к другим склоняемым частям речи, напр.: sausajūs (masc.), sausajuōs (fem.) 'в сухих' Варакляны FBR XI 109, trejūs (masc.), trejuōs (fem.) 'в трех' Аглона, Извалта, Резна, jamūs (masc.), jamuōs (fem.) 'в них' Варакляны FBR XI, 110, Калупе FBR XVIII, 43, Скайста FBR XV, 40. Лишь в окончаниях имен существительных -ēš, -iēs, -iš согласный s смягчен. Правда, иногда в этих окончаниях s является твердым согласным, но это объясняется непоследовательностью написания, напр. āušiš² 'в ушах', но aciš 'в глазах' Краслава FBR XII 36. Исходя из правил смягчения согласных (пункты 2 и 4) и учитывая данные родственных языков, мы можем сделать вывод, что в окончаниях локатива множественного числа в абсолютном конце слова в латгальском диалекте исчез краткий гласный -u (= др.-лит., лит.диал. -u, ст.-слав. -ъ, др.-инд. -u)̄. В окончаниях -ēš, -iēs, -ēš согласный s произносится смягченно под влиянием предыдущих гласных ē, ī и дифтонга ie.

А. М е й е. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938, стр. 306; J.P l ā ķ i s . Indoeuropiešu valodu salīdzināmā gramatika. Rīga, 1938, стр. 149.

6 См.: J.P l ā ķ i s . Leišu valodas rokas grāmata. Rīga, 1926, стр. 38.

7 См.: J.O t r e b s k i . Gramatyka języka litewskiego, t. III. Warszawa, 1956, стр. 27.

8 См.: V.M a ž i u l i s . Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai. (Deklinacija). Vilnius, 1970, стр. 223.

9 Lvskf. 106, 111, 112, 115, 120; Lvgr. 407, 408, 419, 424, 436, 448, 449.

10 Мы употребляем классификацию основ имен существительных, принятую в сравнительной грамматике балтийских языков. С точки зрения современного состояния все имена существительные в латышском языке имеют основу на согласный звук. Историю долгих гласных и дифтонгов в окончаниях локатива, как не относящуюся к теме данной статьи, мы не рассматриваем. Необходимые справки по этому вопросу читатель может получить из "Грамматики латышского языка" Я.Эндзелина и "Латышской диалектологии" М. Рудзите.

В говорах Латгалии между приставкой и корнем глагола (или отглагольного существительного) имеется возвратная морфема *-sa-*, *-za-*¹¹, а в конце слова *-s*, напр.: *ap-sa-ova* 'он обулся, она обулась, они обулись'. Преи́ли, *nū-za-ova*² 'он разулся, она разулась, они разулись'. Пилда, *sāucū-s*² 'я называюсь' Мердзене.

По мнению В.Поржезинского, в латышском языке представлены возвратные морфемы *-si-*, *-sa-* и *-se-*. Морфема *-si-* (= лит. *-si-*) является продолжением старого дательного падежа. В литовско-латышскую эпоху из общепольского **sa⁰i* была получена форма **sie*, которая в энклитической позиции изменилась в *si*. Морфема *-se-* представляет собой форму старого винительного падежа **sa^e* (ср. греч. ἕ), которая в общиндоевропейском чередовалась с **sa⁰*, откуда латышская возвратная морфема *-sa-*. Последняя форма в восточнолатышских говорах может быть и рефлексом старого **sa^{e12}*.

Я.Эндзелин отрицает рефлекс индоевропейского винительного **se/*so* в латышском языке. По его мнению, возвратные морфемы *-sa-*, *-za-* произошли из *-si-* в результате ассимиляции после приставок *ap-*, *at-*, *pa-*, *sa-* и потом были обобщены. В литовско-латышской морфеме *-si-* он видит старую форму **sie*, которая является продолжением индоевропейского дательного падежа **sei*¹³.

Чтобы выяснить историю возвратной морфемы в латгальском диалекте, обратимся к данным исторической фонетики латгальских гово-

¹¹ По А. Бецценбергеру, в верхнелатышском наличествуют также возвратные морфемы *-so-*, *-si-* и *-ze-*. См.: A. B e z z e n b e r g e r. Lettische Dialectstudien. Göttingen, 1885, стр. 74. Морфемы *-so-* и *-ze-* ошибочны (ср. также Lvgr. 914). Морфема *-si-* также не представлена в говорах Латгалии. Она часто встречается лишь в старолатгальских письменных памятниках (см. Lvgr. 911), но, возможно, является литуанизмом, ибо авторами этих памятников были литовские и польские священники. Единственное слово *-pasivere* 'они посмотрели' из народной песни 14124, 1 (бывш. Ливанская волость Двинского уезда, см.: Хр. Б а р о н и Г. В и с с е н д о р ф. Латышские народные песни, т. III (1). СПб., 1904, стр. 325), содержащее возвратную морфему *-si-*, сомнительно, ибо диалектологами в ливанском говоре отмечена только возвратная морфема *-sa-*, см.: L. L a t k o v s k i s. Līvānu izloksne. - FBR XX, 153.

¹² В.К. Поржезинский. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. М., 1903, стр. 88-90.

¹³ Lvskf. 199-200; Lvgr. 914-916.

ров, а именно, выясним качество согласного *s* по признаку твердости-смягченности в абсолютном конце слова возвратных форм.

Возвратная морфема *-s* представлена в следующих окончаниях латгальских говоров: 1) *-ūs*: *ceļūs* 'поднимаюсь' Пилда FBR XIII, 55, *nasūs* 'несусь' Скайста FBR XV, 44, *turūs* 'держусь' Калупе FBR XVII, 48, *rešūs* 'я несся, я неслась' Мердзене, *skrūtūs*² 'состязаться в беге' (супин) Пилда, (*mās*) *sāuktūs*² '(мы) назывались бы' Нирза; 2) *-uōs*: *ceļuōs* 'поднимается, поднимаются' Балтинава FBR XI, 137, *sokuōs* 'говорится' Краслава FBR XII, 39; 3) *-ās*: *ceļās* 'поднимается, поднимаются' Звиргздене FBR X, 35, Краслава FBR XII, 39, Пилда FBR XIII, 55, *nasās* 'несется, несутся' Скайста FBR XV, 44.

Смягченный согласный *s* установлен в следующих окончаниях: 1) *-iš*, напр.: *skrūtīš*² 'состязаться в беге' Пилда, *ceļiš* 'поднимаешься' Звиргздене FBR X, 35, *džierdiš* 'слышится' Пилда FBR XIII, 55; 2) *-ēš*, напр.: *ceļatēš* 'поднимаемся', *ceļatēš* 'поднимаетесь' Варакляны FBR XI, 115, Звиргздене FBR X, 35.

Из вышеизложенного вытекает, что в латгальском диалекте возвратные формы в абсолютном конце слова утратили краткий гласный среднего или заднего ряда, в окончаниях же *-iš*, *-ēš* согласный смягчен под влиянием предыдущих гласных переднего ряда *i*, *ē* (< *e*). Если бы в возвратных формах исчез краткий гласный переднего ряда *e* или *i*, то в таком случае согласный *s* был бы смягченным и после *ū*, *uō*, *ā* (ср., напр., формы будущего времени *jūōs* 'будет ехать, будут ехать' Пилда **jōsi*, *dūs* 'даст, дадут' Пилда **dōsi*); но таких форм в действительности нет. Поэтому, ясно, что в эпоху исчезновения кратких гласных конечных слогов в латгальском диалекте не могло быть возвратных морфем **se*, **si*. Единственным приемлемым решением, не противоречащим данным исторической фонетики, может быть только одно: в эпоху исчезновения кратких гласных конечных слогов в латгальском языке была возвратная морфема **-so-*, **-so*, давшая рефлекс *-sa-*, *-za-* между приставкой и корнем и *-s*, *-š* в абсолютном конце слова. Судя по данным латышских народных песен¹⁴ и латышской диалектологии¹⁵, эта морфема была также в куршском языке и языке селов.

Я.Эндзелин отрицал возможность формы винительного падежа возвратного местоимения **so* на том основании, что в других индоевропейских языках нет следов такой формы¹⁶. Однако при решении

¹⁴ A. O z o l s. Latviešu tautasdziesmu valoda. Rīgā, 1961, стр. 86.

¹⁵ Ld. 141 и 378.

¹⁶ Lvgr. 913-914.

этой проблемы следует учитывать тот факт, что в индоевропейских языках представлено большое разнообразие форм личных и возвратных местоимений. Признаки падежей по разным языкам меняются. Поэтому создается впечатление, что личные и возвратные местоимения в индоевропейском языке первоначально не имели склоняемых форм. Склонение местоимений формировалось позже под воздействием парадигм других склоняемых частей речи¹⁷.

В восточнобалтийских языках возвратные морфемы имеют значение дательного или винительного падежа. Поэтому можно согласиться с мнением В. Поржезинского, что в восточно-балтийском были две формы возвратного местоимения (дательный падеж и винительный падеж), позже – возвратные морфемы¹⁸. В литовском языке была обобщена форма дательного падежа *si* (< *sie < *sei), в латгальском же¹⁹ – форма винительного падежа *so (ср. греч. ξ < *se).

М.И. Лекомцева

К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ДИАЛЕКТОВ ЛАТВИЙСКОГО ЯЗЫКА

С точки зрения сравнительно-исторической грамматики латвийские диалекты объединяются в три группы: среднелатвийскую, верхнелатвийскую и ливонскую¹. Однако такое распределение говоров не обязательно должно сохраняться при переходе к другому основанию выделения групп диалектов и к другому объему понятия диалекта. Последнее очевидно: здесь рассматривается только фонологическая система в синхронном состоянии и не учитываются данные морфологии, синтаксиса и лексики. Что касается основания для выделения групп диалектов, то в сравнительно-исторической грамматике такой единицей является исторический переход одного звука в другой (например, *a* > *o* в верхнелатвийском диалекте: *māte* 'мать' > *mōt'e* и т.п.) или переход целого класса звуков в другой класс (например, монофтонгизация дифтонгов и дифтонгизация монофтонгов в верхнелатвийском). Материалом исследования в соответствии с этим здесь оказывается существенный для этимологии корпус слов, который может быть представлен рядом изоглосс. Этот результат – картографирование ориентированных на реконструкцию фонетического развития диалекта слов и выделение диалекта как пучка изоглосс – дополняется обычно замечаниями о фонетической реализации звуков, что могло бы быть также картографировано, по мысли Н.С. Трубецкого², но в виде окрашивания или соответствующей штриховки. Как "этимологический" принцип, так и "фонетический" дают "лингвистическую непрерывность" в смысле А.Мейе³, когда выделение какой-то группы говоров – выбора определенных изоглосс и предпочтение их определенных конфигураций – является результатом опыта и интуиции исследователя.

¹⁷ См. А. Мейе. Введение ..., стр. 339; А. Мейе: Общеславянский язык. М., 1951; К. Кузавинис. Некоторые вопросы истории местоимений в литовском языке. "Конференция по вопросам истории балтийских языков". Программа и тезисы докладов. Вильнюс, 1964, стр. 12.

¹⁸ См.: В.К. Поржезинский. Указ. соч., стр. 90–92.

¹⁹ Это предположение, возможно, относится также к куршскому языку и языку селов.

¹ M. R u d z ī t e . Latviešu dialektoloģija. Rīga, 1964; J. E n d z e l ī n s , K. M ī l e n b a h s . Latviešu valodas izloksnes, teksti un apraksti. "Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas Rakstu krājums". Rīgā, XIII, 1901, стр. 63–97; О н ж е. Baltu valodas skaņas un formas. Rīgā, 1948.

² N. S. T r u b e t z k o y . Phonologie und Sprachgeographie. – TCLP, IV, 1931.

³ J. E n d z e l ī n s . Ievadījums valodniecībā. "Izglītība", 1910, № 8, стр. 598 и след.

Как подчеркивал Н.С.Трубецкой, описание фонологической системы диалекта дает возможность картографирования дискретных единиц и выделения типов, выходящих за рамки диалектов данного языка и даже языковой семьи⁴, что было тогда же продемонстрировано работой Р.О.Якобсона о фонологических языковых союзах⁵.

Однако картографирование или описание ареала типов фонологических систем может быть проведено различными способами. Можно выбрать один (или несколько) фонологических признаков и описать их распространение. Примерами могут служить работы Н.С.Трубецкого⁶ и Р.О.Якобсона⁷. Статистическую интерпретацию такого варианта дал Э.Афендрас, правда, для балканского языкового союза⁸.

Переход к дифференциальным фонологическим признакам привел к типологии, для которой характерно описание ареалов релевантных фонологических признаков⁹ системы диалекта в парадигматическом отношении.

Задачей настоящей работы является продолжение этих работ путем учета синтагматических отношений фонологических признаков и включения в сферу исследования фонологических систем соприкасающихся территорий.

В связи с этим необходимо ввести понятие типологического признака, который бы охватывал как парадигматические отношения дифференциальных признаков фонологической системы, так и их синтагматические отношения. Основу для такого понятия дает представление о синтезе фонологической системы в общем смысле (т.е. синтезе фонем, слогов и слов).¹⁰

Относительно парадигматической оси понятие о типологическом признаке будет строиться так. Дерево, представляя фонологическую

систему, рассматривается как синтез фонем из признаков. Например¹¹, в среднелатышском диалекте нет мягких согласных, поэтому синтезированная последовательность признаков $v^{\circ}c$ имплицитно недвизность (s°):

$$v^{\circ}c \longrightarrow s^{\circ} \quad (1)$$

В ливонском диалекте по мягкости различаются только среднеязычные, что отражается при синтезе в виде следующих правил:

$$v^{\circ}c \quad c_p \longrightarrow s^{\circ}, \quad (2)$$

$$v^{\circ}c \quad g^{\circ} \quad c_p \longrightarrow s^{\circ}. \quad (3)$$

В верхнелатышских говорах таких импликаций нет, так как там согласные противопоставляются по мягкости. Точно такие же импликации можно получить относительно синтагматической оси фонологической системы. Например, для ауслаута латгальских диалектов имеем правила типа $(v^{\circ}c)_n \longrightarrow v^{\circ}c_n$ (т.е. конечный согласный оглушается). В остальных диалектах латышского языка конечный согласный может противопоставляться по глухости, так что там данная импликация не действует.

Импликация фонологических признаков, относительно которой различаются описания двух диалектов, будет называться типологическим признаком.

Типологический признак, определяющий ареал смежных диалектов, может изображаться на карте изоимпликатой.

Изоимпликата выделяет, таким образом, область, для которой может и не быть общих изоглосс. Например, изоимпликата (1) выделяет ареал, куда входят, кроме среднелатышского диалекта, германские языки, романские (кроме румынского) и многие другие языки, которые трудно было бы объединить хотя бы одной какой-либо общей изоглоссой.

Второй задачей настоящей статьи является выделение типов исследуемых фонологических систем, т.е. устойчивых комплексов типологических признаков, и характеристика фонологических систем латышских диалектов относительно выделенных типов.

Относительно вокализма латышских диалектов отправной точкой исследования является идентификация гласных, проведенная В.Зепсом¹².

Хотя относительно латышского литературного языка могут быть высказаны сомнения по вопросам включения в систему o, e и æ как са-

⁴ Н.С.Трубецкой. Указ. соч., стр. 233.

⁵ R. Jakobson. Über die phonologischen Sprachbunde. - TSLP, IV, 1931.

⁶ Н.С.Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960. Относительно фонологической системы латышского языка см. стр. 147, 178, 206-246, 268.

⁷ R. Jakobson. Указ. соч., а также: Р.Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931.

⁸ E. A. Afendras. Mathematical models for Balkan phonological convergences. Quebec, 1969.

⁹ V. J. Zepš. Latvian and Finnic linguistic convergences. The Hague, 1962, стр. 46-83.

¹⁰ Впервые идея правила синтеза как единицы типологического измерения была высказана Вяч. Вс. Ивановым при обсуждении работы автора по типологии фонологических систем славянских языков.

¹¹ Ср.: V. J. Zepš. Указ. соч., стр. 77-79.

¹² V. J. Zepš. Указ. соч.

мостоятельных фонем¹³, включение этих гласных в систему среднелатышского диалекта надо считать оправданным.

Если в литературном языке распределение е и æ подчиняется правилам своеобразного сингармонизма (своеобразие в том, что здесь направление согласования идет с конца слова), например, в *velena* 'дёрн' (æ ← æ ← a) и *zemene* 'земляника' (e ← e ← e) компактность первого гласного определяется компактностью второго, а компактность второго определяется компактностью третьего, последнего гласного, — то в говорах среднелатышского диалекта происходит, с одной стороны, некоторое расширение сферы действия согласования гласных за счет включения диффузности, а с другой стороны, нарушение того типа согласования е и æ, которое наблюдается в литературном языке. Так, например, при *dağa* и *bāga* существуют *sega* и *vēlam*, т.е. (æ ← a) и (e ← a), при *dežinat* — *dāsmītais*, при *nēsiet* — *svētdiena* (e ← i) и (æ ← i) и т.п.¹⁴

Если наличие в слове о в литературном языке указывает на новое заимствование, то в среднелатышском диалекте этот звукотип выступает хотя и не регулярно, но достаточно определенно в ряде говоров: *sokās* 'начинается' в Скайсте и др., *lokas* 'кудри', *plokāt* 'снег идет мокрыми хлопьями' *koīkšēt* 'урчать', *žofdas* 'жердь' в Браслане и др.¹⁵

Если говорить о гласных латгальского диалекта в идентификации В.Зепса вызывает сомнения включение ингерентного признака глоттализованности для различения долгих гласных ā, ī и ū¹⁶.

На первый взгляд прерывистая интонация в латышском языке дает основания трактовать фарингальную смычку как ингерентный признак гласных, во-первых; как самостоятельный согласный или "негласный — несогласный", во-вторых; как просодический признак, в третьих¹⁷. Однако дальнейший фонологический анализ показывает, что вторая интерпретация не оправдывается для латышских диалектов, так как из транскрипции фрагментов a'a, i'i, u'u и т.п. невозможно выделить фонему ' как самостоятельный дистрибутивный класс. Включение глоттализованности в ингерентные признаки тре-

бует идентификации по этому признаку всех гласных, дифтонгов и сочетаний гласных с сонантами, т.е. приводит к признаку, который может характеризовать медиаль и финаль слога в целом, не относясь определенно ни к одному элементу в частности, — является типичным супрасегментным признаком. Характер противопоставления и нейтрализации этого признака с длительной, нисходящей и восходящей интонацией также заставляет отнести его к просодической системе языка¹⁸.

Рассматривая идентификацию сонантов В.Зепсом, надо учесть, что в настоящее время r', если и есть в каком-нибудь говоре, то находится в свободном варьировании с r (обратное неверно)¹⁹ и находится, таким образом, вне фонологической системы современных латышских диалектов.

Что касается идентификации согласных, то наиболее очевидным изменением в схеме В.Зепса должно быть включение признака мягкости для определения среднеязычных согласных в ливонских диалектах, например *rīt*² < [rīta] 'утром', *rīt*² < [rīti] 'восток', см. вышеприведенные импликации (2) и (3).

Наиболее трудный момент в идентификации латышских согласных связан с признаками звонкости и напряженности (Vc и T).

Обычно эти признаки так связаны между собой, что глухие согласные являются напряженными, а звонкие — ненапряженными²⁰. С точки зрения анализа распределения этих признаков существенно то, что и в ливонских и в среднелатышских диалектах те и другие согласные (т.е. звонкие и глухие или напряженные и ненапряженные) выступают не только перед гласным и сонантом, но и в конце слова (*mās*² 'сестра!' — *māz* 'мало' в Эзери, ср. в литературном [tas nau nez daūz, nez maz] или в ливонском *lāb* 'хорошо' — *lapp* 'лист').

В консонантной группе конечного слога отсутствует "согласование" по звонкости (например, в ливонском *dābt* 'получить', *gulbs* 'лебедь', *māzgc* 'мышь', *miežš* 'лес' или в южной части сред-

¹³ В.Зепс отождествляет фонологическую систему литературного языка со среднелатышским диалектом.

¹⁴ См.: M.R u d z ī t e . Указ. соч., стр. 66-78; J.E n d z e - l ī n s . Указ. соч., стр. 25-26, 37-41.

¹⁵ M.R u d z ī t e . Указ. соч., стр. 63-78.

¹⁶ V.J.Z e p s . Указ. соч., стр. 53.

¹⁷ У В.Зепса отразились все возможности этих трактовок (ср. стр. 64-67).

¹⁸ О синхронном и диахроническом аспекте прерывистой интонации см.: Вяч.Вс. И в а н о в . О прерывистой интонации в латышском языке. "Об.статей, посвященный Я.Эндзелину". Рига, 1959, стр. 133-148, а также: О н ж е . О происхождении ларингализации — фарингализации в енисейских языках. Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А.Реформатского". М., 1971, стр. 125-136.

¹⁹ М.И. Л е к о м ц е в а . Об уточнении понятия "свободное варьирование". "Фонологический сборник". Донецк, 1968, стр. 27-29.

²⁰ Н.С. Т р у б е ц к о й . Указ. соч., стр. 172-177.

нелатышских говоров, например stōgs 'стог', darzs 'сад'), продолжающееся и на территории Литвы²¹.

С другой стороны экспериментальное измерение длительности согласных и сонантов литературного языка показало, что с точки зрения длительности согласные и сонанты группируются в три класса: краткие, длинные и полудолгие²². Три степени длительности сонантов и согласных в фонетическом отношении соответствуют двум степеням в фонологическом, так как максимальная степень длительности соответствует гетеросиллабическому сочетанию первой или второй степени длительности с первой степенью длительности согласного или сонанта следующего слога (laṗ-ra или laṗ-ra', maṭ-ti или maṭ-ti, viš-si или viš-si и т.п.)²³.

Существенно заметить, что три степени длительности дают в латышском литературном языке (а в диалектах — тем более) только глухие согласные и сонанты. Звонкие согласные характеризуются одной степенью длительности, что особенно ярко видно из морфологических чередований:

[likku], [likki]²⁴, [likies], [lik:tu] 'класть',
но [augu], [augi], [(pa)augies]²⁴ [auktu] 'расти';
или [prast] — [prat̃a] 'уметь',
но [brist] — [brida]²⁵ 'брести'.

Эти факты склоняют к аналогии с эстонскими диалектами, в которых наблюдается три степени длительности (или напряженности) сонантов и согласных, причем звонкие (т.е. слабые) выступают только в первой степени длительности: ср. эст. koti 'опорки' koṭi 'мешок',

²¹ См.: Z. Z i n k e v i č i u s . Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1961, стр. 448; С.М. Толстая. Фонологический облик конца слова в одном жемайтском диалекте. "Балто-славянский сборник". М., 1972, стр. 135-139.

²² E. L i e p a . Nebalsīga troksneņu kvantitāte atkarā no pozīcijas mūsdienu latviešu litērajā izrunā. "Latvijas Valsts universitātes Zinātniskie raksti", XXXV, Rīgā, 1963. О н ж е. Nebalsīgo troksneņu kvantitāte starp uzsvērtu un neuzsvērtu Īsu patskaņi trīszilbju un četrzilbju vārdos. — Там же, LX, 1967; О н ж е. Skaneņu kvantitāte. "Latviešu valodas struktūras jautājumi", Rīgā, 1970.

²³ A. L a u a . Latviešu literārās valodas fonētika. Rīgā, 1969, стр. 68 и 139.

²⁴ A. L a u a . Указ. соч., стр. 96.

²⁵ Там же, стр. 99.

g. s. koṭti 'мешок' при kude, кое 'ткань', lina 'лен' — linna 'города' — liinna (со сверхдолгим n) 'в город'. Если не входить в детали спора относительно двух или трех ступеней согласных и сонантов в северэстонском диалекте и в литературном языке²⁶, то по крайней мере в южноэстонском диалекте несомненно наличие трех степеней длительности (=напряженности) согласных и сонантов, ср.: kala 'рыба' — kalla g. soṃ 'рыба' — kalla 'в рыбу'. В фонологической системе эстонского языка отсутствует, таким образом, противопоставление по звонкости в любой ступени длительности (напряженности) согласных и сонантов.

В латышских диалектах (за исключением латгальского) и в литературном языке наблюдается также три степени длительности глухих согласных и сонантов (третья — чисто синтагматическая), причем в первой степени длительности во всех диалектах противопоставляются согласные, которым можно сопоставить только признак звонкости — глухости. Например, даже в ливонских диалектах противопоставляются начальные k(kuņeļs 'жеребенок') и g(gūdrs 'умный'), t(tāus 'отец') и d(dābt 'получить'), p(pāgste 'волость') и b(borinat 'плохо говорить', barot 'кормить'). В конце слова (lāb 'хорошо' — lapp 'лист', ved 'веди' — ait 'овца'), в консонантных группах: (groļains 'неровный' — krās 'печка', prēset 'женить' — briēsmig 'странный', lōks 'время' — draū:gs 'друг') — краткие звонкие и глухие выступают на равных правах. Поэтому и для среднелатышского и для ливонского диалектов (в отличие от идентификации В.Зепса) разумно принять противопоставление согласных по звонкости-глухости.

Кроме этого, для сонантов и глухих согласных среднелатышского и латгальского диалектов необходимо ввести противопоставление по длительности, которое проще всего связать с дифференциальным признаком напряженности, а в ливонском говоре — для звонких и глухих согласных и сонантов.

²⁶ L. P o s t i . On quantity in Estonian. "Journal de la Société Finno-Ougrienne". Helsinki, 1950, N 54, 2; B. C o ḷ l i n - d e r . Three degrees of quantity. "Studia linguistica", 1951, V; J. M ä g i s t e . Några vid om den estniska kvantiteten. "Språkliga Bidrag", Lund, 1951, 1; V. T a u l i . The origin of the quantitative system in Estonian. "Journal de la Société Finno-Ougrienne", Helsinki, 1954, N 57; I. L e h i s t e . Segmental and syllabic quantity in Estonian. "American Studies in Uralic Linguistics". Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, 1960, 1.

Относительно ареального описания типологических признаков фонологических систем латышских диалектов на парадигматической оси, проведенного В.Зепсом, следует заметить следующее: ударение, которое падает во всех латышских диалектах на первый слог, не включается в число типологических признаков описываемого ареала. Интонация же относится к типологическим признакам, так как разделяет территорию Латвии на части. Прежде всего выделяется часть говоров, ограниченных линией Валга-Смилтене-Рауна-Цесис-Рубене-Буртниеки-Эргеме-Валга, а также островки в районе Блудене и Яунпилса, в которых противопоставляются прерывистая, длительная и нисходящая интонации: lūoks 'дуга' - lūoks 'окно' - lūoks 'лук (растение)',²⁷.

Ареал противопоставления нисходящей и прерывистой интонации, как определяет В.Зепс, находится западнее линии Лигане-Уогре-Красти. Этот ареал включает часть жемайтских говоров Литвы: его граница проходит по линии Вайнутас-Паграмантис-Упинас-Скаудвиле-Кражяй-Куршенай-Акмяне.²⁸ Противопоставление гласных по долготе представлено во всех латышских диалектах. Этот признак не является типологическим для латышских диалектов, но за пределами Латвии выделяет класс фонологических систем с имплицированной долгой (т.е. системы польского, белорусского и русского языков) и класс систем, в которых гласные противопоставляются по долготе (т.е. системы диалектов литовского, латышского, эстонского и шведского языков, не говоря о более дальних соседях). Относительно долготы сонантов и глухих согласных зона имплицированной долготы не может включать селонские говоры, так как говоры районов Екабпилса, Мадоны, Даугавпилса и Краславы характеризуются долгими и краткими сонантами и глухими согласными. Например: māls 'черный', bals 'голос', s'v'eš 'чужой', gaiš 'светлый', skruč 'девочка', akm'īn'č 'камень', villa 'шерсть',²⁹ sola 'деревня', pils 'город' - piļs 'молоко' и др.

В ливонских диалектах долгими и краткими могут быть все согласные и сонанты (ср. strāda 'работает' - stradda 'работал' и т.п.), при этом долгота и краткость согласного и сонанта находятся в дополнительном распределении от предшествующего гласного: после долгих ударных гласных выступает краткий сонант или согласный, а после краткого ударного гласного - долгий или сочетание

²⁷ Вяч.Вс. И в а н о в. О прерывистой интонации в латышском языке; V.J.Z e p s. Указ. соч., стр. 64-68; M.R u d z ĩ t e. Указ. соч., стр. 67-70.

²⁸ Z.Z i n k i e v i č i u s. Указ. соч., стр. 34-35.

²⁹ M.R u d z ĩ t e. Указ. соч., стр. 298-301.

двух кратких согласных. Такое же соотношение краткости и долготы за пределами ливонского диалекта наблюдается в шведском языке. Например, ср. в шведском däg 'день' - dağ 'роса', tāk 'кровля' - taġ 'благодарность', gās 'газ' - gaġe 'греться' и т.п. (как в литературном, так и в диалектах). На остальной территории Латвии по длительности различаются сонанты и глухие согласные, распределение которых относительно долготы и ударности предшествующего гласного аналогично описанному выше. То, что здесь оказываются исключенными звонкие согласные, сближает среднелатышский диалект с эстонскими говорами и создает иллюзию фонологического тождества с ними. Однако противопоставление по звонкости, дополнительное распределение по долготе глухих согласных и сонантов и чисто синтагматический характер "сверхдолгих" (фрикативных и сонантов) показывает, что за фонетическим неразличением (например, ряда заимствований из эстонского в латышский и наоборот) или взаимных омофонов здесь скрываются разные фонологические системы. К чему приводит "введение" признаков фонологической системы латышского языка в эстонскую фонетическую систему (или перевод фонологической системы латышского языка на эстонскую артикуляционную базу) видно на примере диалекта Сетумаа. Этот диалект существенно отличается от остальных эстонских диалектов и объединяется по данному признаку со среднелатышским диалектом.

Зона имплицированной долготы (т.е. группа говоров, где невозможны долгие или удвоенные согласные и сонанты), наполовину сокращенная по сравнению с приводимой В.Зепсом³⁰, распространяется далее на все литовские диалекты за исключением бассейнов рек Венты и Муши.

Изоимпликаата с компактностью - диффузностью (VC⁰Sp → G) ограничивает территорию восточнее линии Алуксне-Субате, т.е. область неразличения переднего и заднего ряда гласных нижнего подъема: azars 'озеро', cylvaks 'человек', zak's' 'заяц', sapura 'шапка', однако западнее этой линии появляется ā: m'ās' 'мы' в районе Нирзы³¹, z'ām'ā 'земля', p'āl'a 'нож' в районе Дагды, ārzais² 'жеребенок', но art 'пахать' около Нереты.

Зона неразличения ā и а за пределами восточного края латгальских говоров продолжается в белорусских, польских, русских и литовских говорах, а противопоставление, аналогичное среднелатышскому māte 'мать' - māte 'бросает', охватывает все эстонские диалекты (и литературный язык, ср. māletama 'помнить' - maletama 'играть в шахматы'). Звукотип ā наблюдается и в шведском языке,

³⁰ См. выше замечания по селонским говорам.

³¹ M.R u d z ĩ t e. Указ. соч., стр. 274-280.

но там он находится в дополнительном распределении с ϵ (\tilde{a} под ударением перед r , в остальных позициях ϵ : $\tilde{h}\tilde{a}r$ 'здесь', $\tilde{b}\tilde{a}r$ 'ягода', $\tilde{a}r\tilde{m}$ 'рука', но: $\epsilon\tilde{g}$ ($\tilde{a}gg$ 'яйцо'), ϵga ($\tilde{a}ga$) 'владеть', $r\epsilon kna$ ($r\tilde{a}kna$) 'считать' $r\epsilon\tilde{v}$ ($r\tilde{a}v$) 'лиса' и др.).

Компактность в подсистеме согласных (\tilde{c} , \tilde{g}), определенная В.Зепсом³², дает область, в которую входят, кроме среднелатышского и ливонского диалектов, ливский³³ и шведский язык, например: шведск. $\tilde{c}\tilde{a}r\tilde{a}$ ($\tilde{k}\tilde{a}rra$) 'телега' (ср. эст. $\tilde{k}\tilde{a}rra$ и лат. $\tilde{c}\tilde{e}f\tilde{r}a$ 'тачка'), $\tilde{k}'ol$ ($\tilde{k}j\tilde{o}l$) 'юбка' - $\tilde{k}ol$ ($\tilde{k}ol$) 'уголь' - в последнем совпадает с латышским и распределение компактных согласных (в ливском они возможны только после ударного гласного).

Относительно распределения импликаций, связанных с признаком бемольности, к данным В.Зепса надо добавить, что ливонская система гласных дает изоимпликаты, объединяющие ее с системой вокализма шведского языка (в особенности если брать систему гласных ливонских говоров со свободными вариантами \tilde{u} , \tilde{u} , \tilde{o} , \tilde{o} , \tilde{e} - "делабиализованным \tilde{o} " и \tilde{e} - "лабиализованным \tilde{a} ", как это делает В.Зепс³⁴ (\tilde{u} - вариант \tilde{u}^i в таких словах, как $\tilde{k}ru^i\tilde{t}\tilde{e}m$ 'к груди' или $\tilde{m}\tilde{u}^i\tilde{t}$ - ($\tilde{m}\tilde{u}^i\tilde{t}$) 'рот').

Для описания синтагматического аспекта фонологических систем латышских диалектов можно использовать в качестве отправной точки таблицы сочетаемости пар фонем и получить максимум информации из бифонемной дистрибуции³⁵, однако по ряду причин предпочтительнее оказывается не подробная систематика любых пар фонем, а иерархизованная модель порождения слова (и слога как промежуточного этапа), т.е. представление о фонологической системе как целом.

Поэтому в дальнейшем будут рассмотрены синтагматические характеристики фонологических систем латышских диалектов относительно следующих этапов синтеза фонологического слова:

- 1) построение ядерных слогов CV и CVC;
- 2) устройство консонантных групп;
- 3) специальные правила, определяющие синтез начала и конца слова в ингерентных признаках;
- 4) правила, предусматривающие определение зависимости между слогами (или только их ядрами) в пределах слова;
- 5) просодическая структура слова.

³² V. J. Z e p s . Указ. соч., стр. 69.

³³ P. A r i s t e . Liivi keele palatalisatsioonile olemusest, "Ema-keele selsti Aastaraamat", Tallin, 1959, N 4.

³⁴ V. J. Z e p s . Указ. соч., стр. 56.

³⁵ A. K l e i n l o g e l und W. L e c h f e l d t. Zur Problematik einer syntagmatisch - phonologischen Sprachklassifikation "Linguistik und Statistik", Braunschweig, 1972, стр. 52-64.

В отношении вышеприведенной схемы первым типологическим признаком, выделяющим латгальские говоры в противоположность всем остальным говорам латышского языка, будет открытый характер ядерного слога³⁶ в латгальском диалекте как единственный тип слога. Так, среднелатышскому $\tilde{m}u\tilde{t}\tilde{t}e$ 'рот' в латгальском будет соответствовать $\tilde{m}u\tilde{t}'a$, так же как и $\tilde{l}ap\tilde{r}a$ 'лист' - $\tilde{l}o\tilde{r}a$, $\tilde{a}s\tilde{s}a$ 'ось' - $\tilde{o}\tilde{s}a$, $\tilde{s}ap\tilde{r}u\tilde{r}a$ 'шапка' - $\tilde{s}a\tilde{r}u\tilde{r}a$, $\tilde{u}r\tilde{p}e$ 'река' - $\tilde{u}\tilde{r}'a$ ³⁷.

Для латгальского диалекта достаточно взять в роли ядерного слога CV, в остальных диалектах вслед за V необходимо обеспечить хотя бы две морфемы: если будет синтезирован долгий гласный или дифтонг, то останется модель CV, если же гласный получит краткость, то возникнет импликация "абстрактного признака" или закрытого слога типа CVC³⁸.

Следующий типологический признак касается способа сочетания согласного с гласным в ядерном слоге. Если в ливонских и среднелатышских диалектах между согласным и гласным нет никаких импликаций по некульминативным признакам, т.е. после любого согласного и сонанта может быть любой гласный и любой дифтонг, то в латгальских говорах наблюдается ряд импликаций, связывающих между собой оба элемента ядерного слога:

$(V^0S^0)_1 (VC^0D)_2 \longrightarrow G_2$ напр.: $\tilde{m}ozynoat$ 'уменьшить', $\tilde{m}ok$ 'навыки', $\tilde{m}\tilde{u}rs$ 'стена'

$(VCS^0)_1, (VC^0D)_2 \longrightarrow G_2$ $\tilde{d}arynoat$ 'делать', $\tilde{lyk}'i$ 'кривые', \tilde{voluda} 'язык', \tilde{vosora} 'лето'

$(V^0S^0)_1 (VC^0D^0 Cp^0)_2 \longrightarrow G_2$ \tilde{golva} 'голова', $\tilde{pogo\tilde{u}ms}$ 'двор'

$(VCS^0)_1 (VC^0D^0 Cp^0)_2 \longrightarrow G_2$ $\tilde{lob}'\tilde{e}r\tilde{c}$ 'ласковый', \tilde{rotum} 'к телеге'

$(V^0S)_1 (VC^0D-3)_2 \longrightarrow Fl_2$ $\tilde{m}uot'u$ (Gen. Pl. от $\tilde{m}uot'a$ 'мать'), $\tilde{p}'r'id'u$ 'сосен', $\tilde{aud}'u$ 'ткать'

$(V^0S)_1 (VC^0Cp^0D^0)_2 \longrightarrow G_2$ $\tilde{ru}\tilde{c}\tilde{e}n\tilde{o}m^2$ $\tilde{l}'ut'i$ 'очень'.

³⁶ Относительно различения ядерного слога и данного, например, конечного слога см.: М.И. Л е к о м ц е в а. Типология структур слога в славянских языках. М., 1968.

³⁷ См.: М. R u d z i t e . Указ. соч., стр. 66-231.

³⁸ М.И. Л е к о м ц е в а. Связанность фонологических признаков и структура фонологических последовательностей. "Проблемы структурной лингвистики 1971". М., 1972, стр. 305-314.

Иными словами, после твердых согласных здесь отсутствуют *i* и *e*, а после мягких – *y*. Эта система продолжается вне латгальского диалекта в Сетумаа на территории эстонского языка, в юго-восточных литовских говорах балто-славянского пограничья, в белорусском, русском и польском языках, если называть только ближайших соседей³⁹. Характерное для остальных латышских диалектов свободное сочетание элементов C_1 и V_2 в ядерной модели продолжается в эстонских диалектах и в скандинавских языках.

Относительно консонантных групп в фонологических системах латышских диалектов выделяется латгальский ареал, где все согласные в сочетании согласованы друг с другом по твердости и звонкости.

- $(V^0C)_1 (V^0C^0Vc)_2 \rightarrow Vc_1$ arnozgoši 'отмой'
 $(V^0C)_1 (V^0CVC^0)_2 \rightarrow Vc_1$ lóška 'кровать', istaba 'комнаты'
 $(V^0C)_1 (V^0CS^0)_2 \rightarrow S_1$ il'g'i 'длинный'⁴⁰, ak'm'íst'en'č 'каменистый'⁴¹, b'er'žu 'детей'
 $(V^0C)_1 (V^0CS^0)_2 \rightarrow S^0_1$ uzmuḡa 'вымирают'.

Такого же типа консонантные сочетания характеризуют литовские говоры, белорусские, русские и польские диалекты.

В ливонских диалектах, естественно, отсутствует согласование по мягкости, а относительно звонкости сочетания разделяются на две группы. Конечные сочетания (в слове) не имеют импликаций по этому признаку, например лив. māzgs 'мыться', draḡgs 'друг', lōks 'время'⁴², тогда как остальные сочетания согласуются по этому признаку (kaḗtēms 'размельчая', stāst²! 'расскажи!'⁴³).

В среднелатышских говорах все сочетания согласных согласуются по звонкости последнего согласного, ср. viņi sēž ūn spriēž, ūn laīku šķiēž⁴⁴. В этом отношении этот диалект объединяется с литовским, белорусским, польским и русским языками, диалектом сету эстонского языка и шведским языком.

В сочетании назальных с задненебными в латгальских говорах наблюдается импликация:

- $(V^0CN)_1 (V^0C CpG)_2 \rightarrow (Cp^0G^0)_1$, напр. kankars 'лохмотья',

³⁹ См.: М.И. Лекомцев а. Типология структур слога в славянских языках. М., 1968, стр. 134–138.

⁴⁰ K.P.S t r o d s . Latviešu woludas gramatika latgališu. Rezekne, 1922, стр. 11.

⁴¹ M.R u d z ī t e . Указ. соч., стр. 299.

⁴² Там же, стр. 77.

⁴³ Там же, стр. 159.

⁴⁴ A.L a u a . Указ. соч., стр. 140.

а в остальных диалектах импликация:

- $(V^0CN)_1 (V^0C CpG)_2 \rightarrow (CpG)_1$, напр. kaḗkars 'лохмотья'.

Латгальский диалект по этому признаку объединяется с русским языком и литовскими говорами балто-славянского пограничья, остальные диалекты – с литовским языком. Эстонский язык противопоставит обоим ареалам, так как там *n* и *ŋ* противопоставляются в этой позиции, ср.: kinĕ 'подарок' – kiṅk 'башмак', 'туфля'. В шведском *ŋ* и *n* противопоставляются: riḡa (ringa) 'окружать' – riḡa 'бежать', reḡn (regn) 'дождь'. Перед *k*, *g*-*ŋ*: baḡk (bank) 'берег реки' toḡs:s (tungus) – 'тунгуз'.

В начале слова во всех диалектах латышского языка может быть любой согласный и сонант – эта черта объединяет латышский язык с литовским, славянскими, скандинавскими (и другими индоевропейскими) языками, если называть только ближайшее окружение. Интересно, что и из гласных в начале слова в латышских диалектах может выступать любой элемент: если для ливонских и среднелатышских это дает обычную ситуацию, то в латгальском наличие в абсолютном анлауте таких фонем, как *y*, выделяет этот диалект из славянского мира и объединяет его с эстонским и другими прибалтийско-финскими языками (ср. эст. uḡ 'счастье', ūde 'сестра', yu 'двор', латгальск. uzmuḡa 'вымирают', yudin'š 'водяной')⁴⁵.

По облику конца слова опять-таки выделяется латгальский диалект, в котором согласный (или группа согласных) в ауслaute оглушается (например, iśsis't' 'выбить', bāk 'беги', zūrks 'лошадь' и т.п.), что находит свое продолжение в литовском, белорусском, польском и русском языках.

В остальных латышских диалектах одиночный согласный в ауслaute противопоставляется по звонкости, что встречается (из ближайшего окружения) только в шведском языке, а группы согласных или оглушаются (как в среднелатышском диалекте и в шведском языке), или не согласуются по признаку звонкости (как в ливонских диалектах, некоторых земгальских и части литовских диалектов прилегающего района – бассейн Венты и Муши).

При сочетании слогов в слове наблюдаются некоторые виды взаимодействия согласных и сонантов между собой, но все они носят нерегулярный характер, определяя даже не лексические поля, а отдельные слова, и поэтому исключаются из типологического рассмот-

⁴⁵ K.P.S t r o d s . Указ. соч., стр. 13. – Любопытно, что сходство здесь идет еще дальше и проявляется в характерной сочетаемости у с *j(i)*, ср. эст. juulut 'святки', juud 'сила' и латгальск. juus 'вы', juura 'море'.

рения. Взаимодействие гласных в среднелатышских диалектах сводится к типу слабого сингармонизма: *nezinu* 'не знаю', но *nevēd* 'не веду' (Рауна), *neŗēŗu* 'не вижу', *tēŗēŗa* 'табак', *krustubas* 'падение' и др. Это ближе всего к эстонскому и ливскому, но и от них еще очень далеко. Взаимодействия интонации и долготы гласных следующих друг за другом слогов не происходит, как и в литовских диалектах (если исключить зону литовско-славянского пограничья).

Ударение (силовое) падает на первый слог слова (передвижение ударения бывает только в эмфатической речи и связано, таким образом, с одним из способов актуального членения предложения) во всех латышских диалектах, что объединяет их с эстонским и шведским языками. При этом ударный краткий гласный вызывает удлинение следующего согласного или сонанта в ливонских говорах и в шведском языке, в среднелатышском и селонских говорах удлиняются в таком случае только сонанты и глухие согласные.

Как явствует из вышеизложенного, три основные группы латышских диалектов, выделенные в сравнительно-исторической грамматике, в основном участвуют и в выделении групп диалектов с точки зрения типологии их фонологических систем.

Латгальская группа относится к тому типу фонологических систем, который характеризуется противопоставлением согласных по звонкости-глухости и твердости-мягкости, двумя подсистемами гласных, зависящими от твердости предшествующего согласного, открытым ядерным слогом (т.е. отсутствием импликаций от гласного к следующему за ним согласному). Сочетания согласных однородны по звонкости, а по мягкости однородны и сочетания согласных с сонантами, при этом та и другая однородность - регрессивного характера. Оглушение согласных в конце слова дорисовывает этот тип.

Центр этого типа определяется в области литовско-белорусско-польско-русского взаимодействия⁴⁶. Территория этого типа охватывает почти весь литовский язык (за исключением бассейнов рек Венты, Муши и северного побережья Балтийского моря в Литве), польский, лужицкие, белорусский, украинский, русский, диалект сету эстонского языка и угро-финские языки Поволжья.

Специфические черты фонологической системы латгальского диалекта: прерывистая интонация, которая объединяет этот диалект с остальными латышскими диалектами и частью говоров Литвы (как

⁴⁶ Т.М. Судник, В.Н. Топоров, С.М. Щур. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза (БСЛяС). "Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии". Тезисы докладов. М., 1965, стр. 13-19.

раз исключенных из этого типа, см. выше), противопоставление по долготе гласных, продолжающееся во всех латышских, литовских, эстонских диалектах и в шведском языке, и начальные *y-*, *ju-*, что объединяет латгальский диалект с эстонским языком и вообще с прибалтийско-финским ареалом.

Второй тип фонологической системы, наблюдаемый среди латышских диалектов, характеризуется противопоставлением согласных по звонкости и сопутствующим изменением длительности, противопоставлением всех гласных по периферийности (в том числе и *ā - a*) и долготе; сочетанием любого согласного и сонанта с любым гласным; связанностью кратких ударных с последующим согласным, который удлиняется, или с группой согласных ("моросчитающий" язык по Н.С.Трубецкому⁴⁷) - т.е. наличием наряду с ядерным слогом *CV* слога типа *CVС*. В начале слова возможны все фонемы языка (в том числе и компактные непериферийные согласные типа *ŗ*) и большое количество разнообразных консонантных групп. Сочетания согласных однородны по звонкости последнему согласному. В конце слова согласные противопоставляются по звонкости.

Центр типа приходится на шведский язык. В ареал этого типа входят скандинавские языки, среднелатышский и ливонский диалекты латышского языка, северо-западная часть жемайтского диалекта литовского языка.

Специфические черты среднелатышского диалекта: противопоставление гласных по *G, Cp* и *D* (т.е. только три степени подъема у гласных), слабое использование *F1* (бемольности - противопоставления по лабиализованности), широко развитая система дифтонгов, компенсирующая бедность системы монофтонгов.

Ливонский диалект ближе к скандинавскому типу по вокализму (система гласных *i - ŷ - u - y - u, e - ё - o - э*) и по вокалической структуре слова, но дальше от него по системе согласных. Здесь, с одной стороны, противопоставление среднеязычных по мягкости после ударного гласного объединяет ливонский диалект с ливским и эстонским языками, а с другой стороны, консонантные группы, несогласованные по звонкости, сближают этот диалект с частью земгальских и литовских говоров.

⁴⁷ Н.С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 230-246.

К ИСТОРИИ ЛИТУАНИСТИКИ В РОССИИ
(ПИСЬМА Й.ЮШКИ К И.И.СРЕЗНЕВСКОМУ)

Богатейший архив акад. И.И.Срезневского содержит огромное количество писем ученых XIX в. из разных стран. Письма эти, многие из которых уже опубликованы, как известно, представляют исключительно ценный материал прежде всего для истории славяноведения. Но архив И.И.Срезневского является важным источником для изучения и других смежных со славяноведением областей филологии и истории в XIX в. в России. К их числу следует отнести и историю литуанистики. Среди многочисленных корреспондентов И.И.Срезневского был и Иван Васильевич Юшкевич, или Йонас Юшка (J. Juška, 1815-1886), как его принято теперь называть, — известный литовский языковед XIX в., собиратель и издатель литовских народных песен.

Жизнь Й.Юшки не богата внешними событиями. Окончив в 1844 г. Харьковский университет по отделению классической филологии, он начал и закончил службу учителем гимназии. Несколько лет он был инспектором кадетских училищ. Служба его протекала в Могилеве, Човгороде, Петербурге, Казани, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и вновь в Казани, где он и умер.

Побуждаемый И.И.Срезневым, Й.Юшка в начале 50-х годов занялся изучением родного языка, которым он, отдавая много сил и почти все свободное от служебных обязанностей время, увлеченно занимался до последних дней своей жизни. За тридцать лет научной работы, не имея для нее благоприятных условий, Й.Юшка опубликовал несколько важных трудов по литовскому языку, подготовил к печати и опубликовал часть "Словаря литовского языка", составленного его братом А.Юшкевичем, ксендзом Антонием (A. Juška, 1819-1880), частично собрал и вместе с братом издал огромное количество литовских народных песен¹. Кроме того, им был опубликован ряд работ по вопросам педагогики. Научная деятельность Й.Юшки занимает важное место в начальной истории литуанистики в России.

¹ Список опубликованных и оставшихся в рукописи работ Й.Юшки по литовскому языку и фольклору см. в работе: В.Т. Олутиенё. Antanas Juška leksikografas. — "Literatūra ir kalba", V. Vilnius, 1961, стр. 364.

Публикуемые ниже письма Й.Юшки к И.И.Срезневскому, оставшиеся до сих пор вне поля зрения ученых, хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве². Всего писем — 34. Первое датируется 3.I 1856 г., последнее — 25.IX 1878 г. По годам письма распределяются следующим образом: 1856 г. — 10, 1857 г. — 8, 1858 г. — 4, 1860 г. — 2, 1862 г. — 2, 1863 г. — 1, 1866 г. — 1, 1867 г. — 1, 1876 г. — 1, 1877 г. — 2, 1878 г. — 2. Все письма в хорошей сохранности. В этом же фонде хранится и позднейшая телеграмма Й.Юшки от 4.IV 1879 г. по случаю 50-летия научной деятельности И.И.Срезневского³.

Письма Й.Юшки к И.И.Срезневскому, кроме некоторых, в общем довольно скудных сведений автобиографического характера, содержат очень интересный материал о занятиях их автора вопросами литовского языка и фольклора. Не ставя себе целью подробное изучение этого материала и его оценки, отметим только следующее.

Письма дают представление о трудностях объективного и субъективного характера (вначале — недостаточная специальная подготовка, труднодоступность научной литературы, недостаток изданий на литовском языке, а затем и преграды царской цензуры, запретившей после восстания 1863 г. публикации на литовском языке латиницей), с которыми приходилось сталкиваться одному из первых литуанистов в России. В письмах Й.Юшка неоднократно сообщает И.И.Срезневскому о ходе своей работы над "литовским корнесловом", которым он занимался в течение многих лет, над грамматикой литовского языка, над учебными пособиями по литовскому языку. Очень ценны для истории литовской диалектологии сведения о литовских говорах и методике сбора диалектных материалов. Письма эти содержат также данные о работе братьев над словарем литовского языка, о собирании ими литовских народных песен и подготовке их к изданию. Особо нужно отметить сведения, касающиеся сотрудничества Й.Юшки с Отделением русского языка и словесности Академии наук. Наконец, публикуемые ниже письма ценны и тем, что в них содержится авторская оценка — всегда более чем сдержанная — его собственных трудов и неизменно высокая оценка роли И.И.Срезневского, которую последний сыграл в научной деятельности скромного учителя провинциальных гимназий. Из писем хорошо видно, что отношения между Й.Юшкой и И.И.Срезневым не были просто официальными и не ограничивались только чисто научными вопросами⁴, но были довольно дружескими, особенно в первые годы их переписки, хотя Й.Юшка и относился к маститому русско-му слависту с неизменным почитанием.

² ЦГАЛИ, ф.436 (Срезневских), оп.1, ед.хр.1433.

³ Там же, ед.хр.1615.

⁴ В.Т. Олутиенё. Указ. соч., стр. 293.

Ниже следует полный текст писем И. Юшки к И.И. Срезневскому. Письма печатаются с соблюдением правил современной русской орфографии, но с сохранением других особенностей их языка. Наши пояснения в тексте заключены в квадратные скобки. Краткий комментарий к тексту писем отнесен в раздел "Примечания", который ввиду обширности публикации и недостатка места в данном сборнике содержит лишь некоторые наиболее необходимые на наш взгляд пояснения, имеющие за редким исключением непосредственное отношение к собственным трудам И.Юшки.

1.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Прочитывая, в Известиях второго Отделения Императорской Академии наук, Гильфердингово исследование, которое имеет предметом сравнение славянского и санскритского языков¹, я встретил множество санскритских корней и слов, или совершенно сходных с литовскими, или очень близко к ним подходящих, как по понятиям ими выражаемым, так и по фонетическому своему проявлению. Не смея делать своих выводов из представляющихся данных, я ограничился собранием их, полагая, что этим могу приготовить материал более или менее годный для филологических исследований. Санскритские слова заимствованы мною из вышеупомянутой статьи А.Гильфердинга, литовские же из живого литовского наречия, которым говорят литовцы, населяющие северо-восточную часть Росиенского и западную Ковенского уездов, и которое мне знакомо, как тамошнему уроженцу, за исключением нескольких слов (abida, ajszkus, barwa, biloti, griowis, kute, kusziti, lobis, pota и stejgti), заимствованных из сочинения: *Giwatas Didiju Karwaidu senowes. T.Dewinakis* (Перевод *Cornelii Nepotis Vitae Excellentium Imperatorum*). На каждом литовском слове я поставил ударение по местному произношению².

С высочайшим уважением и преданностью честь имею быть, милостивый государь, Измаил Иванович, покорнейшим Вашим слугою.

1856 года м[еся]ца января 3 дня
г.Новгород, Губ[ернская] гимназия.

И.В.Юшкевич

2.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Чувствительнейшую благодарность приношу Вам, милостивый государь, Измаил Иванович, за благосклонное Ваше внимание к первой моей попытке на филологическом поле³ и за сообщение мне тех на-

ставлений и указаний Ваших, которыми пользуясь молодые наши ученые принесли уже науке существенную пользу и приобрели уважаемый авторитет в ученом мире. С давнего времени я питаю живейшее желание заняться основательным изучением литовского языка, но я не имел ни одной литовской книжонки. Прошедшего лета мне удалось побывать в Ковенской губернии и приобрести несколько новейших литовских книг, по которым я и начал свои занятия; но все-таки у меня не было ни лексикона, ни грамматики литовской. Без первого я почти мог обойтись, зная язык из употребления, для замены же второй, я замечал и выписывал встречаемые формы языка. Таким образом, собрав довольно значительный запас материалов, я вознамерился попытаться составить общесравнительную литовскую грамматику, приняв в основание Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым Отделением Императорской Академии наук. По силам ли пытаюсь предпринять столь огромный труд и исполню ли его достойным образом? Не знаю. Могу только теперь сказать, что мысль - представить стройную систему законов литовского языка, согласно с общими законами человеческой речи, оживляет всю мою деятельность по этому предмету и труд этот составляет одно из приятнейших моих занятий в настоящую минуту. До сих пор я прочитал: а) *Żiwatas Jezaus Kristaus* епископа Волончевского, б) *Žemajtiu wiskupiste* его же и в) некоторые мелкие переводные сочинения г.Довконта, изданные под разными псевдонимами. Теперь читаю народные литовские песни, изданные г.Нессельманом, и пересматриваю литовский лексикон его же. После я бы желал заняться чтением сочинений XV, XVI и XVII ст., как то: проповедей М.Давкши, Фр.Шрубавского, Ширвида и др., но из сих сочинений ни одного нет еще у меня. Между пособиями на первом плане имею филологические наблюдения пр.Павского. Не могу здесь не сознаться, что у меня нет никаких собственных пособий и для филологических соображений, почему весьма буду обязан Вам, Измаил Иванович, ежели Вы распорядитесь выслать мне Областной русский словарь, изданный Отделением. Читая народные литовские песни, я собираю свои замечания, которые постараюсь представить Вам в скором времени.

С глубочайшим чувством высокого уважения и совершенной преданности честь имею быть, милостивый государь, Измаил Иванович, покорнейшим Вашим слугою.

1856 года м[еся]ца января 17 дня.
Новгород

И.Юшкевич.

3.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

У нас настала прекрасная погода, можно бы еще постранствовать по новгородской местности, но Екатерина Федоровна⁴ решилась ехать и остается непоколебимой в своем предположении.

Что касается до сдачи вещей, то дело хорошо сделано. Фортепьящик Козаков получил инструмент свой обратно и деньги за один месяц; железные кровати и тюфяки сданы кому следовало; Кесляр натянул только лишний рубль.

При этом случае позвольте, Измаил Иванович, возвратить Вам с чувствительнейшею благодарностию грамматику Шлейхера и записки о литературе славянских наречий, об истории русского языка и свойствах славянского языка. Записки, составляемые студентами по Вашим лекциям, драгоценны для меня, они могут быть главнейшим источником для моих занятий. Без них мне нада [так!] бы прочесть бездну источников, чтобы что-нибудь извлечь для изучаемого предмета. В них я все нахожу готово благодаря Вашим неутомимым трудам, Измаил Иванович. Николай Александрович был так добр, что обещался достать мне у своих товарищей и остальную часть записок к тем, которые я теперь отсылаю. Если он еще у Вас бывает, то позвольте попросить Вас, Измаил Иванович, напомнить ему об этом и если можно содействовать к пересылке этой посылочки ко мне.

С совершенною преданностию и благоговейным чувством честь имею остаться, Измаил Иванович, покорнейшим Вашим слугою

17 августа 1856 г.
Новгород

И. Юшкевич

Елене Ивановне⁵ свидетельствую высочайшее свое уважение. Дорогого Вячу целую. Николаю Александровичу кланяюсь.

4.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Письмо Ваше я получил сегодня 23 авг. в первом часу в классе и восхищен был приветливостию и внимательностию Вашею ко мне. Письмо, адресованное Екатерине Федоровне, сейчас я отправил нарочным, а после классов я и сам явился к Екатерине Федоровне с двумя дрожками, на которые, не теряя времени, мы уселись на каждые по три персоны и отправились в Хутынь. Погода была ясна и хороша, но дорога, после вчерашнего дня, довольна [так!] худа; но, несмотря на это, благополучно и с удовольствием мы совершили это путешествие. Искусное [так!] и поэтическое перо увлеклось бы красотою и живо-

писностию местности, освященной святою жизнью и подвигами угодника Божиего Варлаамия, но мое скудно и худо зачинено, то и должно ограничиться сказанием, что мы приехали, увидели и...воротились; но воротились с новыми, свежими благотворными впечатлениями, какие обыкновенно раждают [так!] в сердце человека, посетившего святые места, душевную радость и успокоение. К девяти часам мы успели и чай отпить и поговорить о своей поездке. Теперь я на досуге и считаю себя обязанным посвятить первую минуту написание нескольких строчек в ответ на письмо Ваше. И начинаю со слов Екатерины Федоровны, что день отъезда в г. С.Петербург назначается следующий понедельник, т.е. 27 августа. Грустно нам! Вы уже покинули нас, а теперь и Ваше семейство нас оставляет! Искренне говорю, что посещение Ваше останется для меня незабвенным. Я, право, не умею благодарить Вас, Измаил Иванович, за внимательность и доброжелательность Вашу ко мне. Вы не жалеете ни времени, ни трудов своих для меня, и даже жертвуете материальными пособиями. Я ничем не заслужил на такое Ваше внимание и могу отнести это к высоким качествам души Вашей и той пламенной любви к науке, которой Вы совершенно преданы.

Заметка моя о грамматике г.Шлейхера⁶ не имеет тех качеств, которые дали бы ей право на представление ее Отделению. Она составлена и поспешно и небрежно. Если еще, Измаил Иванович, Вы не рекомендовали ее Отделению, то может быть лучше было бы так ее оставить. Нынешний мой труд⁷ может быть достойнее будет первой попытки. Но в самом его начале я уж встретил затруднения в недостатке тех общих многообъемлющих взглядов и выражений, которыми обыкновенно начинаются ученые статьи. Но горю этому нельзя помочь, их же не занять у кого-либо, они приобретаются основательным и многосторонним изучением предмета; впрочем, слишком я и не беспокоюсь о них, утешая себя убеждением, что можно обойтись и без громких вступлений, лишь бы только само дело было хорошо. Но беспокоит меня совершенный почти недостаток в исторических сведениях о литовском народе. Я думаю, что необходимо было бы сказать что-либо о важнейших моментах жизни этого народа, имевших влияние на его язык и образованность. Не менее считаю нужным вводить в сравнение и латышский язык, но о нем нет у меня ни одной книжонки. Для обозначения обиталища и численности литовцев, я воспользовался выводами г.г. Кепшена и Шафарика. Диалектические сведения о литовском языке я надеюсь собрать из Куршата, Шлейхера, Микуццо-го, ожидаемых образцов⁸ и собственных припоминаний. Теперь я занимаюсь исследованием свойств гласных звуков. Что бог даст, то даст, одного только боюсь, чтоб гора не родила мыши. Г.Куприянова записочку посылаю в этом письме. Насчет отъезда семейства Вашего

из г.Новгорода будьте, Измаил Иванович, совершенно спокойны; Иван Куприянович и я, мы считаем священным своим долгом помогать и служить всем чем только можем, верою и правдою. Еще раз позвольте благодарить Вас, Измаил Иванович, за благосклонное расположение Ваше ко мне, которое вместе с понятием о высоких достоинствах Ваших внушили мне совершенную преданность и благоговение, с которыми я навсегда пребуду к Вам, Измаил Иванович, покорнейшим Вашим слугою.

24 августа 1856 г.
Новгород.

И. Юшкевич

Р. S. Елене Ивановне свидетельствую высочайшее мое почтение. Дорогого Вяч [ечку] целую. Николаю Александровичу почтительнейше кланяюсь.

Измаилу Ивановичу свидетельствует высочайше [е] почтение Иван Куприянович.

5.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Иван Семенович, по поручению Екатерины Федоровны, доставил мне вчера, для пересылки, 14 штук капченой [так!] рыбы, которую я и посылаю Вам по нынешней почте. Иван Семенович взял за нее общим счетом 2 р. 50 коп. Судя по незавидному качеству рыбы, эта цена, кажется, неизмеримо высока; вероятно Иван Семенович получил ее при неблагоприятных обстоятельствах. Что же касается денег, заплаченных за рыбу, то покорнейше прошу Вас, Измаил Иванович, не беспокоиться об этом; пересылку их можно отложить до удобного случая; все равно, будут ли эти деньги у Вас или у меня до времени.

С высочайшим уважением и совершенною преданностию честь имею быть, Измаил Иванович, покорнейшим Вашим слугою.

1856 г. сентября 3 дня
г.Новгород.

Иван Юшкевич

Екатерине Федоровне, Елене Ивановне и Елисавете Григорьевне прошу засвидетельствовать мое высокое почтение. Владимира и Вячеслава Измайловичей целую, молодым барышням и Николаю Александровичу кланяюсь. Иван Семенович кланяется.

У нас сегодня празднование коронации.

6.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Лестно мне, Измаил Иванович, получать письма от Вас, исполненные приветливости и благосклонности ко мне. Благодарю Вас за это внимание Ваше ко мне; я ничем его не заслужил.

Я очень радуюсь, что семейство Ваше благополучно приехало домой и поздравляю Вас с восстановлением [так!] того семейного Вашего кружка, в котором господствует примерное счастье. Равным образом позвольте поздравить Вас с получением новой должности, мы еще не знаем, с какою, но полагаем, что Вы получили место члена в учебном комитете по славяно-русской филологии. Если это так, то я очень радуюсь, что наука наша под просвещенным Вашим влиянием получит новые силы и новую жизнь. Но, поберегите немножко и здоровье свое; непрерывные и неутомимые труды не могут не иметь на него влияния.

"Новгород ушли в воспоминание" для Вас, но лестно и Новгороду вспомнить о таких дорогих гостях, которых нельзя не полюбить и не уважать душою. Что касается ремесленников: Козакова и Кеслера, то их претензии вполне удовлетворены еще до отъезда Екатерины Федоровны.

Поручение Ваше передать поклоны исполнено; Мария Ивановна, Петр Иванович и Алексей Васильевич поручили мне благодарить Вас за Вашу память об них и передать Вам свои поклоны.

Сию минуту явилась ко мне бывшая Ваша кухарка и объявила, что она желает ехать в С.Петербург и что она отправится туда через неделю; о чем покорнейше прошу Вас, Измаил Иванович, сообщить Екатерине Федоровне.

Душевно благодарю Вас, Измаил Иванович, за указания и советы Ваши столь дорогие в моих занятиях, также за обещание прислать мне Латвискую грамматику. Труд мой идет довольно [так!] медленно. Причиной тому частью служебные занятия, частью неопытность обращаться с материалами. Я думаю, что хоть чернавую [так!] кончу в этом месяце, а к половине октября успею и выбелить. Уже я написал беглый взгляд о судьбе литовского народа, об обиталище и численности современных нам литовцев, о наречиях и говорах литовского языка и о фонетике. Теперь занимаюсь словообразованием. Источниками, непрерывно находящимися в руках, суть, по литовскому языку: Шлейхер, Куршат, Нессельман, по славянскому: Востоков, Мысли Ваши об истории русского языка, Павский и Опыт общесравнительной русской грамматики; также Чальгрэн и литовские книжонки.

С высочайшим уважением и совершенною преданностию честь имею быть, милостивый государь, Измаил Иванович, покорнейшим Вашим слугою

8 сентября 1856 года.
Новгород.

И. Юшкевич

Елене Ивановне покорнейше прошу засвидетельствовать мое почтение. Владимира и Вячеслава Измайловичей целую.

7.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Вчера я получил письмо Ваше с десятью рублями, третьего же дня журнал славянизма чрез г. Куприянова; за одно и другое душевнейше Вас благодарю. Что касается денег, то напрасно Вы торопились их нам выслать; это можно бы сделать и после когда-нибудь при случае. Купцу Федорову я заплатил четыре рубли, мне следовало два с половиною за рыбу, за тем теперь остается у меня Ваших денег три с половиною рубли. Теперь я должен прибегнуть к великодушью Ваше-му и просить извинения, что я не ответил сейчас на Ваше письмо и не поблагодарил Вас за лексикон Штендера. Чистосердечно сознаюсь перед Вами, что мне хотелось послать Вам не одно письмо только, а письмо вместе с трудом своим, который, казалось, скоро мог быть кончен; но между тем как труд мой все еще не поспевает, вдруг я получаю одно за другим новые доказательства особенной внимательности Вашей ко мне и отеческой об мне заботливости; неслучайно это льстит меня [так!] и радует, и я не знаю как Вас за это благодарить. Что касается труда моего, то он уже раз сделан, теперь переделывается и дожидается еще новой переделки, как обыкновенно всякое дело в руках неопытного мастера. К тому обширность предмета естественно должна требовать более времени для созрания соображений. Чрез два-три дня я вышлю Вам часть своего труда: о литовских говорах и о фонетике, а через неделю после того думаю кончить о словообразовании. Для экзамена, признаюсь, я еще очень мало сделал⁹; все время, свободное от служебных обязанностей, я посвящал на литовский язык. Протоиерея Солабьева [так!], ключаря св. Софии, зовут Петром Ивановичем. Поклоны Ваши Петру Ивановичу и Алексею Васильевичу с их супругами я передал; они очень благодарят Вас за память Вашу об них и поручили мне в свою очередь передать Вам свои поклоны. Покорнейше благодарю Вас, Измаил Иванович, за Jahrbücher; я прочел одну и другую статью о литовском языке и сделал себе некоторые из них выписки; всякое известие о литовском языке для меня дорого. Весьма мне приятно, что милые

детки Ваши не забыли еще о нас, благодарю их за это; нельзя их не любить за их расторопность и послушание; Володю же и Вячу еще больше любить буду, когда узнаю, что они с охотою учатся и в учении делают хорошие успехи. Екатерине Федоровне, Елене Ивановне и Елисавете Григорьевне свидетельствую свое высокое уважение. Вас, Измаил Иванович, не знаю, как благодарить за Ваше расположение ко мне; — хоть посильными трудами я желал бы доказать, что высоко ценю Ваши отеческие советы и Ваше содействие. Покамест прошу принять удостоверение в высочайшем уважении и беспредельной преданности, с которыми честь имею всегда оставаться Вашим, милостивый государь, Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

31 октября 1856 г.
Новгород.

Иван Юшкевич

Николаю Александровичу прошу передать поклоны; я благодарю его за записки.

8.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!¹⁰

Вот наконец приношу Вам, Измаил Иванович, свою лепту. Это первый опыт моих сил¹¹ и при том по предмету, систематическим изучением которого я весьма недавно занялся; посему этот мой труд запечатлен характером младенчества и в нем не найти тех зрелых соображений и научных выводов, которыми отличаются ученые исследования. Не смел я льстить себя мечтою сделать какую-либо пользу современной филологии, но я занялся своим предметом по любви к нему и с тем, чтобы изучить его поосновательнее, и занимаясь я радовался, что может быть коснусь тех вопросов, решения которых дожидается современная наука.

Не могу не сознаться, что в этой моей попытке немного собственных моих наблюдений; я воспользовался в значительной степени трудами гг. Шлейхера и Куршата, и нельзя было не заимствовать того, что уже сделано этими филологами. Я отступил от их мнений только в означении произношения, основывая свое мнение на нынешнем народном выговоре; я старался сблизить сколько возможно с народным выговором и правописанием.

Для наблюдений своих, в особенности для означения местных говоров, я имел под рукой следующие источники: 1) несколько сказок и песен, списанных недавно в окрестностях м. Крож, где литовцы говорят чистым жемайтским или жмудским говором; 2) песню о королеве Бируте, написанной [так!] на жемайтском говоре и относящейся [так!] к местности, лежащей в середине Жмуди. Она напечатана в Гео-

графических известиях за 1848 г. при статье о жителях Тельшевского уезда. У меня есть еще рукописный ее вариант; 3) для определения жемайтского говора я пользовался еще некоторыми жемайтскими книжками, а особенно сочинениями епископа Волончевского и г. Довконта. 4) Для определения прусско-литовского говора я воспользовался грамматикой г. Шлейхера; также Нессельманом и Куршатом. 5) На собственно-литовском говоре я имею несколько рукописных сказок и песен, списанных в окрестностях г. Поневежа. 6) Говор же, употребляемый жителями-литовцами прибрежий реки Немана, мне лично знаком; этот говор, как родной мне язык, я и употребляю в нынешнем моем труде. Посылая начало своего труда, я надеюсь к 15 ноября кончить вторую его часть: об этимологии. Но сознавая недостатки своего труда, я не смею льстить себя надеждою, чтобы он был удостоен печати в этом виде; ежели обработать его лучше и дать ему ученую форму, то по своим намекам на некоторые местные проявления литовских говоров, он не был бы бесполезен для литовского языка; и в этом случае желательнее бы иметь было иметь [так!] себе известное количество оттисков.

С высочайшим уважением и беспредельною преданностию честь имею быть Вашим, милостивый государь, Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

1856 г. 6 ноября
Новгород.

Иван Юшкевич

Р.С. Новгородская Почтовая контора, а именно г. Обыденов не принимает от меня безденежно посылки, адресованных в Академию наук 2-е Отделение. В подтверждение этого я посылаю росписку Почтовой конторы о получении, от имени моего, посылки при письме во 2-е Отделение Академии наук и о получении с меня пересылочных денег — 19 коп. сер. Прекрасно было бы указать Новгородской Почтовой конторе на номер бумаги, по которой она должна принимать безденежно посылки, адресованные в Академию наук и попросить ее воротить деньги, незаконно взятые за посылку, сказанную в росписке.

9.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

В четверг вечером отдали мне письмо. Траурная печать его поразила меня. С нетерпением раскрываю его, прочитываю строку другую и глубокая скорбь завладела моей душой. Всевышнему провидению угодно было призвать к себе высокопочитаемую всеми Елену Ивановну! Не только маститую, обремененную недугами, старостию своею, которую чтут и нехристианские народы, но и многими высокими добродетелями

своими поселяла она высочайшее уважение и почитание к себе в сердцах своих близких и знакомых. Душевно разделяя глубокую скорбь Вашу, высокопочитаемый Измаил Иванович, и свято уважая Ваши желания, я отправился вчера утром в Зверин монастырь, но по дороге я вошел в храм святой Софии и закупил обедню с панихидою за упокой Елены. Обедня сия отслужена будет сегодня в субботу. Затем я отправился к матушке игумене [так!] Зверина монастыря и записал в синодик имя Елены для поминовения при чтении псалтыря ежедневно в продолжении полгода начиная с 7 числа текущего декабря. Это стоит малость. Но записание на вечное поминовение стоит не менее 50 рублей сер. Не зная Вашей воли, я не решился сделать такой записи, полагая, что это можно сделать, когда угодно. Матушка игумени [так!] Зверина монастыря вспомнила про Ваши посещения, про Екатерину Федоровну, про отца Макария, просила передать Вам свои поклоны и сожалеет очень, что случилось так, что она не была дома, когда Екатерина Федоровна у ней была.

Извините, Измаил Иванович, что тем и кончу все письмо [так!] — пишу в классе, уже одиннадцать часов — пара [так!] на почту.

С высочайшим уважением и беспредельною преданностию честь имею навсегда оставаться Вашим, Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

1856 г. Декабря 8 дня
Новгород.

Иван Юшкевич.

Прошу засвидетельствовать Екатерине Федоровне мое высочайшее уважение, барышням мои поклоны, Володю и Вячу целую. Николаю Александровичу клоняюсь [так!].

10.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Честь имею представить Вам еще частичку своего труда. Сверх ожидания труд мой подвигается вперед весьма медленными шагами. Назначая его введением к предполагаемому корнеслову литовского языка¹², я нашел нужным обратить внимание на все грамматические формы литовского языка и оговорить их хоть в нескольких словах. Это по двум причинам: во-первых, что еще ничего нет печатанного об этом предмете на русском языке; во-вторых потому, что при разложении состава литовского языка на первоначальные его стихии необходимо иметь предварительные сведения как о проявлениях этого языка, так и о законах построения их в одно органическое целое. Этимология составляет главную часть моего введения. Я коснулся ее только слегка; многое уже теперь я бы изменил, но после переборки первообразов литовских слов, я думаю, что придется много

изменить, много прибавить. Продолжение моего труда, о словоизменении и синтаксисе, я бы желал кончить к Новому году. Между тем, дохватками, я собрал до 600 литовских корней. Думаю сперва составить, в известной системе, каталог литовских корней, а после уже заняться их переборкой. Во время приближающихся праздников я намерен съездить на один денек в г. С.Петербург и льщу себя надеждою, что Вы, Измаил Иванович, по своему особенному ко мне расположению, которым я душевно горжусь и водухеволююсь [так!], позволите мне лично поговорить с Вами о моих занятиях.

С высочайшим уважением и беспредельною преданностию честь имею навсегда оставаться Вашим, Измаил Иванович, покорнейшим слугою.

1856 г. 8 декабря¹³
Новгород.

Иван Юшкевич

Примечания

¹ И.Юшка имеет в виду исследование А.Гильфердинга "Сравнение языка славянского с санскритским", опубликованное в "Прибавлениях к Известиям Академии наук по Отделению русского языка и словесности", т. II, 1853 (в серии "Памятники и образцы народного языка и словесности").

² Список литовско-санскритских словарных соответствий, о которых пишет И.Юшка, публикуется отдельно.

³ Имеется в виду, вероятно, мнение И.И.Срезневского о посланном ему с письмом [1] от 3.I 1856 г. списке литовско-санскритских соответствий, которое И.И.Срезневский изложил И.Юшке в ответном письме.

⁴ Екатерина Федоровна - жена И.И.Срезневского.

⁵ Елена Ивановна - мать И.И.Срезневского.

⁶ Имеется в виду рецензия И.Юшки на книгу: A. Schleicher. Handbuch der litauischen Sprache. I. Grammatik. Prag, 1856. Рецензия была опубликована в "Известиях Академии наук по Отделению русского языка и словесности", т. V, 1856, стр. 318-330. В следующем году вышло ее отдельное издание под заглавием: "Записка о книге Шлейхера: Handbuch der litauischen Sprache. Prag, 1856. И.Юшкевича" (СПб., 1857). Рецензия эта была написана И.Юшкой по предложению И.И.Срезневского. По этому поводу в "Записке председательствующего о занятиях Второго Отделения Академии в истекшем 1856 году" сказано: "Труд Шлейхера, как первый опыт филологической обработки литовского языка, заслуживает внимания. Подробное рассмотрение замечательного труда проф. Шлейхера написано, по предложению И.И.Срезневского, учителем Новгородской гимназии И.В.Юшкевичем" (см. "Известия Академии наук по Отделению русского языка и

словесности", т. VI, 1857, стр. 16). И.И.Срезневский же предоставил И.Юшке и экземпляр книги А.Шлейхера, за что И.Юшка, возвращая книгу, выражал ему "чувствительнейшую благодарность" (см. письмо [3] от 17. VIII 1856 г.).

⁷ И.Юшка имеет в виду, вероятно, свой труд по литовской диалектологии, над которым он работал и позднее и который увидел свет первоначально на литовском и русском языках под названием "Are kalbas lėtuviszko lėžuvo" ("О говорах литовского языка") в "Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматик", т. V, 1861. В том же году вышло и отдельное издание этого труда под названием "Kalbos lėtuviszko lėžuvo ir lėtuviszkas statraszimas arba ortografija" (Peterburge, 1861). Этот труд И.Юшка неоднократно упоминает и в последующих письмах, сообщая И.И.Срезневскому о ходе работы над ним.

⁸ "Ожидаемые образцы" - материалы литовского языка, которые И.Юшка ожидал получить скорее всего от своего брата, А.Юшки, жившего в это время уже в Пущалотах, близ г.Паневежиса.

⁹ Из этого следует, что осенью 1856 г. И.Юшка занимался и подготовкой к экзамену (вероятно, магистерскому). Едва ли могут быть сомнения в том, что мысль о подготовке И.Юшки к экзамену исходила от И.И.Срезневского или во всяком случае была им поддержана. Из ранее посланных И.Юшкой писем И.И.Срезневскому хорошо видно, что во время пребывания русского слависта летом 1856 г. в Новгороде между ними установились теплые отношения. Мысль об экзамене и могла явиться во время их встреч и бесед в Новгороде. Упоминание об экзамене находим и в письме [12] от 19.II 1857 г., из которого можно заключить, что И.Юшка готовился к экзамену, вероятно, по славянской филологии.

¹⁰ Поверх начала письма другою рукою написано: "Заметки о свойствах литовского языка. И.В.Юшкевич". Эта запись сделана, вероятно, в связи с сообщением И.И.Срезневского о труде И.Юшки на заседании Отделения русского языка и словесности. Ср. примечание 11.

¹¹ Получив начало работы И.Юшки, И.И.Срезневский сразу же сообщил о ней на заседании Отделения русского языка и словесности, состоявшемся в том же месяце (ноябре). В "Извлечении из протоколов Второго отделения императорской Академии наук за ноябрь месяц/1856 года" по этому поводу отмечено, что получены "от учителя Новгородской гимназии В.И. [так!] Юшкевича заметки о свойствах литовского языка. Г.Юшкевич в письме к академику И.И.Срезневскому сообщает, что в статье своей он пользовался трудами г.г.Шлейхера и Куршата и отступал от них только в означении произношения, основываясь в этом случае на нынешнем народном говоре. Источниками для него служили ему: 1) несколько песен и сказок, списанных со

слов простолодинов в окрестностях м. Крож, где литовцы говорят чистым жемайтским или жмудским говором, 2) песня о королеве Бируте на жемайтском наречии, относящаяся к местности в середине Жмуди, 3) сочинения епископа Волончевского и г. Довконта, писанные по-жемайтски, 4) грамматика г. Шлейхера и сочинения Нессельмана и Куршадта для прусско-литовского говора, 5) сказки и песни на собственном литовском говоре, записанные в окрестностях Поневежа. Говор же, употребляемый литовцами по побережьям реки Немана, известен г. Юшкевичу с малолетства как родной язык" (см. "Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности", т. V, стр. 382). Как видим, протокольная запись почти дословно передает текст соответствующего письма Й.Юшки.

¹² Это первое упоминание о "корнеслове литовского языка", который Й.Юшка впоследствии неоднократно упоминает в письмах И.И.Срезневскому, свидетельствует, что он в 1856 г. уже работал над составлением "корнеслова" и к концу года уже "собрал до 600 литовских слов".

¹³ Письма [10] и [9] датированы одним и тем же днем: 8 декабря 1856 г. Первым было написано, за исключением последнего абзаца, письмо [10] еще до получения Й.Юшкой сообщения о смерти матери И.И.Срезневского. Последний абзац, начиная со слов "С высочайшим уважением...", Й.Юшка дописал позже (теми же чернилами, какими написано и письмо [9]), после того, как он прочитал письмо с опечалившим его известием. Не желая совмещать в одном письме свое соболезнование по поводу постигшего И.И.Срезневского горя с сообщением о своих научных занятиях, Й.Юшка и отправил (вероятно, одновременно) оба эти письма*.

* Остальные письма Й.Юшки к И.И.Срезневскому, хранящиеся в ЦГАЛИ, будут опубликованы в очередном выпуске балто-славянских исследований.

М.В. Н и к у л и н а

ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ В ПИСЬМАХ
СТ.МЛАДЕНОВА К А.А.ШАХМАТОВУ. 1910-1914 ГГ.

Начало переписки Ст.Младенова, в то время доцента кафедры истории болгарского языка Софийского университета, с известным русским языковедом А.А.Шахматовым относится к 1910 г. В Архиве АН СССР в фонде А.А.Шахматова (ф. 134, оп. 3, ед. хр. 997) находится девять писем Ст.Младенова¹, позволяющих судить о характере этой переписки и о вопросах, затрагиваемых в ней. Ст.Младенов не был лично знаком с А.А.Шахматовым. В 1904-1905 гг. молодой ученый был направлен в научную командировку в университеты Вены, Парижа, Праги и Петербурга. В Петербургском университете он слушал лекции А.И.Соболевского, П.А.Лаврова, С.К.Булича, а также И.А.Бодуэна де Куртене, дружеские отношения с которым продолжались и в дальнейшем. Именно по совету И.А.Бодуэна де Куртене он обратился с письмом к А.А.Шахматову (от 10/XI 1910 г.), в котором спрашивал его мнение о возможности полного издания "Зайковского святогорского требника" в "Сборнике ОРЯС АН", одним из редакторов которого был А.А.Шахматов. К письму были приложены отрывки из требника и оттиск уже опубликованной работы Ст.Младенова об этом среднеболгарском памятнике XIII в., в которой был сделан анализ языковых особенностей требника². И хотя издание этой работы в "Сборнике ОРЯС" не было осуществлено, переписка ученых продолжалась. Особенно их сблизил интерес к этимологическим исследованиям. Ст.Младенов был одним из первых болгарских этимологов и заявил о себе как о языкеводе-этимологе уже в работе 1908 г. "Древние герман-

¹ В архиве Ст.Младенова в Болгарии (Научный архив при Болгарской АН, № 154) имеются письма А.А.Шахматова. См.: Ц. А н т о - в а и А. Л е в и. Архивният фонд на Стефан Младенов. "Известия на Научния архив", кн. 4. София, 1968, стр. 143-157; Л. К о с т а д и н о в а, П. С в и р а ч е в. Към историята на руско-българските научни отношения през XIX-XX век. (По неопубликувани материали от личните фондове на Архива при БАН). "Списание на БАН", № 2-3, 1972, София, стр. 123.

² Ст. М л а д е н о в. Зайковски светогорски требник. "Периодическо списание на Българското книжно дружество", XXII, кн. 71, св. 3-4, София, 1910, стр. 155-205.

ские элементы в славянских языках"³. В ней он подверг тщательному этимологическому анализу более 220 слов, ранее считавшихся германскими заимствованиями в славянских языках. Труд его был высоко оценен научной критикой⁴. В 1909-1914 гг. Ст.Младенов поместил ряд статей, посвященных славянской этимологии и сравнительно-историческому языкознанию, в "Русском филологическом вестнике" (1909, LXII, № 3-4; 1910, LXIII, № 2; 1911, LXV, № 2; 1914, LXXI, № 2). В 1912 г. по просьбе А.А.Шахматова (письмо от 10/I 1912 г.) Ст.Младенов прислал в "Известия ОРЯС АН" статью "Самоедского ли происхождения славянское существительное *bara*", где дал исчерпывающую этимологию слова в сопоставлении с его греческими, кельтскими и древнеиндийскими соответствиями⁵. Публиковались этимологические работы Младенова и в журнале И.В.Ягича "Archiv für slavische Philologie".

Письма Ст.Младенова А.А.Шахматову, предлагаемые в данной работе, касаются главным образом вопросов славянской этимологии и в некоторой степени показывают сам процесс работы ученого над исследованием славянских параллелей. Соглашаясь в некоторых случаях с предложенными А.А.Шахматовым этимологиями, в других случаях Ст.Младенов дает свое толкование происхождения и родства слов. Он пишет: "Объяснения, которые Вы приводите для славянских *bojarinъ*, *braga*, *jakъ*, *kobъ*, *leđa* и т.д. будут приняты, вероятно, с одобрением. Только в отношении *tatъ*, которое обычно связывается с древнеиндийским *tāyúś*, *sluga* < от корня *sluchъ*, *kotъ*, *kotъсь*, которое сравнивается с древнеиранским *kata-* 'дом', и некоторых других, можно спорить. Я, по крайней мере, ожидал бы и для них таких же интересных подробностей, какие имеются для *bojarinъ* и *braga*"⁶.

³ В 1909 г. эта работа была дополнена Ст.Младеновым и опубликована в "Сб. за народни умотворения, наука и книжнина", XXV, кн.2, София, 1909, стр. 1-155.

⁴ Список этих рецензий и краткие аннотации к ним см. в кн.: Е.Д. М и х а й л о в а. Стефан Младенов. Библиографски принос. София, 1956, стр. 29.

⁵ См. ИОРЯС, т. XVII, СПб., 1912, стр. 228-247.

⁶ Полностью это письмо опубликовано в сб.: "Документы к истории славяноведения в России". М.-Л., 1948, стр. 329-330. (В данном случае речь идет о работах А.А.Шахматова "Zu den ältesten keltisch-slavischen Beziehungen". - ASlPh, 33, 1911, стр. 51-99, и "К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях", I-II. - "Известия Росс. АН", Петербург, 1911, № 9-10, стр.707-724, 791-812).

к некоторым из своих ранних этимологий, упоминаемых в письмах, Ст.Младенов неоднократно возвращался в своей работе, с каждым разом углубляя и тщательнее обосновывая происхождение и родство слов. Это относится к таким словам, как *болярин* (см.: "Към етимологичното обяснение на думата болярин". - "Юбилеен сборник, издаден по инициативата на Юридическия факултет при Софийския университет в чест на С.С.Бобчев по случай 50-та му научна, публицистична и обществена дейност". София, 1921, стр. 109-116; "Болярин или болярин". - "Сборник в чест на С.С.Бобчев". София, 1921, стр.97-100), *котъ*, *котъсь* (см.: "Славянские этимологии". - РФВ, LXV 1911, № 2, стр. 361-370), *вода* (см.: "Български културни думи от старинен индоевропейски произход". - "Списание на Българското иконом. дружество", XXV, 1926, кн. 1-2. стр. 73-80; "Albanisch und Thraako Illyrisch (Kritische Bemerkungen zu einer vermeintlichen Streitfrage)". - "Balkan-Archiv", IV, 1928, стр. 181-194); *ярка* (см. "Етимологични бележки". - "Списание на БАН", VI, 1913, кн. 4, стр. 73-100); *мога* и др., позднее вошедшие в "Этимологический словарь" Ст.Младенова, который явился первым опытом составления болгарского этимологического словаря⁷.

Ниже мы приводим полный текст двух писем Ст.Младенова А.А.Шахматову (1912 и 1914 гг.)⁸. Письма публикуются впервые и содержат кроме данных научного характера некоторые биографические сведения, например, касающиеся пребывания Ст.Младенова в плену на острове Трикери в Греции в 1913 г.

№ 1

Високоуважаеми госп [одине] Шахматов!
Едва днес изпълням обещанието, което Ви дадох още миналата есен в отговор на Вашата любезна покана да пратя някоя своя работа за "Известията" на Академията. Моят руски език е, както ще видите, в много отношения неправилен и негладък, и аз съм принуден да Ви моля да поправите всичко, което е повече български казано, отколкото руски. Аз зная добре, че злоупотребям с Вашето гостоприемство, като се обръщам с подобна молба към Вас, но все пак се надявам, че моята разправа по въпроса за мнимия самоедски или тюрк-

⁷ Ст. М л а д е н о в. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.

⁸ Архив АН СССР, Ленинград, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 997. Текст писем дается в современной орфографии, восстановленные слова или части слов, пропущенные автором в письме, заключены в прямые скобки. Кавычки " " заменены марровскими ' '. Подчеркивания в тексте принадлежат Ст.Младенову.

ски произход на слав. бара ще може да се напечата, след необходимите езикови поправки, в "Известията" главно поради материала, който аз изнасям с нея. Ако дори оставим на страна др.-инд. думи barbarā barbarī и barburāsh като несигурни и гр. βάρβαρος като дума с значение по-специално, пак остават на лице слав. бара 'река' и келт. ber- 'couler', съпоставление, което може би говори в полза поне на старинни келто-славянски отношения. В такъв случай с бара: *ber-, длъгъ: dliged: трагъ: брет. troad (*tragit), болг. ярка 'gallina annotina': брет. iār 'roule' и под[обни] ще трябва да се увеличи списъка Arch[iv] f[ür] sl[avishe] Phil[ologie] XXXIII 88 сл.⁹ на келтските заемки в славянските езици или на общите келто-славянски думи.

[Все пак], главната цел на моята статия ще бъде постигната, ако поне известен малък брой етимолози се усъмнят в приетата от Бернекера хипотеза, че слав. бара е българска-"утрофинска" дума и стои в свързка с самоед. bāge¹⁰. Обстоятелството пък, че сам Бернекер привежда редом с славянските думи и албан. beḡāk, чисто е не може да се обясни от славянското a, ще помогне може би да не се отхвърля обличението с предложените от мене думи, чието вокализъм именно и показва индо-европ [ейски] отглас ē : ō.

Приемете, Високоуважаеми господ [ине] Шахматов, уверение в дълбоката ми към Вас почит.

Мюнхен, 8/21 юний 1912

Ст.Младенов.

St. Annastr. 15.

Адрес за коректурите (след 1 юний ст. ст[ил]): София, Университет.

№ 2

Високоуважаеми господине професоре!

Моля Ви да ме извините, че толкова дълго време не Ви писах. Главната причина на това дълго мълчание се крие в особеното състояние, което преживяваме сега ние, българите. Лично аз бих могъл да спомена и това, че след деветмесечната война трябаше да изкарам сто деня плен в Гърция¹¹. Завърнал се от пленничество в средата

⁹ См. прим. 6. Имеется в виду список слов, данный А.А.Шахматовым на стр. 88 и след.

¹⁰ См.: М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, т.1, М., 1964, стр. 122, где также отвергается гипотеза Э.Бернекера о заимствовании из самодийских языков.

¹¹ Имеются в виду Балканские войны 1912-1913 гг. После объявления в Болгарии в сентябре 1912 г. мобилизации, в армии оказался и

на есента, аз цяла зима се канех да Ви се обадя и едва сега се на-
каних.

За първа длъжност считам да Ви благодаря, макар и доста късно, за приемането и поправката на моята статия, напечатана в Известията на Отдел[ение] за руски език и словесност. Благодаря Ви също за голямата чест, която ми направихте, като ми изпратихте отпечатащи от Вашите работи за келто-славянските, финско-келтските и финско-славянските отношения (из Archiv f[ür] sl[avishe] Phil[ologie] и Bull[etin]-a на С.Петеро[ургска] Академия¹²). Обширните рецензии на Вашите работи в последния (VI) том на краковския Rocznik Slawistyczny¹³ най-добре показват, с какъв голям интерес се следят работи от тоя род. Що се отнася до етимологичния материал, с който Вие си служите, той в голямата си част заслужа пълно признание. При някои думи може да се защитава и друго гледище, тъй напр[имер] за котъ, котъсь твърде вероятно е сродството с иран. kata-, санскр. śatant- и под[обни]. Слав. mogъ, mogъль може да бъде сродно с санскр. mañ-, иран. maz-, гот. magān и келт. mogo въпреки своето g вместо очаквано z в едно *moz-. Т.п. Wechsel¹⁴ на палатални и велари в езиците от satəm- група е явление твърде често, та няма защо да предполагаме непременно късно влияние от някой език на групата centum-Sprachen. (...) ¹⁵ санскр. има gōśatē 'er leuchtet', иран. raōśah- 'glanz, Licht', слав. luśь редом с санскр. rūsant- 'lichtfarbig'. И слав. кашу, лит. akmū редом с санскр. āśman-, слав. *čerda (črēda) čereda и т[ъи] н[ататък], лит. keĩdžius редом с санскр. sārdhas и под[обни] би трябало да дължат своите непалатални звукове на чуждо влияние. Не бихме ли отишли предалеко с такива хипотези? Теорията за вариацията на корените мене повече ми харесва. Персоновите нови "Beiträge zur indogermanischen Wortforschung"¹⁶ ме карат да

Ст.Младенов. В одном из писем А.А.Шахматову он сообщает свой новый адрес: Подпоручику Стефану Младенову, 3-й пехотный полк, 7-я рота. Судя по штемпелю, письмо было отправлено в декабре 1912 г.

¹² См. прим. 6.

¹³ Имеются в виду следующие рецензии: К.В и г а . Kann man Kelten Spuren auf baltischen Gebiet nachweisen? -RS, 6, 1913, стр. 1-38; М.В а с м е р . Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie. - RS, 6, 1913, стр. 172-214.

¹⁴ Изменение (нем.).

¹⁵ Одно слово в подлиннике неразборчиво.

¹⁶ Имеется в виду работа П.Персона "Beiträge zur indogermanischen Wortforschung" ("Skrifter utgifna of Kungl. Humanist. Vetem-

мисля, че в индоевропейската фонетика има много повече разнообразие, отколкото ние обикновено си мислим, като стоим под впечатлението от трудовете на немските лингвисти, които сякаш всичко искат да поставят в неизменни рамки. Ала и един Брутман Grundriss I² 545-547 признава неволно вариацията¹⁷.

Като оставим на страна случаите от рода на котѣсъ, мого и под[обни], към Вашия списък на келто-славянските общи думи или заемки биха могли да се прибавят и някои други. За слав. tragъ Ви писах по-рано¹⁸ и Вие ми съобщихте, че и академ[ик] Корш Ви говорил за тая дума и нейното келтско съответствие. В Archiv f[ür] sl[avische] Phil[ologie] XXXIV 400 - 1 аз съпоставям слав. tichъ, utěcha с ирл. toisc, ако желанието 'wunsch' е по-старинно¹⁹.

И към Вашите финско-арийски съпоставления би могло да се прибави доста. В Вашата книга аз съм си направил напр[имер] на стр. 795 такива бележки: фин. vete-, мордов. v'ed', мадж. viz, вог. bit 'вода' etc. - индоевроп. *ved- фриг. βέβυ (армен. get 'peka', слав. voda etc.) из Szinyei Finnugrische Sprachwissenschaft, p. 20. Навярно не е безинтересно и фин. maksu 'Bezahlung' - армен. maksavor 'мытарь', фин. kirja 'Buch', kirje 'Brief' - армен. gir (k) (зап. арм. kir (kʰ) 'Schrift', girk' в т.ч. grabar die heilige Schrift, αἱ γραφαί), фин. huuto 'Ruf', huutaa 'rufen' - санскрит. hāvatē 'er ruft', hava gam, иран. zavana- 'Ruf, anrufen' и под[обни]. С найголямо удоволствие бих изнесъл тези мои бележки в една рецензия на Вашите статии, която бих предложил за напечатване на Вашата Академия, но не знам, да ли биха представляли интерес тези бележки.

skaps-Samfundet i Uppsala", Bd. 10. Uppsala, 1912). Разборю этой работы шведского ученого посвящена статья Ст.Младенова "Eine Bemerkung zu Perssons Beiträgen zur indogermanischen Wortforschung". - "Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen". XLVII, Götttingen - Berlin, 1916, 1-2, стр. 190.

17 K. B r u g s a n n , B. D e l b r ü c k . Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, I-V. Strassburg, 1897 - 1916 (2 aufl.).

18 См. сб. "Документы к истории славяноведения в России" стр. 329. Письмо Ст.Младенова к А.А.Шахматову от 11(24)/XI 1911 г. (прим. 6).

19 Ст.Младенов имеет в виду свою работу "Zur slavischen Wortforschung", II, в которой он дает этимологии слов tichъ, utěcha и др. (ASlPh, 34, 1913, стр. 385-401). Эта работа является продолжением статьи, помещенной в ASlPh, 33, 1912, стр. 7-19.

Извинете ме, че ще си позволя да Ви запитам и за съдбата на високоуважаемия проф. И.А.Бодуен де Куртене. Неотдавна четох в Милюковата "Речь"²⁰, че Иван Александрович бил съден и осъден на затвор заради "опасни" някакви мисли, изказани от него²¹. Аз не мога да повярвам, че и руските съдии са обхванати от охранителски мисли и че руската държава може да бъде застрашена от изследванията и мненията на един стар учен. Но Ив[ан] Александрович е поляк, па и католик! Пишете ми, ако обичате и имате време, за това дело. Ние тук всички сме потресени от съобщението на "Речь".

Приемете, високоуважаеми господине, уверение в дълбоката ми към Вас почит. София, 8 април 1914.

Стэф.Младенов
Ул. Патр.Евтимий 23.

20 "Речь", русская реакционная газета, центральный орган конституционно-демократической партии. СПб., 1906-1917; ред. П.Н.Милюков.

21 За издание работы "Национальный и территориальный признак в автономии" (1913 г.) И.А.Бодуэну де Куртене было предъявлено обвинение в антигосударственной деятельности. Он был осужден и провел несколько месяцев в петербургской тюрьме "Кресты". См.: И.А. Бодуэн де Куртене. (К 30-летию со дня смерти М., 1960, стр. 24-25.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В.Н. Т о п о р о в. Об индоевропейских соответствиях одному балтийскому мифологическому имени. (Балт. Puš(k)ait=: др.-инд. Pūṣán, др.-греч. Πάυ)...	3
Ж.Ж. В а р б о т. Этимологические заметки	37
Б.Л. О г и б е н и н. И.-е. *leu(н)- в среднеиндийском и его балтийские связи	49
В.А. Д ы б о. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. I. Именная акцентуация	67
В.В. И в а н о в. Реконструкция общепалтийских синтаксических структур	106
В.Н. Ч е к м а н. О рефлексах индоевропейских k̃, g̃, в балто-славянском языковом ареале	116
З. З и н к я в и ч ю с. К вопросу о литовско-польских языковых контактах по данным антропонимии г. Вильнюса начала XVII в.	136
А.П. Н е п о к у п н ы й. Лингвогеографические связи литовских и белорусских форм названий г. Дятлово и его окрестностей	144
Л.Г. Н е в с к а я. Балтийские названия болот в сопоставлении со славянскими. (Семасиологические наблюдения)	155
Б. Л а у м а н е. Латышско-русско-белорусско-польские лексические контакты по материалам Диалектологического атласа латышского языка	183
Э. К а г а й н е. О некоторых особенностях славянских заимствований в говорах северной Видземе	206
Т.М. С у д н и к. Из морфологических наблюдений над говорами литовско-славянского пограничья	215
А.Б. Б р е й д а к. Смягчение согласных и некоторые вопросы исторической морфологии говоров Латгалии	220
М.И. Л е к о м ц е в а. К типологической характеристике фонологических систем диалектов латышского языка	227
Г.К. В е н е д и к т о в. К истории литуанистики в России. (Письма И. Юшки к И.И. Срезневскому)	242
М.В. Н и к у л и н а. Вопросы славянской этимологии в письмах Ст. Младенова к А.А. Шахматову. 1910-1914 гг.	257

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Н.Н. Барская. Технический редактор Е.К. Полукарова

Подписано к печати 28/XI-74 г. Усл. печ. л. 16,5 + вкл. 0,25. Уч.-изд. л. 18,3.

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Тираж 1650 экз. Тип. зак. 4464

Цена I руб. I4 коп. Книга издана офсетным способом

Издательство "Наука", 103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21

1-я типография издательства "Наука". 199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

1 р. 14 к.